

ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.К. АММОСОВА. VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Том 22 № 3. 2025. Валовый номер: 101.

16+

Научный журнал
Периодическое издание
Издается с 2004 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

Журнал включен в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по филологическим наукам

Целью научного журнала является освещение результатов научных исследований преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов и соискателей ученых степеней доктора и кандидата наук, российских и зарубежных ученых в области биологических, физических и филологических наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 27, кабинет 508

Тел./факс: +7 (4112) 40-38-75

Северо-Восточный федеральный университет

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс Округ» 47182

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67401 выдано 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

© Северо-Восточный федеральный университет, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. Н. Николаев*, д. б. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Заместитель главного редактора: *Т. Н. Пермякова*, к. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Ответственный секретарь: *М. В. Куличкина*, СВФУ, Якутск, Россия.

Члены редакционной коллегии:

Филологические науки:

А. Е. Агманова, д. филол. н., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан;
А. Н. Варламов, д. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *Л. С. Дампилова*, д. филол. н., ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, Россия; *Е. Н. Дмитриева*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия;
Н. И. Иванова, д. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *Е. А. Иванышина*, д. филол. н., Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия; *В. В. Красных*, д. филол. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Н. В. Малышева*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. Ю. Михальченко*, д. филол. н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., ИЯЛИ Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия; *Мнош Кизитус Н.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *А. А. Петров*, д. филол. н., РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Д. Раднаева*, д. филол. н., Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., НИИ Кулаковского, СВФУ, Якутск, Россия; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Е. Э. Хабунцова*, д. филол. н., ИКФВ, КалмГУ, Элиста, Россия; *Л. М. Хусаинова*, д. филол. н., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия.

Физические науки:

С. В. Алексеев, д. ф.-м. н., Институт теплофизики СО РАН, Новосибирск, Россия; *С. В. Дмитриев*, д. ф.-м. н., Уфимский ФИЦ РАН, Уфа, Россия; *Д. Г. Квашинин*, д. ф.-м. н., Институт биохимической физики им. Н.М. Эмануэля РАН, Москва, Россия; *Кол Гай Р.*, PhD, Университет Бэртау, Республика Камерун; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *Л. Т. Ксенофонтов*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *А. А. Лагутин*, д. ф.-м. н., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; *И. М. Лебеденко*, д. б. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *С. Н. Мамаева*, к. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. В. Мишин*, д. ф.-м. н., ИСЗФ СО РАН, Иркутск, Россия; *Н. Г. Мусакаев*, д. ф.-м. н., Тюменский филиал ИТПМ СО РАН, Тюмень, Россия; *Б. Я. Наркевич*, д. т. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Д. В. Николаев*, к. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Д. А. Розаткин*, д. т. н., ГБУЗ МО МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского, Москва, Россия; *И. И. Рожин*, д. т. н., ИПНГ СО РАН, Якутск, Россия; *В. В. Розанов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Н. А. Саввинова*, д. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *А. С. Самардак*, д. ф.-м. н., Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия; *А. С. Семенов*, д. ф.-м. н., СВФУ, Мирный, Россия; *А. Е. Степанов*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *Д. А. Таюрский*, д. ф.-м. н., Казанский федеральный университет, Казань, Россия; *Ай. М. Тимофеев*, д. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Ан. М. Тимофеев*, д. т. н., ИФТПС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Якутск, Россия; *А. П. Черняев*, д. ф.-м. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия.

Биологические науки:

А. И. Ануфриев, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *А. В. Артемьев*, д. б. н., Карельский научный центр РАН, Петрозаводск, Россия; *Л. Г. Вартапетов*, д. б. н., ИСиЭЖ СО РАН, Новосибирск, Россия; *В. В. Величенко*, д. б. н., НИИПЭС, СВФУ, Якутск, Россия; *Бу Сок Хванг*, PhD, Фонд биотехнологических исследований Soom, Южная Корея; *Н. И. Гермогенов*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Н. С. Данилова*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Т. В. Денисова*, д. б. н., Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; *Э. Н. Елаев*, д. б. н., Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия; *А. Н. Журавская*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Ал. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *А. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *М. М. Ишмуратова*, д. б. н., Башкирский государственный университет, Уфа, Россия; *В. Е. Колодезников*, к. б. н., СВФУ, Якутск, Россия; *И. М. Лебеденко*, д. б. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Г. В. Максимов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Миссон Алан Д.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *И. И. Мордосов*, д. б. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Б. Я. Наркевич*, д. т. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Е. Г. Николин*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *В. В. Розанов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Санг-Ву Ким*, PhD, Пусанский национальный университет, Южная Корея; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Тозе Флавиан А.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *А. П. Черняев*, д. ф.-м. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия; *М. М. Черосов*, д. б. н., ЯНИИСХ ЯНЦ СО РАН, Якутск, Россия.

VESTNIK
OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Vol. 22 No. 3. 2025. Gross number: 101.

Academic periodical

Published since 2004

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“M.K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The periodical is included in the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on Philological Studies

The aim of the scientific journal is to highlight the results of scientific research of university professors, employees, doctoral students, post-graduate students, undergraduates and applicants for doctoral and Ph.D. degrees, as well as Russian and foreign scientists in the fields of biological, physical, philological sciences.

The periodical is included into the system of Russian Index of Science Citation (RISC)

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinsky str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia,
677000

Editorial office address: NEFU, 508 office, 27 Oyunsky str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia,
677027

Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Subscription index in the “Ural-Press Okrug” catalogue 47182

Accreditation certificate ПИ № ФС77-67401 on October, 13, 2016 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

© North-Eastern Federal University, 2025

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Dr. Sci. (Biology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Deputy Chief Editor: *T. N. Permyakova*, Cand. Sci. (Philology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Executive Editor: *M. V. Kulichkina*, NEFU, Yakutsk, Russia.

Philological sciences:

A. E. Agmanova, Dr. S. in Philol., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; *A. N. Varlamov*, Dr. S. in Philol., IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *L. S. Dampilova*, Dr. S. in Philol., IMBTS SB RAS, Ulan-Ude, Russia; *E. N. Dmitrieva*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *N. I. Ivanova*, Dr. S. in Philol., IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *E. A. Ivanshina*, Dr. S. in Philol., Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia; *V. V. Krasnykh*, Dr. S. in Philol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *N. V. Malysheva*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. Yu. Mikhhalchenko*, Dr. S. in Philol., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia; *L. Kh. Mukhametzyanova*, Dr. S. in Philol., ILLA of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia; *K. N. Mpoche*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *A. A. Petrov*, Dr. S. in Philol., Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia; *L. D. Radnaeva*, Dr. S. in Philol., Buryat State University, Ulan-Ude, Russia; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. S. in Philol., Institute of A. E. Kulakovskiy, NEFU, Yakutsk, Russia; *G. G. Philippov*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *E. E. Khabunova*, Dr. S. in Philol., Institute of Kalmyk Philology and Eastern Studies B.B. Gorodovikov KSU, Elista, Russia; *L. M. Khusainova*, Dr. S. in Philol., M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia.

Physical sciences:

S.V. Alekseenko, Dr. S. in Phys. & Math., IT SB RAS, Novosibirsk, Russia; *S.V. Dmitriev*, Dr. S. in Phys. & Math., UFRS RAS, Ufa, Russia; *D.G. Kvashnin*, Dr. S. in Phys. & Math., N.M. Emanuel IBCP RAS, Moscow, Russia; *G. R. Kol*, PhD, University of Bertoua, Bertoua, Cameroon; *G. F. Krymskiy*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *L. T. Ksenofontov*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. A. Lagutin*, Dr. S. in Phys. & Math., Altai State University, Barnaul, Russia; *I. M. Lebedenko*, Dr. S. in Biol., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *S. N. Mamaeva*, Cand. Sc. Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. V. Mishin*, Dr. S. in Phys. & Math., ISTP SB RAS, Irkutsk, Russia; *N. G. Musakaev*, Dr. S. in Phys. & Math., TumD of ITAM SB RAS, Tumen, Russia; *B. Ya. Narkevich*, Dr. S. in Tech., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *D. V. Nikolaev*, Cand. S. Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *D. A. Rogatkin*, Dr. S. in Tech., M.F. Vladimirovskiy MRRCI, Moscow, Russia; *I. I. Rozhin*, Dr. S. in Tech., IOGP SB RAS, Yakutsk, Russia; *V. V. Rozanov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *N. A. Savvinova*, Dr. S. in Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *A. S. Samardak*, Dr. S. in Phys. & Math., Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia; *A. S. Semenov*, Dr. S. in Phys. & Math., NEFU, Mirny, Russia; *A. E. Stepanov*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *D. A. Taiurskiy*, Dr. S. in Phys. & Math., Kazan Federal University, Kazan, Russia; *Ai. M. Timofeev*, Dr. S. in Phys. & Math., IPT NEFU, Yakutsk, Russia; *An. M. Timofeev*, Dr. S. in Tech., IPTPN SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. P. Chernyaev*, Dr. S. in Phys. & Math., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia.

Biological sciences:

A. I. Anufriev, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. V. Artemyev*, Dr. S. in Biol., KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia; *L. G. Vartapetov*, Dr. S. in Biol., ISEA SB RAS, Novosibirsk, Russia; *V. V. Velichenko*, Dr. S. in Biol., IAEN, NEFU, Yakutsk, Russia; *Woo-Suk Hwang*, PhD, SOOAM Biotech Research Foundation, Seoul, Republic of Korea; *N. I. Germogenov*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *N. S. Danilova*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *T. V. Denisova*, Dr. S. in Biol., SFU, Rostov-on-Don, Russia; *E. N. Elaev*, Dr. S. in Biol., Buryat State University, Ulan-Ude, Russia; *A. N. Zhuravskaya*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *Al. P. Isaev*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *Ark. P. Isaev*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *M. M. Ishmuratova*, Dr. S. in Biol., Bashkir State University, Ufa, Russia; *V. E. Kolodeznikov*, Cand. S. in Biol., NEFU, Yakutsk, Russia; *I. M. Lebedenko*, Dr. S. in Biol., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *G. V. Maksimov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *A. D. Missoup*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *I. I. Mordosov*, Dr. S. in Biol., NEFU, Yakutsk, Russia; *B. Ya. Narkevich*, Dr. S. in Tech., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *E. G. Nikolin*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *V. V. Rozanov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *Sang-Woo Kim*, PhD, Busan National University, Busan, Republic of Korea; *A. N. Tikhonov*, Cand. S. in Biol., Zoological Institute of the RAS, Saint-Petersburg, Russia; *F. A. Toze*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *A. P. Chernyaev*, Dr. S. in Phys. & Math., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *M. M. Cherosov*, Dr. S. in Biol., YSRIA YSC SB RAS, Yakutsk, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Романов А. А. Миграции воробьеобразных на плато Путорана..... 7

ФИЗИЧЕСКИЕ НАУКИ

Давлетбаков А. А., Бабичева Р. И., Семёнова М. Н., Корзникова Е. А. Анализ влияния ближнего порядка на механизмы деформации при сдвиге высокоэнтропийных сплавов TiNbZrV и TiNbZrHf..... 23

Павлов А. Н., Мамаева С. Н., Винокуров П. В., Максимов Г. В. Исследование эритроцитов крови пациентов с диагнозом рак шейки матки в ходе лучевой терапии методом спектроскопии комбинационного рассеяния..... 37

Popov I. P. Quantum of magnetic flux due to electron spin..... 48

Федоров А. Г., Жондорова Л. Л., Федорова Л. К. Методы оценки и анализа разрешающей способности цифровых голографических микроскопов..... 55

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Исаков А. В., Модорова А. П. Исторический нарратив в литературе народов Сибири 1940–1980-х гг.: присоединение к России как миф основания..... 70

Ковалёва Е. А. Мотивная и архетипическая структура сказки Э. Баторовой «Дракон дедушки Пусуу»..... 85

Laiche Souhila. Power dynamics and forms of address in Algerian and Russian academic discourses..... 98

Либба Е. А. Дискурсивные стратегии в грекофильском дискурсе как лингвофилософский феномен в герменевтической практике..... 109

Малинникова Ю. В. Когнитивные и эколингвистические аспекты фрейма «растение» в научно-фантастическом дискурсе в романе Sue Burke “Semiosis”..... 119

Нгуен Хьу Тьинь, Нгуен Суан Хоа, Нгуен Нгок Тьинь, Фам Зыонг Хонг Нгок. Передача семантического содержания русского вида в изолирующем языке..... 132

Самсонова Л. Н. Лексико-семантические и структурно-грамматические характеристики эргонимов г. Якутска..... 148

Слепцова Г. Н. Наименования мер длины – компоненты фразеологизмов, пословиц и поговорок в якутском, русском и английском языках..... 161

Соловьев А. Г. О соотношении свёрнутых и развёрнутых пропозиций в текстах немецкоязычных баннеров футбольных фанатов..... 170

Ухтомская Л. А. «Труды и дни Свистонова» Константина Вагинова: два автора и два их нарратива.. 184

Хужахметов А. О. SWOT-анализ антропологического образа башкира в художественной литературе.. 192

Шмигельская Н. А. Манипулятивные тактики и языковые средства их реализации в политическом пропагандистском медиадискурсе Дональда Трампа..... 207

Яковлева Л. А., Евтухова А. М. Лингвокультурные особенности русских и эвенкийских гидронимов Южной Якутии..... 220

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

Жондорова Г. Е. Русистика в СВФУ: вехи пути. К 80-летию С. М. Петровой..... 232

Сивцева Н. А. Сообщение о Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы лексической и грамматической семантики», посвященной 75-летию со дня рождения доктора филологических наук Николая Николаевича Ефремова..... 238

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

<i>Romanov A. A.</i> Migrations of Passeriformes on the Putorana Plateau.....	7
---	---

PHYSICAL SCIENCES

<i>Davletbakov A. A., Babicheva R. I., Semyonova M. N., Korznikova E. A.</i> Analysis of short-range ordering effect on shear deformation mechanisms of high-entropy alloys TiNbZrV and TiNbZrHf.....	23
<i>Pavlov A. N., Mamaeva S. N., Vinokurov P. V., Maximov G. V.</i> The study of erythrocytes in cervical cancer patients during radiation therapy using Raman spectroscopy.....	37
<i>Понос И. П.</i> Квант магнитного потока, обусловленный спином электрона.....	48
<i>Fedorov A. G., Zhondorova L. L., Fedorova L. K.</i> Method for estimating and analyzing the resolution of digital holographic microscopy.....	55

PHILOLOGICAL STUDIES

<i>Isakov A. V., Modorova Ai-T. P.</i> Historical narrative in the literature of the peoples of Siberia in 1940–1980s: the annexation to Russia as a foundation myth.....	70
<i>Kovaleva E. A.</i> Motif and archetypal structure in Erzhen Batorova’s fairy tale “Grandpa Pusuu’s dragon”... 85	
<i>Лайиу Сухила.</i> Динамика власти и языковая вежливость: формы обращения во взаимодействии учителей и учеников в алжирских и русских классах.....	98
<i>Libba E. A.</i> Discursive strategies in the Graecophilian discourse as a linguo-philosophical phenomenon in hermeneutic practices.....	109
<i>Malinnikova Yu. V.</i> Cognitive and ecolinguistics aspects of the “plant” frame in science fiction discourse in Sue Burke’s novel “Semiosis”.....	119
<i>Nguyen Huu Chinh, Nguyen Xuan Hoa, Nguyen Ngoc Chinh, Pham Zyong Hong Ngoc.</i> The conveying of semantic content of the Russian aspect in an isolating language.....	132
<i>Samsonova L. N.</i> Lexical-semantic and structural-grammatical characteristics of ergonyms in Yakutsk.....	148
<i>Sleptsova G. N.</i> Names of length measures – components of phraseological units, proverbs and sayings in Yakut, Russian and English.....	161
<i>Solovyov A. G.</i> On the ratio of folded and expanded propositions in the texts of german-language soccer fan banners.....	170
<i>Ukhtomskaya L. A.</i> “The Works and Days of Svistonov” by Konstantin Vaginov: two authors and their two narratives.....	184
<i>Khuzhakhmetov A. O.</i> SWOT analysis of the anthropological image of the Bashkir in fiction.....	192
<i>Shmigelskaya N. A.</i> Manipulative tactics and linguistic means in political propaganda media discourse of Donald Trump.....	207
<i>Yakovleva L. A., Evtukhova A. M.</i> Linguocultural characteristics of Russian and Evenki hydronyms in South Yakutia.....	220

DATES, EVENTS, ANNIVERSARIES

<i>Zhondorova G. E.</i> Russian Studies at NEFU: Milestones of the Path. To the 80 th anniversary of Svetlana M. Petrova.....	232
<i>Sivtseva N. A.</i> A review of the All-Russian scientific and practical conference “Current problems of lexical and grammatical semantics” dedicated to the 75 th anniversary of the birth of Doctor of Philological Sciences Nikolay Nikolaevich Efremov.....	238

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 598.2

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-7-22>

Оригинальная научная статья

Миграции воробьеобразных на плато Путорана

А. А. Романов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

г. Москва, Российская Федерация

✉ putorana05@mail.ru

Аннотация

Проанализированы экологическая структура и динамика сезонных миграций воробьеобразных плато Путорана. Использован метод маршрутного учета на трансектах неограниченной ширины. Плато Путорана – узел пересечения миграционных путей. Птицы летят по прибрежно-опушечной полосе вдоль рек или озер в северном, западном, восточном направлениях весной, и в южном, юго-западном, западном – осенью. Весенний пролет проходит с 22 мая по 20 июня, длится 8–17 дней, у большинства видов – 9–12 суток. На юге Путорана весенний пролет проходит в более сжатые сроки, чем на севере региона. Осенний пролет проходит с конца июля по конец августа, длится 14–31 суток, у большинства видов – 20–26. В течение всего пролета выражен более скоротечный период основного пролета, когда пролетает 70–80% особей. Плотность населения птиц весной – 231, осенью – 440 особей/км². Плотность населения максимальна на юге Путорана, минимальна на севере. Характерны существенная амплитуда ежедневных показателей обилия видов, асинхронность между фенологическими явлениями у разных видов и у особей одного вида. Ход миграций волнообразный, с 1–4 всплесками миграционной активности в сезон. Интенсивность миграции выше в дни с наиболее низкой температурой воздуха. Осенью синхронизация волн максимального пролета у родственных видов не происходит. Весной динамика пролета у родственных видов в разные годы варьирует: от полной синхронизации волн максимального пролета до абсолютного их несовпадения.

Ключевые слова: весенняя и осенняя миграции, воробьеобразные, динамика населения, пролетные волны, видовое разнообразие, численность, плато Путорана

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Романов А. А. Миграции воробьеобразных на плато Путорана. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 7–22. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-7-22

Original article

Migrations of Passeriformes on the Putorana Plateau

Alexey A. Romanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ putorana05@mail.ru

Abstract

The ecological structure and dynamics of seasonal migrations of passerines of the Putorana Plateau are analyzed. The route census method on transects of unlimited width is used. The Putorana Plateau is a junction of migration routes. Birds fly along the coastal-edge strip along rivers or lakes in the northern, western, eastern directions in spring, and in the southern, southwestern, western directions in autumn. Spring migration takes place from May 22 to June 20, lasts 8–17 days, for most species – 9–12 days. In the south of Putorana, spring migration takes place in a shorter time than in the north of the region. Autumn migration takes place from late July to late August, lasts 14–31 days, for most species – 20–26 days. During the entire migration, a more fleeting period of the main migration is expressed, when 70–80% of individuals fly. The bird population density in spring is 231, in autumn – 440 individuals/km². The population density is maximum in the south of Putorana, minimum in the north. Significant amplitude of daily abundance indices of species, asynchrony between phenological phenomena in different species and in individuals of the same species are characteristic. The course of migration is wave-like, with 1–4 bursts of migration activity per season. The intensity of migration is higher on days with the lowest air temperature. In autumn, synchronization of waves of maximum flight in related species does not occur. In spring, the dynamics of flight in related species varies in different years: from complete synchronization of waves of maximum flight to their absolute discrepancy.

Keywords: spring and autumn migrations, passerines, population dynamics, migratory waves, species diversity, numbers, Putorana Plateau

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Romanov A. A. Migrations of Passeriformes on the Putorana Plateau. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 7–22. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-7-22

Введение

Исследованы эколого-географическая дифференциация, структура и динамика населения воробьеобразных (Passeriformes) в весенний и осенний миграционные периоды. Для плато Путорана эти аспекты до сих пор изучены неудовлетворительно. Разрозненные данные о пролете птиц в отдельных пунктах этого арктического региона рассредоточены по немногочисленным монографиям и статьям [1–4]. В большинстве публикаций нет специального раздела по мигрирующим воробьеобразным, а имеющиеся сведения частично представлены лишь как элемент общей характеристики авифауны. Не проведен анализ пространственно-временных параметров миграций воробьеобразных на плато Путорана. Между тем общеизвестна актуальность определения обилия мигрантов, сроков и динамики интенсивности пролета, закономерностей формирования скоплений представителей этой группы птиц в местах миграционных остановок [5–7]. Особенно в условиях потепления климата, когда вероятны изменения пространственно-временной организации миграционных потоков. При этом на фоне почти полного отсутствия обзоров по миграциям воробьеобразных в горно-северотаежных условиях Заполярья Средней Сибири известны работы подобной направленности

по более южным равнинным территориям среднетаежного Енисея [8]. Цель работы – установить параметры и эколого-географическую структуру миграционных потоков воробьеобразных птиц в горных условиях плато Путорана.

Материалы и методы

Проанализированы оригинальные данные о сезонных миграциях воробьеобразных в пределах горно-таежного (лесного) высотного пояса плато Путорана. Леса формирует лиственница Гмелина (*Larix gmelinii* (Rupr.) Rupr.), местами с примесью березы (*Betula pendula* Roth), ели (*Picea obovata* Ledeb.). В 1988–2007 гг. учетными маршрутами охвачены 11 пунктов, в 5 из которых прослежена ежедневная динамика обилия видов (табл.).

Таблица

Пункты изучения миграций воробьеобразных на плато Путорана

Table

Study points of passerine migrations on the Putorana Plateau

Пункты наблюдений	Период наблюдений	Данные по населению птиц весной	Данные по населению птиц осенью	Часть плато Путорана	Географические координаты пункта наблюдений
Р. Аян, устье р. Хукэлчэ	09.06.–14.09.1989	–	+	С	69°55' с.ш., 94°49' в.д.
Оз. Лама, устье р. Микчангда (Рупасов, Журавлев, 2006)	15.07.–29.08.2004	–	+	С	69°36' с.ш., 90°10' в.д.
Оз. Капчук, устье р. Никита-Юрях (Морозов, 1984)	Май–сентябрь 1980 г.	–	–	С	69°27' с.ш., 91°00' в.д.
Зал. Капчуг оз. Аян	27.05.–25.08.1988	–	+	Ср	69°00' с.ш., 94°15' в.д.
Оз. Собачье, восток оз. Глубокое	16.07.–05.09.1999	–	++	Ср	69°10' с.ш., 90°50' в.д.
Оз. Кета, устье р. Амдундакта	31.05.–25.06.2004	++	–	Ср	68°41' с.ш., 90°40' в.д.
Оз. Кета, исток р. Рыбная (Кречмар, 1963)	Май–октябрь 1958, 1959, 1964 гг.	–	–	Ср	68°50' с.ш., 89°35' в.д.
Оз. Кутарамакан	01.06.–26.08.1990	–	+	Ср	68°45' с.ш., 91°50' в.д.
Р. Курейка, устье р. Ягтали	02–12.06.2006	+	–	Ср	68°22' с.ш., 94°11' в.д.
Оз. Дюпкун Курейский	20.07.–17.08.2001	–	+	Ср	68°25' с.ш., 93°00' в.д.
Оз. Харпича, исток р. Котуй	22.05.–21.06.2007	++	–	Ср	68°46' с.ш., 97°00' в.д.
Оз. Някшингда	27.05.– 29.08.1991	–	++	Ю	66°55' с.ш., 93°30' в.д.
Оз. Агата Верхняя, устье р. Агата	02–14.06.2003	++	–	Ю	67°00' с.ш., 91°59' в.д.
Р. Северная	22.07.–10.08.2003	–	+	Ю	66°40' с.ш., 91°07' в.д.

Примечание: + – наличие данных по населению птиц; ++ – наличие данных по населению и ежедневной динамике обилия птиц на модельном маршруте в течение всего пролета; С – северная; Ср – срединная; Ю – южная

Note: + – availability of data on bird population; ++ – availability of data on population and daily dynamics of bird abundance on the model route throughout the entire flight; N – northern; M – middle; S – southern

Суммарная протяженность пеших учетных маршрутов, проведенных на высотах 64–480 м над ур. м. по методике Ю. С. Равкина [9], составила 1581 км. Высоту местности определяли по приборам глобального позиционирования (GPS), а длину пройденных маршрутов – по крупномасштабным картам. Названия рек и озер приведены по топографической карте масштабом 1:500000. Авифауны сравнивали по коэффициенту фаунистической общности Серенсена [10], население птиц – по коэффициенту сходства населения [11]. Каждый из видов-доминантов составил более 10% от плотности населения птиц, а каждый из видов-субдоминантов – 1–10%. В номенклатуре мы следовали сводке Е. А. Коблика, В. Ю. Архипова [12].

Результаты и обсуждение

Фауна и население птиц миграционных периодов

В весенний миграционный период зарегистрировано 58 видов воробьеобразных, в осенний – 42 вида, что соответственно составляет 78% и 57% всего видового состава этой группы птиц плато Путорана ($n = 74$). Весной визуально проследить пролет и выявить его параметры удалось у 28 видов, осенью – у 18 видов. Все зарегистрированные осенью виды, за исключением кедровки (*Nucifraga caryocatactes* (L.)), и большинство зарегистрированных весной ($n = 49$), за исключением залетных ($n = 9$), встречаются не только в периоды сезонных кочевков и пролета, но и гнездятся в регионе исследований.

Локальные авифауны обследованных пунктов плато Путорана, где весной планомерно проводились учеты птиц, насчитывают 30–34, в среднем ($n = 4$) 31 вид. По данным ежедневных наблюдений у оз. Агата Верхняя, в 2003 г. за сутки регистрировалось 9–25, в среднем ($n = 14$) 15 видов, у оз. Кета в 2004 г. – 2–21, в среднем ($n = 12$) 12 видов, у оз. Харпича в 2007 г. – 7–22, в среднем ($n = 18$) 14 видов воробьеобразных.

Локальные авифауны пунктов, обследованных осенью, насчитывают 19–31, в среднем ($n = 8$) 25 видов. В пункте многодневных наблюдений у оз. Някшингда в 1991 г. за сутки регистрировали 6–16, в среднем ($n = 26$) 12 видов, у оз. Собачье в 1999 г. – 4–20, в среднем ($n = 25$) 13 видов.

Коэффициенты взаимной общности локальных фаун, выявленных в весенний период ($n = 4$), составляют 72–90%, в осенний ($n = 8$) – 65–88%.

Повсеместно в течение весеннего и осеннего миграционных периодов встречается 13 видов воробьеобразных, формирующих общее фаунистическое ядро: берингийская желтая (*Motacilla tschutschensis* J.F. Gmelin), горная (*Motacilla cinerea* Tunstall) и белая (*Motacilla alba* L.) трясогузки, кукушка (*Perisoreus infaustus* (L.)), ворон (*Corvus corax* L.), сибирская завирушка (*Prunella montanella* (Pallas)), пеночка-таловка (*Phylloscopus borealis* (J.H. Blasius)), пеночка-зарничка (*Phylloscopus inornatus* (Blyth)), варакушка (*Luscinia svecica* (L.)), бурый дрозд (*Turdus eunomus* Temminck), выюрок (*Fringilla montifringilla* L.), чечетка (*Acanthis flammea* (L.)), овсянка-крошка (*Ocyris pusillus* (Pallas)). На весеннем пролете одновременно в большинстве всех обследованных районов Путорана ($n = 6–8$) встречены также воронок (*Delichon urbicum* (L.)), рогатый жаворонок (*Eremophila alpestris* (L.)), краснозобый (*Anthus cervinus* (Pallas)) и гольцовый (*Anthus rubescens* (Tunstall)) коньки, желтоголовая трясогузка (*Motacilla citreola* Pallas), серая ворона (*Corvus cornix* L.), свиристель (*Bombycilla garrulus* (L.)), каменка (*Oenanthe oenanthe* (L.)), а на осеннем – малая мухоловка (*Ficedula parva* (Bechstein)), сероголовая гаичка (*Parus cinctus* Boddaert), белокрылый клест (*Loxia leucoptera* J.F. Gmelin).

Целый ряд видов встречается в миграционные периоды локально. В 1–5 пунктах плато Путорана, обследованных в период весеннего пролета, зарегистрировано 37 видов птиц: береговушка (*Riparia riparia* (L.)), лесной конек (*Anthus trivialis* (L.)),

пеночка-теньковка (*Phylloscopus collybita* (Vieillot)), малая мухоловка, азиатский черноголовый чекан (*Saxicola maurus* (Pallas)), синехвостка (*Tarsiger cyanurus* (Pallas)), белобровик (*Turdus iliacus* L.), чечевица (*Carpodacus erythrinus* (Pallas)), полярная овсянка (*Schoeniclus pallasi* (Cabanis)), лапландский подорожник (*Calcarius lapponicus* (L.)) и другие. В 1–3 пунктах плато Путорана, обследованных в период осеннего пролета, зарегистрировано 17 видов птиц: береговушка, краснозобый конек, камышевка-барсучок (*Acrocephalus schoenobaenus* (L.)), пеночка-теньковка, серая мухоловка (*Muscicapa striata* (Pallas)), азиатский черноголовый чекан, кедровка, сибирская чечевица (*Carpodacus roseus* (Pallas)), белошапочная овсянка (*Emberiza leucocephalos* S.G. Gmelin), лапландский подорожник и другие.

В весенний миграционный период выявлено максимальное число залетных видов ($n = 9$). В том числе 2 июня 1988 г. у оз. Аян и 22 мая 2007 г. у оз. Харпича отмечена деревенская ласточка (*Hirundo rustica* L.), 2 июня 1988 г. у оз. Аян – сорока (*Pica pica* (L.)), 1 июня 1999 г. у оз. Кутарамакан – грач (*Corvus frugilegus* L.), 5 июня 1990 г. у оз. Кутарамакан – горихвостка-лысушка (*Phoenicurus phoenicurus* (L.)), в марте 1990 г. на западе Путорана – ополовник (*Aegithalos caudatus* L.), 13 июня 2013 г. у оз. Кутарамакан – зяблик (*Fringilla coelebs* L.), 27 апреля 1991 г. у оз. Някшингда и 20–25 мая у оз. Собачье – снегирь (*Pyrrhula pyrrhula* (L.)), 29–31 мая 1991 г. у оз. Някшингда – обыкновенная овсянка (*Emberiza citrinella* L.), 7 июня 1984 г. на западе Путорана – дубровник (*Ocyris aureolus* (Pallas)). Позднее, в гнездовой период, регистрировалось существенно меньше единичных встреч залетных видов (полевой жаворонок (*Alauda arvensis* L.) у оз. Някшингда 28 июня 1991 г., скворец (*Sturnus vulgaris* L.) у оз. Кутарамакан 14–15 июля 1987 г.) или видов с неясным характером пребывания (у оз. Агата Верхняя зеленая пеночка (*Phylloscopus trochiloides* (Sundevall)) 9 июня 2003 г. и сибирский дрозд (*Zoothera sibirica* (Pallas)) 24 июня 2003 г.).

На осеннем пролете в некоторых пунктах встречены виды, не отмечавшиеся здесь в гнездовой период. Например, у оз. Кета 20 сентября 1959 г. отмечен серый сорокопут (*Lanius excubitor* L.) (Кречмар, 1963), у оз. Аян 1 августа 1988 г. – поползень (*Sitta europaea* L.), в долине р. Аян 1 сентября 1989 г. – синехвостка и 8 сентября 1989 г. – пеночка-теньковка, у оз. Кутарамакан 18 августа 1990 г. – белошапочная овсянка, у оз. Дюпкун Курейский в сентябре 1995–2000 гг. – кедровка.

Плотность населения воробьеобразных в весенний миграционный период 179–332, в среднем ($n = 4$) – 231 особей/км². В пунктах проведения ежедневных учетов ($n = 3$) в дни наиболее интенсивного пролета плотность населения составляла 500–594, в среднем ($n = 3$) 548 особей/км², а в дни, когда пролет только начинался или затухал, не превышала 5–66, в среднем ($n = 3$) 36 особей/км². Уровень сходства населения птиц, обследованных весной пунктов ($n = 4$) Путорана – 16–41%, в большинстве случаев (4 из 6) выше 30%.

Плотность населения воробьеобразных в осенний миграционный период 239–643, в среднем ($n = 8$) – 440 особей/км². В пунктах многодневных наблюдений в дни наиболее интенсивного пролета плотность населения составляла 420–796, в среднем ($n = 2$) 608 особей/км², а в дни, когда пролет затухал, не превышала 98–122, в среднем ($n = 2$) 110 особей/км². Уровень сходства населения птиц, обследованных осенью пунктов ($n = 8$) Путорана – 20–55%, в большинстве случаев (20 из 28) выше 30%.

В период весенних и осенних миграций в населении воробьеобразных обследованных пунктов ($n = 12$) среди доминантов или наиболее многочисленных субдоминантов 11 видов, в т. ч. берингийская желтая, желтоголовая, горная и белая трясогузки, сибирская завирушка, пеночка-таловка, пеночка-зарничка, малая мухоловка, бурый дрозд, чечетка, овсянка-крошка. На весеннем пролете в эту же

категорию видов также входят рогатый жаворонок, краснозобый и гольцовый коньки, свиристель, синехвостка, лапландский подорожник, а на осеннем – пеночка-весничка, варакушка, сероголовая гаичка, вьюрок, белокрылый клест, полярная овсянка.

Выявлена дифференциация населения воробьеобразных птиц в меридиональном направлении. Весной плотность населения сокращается с юга на север в 1,5–1,8 раза: от максимальных показателей в котловине оз. Агата Верхняя на юге плато (332 особей/км²), к более низким – в срединной его части в долине р. Курейка и у озер Кета и Харпича (179–219 особей/км²). Осенью плотность населения сокращается с юга на север почти втрое: от максимальных показателей в котловине оз. Някшингда и долине р. Северной на юге плато (594–643 особей/км²) к более низким – в срединной его части у озер Аян, Кутарамакан, Собачье, Глубокое, Дюпкун Курейский (367–514 особей/км²) и вплоть до минимальных показателей на севере региона в долинах рек Аян и Микчангда (239–240 особей/км²). Сокращение плотности населения птиц в северном направлении, выявленное как весной, так и осенью, соответствует постепенному понижению бонитета лиственничных лесов в этом же направлении.

Пространственная дифференциация миграционных потоков

Видовой состав воробьеобразных в периоды сезонных миграций на плато Путорана формируется видами, зимовки которых имеют 5 основных вариантов пространственной локализации. В Южной, Юго-Восточной, Восточной Азии, в т. ч. в ее тропических областях, зимует абсолютное большинство (38%) видов, из числа которых сибирский конек (*Anthus gustavi* Swinhoe) достигает Филиппин и Индонезии, а берингийская желтая трясогузка – Северной Австралии. Меньше видов зимует в более северных частях Восточной Азии, включая Манчжурию, Китай, Корейский п-в и Японские о-ва (22%), или в пределах своего ареала и у его южных рубежей (20%). Другие зимовочные регионы значимы для меньшего числа видов. В Африке зимует около 4% видов, в Южной и Западной Европе, Юго-Западной и Средней Азии – 8%, в лесостепи и зоне степей – 8%. Области зимовок ряда видов имеют «комбинированный» характер. Например, гольцовый конек зимует на востоке и юго-востоке Китая и в Центральной Азии (включая Афганистан и Пакистан), восточная черная ворона (*Corvus orientalis* Eversmann) – в Восточном Китае и Средней Азии, чечевица – в тропической Азии и в Восточном Китае, овсянка-крошка – в Восточной и Юго-Восточной Азии [13].

На севере Средней Сибири, в пределах Таймыро-Путоранского региона, перекрываются северные участки всех пяти глобальных пролетных путей Палеарктики: восточноатлантического, черноморско-средиземноморского, западно-азиатско-восточноафриканского, центральноазиатского и восточноазиатско-австралийского. Учитывая это, правомерно предположить, что через плато Путорана мигрируют виды, гнездящиеся как на п-ве Таймыр, так и в других арктических регионах, расположенных западнее или восточнее. В частности, пролет гнездящихся на Таймыре воробьеобразных через территорию плато Путорана подтверждается, например, тем, что почти все виды ($n = 40$), отмеченные в процессе проведения весенних учетов 2003–2007 гг. на плато Путорана, встречаются на п-ве Таймыр в период гнездования.

В период сезонных миграций птицы на плато Путорана перемещаются вдоль берегов крупных рек или озер, в зависимости от ориентации долины (или котловины) – в северном, западном или восточном направлениях весной, и в южном, юго-западном, западном – осенью. В том числе соответствующим образом был ориентирован осенний пролет у гольцового конька в 1990 г., воронка в 1991 г., берингийской желтой и белой трясогузок, сибирской завирушки, вьюрка в 1990, 1991, 2004 гг., желтоголовой трясогузки в 1999 и 2001 гг., горной трясогузки, свиристеля, пеночки-веснички (*Phylloscopus trochilus* (L.)), сибирской завирушки, бурого дрозда

в 2004 г., чечетки в 1988, 1990 гг. Известны лишь единичные случаи «реверсивного» направления осеннего перемещения небольшой части особей отдельных видов: чечетки на восток вдоль залива Капчуг оз. Аян в 1988 г., сибирской завирушки вдоль р. Аян на северо-восток в 1989 г., желтоголовой трясогузки на север вдоль оз. Дюпкун Курейский в 2001 г., 30% пролетных берингийских желтых трясогузок на восток вдоль оз. Лама в 2004 г. Весной в северном направлении весенний пролет был ориентирован у сибирской завирушки, каменки, лапландского подорожника у оз. Капчук [2], у пуночки (*Plectrophenax nivalis* (L.)) в котловинах озер Аян, Кутарамакан, Дюпкун Курейский, Някшингда, у выюрка у оз. Някшингда, у 45% лапландских подорожников, мигрирующих у оз. Харпича, в северо-восточном – у выюрка, чечетки, лапландского подорожника в долине р. Аян и котловине оз. Кутарамакан, у 10% белых трясогузок, мигрирующих у оз. Харпича, в северо-западном – у берингийской желтой и желтоголовой трясогузок у оз. Някшингда, в восточном – у 80% рогатых жаворонков, 50% берингийских желтых трясогузок, 10% лапландских подорожников, мигрирующих у оз. Харпича, в западном – у береговушки, краснозобого и гольцового коньков, желтоголовой и горной трясогузок, свиристеля, чечетки, овсянки-крошки, 20% рогатых жаворонков, 50% берингийских желтых трясогузок, 90% белых трясогузок, 45% лапландских подорожников, мигрирующих у оз. Харпича.

В период весенней миграции исключительно поодиночке регистрируются пеночка-весничка, пеночка-теньковка, пеночка-таловка, малая мухоловка, варакушка, синехвостка, одиночно или парами чечевица. Мигрирующие особи всех прочих видов держатся и одиночно или парами, и значительная их часть объединена в стаи. Моновидовые стаи численностью 3–20 особей формируют береговушка, воронок, сибирский конек, берингийская желтая, желтоголовая и горная трясогузки, сибирская завирушка, пеночка-зарничка, каменка, рябинник (*Turdus pilaris* L.), белобровик, полярная овсянка, стаи численностью 3–60 особей – рогатый жаворонок, белая трясогузка, бурый дрозд, выюрок, овсянка-крошка, стаи численностью до 100–150 особей – краснозобый и гольцовый коньки, лапландский подорожник.

На самом начальном этапе весенней миграции поливидовые смешанные кормовые скопления на открытых вытаявших участках по берегам рек и озер часто образуют берингийская желтая, желтоголовая, горная и белая трясогузки. К группам трясогузок изредка присоединяются рогатые жаворонки, варакушки, кулики-воробьи (*Calidris minuta* (Leisler)), перевозчики (*Actitis hypoleucos* (L.)). Пепельная чечетка (*Acanthis hornemanni* (Holböll)) и выюрок иногда присоединяются к стаям чечетки, а дрозд Науманна (*Turdus naumanni* Temminck) к стаям бурого дрозда. Изредка при поисках корма в пунктах остановок объединяются в смешанные поливидовые скопления сибирский и гольцовый коньки, а лапландский подорожник иногда образует смешанные кормовые скопления с рогатым жаворонком.

В период осенней миграции подавляющее большинство особей всех мигрирующих видов объединены в стаи. Моновидовые стаи численностью 3–10 особей формируют пеночка-весничка, малая мухоловка, варакушка, полярная овсянка, стаи численностью 3–30 особей – воронок, гольцовый конек, берингийская желтая, желтоголовая и горная трясогузки, сибирская завирушка, пеночка-таловка, пеночка-зарничка, выюрок, чечетка. В пунктах остановок самые крупные моновидовые объединения численностью 40–50 особей образуют белая трясогузка и бурый дрозд. Поливидовые смешанные миграционные скопления в прибрежно-опушечных местообитаниях иногда образуют пеночка-весничка, пеночка-таловка, пеночка-зарничка, или – берингийская желтая, горная и белая трясогузки. К группам пеночек изредка присоединяется сероголовая гаичка, а к группам

трясогузок – варакушка. Каменка и белошапочная овсянка иногда присоединяются к стаям гольцового конька, сибирской завирушки, овсянки-крошки, а белобровик к стаям бурого дрозда. Изредка при поисках корма в пунктах остановок объединяются в смешанные поливидовые скопления гольцовый конек и варакушка. Овсянка-крошка иногда образует смешанные кормовые скопления с белой трясогузкой, сибирской завирушкой, варакушкой.

В период весенних и осенних миграций почти все птицы активно перемещаются преимущественно по прибрежно-опушечной полосе у крупных рек или озер, где кормятся на лесных опушках среди зарослей кустов ольховника и ивняка, на песчано-илистых или задернованных галечных берегах, покрытых разнотравно-злаково-осоковыми луговинами. В большинстве обследованных пунктов ($n = 10$) установлено, что в пределах этой полосы абсолютное большинство особей всех мигрантов (80%) делают остановки и кормятся в устьях рек и ручьев, где высокоствольные леса имеют густой подлесок, а их опушки изобилуют кустарниковыми зарослями, полянами, осоковыми, злаковыми и разнотравными луговинами. В разреженных лиственничниках на внеустьевых участках плоских приозерных и надпойменных террас отмечается не более 20% особей всех мигрантов.

Установлено, что горные территории Путорана не являются для мигрирующих птиц непреодолимым препятствием. При наличии благоприятных экологических условий горы могут представлять неотъемлемый элемент глобальной сети миграционных путей птиц. Возможность миграции птиц через территорию Путорана предопределена тем, что плато имеет в поперечном сечении профиль широкой трапеции, повсеместно расчлененной густой сетью глубоких (в ряде случаев сквозных) тектонических долин, абсолютная высота дна которых лишь ненамного превышает высоту окружающих предгорий. Почти на всем огромном протяжении «транспуторанских магистральных» долин представлен весьма широкий спектр прибрежных местообитаний крайне важных для воробьеобразных птиц в период весенней миграции, от берегов водоемов до прирусловых лесных опушек. Это позволяет, например, не менее 40 видам птиц, летящим через плато Путорана на п-в Таймыр, не только успешно преодолевать территорию плато транзитно, но и находить подходящие условия для остановок на отдых и кормежку даже в глубине горного массива.

Параметры и динамика весенней миграции

Почти для всех перелетных видов, по которым удалось собрать достаточно данных ($n = 23$), самое раннее появление первых особей в один или более весенних сезонов наблюдений зарегистрировано в третьей декаде мая. Аналогичны отрывочные данные и для серого сорокопута (*Lanius excubitor* L.) (22 мая), азиатского черноголового чекана (27 мая), белошапочной овсянки (28 мая). Лишь у 5 видов (береговушки, сибирского конька, пеночки-таловки, варакушки, чечевицы) первые особи всегда регистрировались не ранее первой декады июня.

Самый ранний мигрант на плато Путорана – пуночка. Она появляется еще в фенологически зимний период. Например, в котловинах озер Кутарамакан, Дюпкун Курейский, Някшингда, пролетные стайки этого вида регулярно отмечаются уже в марте, когда в регионе еще обычны отрицательные температуры воздуха до -20°C , а сплошной снежный покров находится в полноценном зимнем состоянии.

Среди наиболее ранних мигрантов в период четко выраженной общей миграции большинства других видов появление первых особей гольцового конька, горной и белой трясогузок зарегистрировано 22 мая, овсянки-крошки – 23 мая, желтоголовой трясогузки, бурого дрозда, лапландского подорожника – 24 мая, рогатого жаворонка, краснозобого конька, малой мухоловки, сибирской завирушки, вьюрка – 25 мая, каменки, синехвостки – 26 мая. Из числа наиболее поздних мигрантов

появление первых особей береговушки зарегистрировано 7 июня, сибирского конька и варакушки – 2 июня, пеночки-таловки – 4 июня, чечевицы – 1 июня.

Многолетними наблюдениями установлено, что общий временной интервал, в течение которого в разные годы могут появляться первые особи, достаточно широк и составляет у разных видов 4–23, у большинства ($n = 17$) 13–19 суток, в среднем ($n=28$) 16 суток. Этот интервал максимально широк (20–23 суток) у береговушки, воронка, гольцового конька, горной трясогузки, малой мухоловки, вьюрка, и минимален (4–12 суток) у сибирского конька, варакушки, синехвостки, бурого дрозда, поползня.

Временной интервал, в течение которого в большинстве сезонов чаще всего появляются первые особи, не столь длительный и составляет у разных видов 4–12, у большинства ($n = 16$) 6–9 суток, в среднем ($n = 25$) 8 суток. Этот интервал больше среднего показателя (10–12 суток) у береговушки, воронка, рогатого жаворонка, белой трясогузки, пеночки-зарнички, каменки, и меньше (4–5 суток) – у сибирского конька, варакушки, полярной овсянки. На основании анализа этого же параметра установлено, что календарно первыми появляются рогатый жаворонок, белая трясогузка, бурый дрозд, и чаще всего, соответственно 25 мая – 4 июня, 22 мая – 1 июня, 27 мая – 2 июня. Календарно позднее всех появляются береговушка, воронка, пеночка-теньковка, пеночка-таловка, и чаще всего, соответственно 7–16 июня, 7–16 июня, 5–11 июня, 10–18 июня. Все прочие виды ($n = 18$) появляются в разные годы обычно в период с 29 мая по 10 июня. При этом более частое появление 12 из них приурочено исключительно к первой декаде июня, а период более частого появления 6 видов захватывает также 29–31 мая.

С прилета территорию занимают малая мухоловка, варакушка, синехвостка, в отдельные годы пеночка-зарничка, белобровик, овсянка-крошка. У других видов ($n = 15$) даты появления первых особей и появления первых территориальных птиц несколько разнесены во времени. Средняя продолжительность этого временного интервала у тех видов, у которых удалось визуальное зафиксировать соответствующие фенологические явления, составляет 2–17 суток, у большинства ($n = 10$), в числе которых воронок, берингийская желтая, горная и белая трясогузки, пеночка-таловка, бурый дрозд, белобровик, вьюрок, полярная овсянка, овсянка-крошка – 4–7 суток. Пауза между началом пролета и появлением первых территориальных птиц минимальна (2 суток) у сибирской завирушки, пеночки-веснички, пеночки-зарнички, и максимальна (9–17 суток) у рогатого жаворонка и вьюрка.

В весенний миграционный период совокупность особей одного вида представлена, как правило, двумя регистрируемыми группами: уже приступающими к гнездованию и еще продолжающими пролет. Асинхронность фенологических явлений у разных особей одного вида подтверждаются и позднее, в гнездовой период, когда одновременно удается найти гнезда с кладками на разной стадии насиженности яиц или гнезда с разновозрастными птенцами.

Средняя продолжительность всего пролета у различных видов воробьеобразных, у которых визуальное наблюдался пролет ($n = 23$), составляет 8–17 суток, у большинства ($n = 16$) – 9–12 суток. Средняя продолжительность основного пролета у различных видов воробьеобразных, у которых визуальное наблюдался основной пролет ($n = 19$), составляет 1–6 суток, у большинства ($n = 12$) – 4–6 суток.

Хронологически как весь, так и основной пролет воробьеобразных в разные годы, проходит в единый интервал времени: с 22 мая по 20 июня. В годы с аномально поздней и холодной весной пролет может иметь затяжной характер и продолжаться вплоть до первой декады июля, что наблюдалось в 1980 г. у оз. Капчук [2] и в 1989 г. в долине р. Аян. Например, завершение пролета горной и белой трясогузок, варакушки, пеночки-зарнички у оз. Капчук пришлось на период

с 28 июня по 3 июля 1980 г. [2], а завершение пролета вьюрка, краснозобого и гольцового коньков у р. Аян – на 23–26 июня 1989 г.

Наиболее ранняя дата начала как всего, так и основного пролета – 22 мая (у белой трясогузки). Наиболее поздние даты начала всего пролета 26 июня (у береговушки), основного – 1 июля (у пеночки-таловки). Наиболее поздние даты завершения всего пролета 3 июля (у каменки), основного – 3 июля (у пеночки-таловки).

Наиболее длительный период всего весеннего пролета (14–17 суток) у береговушки, белой трясогузки и вьюрка, наиболее короткий (8 суток) – у воронка и рогатого жаворонка. Основная часть весеннего пролета наиболее продолжительна (6 суток) у желтоголовой и белой трясогузок, пеночки-зарнички и бурого дрозда, и наименее продолжительна (1–2 суток) – у воронка, краснозобого и гольцового коньков и берингийской желтой трясогузки.

Население воробьеобразных в период весенней миграции очень динамично. Почти ежедневно меняется существенная часть видового состава миграционного потока и численное соотношение перемещающихся видов птиц. У некоторых видов ($n = 5$) пролет, особенно в начале, столь интенсивен, что идет транзитно и круглосуточно. Так летели стаи (30–150 особей) рогатого жаворонка в 2003 и 2007 гг., белой трясогузки, краснозобого и гольцового коньков в 2003–2004 гг., лапландского подорожника в 2007 г. Вероятно, основу миграционных потоков указанных видов составляли преимущественно особи направлявшиеся на п-в Таймыр, где эти виды обычны или многочисленны на гнездовье.

Высокий уровень пространственно-временной динамики обилия мигрирующих или кочующих видов подтвержден учетами на ежедневно повторявшихся модельных маршрутах (длиной 5 км) по прибрежно-опушечным местообитаниям у озер Агата Верхняя, Кета и Харпича. Со 2 по 15 июня 2003 г. обилие берингийской желтой трясогузки, белой трясогузки, сибирской завирушки, пеночки-зарнички, бурого дрозда, вьюрка, овсянки-крошки в разные дни варьировало в пределах, соответственно – 1–84, 2–60, 1–24, 2–48, 4–125, 2–72, 4–143 особей/км². С 1 по 15 июня 2004 г. обилие рогатого жаворонка, белой трясогузки, бурого дрозда, чечетки, овсянки-крошки, лапландского подорожника в разные дни варьировало в пределах, соответственно – 2–57, 1–61, 2–63, 3–37, 2–75, 1–62 особей/км². С 22 мая по 12 июня 2007 г. обилие краснозобого конька, сибирской завирушки, синехвостки, бурого дрозда, вьюрка, чечетки, овсянки-крошки, лапландского подорожника в разные дни варьировало в пределах, соответственно – 4–187, 2–23, 2–14, 1–49, 1–25, 2–93, 1–105, 1–150 особей/км².

Весной конфигурация графика многодневной динамики всего населения птиц в 3 пунктах, где проведены ежедневные наблюдения, в целом представляла собой комбинацию из 2–3 волн различной мощности, но непременно, лишь с одним хорошо выраженным максимумом. Наиболее мощные всплески миграционной активности кочующих и пролетных птиц проявились 6–7 июня 2003 г., 9 июня 2004 г., 26 мая 2007 г. Кроме этого, менее значимые пики пролета с несколько более низкой численностью мигрантов зарегистрированы 4 и 10–12 июня 2003 г., 6 июня 2004 г., 6 и 10 июня 2007 г.

В периоды весеннего и осеннего пролетов связь всплесков общей миграционной активности всех воробьеобразных в целом с определенными метеорологическими параметрами или их сменой проявляется не одинаково. Осенью на фоне волнообразного изменения численности все всплески миграционной активности совпадают с понижением температуры воздуха. В период весеннего пролета ситуация не столь однозначна. Например, выраженные максимумы ($n = 3$) пришлось на дни резкого понижения температуры весной 2004 г. и 2007 г., но не 2003 г. Из общего числа всплесков миграционной активности ($n = 8$), выявленных в

2003, 2004, 2007 гг., три непосредственно совпали с днями резкого похолодания, один – с холодным днем спустя сутки после понижения температуры, три – с холодными днями накануне повышения температуры. Лишь одна относительно небольшая пролетная волна совпала с резким повышением температуры воздуха. Большинство всплесков миграционной активности (5 из 8) пришлось на дни с осадками в виде снега или дождя.

В первой половине миграционного периода 2003 г. пролетело абсолютное большинство рогатых жаворонков, краснозобых и гольцовых коньков, берингийских желтых, желтоголовых, горных и белых трясогузок, в середине – большинство сибирских завирушек, каменок, варакушек, дроздов Науманна, бурых дроздов, вьюрков, чечевиц, овсянок-крошек, во второй половине или в самом конце – большинство береговушек, воронков, пеночек-весничек, пеночек-теньковок, пеночек-таловок, пеночек-зарничек, полярных овсянок. Фенологический переход от первой ко второй половине миграционного периода 2003 г. пришелся на 8–9 июня, когда существенно повысилась температура воздуха (с 4 °C до 13 °C) и в целом установилась погода, напоминающая летнюю.

В первой половине миграционного периода 2004 г. птицы были малочисленны и малозаметны, в середине пролетело абсолютное большинство свиристелей, дроздов Науманна, чечеток, во второй половине или в самом конце – большинство воронков, сибирских завирушек, краснозобых и гольцовых коньков, берингийских желтых, желтоголовых, горных и белых трясогузок, пеночек-весничек, пеночек-теньковок, пеночек-таловок, пеночек-зарничек, каменок, варакушек, рябинников, белобровиков, вьюрков, чечевиц, полярных овсянок, овсянок-крошек, лапландских подорожников. Фенологический переход от первой ко второй половине миграционного периода 2004 г. пришелся на 8 июня, когда существенно повысилась температура воздуха (с -4 до 11 °C), а позднее началось ежедневное чередование низких и высоких температур (с амплитудой от -3 до 12 °C).

В первой половине миграционного периода 2007 г. пролетело абсолютное большинство рогатых жаворонков, гольцовых коньков, белых трясогузок, лапландских подорожников, в середине – большинство сибирских завирушек, синехвосток, дроздов Науманна, овсянок-крошек, во второй половине или в самом конце – большинство береговушек, воронков, краснозобых коньков, берингийских желтых трясогузок, свиристелей, пеночек-весничек, пеночек-таловок, пеночек-зарничек, малых мухоловок, азиатских черноголовых чеканов, каменок, варакушек, белобровиков, вьюрков, чечеток, сибирских чечевиц, щуров (*Pinicola enucleator* (L.)), полярных овсянок. В 2007 г. фенологические рубежи завершения первой половины миграционного периода и начала второй пришлось соответственно на 29 мая и 4 июня, когда на фоне постоянно холодной погоды (0–3 °C) существенно повысилась температура воздуха (до 10 °C).

Приуроченность весеннего пролета основной массы особей к определенным временным отрезкам миграционного периода установлено для 19 видов. На начальном его этапе в 2 или 3 пунктах ежедневных наблюдений пролетает абсолютное большинство рогатого жаворонка, гольцового конька, белой трясогузки, в середине – большинство сибирской завирушки, дрозда Науманна, овсянки-крошки, а на заключительном этапе – береговушки, воронка, краснозобого конька, берингийской желтой трясогузки, пеночки-веснички, пеночки-теньковки, пеночки-таловки, пеночки-зарнички, каменки, варакушки, белобровика, вьюрка, полярной овсянки.

Остальные виды, для которых выявить пролетные волны не удалось, например, сероголовая гаичка, пепельная чечетка, белокрылый клест, встречались в годы проведения ежедневных наблюдений ($n = 3$) в течение периода весенней миграции либо регулярно, либо эпизодически.

Параметры и динамика осенней миграции

Средняя продолжительность всего пролета у различных видов воробьеобразных, у которых визуально прослежен осенний пролет ($n = 18$), составляет 14–31 сутки, у большинства ($n = 11$) – 20–26 суток. Средняя продолжительность основного пролета у различных видов воробьеобразных, у которых выражен основной пролет ($n = 15$), составляет 3–14 суток, у большинства ($n = 11$) – 7–12 суток.

Хронологически как весь, так и основной пролет воробьеобразных в разные годы, проходит в единый интервал времени: с конца июля по первую декаду сентября. Наиболее ранние даты начала как всего, так и основного пролета – 20 июля (у желтоголовой трясогузки и овсянки-крошки). Наиболее поздние даты завершения всего пролета 12 сентября (у белой трясогузки), основного – 2 сентября (у чечетки).

Наиболее длительный период всего осеннего пролета (31 сутки) у сероголовой гаички и овсянки-крошки, наиболее короткий (14–17 суток) – у воронка, гольцового конька, малой мухоловки. Основная часть осеннего пролета наиболее продолжительна (14 суток) у берингийской желтой трясогузки и пеночки-зарнички, и наименее продолжительна (3–7 суток) – у воронка и горной трясогузки.

Для абсолютного большинства перелетных воробьеобразных осенняя миграция завершается в конце августа. При этом «отставшие» от основного миграционного потока редкие стайки или одиночные особи ряда видов формируют своеобразный постмиграционный шлейф. Они окончательно завершают осенний пролет. Например, в 1989 г. последние особи лапландского подорожника зарегистрированы 6 сентября, краснозобого конька, горной и белой трясогузок, сибирской завирушки, пеночки-веснички, пеночки-зарнички, варакушки – 10–12 сентября, спустя несколько дней после завершения видимого пролета. В 1999 г. последние особи серого сорокопута отмечены 2 сентября. Аналогичные данные приводит Кречмар [1], отмечавший в 1959 г. последних белых трясогузок 14 сентября, бурых дроздов 1 октября.

Выявлен высокий уровень пространственно-временной динамики обилия мигрирующих видов. Это подтверждено учетами на ежедневно повторявшихся маршрутах (длиной 5 км) по прибрежно-опушечным местообитаниям у озер Някшингда в 1991 г. и Собачье в 1999 г. С 29 июля по 29 августа 1991 г. обилие сибирской завирушки, пеночки-таловки, варакушки, бурого дрозда, вьюрка, овсянки-крошки в разные дни варьировало в пределах соответственно 6–110, 2–108, 1–70, 4–103, 3–132, 8–235 особей/км². С 26 июля по 2 сентября 1999 г. обилие желтоголовой трясогузки, пеночки-веснички, пеночки-таловки, бурого дрозда, полярной овсянки, овсянки-крошки изменялось в диапазоне, соответственно 5–46, 4–51, 6–122, 2–128, 2–68, 5–96 особей/км².

Осенью конфигурация графика многодневной динамики всего населения птиц в 2 пунктах, где проведены ежедневные наблюдения, в целом представляла собой комбинацию четырех волн соответственно с четырьмя хорошо выраженными максимумами. Наиболее мощные всплески общей миграционной активности всех кочующих и пролетных птиц проявились 31 июля, 5, 21, 25 августа 1991 г. и 5, 17, 23, 31 августа 1999 г.

В разные годы основные волны пролета у каждого из большинства видов ($n = 15$), как правило, приурочены к разным календарным датам. Приуроченность пролета основной массы особей к определенным временным отрезкам миграционного периода удалось установить лишь для 5 видов. На начальном его этапе (до 15 августа) почти во всех обследованных пунктах ($n = 7$) плато Путорана пролетает абсолютное большинство гольцового конька, вьюрка и овсянки-крошки, а на заключительном (после 15 августа) – полярной овсянки и сибирской завирушки.

Осенью основная масса особей разных видов одного рода (трясогузки (*Motacilla*), пеночки (*Phylloscopus*)) или семейства (овсянковые (*Emberizidae*)) пролетает, как правило, в разные дни: имеет место несовпадение максимумов и минимумов пролета у близкородственных видов. Очень часто максимумы и минимумы этих видов прямо противоположны, и тогда это несовпадение выражено отчетливо. Часто также пролетная волна одного вида, как бы запаздывая, несколько смещена во времени, и обычно идет на 1–2 дня позднее, чем у родственного ему вида. В период весеннего пролета подобную закономерность удастся выявить не ежегодно и не у всех видов. Например, она четко проявилась у пеночек в 2003 г., у трясогузок и коньков в 2007 г., но почти или абсолютно не была выражена у трясогузок в 2003 г. и 2004 г., у коньков в 2004 г., у пеночек в 2007 г. В последнем случае вместо пространственно-временной дифференциации миграционных потоков родственных видов, у них наблюдалось совпадение дней максимального пролета, или его полная синхронизация, когда совпадали дата и численность пролетающих особей.

Заключение

Весенний и осенний пролет воробьеобразных отчетливо выражены на всей территории плато Путорана. Мигранты перемещаются по прибрежно-опушечной полосе вдоль берегов крупных рек или озер в зависимости от ориентации долины (или котловины) – в северном, западном или восточном направлениях весной, и – в южном, юго-западном, западном осенью.

Для воробьеобразных птиц плато Путорана – своеобразный узел пересечения миграционных путей, связывающих евразийскую Арктику и Субарктику с Восточной, Юго-Восточной, Южной, Юго-Западной, Центральной и Средней Азией, а также еще более удаленными регионами мира – Африкой и Австралией.

Локальные фауны весеннего миграционного периода насчитывают 30–34, в среднем ($n = 4$) 31 вид. В пунктах многодневных наблюдений за сутки регистрировалось 7–25, в среднем ($n = 3$) 14 видов птиц. Показатель представленности фауны воробьеобразных весеннего миграционного периода плато Путорана ($n = 58$) в отдельных его пунктах ($n = 4$) – 52–59%. Локальные фауны осеннего миграционного периода насчитывают 19–31, в среднем ($n = 8$) 25 видов. Показатель представленности фауны воробьеобразных осеннего миграционного периода плато Путорана в отдельных его пунктах – 44–76%.

В период весеннего пролета выявлена асинхронность между фенологическими явлениями у разных видов воробьеобразных и даже у особей одного вида: одновременно регистрируются птицы, приступающие к гнездованию и продолжающие активный пролет.

По многолетним данным, временной интервал, в течение которого весной обычно появляются первые особи, составляет у разных видов 4–12, у большинства ($n = 16$) 6–9 суток, в среднем ($n = 25$) 8 суток. Наиболее ранние мигранты рогатый жаворонок, белая трясогузка и бурый дрозд чаще всего появляются соответственно 25 мая – 4 июня, 22 мая – 1 июня, 27 мая – 2 июня. Самые поздние мигранты: береговушка, воронок, пеночка-теньковка и пеночка-таловка – обычно появляются соответственно 7–16 июня, 7–16 июня, 5–11 июня, 10–18 июня.

Весь весенний пролет воробьеобразных на плато Путорана обычно проходит с 22 мая по 20 июня и длится 8–17, у большинства видов – 9–12 суток. Основной пролет обычно проходит в те же календарные сроки и длится 1–6, у большинства видов – 4–6 суток. На южных окраинах плато Путорана весенний пролет проходит в более сжатые сроки, чем в более северных частях региона. Средняя продолжительность всего осеннего пролета у различных видов воробьеобразных составляет 14–31, у большинства – 20–26 суток, средняя продолжительность

основного пролета – 3–14, у большинства – 7–12 суток. Активные послегнездовые кочевки, плавно переходящие в пролет, начинаются в третьей декаде июля. Завершается осенняя миграция у абсолютного большинства перелетных воробьеобразных в конце августа.

Как весной, так и осенью в течение достаточно продолжительного периода всего пролета воробьеобразных обычно всегда прослеживается заметно более скоротечный период основного пролета, когда пролетает около 70–80% особей.

Общей высокой подвижностью воробьеобразных в сезонные миграционные периоды обусловлены существенная амплитуда ежедневных показателей обилия видов, а весной – также повышенная частота залетов.

Конфигурация хода весеннего пролета в 3 пунктах, где проведены ежедневные наблюдения, представляет собой комбинацию из 2–3 волн различной мощности, но непременно лишь с одним хорошо выраженным максимумом. Весной существенные всплески миграционной активности (подвижности и обилия) пролетных птиц пришлись на дни с наиболее низкой температурой воздуха и осадками в виде снега или дождя. Конфигурация хода осеннего пролета в 2 пунктах, где в течении августа проведены ежедневные наблюдения, представляет собой комбинацию четырех волн с четырьмя хорошо выраженными максимумами. Осенью наиболее мощные всплески миграционной активности оказались сопряжены с понижением температуры воздуха и отсутствием атмосферных осадков.

Осенью синхронизация волн максимального пролета у родственных видов не происходит. Установлено несовпадение максимумов и минимумов пролета у родственных видов. Весной динамика и сравнительный характер пролета у близкородственных видов в разные годы заметно варьируют: от полной синхронизации волн максимального пролета до абсолютного их несовпадения, когда, как и осенью, основная масса особей разных видов одного рода пролетает в разные дни.

Плотность населения воробьеобразных плато Путорана в весенний миграционный период 179–332, в среднем – 231 особей/км². Весной в дни наиболее интенсивного пролета плотность населения составляет 500–594, в среднем 548 особей/км², а в дни, когда пролет только начинался или затухал, не превышает 5–66, в среднем 36 особей/км². Плотность населения воробьеобразных плато Путорана в осенний миграционный период 239–643, в среднем – 440 особей/км². Осенью в дни наиболее интенсивного пролета плотность населения составляет 420–796, в среднем 608 особей/км².

В период сезонных миграций плотность населения воробьеобразных максимальна на юге Путорана, меньше в срединной части региона, и минимальна на севере плато.

В период весенней и осенней миграции в населении воробьеобразных в числе доминантов или наиболее многочисленных субдоминантов 11 видов: берингийская желтая, желтоголовая, горная и белая трясогузки, сибирская завирушка, пеночка-таловка, пеночка-зарничка, малая мухоловка, бурый дрозд, чечетка, овсянка-крошка.

Л и т е р а т у р а

1. Кречмар А.В. О сезонных явлениях в жизни птиц района Норильских озер. *Орнитология*. 1963;(6):37-48.
2. Морозов В.В. Орнитофауна окрестностей оз. Капчук, плато Путорана. *Орнитология*. 1984;(19):30-40.
3. Романов А.А. Наблюдения за весенним пролетом птиц в котловинах озер Агата Верхняя и Кета. *Изучение и охрана животных сообществ плато Путорана*. 2006;(1):103-121.
4. Рупасов С.В., Журавлев Е.А. Орнитофауна долины р. Микчангда и прилегающих территорий. *Изучение и охрана животных сообществ плато Путорана*. 2006;(1): 122-154.
5. Носков Г.А., Рымкевич Т.А. Миграционная активность в годовом цикле воробьиных птиц и формы ее проявления. *Зоологический журнал*. 2008;87(4):446-457.

6. Чернецов Н.С. *Миграция воробьиных птиц: остановки и полет*. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2010:173.
7. Рыжановский В.Н., Гилев А.В. Об иерархии факторов, определяющих сроки начала прилета воробьеобразных птиц (Passeriformes) в Приобскую лесотундру. *Зоологический журнал*. 2020;99(4):436-449.
8. Сыроечковский Е.Е., Анзигитова Н.В., Кузнецов Е.А. и др. Особенности прилета птиц на среднетаежном Енисее. *Фауна и экология птиц и млекопитающих Средней Сибири*. 1987; (1):181-201.
9. Равкин Ю.С. К методике учета птиц лесных ландшафтов. *Природа очагов клещевого энцефалита на Алтае*. Новосибирск: 1967:66-75.
10. Песенко Ю.А. *Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях*. Москва: Наука; 1982:287.
11. Наумов Р.Л. Птицы в очагах клещевого энцефалита Красноярского края: Дис. ... канд. биол. наук. Москва: 1964:167.
12. Коблик Е.А., Архипов В.Ю. *Фауна птиц стран Северной Евразии в границах бывшего СССР: списки видов. Зоологические исследования*. М.: Товарищество научных изданий КМК; 2014:171.
13. Михайлов К.Е., Коблик Е.А., 2021. *Птицы Сибири, Монголии и Дальнего Востока России. Справочник-определитель*. Москва: Издание Союза охраны птиц России; 2021:428.

References

1. Krechmar AV. On seasonal phenomena in the life of birds in the Norilsk Lakes region. *Ornitologiya*. 1963;(6):37-48 (in Russian).
2. Morozov VV. Avifauna of the environs of Lake Kapchuk, Putorana Plateau. *Ornitologiya*. 1984;(19):30-40 (in Russian).
3. Romanov AA. Observations of spring migration of birds in the basins of Lakes Verkhnyaya Agata and Keta. *Study and protection of animal communities of the Putorana Plateau*. 2006;(1):103-121 (in Russian).
4. Rupasov SV, Zhuravlev EA. Avifauna of the Mikchangda River Valley and adjacent territories. *Study and protection of animal communities of the Putorana Plateau*. 2006;(1):122-154 (in Russian).
5. Noskov GA, Rymkevich TA. Migration activity in the annual cycle of passerine birds and forms of its manifestation. *Zoological journal*. 2008;87(4):446-457 (in Russian).
6. Chernetsov NS. *Migration of passerine birds: stops and flight*. Moscow: KMK Scientific Press Ltd; 2010:173 (in Russian).
7. Ryzhanovsky VN, Gilev AV. On the hierarchy of factors determining the timing of the onset of migration of passerine birds (Passeriformes) to the Ob forest-tundra. *Zoological journal*. 2020;99(4):436-449 (in Russian).
8. Syroechkovsky EE, Anzigitova NV, Kuznetsov EA, et al. Features of bird arrival on the middle taiga Yenisei. *Fauna and ecology of birds and mammals of Central Siberia*. 1987;(1):181-201 (in Russian).
9. Ravkin YuS. On the methodology of bird counting in forest landscapes. *Nature of tick-borne encephalitis foci in Altai*. Novosibirsk: 1967:66-75 (in Russian).
10. Pesenko YuA. *Principles and methods of quantitative analysis in faunistic studies*. Moscow: Nauka; 1982:287 (in Russian).
11. Naumov RL. Birds in tick-borne encephalitis foci of Krasnoyarsk Territory. Candidate's dissertation (Biology). Moscow: 1964:167 (in Russian).
12. Koblik EA, Arkhipov VYu. *Bird fauna of the countries of Northern Eurasia within the borders of the former USSR: species lists. Zoological studies*. Moscow: KMK Scientific Press Ltd; 2014:171 (in Russian).
13. Mikhailov KE, Koblik EA. *Birds of Siberia, Mongolia and the Russian Far East. Handbook-identifier*. Moscow: Publication of Russian Bird Conservation Union; 2021:428 (in Russian).

Сведения об авторе

РОМАНОВ Алексей Анатольевич — доктор биологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-7680-2486, Researcher ID (WoS): L-8729-2015, Scopus Author ID: 35369448100, Researcher ID (РИНЦ): 774610, e-mail: putorana05@mail.ru

About the author

Alexey A. ROMANOV – Dr. Sci. (Biology), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-7680-2486, Researcher ID (WoS): L-8729-2015, Scopus Author ID: 35369448100, Researcher ID (РИНЦ): 774610, e-mail: putorana05@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 16.06.25

Принята к публикации / Accepted 07.07.25

ФИЗИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 538.9

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-23-36>

Оригинальная научная статья

Анализ влияния ближнего порядка на механизмы деформации при сдвиге высокоэнтропийных сплавов TiNbZrV и TiNbZrHf

А. А. Давлетбаков¹, Р. И. Бабичева^{1,2}, М. Н. Семёнова³✉, Е. А. Корзникова^{1,3,4}

¹Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

²Институт физики молекул и кристаллов Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация

³Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Мирный, Российская Федерация

⁴Институт проблем сверхпластичности металлов Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация

✉ mariya_semyonova86@mail.ru

Аннотация

В работе проведено комплексное моделирование влияния ближнего порядка на механические свойства объемно-центрированных кубических высокоэнтропийных сплавов ZrTiNbV и ZrTiNbHf при сдвиговой деформации с использованием гибридного подхода молекулярной динамики и Монте-Карло. Высокоэнтропийные сплавы представляют собой новый класс материалов, получаемых путем смешивания четырех и более элементов в примерно равных долях, что обеспечивает уникальное сочетание свойств и расширяет возможности традиционного материаловедения. В последние годы особое внимание уделяется механическим свойствам и деформационным механизмам высокоэнтропийных сплавов именно с ОЦК решеткой, где ключевую роль играют винтовые дислокации, взаимодействие с атомами различных элементов и формирование ближнего порядка, способствующего упрочнению материала. Построены бикристаллические модели с различной степенью атомного упорядочения, полученной в результате МД/МК-релаксации, что позволило реализовать как хаотическое, так и кластеризованное распределение элементов. Проведен сравнительный анализ структурных изменений, эволюции дефектов и механических характеристик (в частности, предела текучести) при сдвиге. Установлено, что в сплаве ZrTiNbV формирование кластеров Nb инициирует локальные фазовые превращения ОЦК → ГПУ и снижает предел текучести, тогда как для ZrTiNbHf образование сегрегаций и нанокластеров эффективно препятствует миграции границ зерен и фазовым превращениям, что приводит к значительному повышению прочности. Полученные результаты согласуются с современными представлениями о роли ближнего порядка в упрочнении высокоэнтропийных материалов и демонстрируют, что целенаправленное управление

© Давлетбаков А. А., Бабичева Р. И., Семёнова М. Н., Корзникова Е. А., 2025

химическим упорядочением и структурой границ зерен может быть эффективным инструментом для оптимизации механических свойств высокоэнтропийных сплавов. Работа расширяет фундаментальные знания о механизмах пластичности и разрушения в многокомпонентных сплавах, а также открывает новые перспективы для их применения в условиях высоких механических нагрузок и агрессивных сред.

Ключевые слова: высокоэнтропийные сплавы, ближний порядок, объемно-центрированные кубические решетки, гексагональные плотноупакованные решетки, ZrTiNbV, ZrTiNbHf, молекулярно-динамическое моделирование, метод Монте-Карло, сдвиговая деформация, механические свойства, LAMMPS

Финансирование. Семёнова М. Н. благодарит за финансовую поддержку исследования (проведение исследования, создание черновика рукописи) Российский научный фонд, грант № 24-22-00092.

Для цитирования: Давлетбаков А. А., Бабичева Р. И., Семёнова М. Н., Корзникова Е. А. Анализ влияния ближнего порядка на механизмы деформации при сдвиге высокоэнтропийных сплавов TiNbZrV и TiNbZrHf. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 23–36. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-23-36

Original article

Analysis of short-range ordering effect on shear deformation mechanisms of high-entropy alloys TiNbZrV and TiNbZrHf

Arslan A. Davletbakov¹, Rita I. Babicheva^{1,2}, Maria N. Semyonova³✉, Elena A. Korznikova^{1,3,4}

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

²Institute of Molecule and Crystal Physics, Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

³Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Mirny, Russian Federation

⁴Institute for Metals Superplasticity Problems of the Russian Academy of Sciences, Ufa,
Russian Federation

✉ mariya_semyonova86@mail.ru

Abstract

In this work, a comprehensive modeling of the influence of short-range order on the mechanical properties of body-centered cubic high-entropy ZrTiNbV and ZrTiNbHf alloys under shear deformation using a hybrid molecular dynamics (MD) and Monte Carlo (MC) approach has been carried out. High-entropy alloys (HEA) are a new class of materials produced by mixing four or more elements in approximately equal proportions, providing a unique combination of properties and expanding the capabilities of traditional materials science. In recent years, special attention has been paid to the mechanical properties and deformation mechanisms of high-entropy alloys with a bcc lattice, where screw dislocations, interaction with atoms of various elements and the formation of short-range order, which contributes to the strengthening of the material, play a key role. Bicrystalline models with different degrees of atomic ordering resulting from MD/MC relaxation have been constructed, allowing for both chaotic and clustered elemental distributions. A comparative analysis of structural changes, defect evolution and mechanical properties (in particular, yield strength) under shear has been carried out. It was found that in ZrTiNbV alloy the formation of Nb clusters initiates local phase transformations BCC → HCP and reduces yield strength, whereas for ZrTiNbHf the formation of segregations and nanoclusters

effectively prevents grain boundary migration and phase transformations, which leads to a significant increase in strength. The results are consistent with the current understanding of the role of near-order in the hardening of high-entropy materials and demonstrate that targeted control of chemical ordering and grain boundary structure can be an effective tool for optimizing the mechanical properties of high-entropy alloys. The work extends fundamental knowledge of plasticity and fracture mechanisms in multicomponent alloys and opens new perspectives for their application under high mechanical loads and aggressive environments.

Keywords: high-entropy alloys, near-order, BCC lattice, HCP lattices ZrTiNbV, ZrTiNbHf, molecular dynamic modeling, Monte Carlo method, shear deformation, mechanical properties, LAMMPS

Funding. Maria N. Semyonova thanks the Russian Science Foundation, grant No. 24-22-00092, for financial support of the research (conducting the research, creating a draft manuscript).

For citation: A. A. Davletbakov, Babicheva R. I., Semyonova M. N., Korznikova E. A. Analysis of short-range ordering effect on shear deformation mechanisms of high-entropy alloys TiNbZrV and TiNbZrHf. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 23–36. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-23-36

Введение

Высокоэнтропийные сплавы (ВЭС) представляют собой новый класс материалов, получаемых путем смешивания четырех и более элементов в примерно равных долях, что обеспечивает уникальное сочетание свойств и расширяет возможности традиционного материаловедения [1–6]. Благодаря высокой прочности, отличной коррозионной стойкости и трещиностойкости, ВЭС привлекают значительное внимание исследователей, а их широкое композиционное пространство открывает перспективы для создания новых материалов с заданными характеристиками [7–9]. Особый интерес вызывают объемно-центрированные кубические (ОЦК) ВЭС, такие как системы на основе ZrTiNb, которые демонстрируют высокую прочность и пластичность даже при криогенных температурах, а также обладают превосходной биосовместимостью и устойчивостью к агрессивным средам, что подтверждается как экспериментальными, так и теоретическими исследованиями [10–18].

В последние годы особое внимание уделяется механическим свойствам и деформационным механизмам ОЦК ВЭС, где ключевую роль играют винтовые дислокации, взаимодействие с атомами различных элементов и формирование ближнего порядка (short-range order, SRO), способствующего упрочнению материала [19–23]. Исследования показывают, что введение дополнительных компонентов, таких как кислород (O_2) или алюминий (Al), а также управление метастабильностью фаз (TRIP/TWIP-эффекты) позволяют существенно повысить предел текучести и пластичность сплавов за счет активации новых механизмов деформации, таких как двойникование и фазовые превращения [24–29]. Подобные эффекты были зафиксированы в ряде работ, где отмечено, что формирование кластеров и сегрегаций на границах зерен дополнительно стабилизирует структуру и способствует росту механической прочности [30–32].

Ярким примером подобных исследований является работа Lee S., Kim H., Lee B.J. «Atomistic modeling of short-range order effects in ZrTiNbV high-entropy alloys» [10], в которой с помощью молекулярно-динамического моделирования было показано, что наличие выраженного ближнего порядка в ОЦК сплаве ZrTiNbV приводит к увеличению предела текучести и более равномерному распределению напряжений при деформации. В ходе работы моделировались структуры с разной степенью химического упорядочения, и анализировалось

их поведение при растяжении. Было установлено, что SRO способствует формированию устойчивых дислокационных структур и снижает склонность к локализованному разрушению, что в целом повышает эксплуатационную надежность материала.

Помимо растяжения, важное значение для понимания пластичности и разрушения ВЭС имеет исследование их поведения при сдвиговой деформации. Сдвиговые нагрузки часто моделируются для выявления особенностей зарождения и движения дислокаций, формирования полос сдвига и оценки устойчивости к локализованному сдвигу. В ряде работ показано, что для сплавов ZrTiNbV и ZrTiNbHf наличие ближнего порядка может существенно влиять на механизмы сдвиговой деформации, повышая сопротивление образованию сдвиговых полос и замедляя распространение дефектов [2, 22], из сдвиговой деформации с использованием молекулярно-динамического моделирования позволяет выявить закономерности распределения напряжений, взаимодействия дислокаций и формирования новых дефектных областей, что имеет ключевое значение для повышения эксплуатационной надежности и долговечности высокоэнтропийных материалов.

Современные методы атомистического моделирования, включая гибридные подходы молекулярной динамики (МД) и Монте-Карло (МК), позволяют глубоко анализировать влияние химического упорядочения и ближнего порядка на деформационное поведение ВЭС, включая как растяжение, так и сдвиговые нагрузки [33–36]. Для систем на основе ZrTiNbV и ZrTiNbHf такие подходы обеспечивают детальное изучение влияния SRO на механические свойства при холодной деформации, включая особенности зарождения дислокаций, формирования полос сдвига и распределения напряжений. Настоящая работа частично посвящена исследованию сдвиговой деформации и направлена на анализ влияния ближнего порядка на механическое поведение этих двух высокоэнтропийных сплавов при комнатной температуре. Полученные результаты сопоставляются с литературными данными для аналогичных материалов с различной степенью атомного упорядочения, что позволяет выявить универсальные закономерности и композиционные ограничения [37–40].

Материалы и методы

Материалы исследования

Рассматриваются высокоэнтропийные сплавы двух типов: ZrTiNbV и ZrTiNbHf. Молекулярно-динамическое моделирование проводилось для бикристаллической модели (рис. 1), случайно заполненной 25 920 атомами соответствующих элементов, формирующих структуру бикристалла. При этом модели с разным атомным составом обозначаются как B1r и B2r. Размеры бикристаллов составляют примерно $18,0 \times 20,0 \times 2,8$ нм по осям x , y и z соответственно.

Для формирования бикристалла применён стандартный метод создания границ зёрен (ГЗ) с совпадающей узловой решёткой. В исходный бездефектный бикристаллический образец внедрены две низкоэнергетические симметричные наклонные границы $\Sigma 3$ (1–12) [110] с кристаллографическими направлениями [111], [1–12] и [110], где кристаллографические направления совпадают с осями x , y и z соответственно. Верхняя часть образца повернута на $70,53^\circ$ вокруг оси относительно нижней части для формирования ГЗ. Одна граница расположена в центре структуры, а вторая формируется верхней/нижней гранями вдоль оси y благодаря периодическим граничным условиям в этом направлении (рис. 1).

Процедура релаксации методом МК/МД

Для получения установившегося состояния рассматриваемых ВЭС для сплавов B1r и B2r проводится гибридное МД/МК-моделирование. Эта процедура

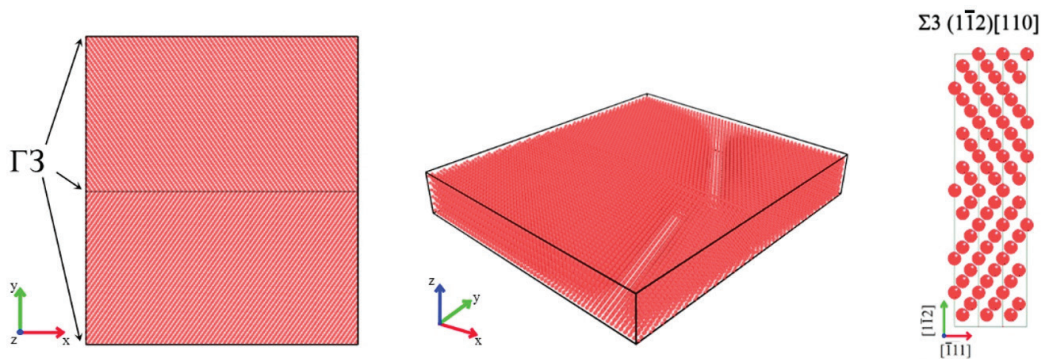

Рис. 1. Исходная конфигурация бикристалла с границами зёрен $\Sigma 3$ (1-12) [110]
Fig. 1. Initial configuration of the bicrystal with grain boundaries $\Sigma 3$ (1-12) [110]

релаксации материала включает в себя одновременное переключение атомов в соответствии с подходом Монте-Карло, описанным ниже, и МД-термализацию путем интегрирования классических уравнений движения.

Перед началом МД/МК моделирования бикристаллы B1г и B2г подвергаются минимизации энергии методом сопряженного градиента и далее уравниваются в течение 40 пс, поддерживая все компоненты давления на уровне 0 Па и температуру на уровне 300 К (ансамбль NPT). Как и в последующих МК с заменой атомов, временной шаг здесь установлен на 1 фс, а периодические граничные условия наложены вдоль осей x, y и z.

Замена атомов одного типа на атомы другого типа осуществляется с помощью широко распространенной процедуры МК, которая следует критерию принятия Метрополиса, определяющему вероятность замены при выбранной температуре. Согласно этому подходу, обмен происходит, если энергия сплава после обмена ($i+1$) атомов меньше энергии при предыдущей попытке i . В обратной ситуации обмен принимается с вероятностью, определяемой согласно уравнению (1):

$$P = e^{\left(\frac{E_{i+1} - E_i}{k \cdot T} \right)}, \quad (1)$$

где e – экспонента, T – заданная температура, k – постоянная Больцмана; за один временной интервал осуществляется только один обмен атомами, при этом кинетическая энергия системы до и после обмена остается неизменной. Для каждой атомной пары в моделируемых материалах проводится 100 000 обменов в течение 50 циклов МД/МК, причем после каждого цикла обмена в Монте-Карло выполняется процедура МД-релаксации в течение 20 пс в ансамбле NPT. После завершения такой процедуры МД/МК-релаксации сплавы ZrTiNbV и ZrTiNbHf далее могут обозначаться как B1о и B2о соответственно, что отражает их равновесное структурное состояние.

Химическое сродство элементов, входящих в состав сплавов, подвергнутых релаксации методом МК/МД, (B1о и B2о) может быть оценено путем расчета параметра Уоррена-Каули (α) для различных атомных пар первой координационной сферы с использованием уравнения (2):

$$\alpha = 1 - \frac{Z_{mn}}{\chi_n \cdot Z_m}, \quad (2)$$

где Z_{mn} – число атомов n-типа вокруг атомов m-типа, Z_m – общее число атомов вокруг атомов m-типа, а χ_n – атомная доля атомов n-типа в ВЭСе. Когда α равно

0, m-n атомные пары распределяются случайным образом без какого-либо упорядочения. Если α больше 0, такие пары могут встречаться в материале реже, чем при случайном распределении; когда же α меньше 0, то химическая связь между атомами n- и m-типа более благоприятна.

Моделирование сдвиговой деформации

Сдвиговая деформация для бикристаллов B1r, B2r, B1o и B2o моделируется при комнатной температуре (300 K) и скорости деформации $1.0 \times 10^8 \text{ с}^{-1}$ с использованием ансамбля NPT, где все компоненты напряжений, кроме σ_{xy} , поддерживаются равными нулю. Сдвиговое нагружение реализуется вдоль плоскости xy до достижения относительной деформации $\varepsilon_{xy} = 0,20$, что позволяет исследовать механизмы пластичности, связанные с движением и взаимодействием дислокаций под действием касательных напряжений. Для расчетов применяется программный пакет LAMMPS (Large-scale Atomic/Molecular Massively Parallel Simulator), который обеспечивает высокоэффективное моделирование атомистических процессов в многокомпонентных системах и позволяет учитывать сложную динамику дефектов и перестроек кристаллической решетки.

Межатомные взаимодействия в сплавах ZrTiNbV и ZrTiNbHf описываются многоатомными потенциалами, основанными на модифицированном методе встроенных атомов (modified embedded-atom method, MEAM), что позволяет корректно воспроизводить особенности поведения многокомпонентных твердых растворов при сдвиге. Несмотря на определенные ограничения точности для сложных сплавов, такие потенциалы обеспечивают адекватное описание основных деформационных процессов. Для анализа эволюции атомной структуры и дефектов, возникающих в процессе сдвиговой деформации, используется программный комплекс OVITO (Open Visualization Tool), позволяющий визуализировать распределение напряжений, движение дислокаций и формирование новых дефектных областей в трёхмерном пространстве.

Результаты и обсуждение

Упорядочение при релаксации методом МК/МД

В процессе релаксации исходных материалов (B1r и B2r) их энергия, как правило, должна уменьшаться. Действительно, из рис. 2(a) видно, что средняя энергия на один атом, Eatom, для исходных структур уменьшается с циклами МК/МД релаксации. Как видно, B1r со случайным распределением атомов имеет более высокую энергию, чем в случае B2r (-6,010 эВ и -6,374 эВ соответственно). В процессе релаксации энергия бикристалла B1r значительно падает в течение первых 10 циклов. После 50 циклов энергия упорядоченных M1o и M3o составляет около -6,125 эВ и -6,396 эВ соответственно. В отличие от ZrTiNbV, энергия ZrTiNbHf снижается незначительно.

На рис. 2(b) приведены диаграммы значений параметра Уоррена Каули, α для возможных атомных пар в релаксированных ВЭС B1o и B2o, рассчитанных с использованием метода МК/МД. Видно, что в B1o МК/МД релаксация приводит к образованию кластеров Nb, Zr и V-Ti. В то же время атомы V не склонны к образованию химических связей друг с другом, то же самое можно сказать и об атомных парах Nb-Ti и Nb-Zr. Остальные атомные комбинации в этом сплаве распределены в структуре практически случайным образом. Что касается ВЭС B2o, то в нем происходит упорядочение атомов Zr и особенно Nb, и, согласно рассчитанным значениям WCP, отдельные конгломераты этих элементов имеют тенденцию располагаться удаленно друг от друга. Кроме того, здесь можно обнаружить некоторую кластеризацию атомов Hf.

На рис. 3 показано распределение атомов в ВЭС после циклов МК/МД релаксации. Представленные атомные структуры находятся в хорошем согласии с

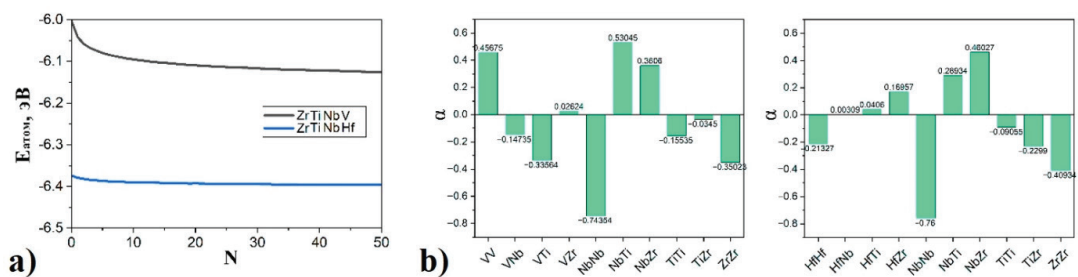

Рис. 2. Зависимость средней энергии на атом от числа циклов релаксации (а); значения параметра Уоррена Каули (б) для различных атомных пар ВЭС В1о (слева) и В2о (справа), полученных после 50 циклов релаксации

Fig. 2. Dependence of the average energy per atom on the number of relaxation cycles (a); values of the Warren Cowley parameter (b) for different atomic pairs of B1o (left) and B2o (right) HEA obtained after 50 relaxation cycles

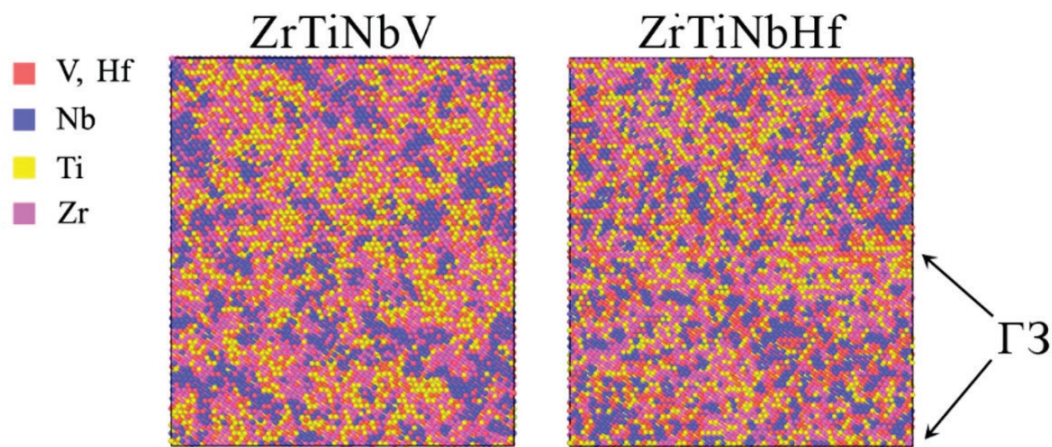

Рис. 3. Атомные структуры ВЭС после МК/МД релаксации (В1о и В2о)

Fig. 3. Atomic structures of HEA after MC/MD relaxation (B1o and B2o)

расчетными значениями WCP (рис. 2). Для обоих материалов наблюдается образование упорядоченных кластеров. Как В1о, так и В2о содержат хаотично распределенные кластеры атомов Nb и Zr, однако их размер в В2о меньше. Кроме того, в В1о видны участки с упорядоченной структурой V-Ti.

Следует отметить, что в В2о наблюдается образование 3Г сегрегаций. Горизонтальные линии атомов Ti и Zr, окрашенные в желтый и розовый цвета соответственно, занимают атомные позиции в ГЗ, а относительно небольшие кластеры Nb расположены предпочтительно внутри зерен. В В1о сегрегации по ГЗ отсутствуют.

Сдвиговая деформация

С целью выявления влияния ближнего порядка на деформационное поведение рассматриваемых сплавов было проведено МД моделирование сдвиговой деформации ВЭС. Результаты, полученные для релаксированных ВЭС В1о и В2о, сравниваются с соответствующими результатами для сплавов без предварительной МК/МД релаксации (В1г и В2г). На рис. 4 представлены кривые зависимости напряжения от деформации, полученные при сдвиге бикристаллов В1г, В2г,

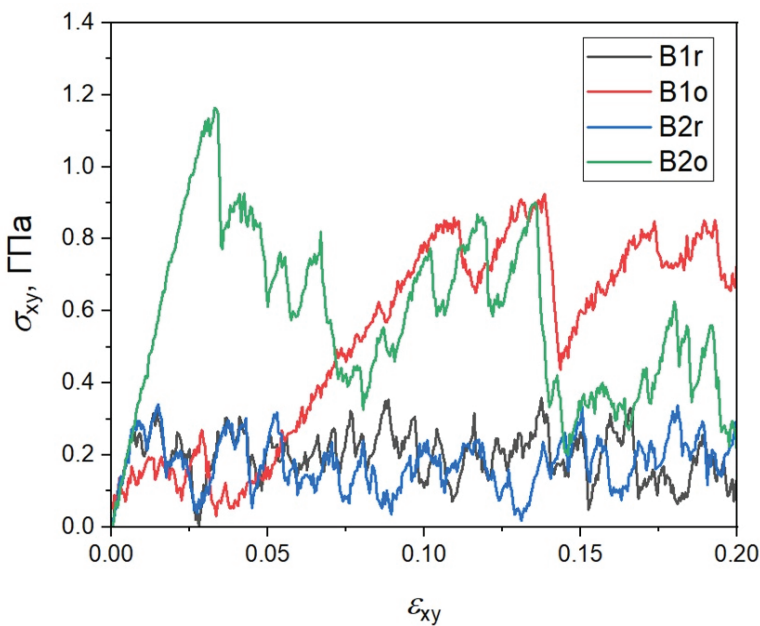

Рис. 4. Зависимость напряжения от деформации при сдвиге ВЭС
Fig. 4. Stress-strain dependence of shear HEA

B1o и B2o при температуре 300 К. Заметно, что напряжения нестабильны при деформировании всех четырех образцов и демонстрируют существенную осцилляцию после достижения предела текучести (табл.). Стоит отметить, что в случае случайного распределения атомов (сплавы B1r и B2r), кривые на всем интервале деформирования осциллируют на уровне $\sigma_{xy}=0,1\div 0,2$ ГПа, в то время как после релаксации соответствующие сплавы демонстрируют резкие перепады напряжений.

Химический состав и распределение атомов в материале существенно влияют на деформацию ВЭС. Если при случайном распределении атомов предел текучести сплава ZrTiNbV выше, чем у релаксированного сплава B1o (0,269 ГПа и 0,136 ГПа соответственно), то в случае ZrTiNbHf наблюдается обратная картина: предел текучести B2o значительно превышает значение, полученное для B2r (1,098 ГПа и 0,293 ГПа соответственно).

Таблица

Предел текучести и соответствующая деформация

Table

Yield strength and corresponding strain

ВЭС / HEA	B1r	B2r	B1o	B2o
σ_y , ГПа	0,268914	0,293485	0,135794	1,09769
ε_y	0,0065	0,009	0,0025	0,029

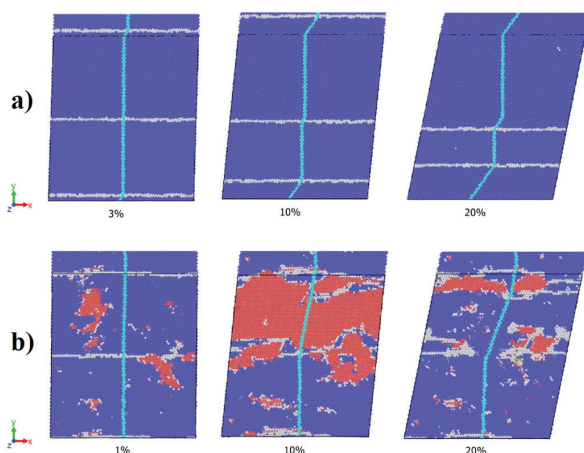

Рис. 5. Эволюция структуры бикристаллов B1r (a) и B1o (b) при сдвиге. Атомы ОЦК, ГПУ и неупорядоченной структур показаны синим, красным и серым цветами, соответственно. Линии меченых атомов, введенные перпендикулярно плоскости ГЗ, показаны голубым цветом

Fig. 5. Structure evolution of B1r (a) and B1o (b) bicrystals under shear. Atoms of the BCC, HCP, and disordered structures are shown in blue, red, and gray, respectively. The lines of labeled atoms introduced perpendicular to the GZ plane are shown in blue

Обсуждение результатов

Упрочнение или релаксация в процессе деформации материала всегда сопровождается изменением его структуры. Поэтому, чтобы выяснить каков вклад атомного упорядочения в процессе релаксации, далее проводится анализ эволюции структуры рассматриваемых ВЭС при их деформировании.

На рис. 5 приведены структуры сплава ZrTiNbV со случайным распределением атомов (a) и полученного после МК/МД релаксации (b) при различных степенях деформации. Атомы ОЦК, ГПУ и дефектной структур показаны здесь синим, красным и серым цветами соответственно. В исходном состоянии, до деформации, вводятся вертикальные линии меченых атомов с целью отслеживания смещения атомов и выявления механизмов деформации.

Из рис. 5(a) видно, что основным механизмом деформации в бикристалле B1r является миграция ГЗ. Постепенное движение нижней ГЗ, образованной гранями бикристалла, к ГЗ, расположенной в середине образца, наблюдается уже на ранних этапах деформирования. Вплоть до 20% деформации здесь работает этот механизм деформации. Дальнейшая деформация, очевидно, привела бы к исчезновению границ и образованию монокристалла.

В случае упорядоченного сплава (B1o) на рис. 5(b) картина выглядит иначе. Уже при сдвиге образца на 1% в некоторых областях структуры, где отсутствуют кластеры Nb, наблюдается переход исходной ОЦК структуры в ГПУ фазу. Это в свою очередь сопровождается релаксацией материала, чем и обусловлен такой низкий предел текучести ВЭС B1o (табл.). Очевидно, это обусловлено неоднородным распределением атомов Nb, который выступает стабилизатором ОЦК структуры. Кластеризация Nb в процессе МК/МД релаксации приводит к появлению участков, обедненных атомами Nb, что способствует фазовому переходу в них. Дальнейшая деформация однако приводит к упрочнению материала (рис. 4), что вызвано ростом плотности границ в структуре, задерживающих движение дислокаций. Резкое уменьшение напряжений при степенях деформации

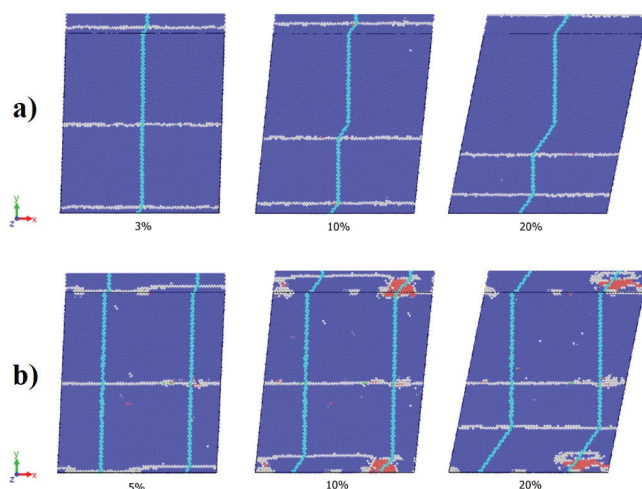

Рис. 6. Эволюция структуры бикристаллов B2r (a) и B2o (b) при сдвиге. Атомы ОЦК, ГПУ и неупорядоченной структур показаны синим, красным и серым цветами, соответственно. Линии меченых атомов, введенные перпендикулярно плоскости ГЗ, показаны голубым цветом

Fig. 6. Evolution of the structure of B2r (a) and B2o (b) bicrystals under shear. Atoms of the BCC, HCP, and disordered structures are shown in blue, red, and gray, respectively. The lines of labeled atoms introduced perpendicular to the GZ plane are shown in blue

больше ~13 % связано с обратным переходом ГПУ фазы в ОЦК фазу. При этом кристаллографическая ориентация вновь образованной ОЦК фазы совпадает с ориентацией соседнего исходного зерна. Таким образом, в отличие от B1r, в данном случае деформация сопровождается фазовыми переходами.

На рис. 6 приведены изображения соответствующих структур для бикристаллов B2r (a) и B2o (b). Подобно предыдущему случаю, когда атомы в структуре сплава распределены случайным образом (B2r), деформация сопровождается миграцией ГЗ. Однако деформационное поведение сплава B2o, подвергнутого предварительной релаксации методом МК/МД, отличается.

Высокий предел текучести B2o (рис. 3) обусловлен наличием 3Г сегрегаций, тормозящих миграцию ГЗ, а также более равномерным распределением нанокластеров Nb меньшего размера чем у B1o (рис. 3). Эти кластеры, во-первых, подавляют преждевременный фазовый переход ОЦК фазы в ГПУ фазу, и во-вторых, приводят к дисперсионному упрочнению. При достижении критического значения напряжения ГЗ преодолевает тормозящий барьер, вызванный сегрегациями, и начинает мигрировать. Однако, в отличие от сплавов со случайным распределением атомов, здесь мигрирует лишь одна граница, в то время как вторая остается закрепленной сегрегацией атомов.

Заключение

Проведенное моделирование и анализ структуры ВЭС ZrTiNbV и ZrTiNbHf позволили выявить ключевые закономерности влияния ближнего порядка и атомного распределения на механические свойства при сдвиговой деформации. Было установлено, что релаксация методом МК/МД приводит к формированию кластеров и сегрегаций отдельных элементов, что существенно изменяет характер деформационного поведения по сравнению со сплавами со случайным распределением атомов.

Для сплава ZrTiNbV (B1o) обнаружено, что кластеризация Nb и образование участков, обедненных этим элементом, способствуют локальным фазовым превращениям из ОЦК в ГПУ структуру уже на ранних стадиях деформации. Это приводит к снижению предела текучести, однако дальнейшее увеличение деформации сопровождается упрочнением за счет роста плотности границ и обратного фазового перехода. В отличие от этого, в сплаве со случайным распределением атомов (B1r) основным механизмом деформации является миграция границ зерен, что обеспечивает более стабильное напряженное состояние до достижения монокристаллической структуры.

В случае сплава ZrTiNbHf (B2o) выявлено, что наличие ГЗ сегрегаций и равномерно распределенных нанокластеров Nb обеспечивает значительное повышение предела текучести по сравнению с исходной структурой (B2r). Сегрегации эффективно тормозят миграцию границ зерен и подавляют преждевременные фазовые переходы, что приводит к дисперсионному упрочнению материала. Только при достижении критических напряжений граница зерна преодолевает барьер, обусловленный сегрегациями, что свидетельствует о более сложном и устойчивом механизме пластичности.

Таким образом, степень химического упорядочения и особенности распределения элементов оказывают ключевое воздействие на механические свойства и механизмы деформации ВЭС. Полученные результаты подчеркивают, что целенаправленное управление ближним порядком и структурой границ зерен может быть эффективным инструментом для оптимизации прочностных и пластических характеристик ВЭС, что открывает новые возможности для их применения в условиях высоких механических нагрузок и агрессивных сред.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Kamal MV, Ragunath S, Hema Sagar Reddy M, et al. Recent Advancements in Lightweight High Entropy Alloys - A Comprehensive Review. *International Journal of Lightweight Materials and Manufacture*. 2024;7:699-720. DOI: 10.1016/j.ijlmm.2024.06.001 (in English).
2. Babicheva RI, Semyonov AS, Izosimov AA, Korznikova EA. Analysis of Short-Range Ordering Effect on Tensile Deformation Behavior of Equiatomic High-Entropy Alloys TiNbZrV, TiNbZrTa and TiNbZrHf Based on Atomistic Simulations. *Modelling*. 2024;5(4):1853-1864. DOI: 10.3390/modelling5040096 (in English).
3. Sobieraj D, Wróbel JS, Rygier T, et al. Chemical short-range order in derivative Cr–Ta–Ti–V–W high entropy alloys from the first-principles thermodynamic study. *Physical Chemistry Chemical Physics*. 2020;22(46):23929-23951. DOI: 10.1039/D0CP03764H (in English).
4. Kozhakhmetov Ye, Skakov M, Kurbanbekov S, et al. High-Entropy Alloys: Innovative Materials with Unique Properties for Hydrogen Storage and Technologies for Their Production. *Metals*. 2025;15(2):100. DOI: 10.3390/met15020100 (in English).
5. Wang Q, Yao Y. Harnessing machine learning for high-entropy alloy catalysis: a focus on adsorption energy prediction. *npj Computational Materials*. 2025;11:91. DOI: 10.1038/s41524-025-01579-5 (in English).
6. Xi R, Li Y. Recent Advances in the Performance and Mechanisms of High-Entropy Alloys Under Low- and High-Temperature Conditions. *Coatings*. 2025;15(1):92. DOI: 10.3390/coatings15010092 (in English).
7. Zhuo L, Xie Y, Chen B. A review on recent progress of refractory high entropy alloys: From fundamental research to engineering applications. *Journal of Materials Research and Technology*. 2024;33:1097-1129. DOI: 10.1016/j.jmrt.2024.09.131 (in English).
8. Straumal B, Korneva A, Kuzmin A, et al. High Entropy Alloys for Energy Conversion and Storage: A Review of Grain Boundary Wetting Phenomena. *Energies*. 2022;15(19):7130. DOI: 10.3390/en15197130 (in English).
9. Dada M, Popoola P, Mathe N, et al. Recent Advances of High Entropy Alloys: High Entropy Superalloys. *IntechOpen*. 2021. DOI: 10.5772/intechopen.96661 (in English).

10. Ivanov YuF, Krysina OV, Petrikova EA, et al. Cermet coatings produced by vacuum-arc evaporation of a high-entropy alloy. *Materials. Technologies. Design.* 2023;5(5):29-42. DOI: 10.54708/26587572_2023_551529 (in English).
11. Nafikov RK, Ganeev AV, Valiev RZ, et al. Investigation of nano-scale precipitates in the CoCrFeMnNi high-entropy alloy processed by high-pressure torsion. *Materials. Technologies. Design.* 2024;6(1):47-58. DOI: 10.54708/26587572_2024_611647 (in Russian).
12. Savina YN, Valiev RR, Nazarov AYu, et al. Formation of high-entropy TiZrVCrAl coating on the surface of the Ti-6Al-4V titanium alloy at different technological parameters. *Materials. Technologies. Design.* 2024;6(2):81-91. DOI: 10.54708/26587572_2024_621781 (in Russian).
13. Abuayash AM, Islamgaliev RK, Nesterov KM, et al. Structure and mechanical properties of high-entropy Fe-Ni-Mn-Cr alloy subjected to HPT. *Materials. Technologies. Design.* 2024;6(4):29-40. DOI: 10.54708/26587572_2024_641929 (in Russian).
14. Kalinenko A, Zuiko I, Bodyakova A, Kaibyshev P. Effect of intermediate deformation and artificial ageing on the mechanical properties of a Al-Cu-Mg alloy. *Materials. Technologies. Design.* 2024;6(4):67-78. DOI: 10.54708/26587572_2024_641967 (in Russian).
15. Bryzgalov VA, Morkina AYu, Abdullina DU, et al. High-density pulsed current: a review of its role in healing macrocracks in metals. *Materials. Technologies. Design.* 2024;6(2):38-58. DOI: 10.54708/26587572_2024_621738 (in Russian).
16. Kosarev IV, Kistanov AA, Ibragimov MR, et al. Consideration of linear topological defects in silicene through molecular dynamics and ab-initio calculations. *Materials. Technologies. Design.* 2024;6(1):13-21. DOI: 10.54708/26587572_2024_611613 (in Russian).
17. Solovyov AV, Pesterev EA, Yakovlev EV, et al. Computer simulation of thermal fields of the Cr-Mo-Zr system for coating formation using a low-energy high-current electron beam. *Materials. Technologies. Design.* 2023;5(5):122-128. DOI: 10.54708/26587572_2023_5515122 (in Russian).
18. Timiryayev RR, Nazarov KS, Korznikova GF, et al. Mechanical tensile properties of an Al-Nb composite obtained by deformation of shear under pressure. *Materials. Technologies. Design.* 2021;3(2):5-12. DOI: 10.54708/26587572_2021_3245 (in Russian).
19. Zhang Yong, Zuo Ting Ting, Tang Z, et al. Microstructures and properties of high-entropy alloys. *Progress in Materials Science.* 2014;61:1-93. DOI: 10.1016/j.pmatsci.2013.10.001 (in English).
20. Gludovatz B, Hohenwarter A, Catoor D, et al. A fracture-resistant high-entropy alloy for cryogenic applications. *Science.* 2018;345(6201):1153-1158. DOI: 10.1126/science.1254581 (in English).
21. Li Z, Pradeep KG, Deng Yu, et al. Metastable high-entropy dual-phase alloys overcome the strength-ductility trade-off. *Nature.* 2016;534:227-230. DOI: 10.1038/nature17981 (in English).
22. Wang SD, Liu XJ, Lei ZF, et al. Chemical short-range ordering and its strengthening effect in refractory high-entropy alloys. *Physical Review B.* 2018;103:104107. DOI: 10.1103/PhysRevB.103.104107 (in English).
23. Ding Jun, Qin Yu, Mark Asta, et al. Tunable stacking fault energies by tailoring local chemical order in CrCoNi medium-entropy alloys. *PNAS.* 2018;115:8919-8924. DOI: 10.1073/pnas.1808660115 (in English).
24. Li L, Kamachali RD, Li Z, Zhang Z. Grain boundary energy effect on grain boundary segregation in an equiatomic high-entropy alloy. *Physical Review Materials.* 2020;34:053603. DOI: 10.1103/PhysRevMaterials.4.053603 (in English).
25. Yurchenko N, Panina E, Salishchev G, Stepanov N. Structure and mechanical properties of near-eutectic refractory Al-Cr-Nb-Ti-Zr high entropy alloys. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering.* 2021;1014:012058. DOI: 10.1088/1757-899X/1014/1/012058 (in English).
26. Vakili SM, Zarei-Hanzaki A, Anoushe AS, et al. Reversible dislocation movement, martensitic transformation and nano-twinning during elastic cyclic loading of a metastable high entropy alloy. *Acta Materialia.* 2020;185:474-492. DOI: 10.1016/j.actamat.2019.12.040 (in English).
27. Soumyadipta M, Walter S. Phase stability, local chemical disorder and its effect on the mechanical properties of refractory high-entropy alloys. *arXiv.* 2016;1601.06015. DOI: 10.48550/arXiv.1601.06015 (in English).
28. Strother JD, Hargather CZ. Stacking fault energies on {112} planes of an AlNbTaTiV BCC

high-entropy alloy from first-principles calculations, analyzed with inferential statistics. *Materialia*. 2020;14:100927. DOI: 10.1016/j.mtla.2020.100927 (in English).

29. Wu Yu, Zhang F, Yuan X, et al. Short-range ordering and its effects on mechanical properties of high-entropy alloys. *Journal of Materials Science & Technology*. 2021;62:214-220. DOI: 10.1016/j.jmst.2020.06.018 (in English).

30. Chen Sh, Aitken ZH, Pattamatta S, et al. Simultaneously enhancing the ultimate strength and ductility of high-entropy alloys via short-range ordering. *Nature Communications*. 2021;12:4953. DOI: 10.1038/s41467-021-25264-5 (in English).

31. He T, Qi Yu, Ji Y, Feng M. Grain boundary segregation-induced strengthening-weakening transition and its ideal maximum strength in nanopolycrystalline FeNiCrCoCu high-entropy alloys. *International Journal of Mechanical Sciences*. 2023;238:107828. DOI: 10.1016/j.ijmecsci.2022.107828 (in English).

32. Fernández-Caballero A, Wróbel JS, Mummery PM, Nguyen-Manh D. Short-Range Order in High Entropy Alloys: Theoretical Formulation and Application to Mo-Nb-Ta-V-W System. *Journal of Phase Equilibria and Diffusion*. 2017;38:391-403. DOI: 10.1007/s11669-017-0582-3 (in English).

33. Sahlberg M, Karlsson D, Zlotea C, Jansson U. Superior hydrogen storage in high entropy alloys. *Scientific Reports*. 2016;6:36770. DOI: 10.1038/srep36770 (in English).

34. Lee Ch, Xie D, Li J, et al. Dynamic Deformation Behaviors in Single Body-Centered-Cubic (BCC) phase Refractory High-entropy Alloys. *Research Square*. 2022:1-36. DOI: 10.21203/rs.3.rs-3471175/v1 (in English).

35. Kube SA, Schroers J. Metastability in high entropy alloys. *Scripta Materialia*. 2020;186:392-400. DOI: 10.1016/j.scriptamat.2020.05.049 (in English).

36. Mora-Barzaga G, Urbassek HM, Deluigi OR, et al. Chemical short-range order increases the phonon heat conductivity in a refractory high-entropy alloy. *Scientific Reports*. 2024;14:20628. DOI: 10.1038/s41598-024-70500-9 (in English).

37. Xun K, Zhang B, Wang Q, et al. Local chemical inhomogeneities in TiZrNb-based refractory high-entropy alloys. *Journal of Materials Science & Technology*. 2023;135:221-230. DOI: 10.1016/j.jmst.2022.06.047 (in English).

38. Yu B, Ren Y, Zeng Yi, et al. Recent progress in high-entropy alloys: A focused review of preparation processes and properties. *Journal of Materials Research and Technology*. 2024;29:2689-2719. DOI: 10.1016/j.jmrt.2024.01.246 (in English).

39. Li Zh, Raabe D. Strong and Ductile Non-equiatomic High-Entropy Alloys: Design, Processing, Microstructure, and Mechanical Properties. *JOM*. 2019;69:2099-2106. DOI: 10.1007/s11837-017-2540-2 (in English).

40. Arun S, Radhika N, Saleh B. Exploring the Potential of High Entropy Alloys: A Comprehensive Review on Microstructure, Properties and Applications. *Johnson Matthey Technology Review*. 2024;68(4):549-566. DOI: 10.1595/205651324X17028969538851 (in English).

Сведения об авторах

ДАВЛЕТБАКОВ Арслан Асхатович – инженер молодежной лаборатории «Металлы и сплавы при экстремальных воздействиях», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, ORCID: 0000-0003-4760-5747, SPIN: 7420-7556, e-mail: davletbakov.arслан@mail.ru

БАБИЧЕВА Рита Исмагиловна – к. ф.-м. н., с. н. с. молодежной лаборатории «Металлы и сплавы при экстремальных воздействиях», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа; научный сотрудник, Институт физики молекул и кристаллов ФГБНУ «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук», г. Уфа, Российская Федерация; ORCID: 0000-0001-5388-3466, ResearcherID: AAT-6126-2021, Scopus ID: 36547494300, SPIN: 9978-9563, e-mail: ri.babicheva@gmail.com

СЕМЁНОВА Мария Николаевна – к. ф.-м. н., доц. каф. ФиПМ, Политехнический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Мирный, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-7298-0226, Researcher ID: AAD-2973-

2020, Scopus ID: 57204979109, SPIN: 2091-9681, e-mail: mariya_semyonova86@mail.ru

КОРЗНИКОВА Елена Александровна – д. ф.-м. н., доцент, зав. молодежной лабораторией «Металлы и сплавы при экстремальных воздействиях», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Российская Федерация; проф. каф. ЭиАПП, Политехнический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» г. Мирном; г. Мирный, Российская Федерация, в. н. с. ФГБНУ «Институт проблем сверхпластичности металлов Российской академии наук», г. Уфа, Российская Федерация; ORCID: 0000-0002-5975-4849, Researcher ID: H-7922-2016, Scopus ID: 9939896100, SPIN: 9908-3698, e-mail: elena.a.korznikova@gmail.com

About the authors

Arslan A. DAVLETBAKOV – Engineer of Youth Research Laboratory “Metals and Alloys under Extreme Effects”, Ufa University of Science and Technology, Ufa, ORCID: 0000-0003-4760-5747, SPIN: 7420-7556, e-mail: davletbakov.arslan@mail.ru

Rita I. BABICHEVA – Cand. Sci. (Phys. and Math.), Senior Researcher of Youth Research Laboratory “Metals and Alloys under Extreme Effects”, Ufa University of Science and Technology, Ufa; Researcher, Institute of Molecule and Crystal Physics of the Ufa Federal Research Center RAS, Ufa; ORCID: 0000-0001-5388-3466, Researcher ID: AAT-6126-2021, Scopus ID: 36547494300, SPIN: 9978-9563, e-mail: ri.babicheva@gmail.com

Maria N. SEMYONOVA – Cand. Sci. (Phys. and Math.), Associate Professor, Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-7298-0226, Researcher ID: AAD-2973-2020, Scopus ID: 57204979109, SPIN: 2091-9681, e-mail: mariya_semyonova86@mail.ru

Elena A. KORZNIKOVA – Dr. Sci. (Phys. and Math.), Associate Professor, Head of Youth Research Laboratory “Metals and Alloys under Extreme Effects”, Ufa University of Science and Technology, Ufa; Professor of Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University; Leading Researcher, Institute for Metals Superplasticity Problems of the Russian Academy of Sciences, Ufa; ORCID: 0000-0002-5975-4849, Researcher ID: H-7922-2016, Scopus ID: 9939896100, SPIN: 9908-3698, e-mail: elena.a.korznikova@gmail.com

Вклад авторов

Давлетбаков А. А. – визуализация, ресурсное обеспечение исследования

Бабичева Р. И. – методология, программное обеспечение, администрирование данных

Семёнова М. Н. – проведение исследования, создание черновика рукописи

Корзникова Е. А. – разработка концепции, верификация данных, редактирование рукописи

Authors' contribution

Arslan A. Davletbakov – visualization, resources

Rita I. Babicheva – methodology, software, data curation

Maria N. Semyonova – investigation, writing-original draft

Elena A. Korznikova – conceptualization, validation, writing-review & editing.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 31.05.25

Принята к публикации / Accepted 23.06.25

УДК 535-1;577

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-37-47>

Оригинальная научная статья

Исследование эритроцитов крови пациентов с диагнозом рак шейки матки в ходе лучевой терапии методом спектроскопии комбинационного рассеяния

А. Н. Павлов¹ ✉, С. Н. Мамаева¹, П. В. Винокуров¹, Г. В. Максимов²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

✉ Alpavlov090@mail.ru

Аннотация

В данной работе представлены результаты исследования изменений свойств гемоглобина у пациентов с диагнозом рак шейки матки (РШМ) до и после лучевой терапии методом спектроскопии комбинационного рассеяния (КР-спектроскопии). Проведен анализ сухих мазков крови пациенток с РШМ и здоровых доноров с использованием КР-спектрометра с длиной волны возбуждения 532 нм. Результаты исследования выявили значительные нарушения кислород-транспортной функции гемоглобина. Сравнительный анализ спектральных характеристик показал более высокую концентрацию оксигемоглобина в контрольной группе по сравнению с образцами пациенток с РШМ, что свидетельствует о снижении кислород-связывающей способности при патологическом состоянии. Смещения и изменения интенсивности характеристических пиков указывают на увеличение доли дезоксигемоглобина при РШМ. Анализ ключевых колебательных мод (991, 1127, 1165, 1300, 1337 см⁻¹) подтвердил наличие конформационных изменений в гемовой группе и нарушение функции связывания кислорода. Особенно значимым оказалось изменение соотношения интенсивностей I_{1375}/I_{1127} (разница 2–5.5% по сравнению с контрольной группой), отражающее уменьшение доли R-формы гемоглобина. Исследование выявило увеличение количества комплексов гемоглобина с NO (рост I_{1618}/I_{1580} на 20%) при сохранении стабильного уровня метгемоглобина. Также обнаружены изменения физико-химических свойств эритроцитов: повышение текучести мембран (увеличение I_{2850}/I_{2880} до 35%) и увеличение полярности микроокружения аминокислот (снижение I_{2930}/I_{2850} на 23%) при РШМ. Лучевая терапия усугубляла эти изменения, хотя ее влияние на кислород-связывающую способность было менее выраженным, чем эффект самого онкологического процесса.

Ключевые слова: КР-спектроскопия, эритроциты, оксигемоглобин, дезоксигемоглобин, метгемоглобин, рак шейки матки, лучевая терапия, оксигенация, спектральные маркеры, интенсивность пиков

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания № FSRG-2024-0002 «Междисциплинарные исследования и разработки в области медицины, палеонтологии и экологии с применением радиационных технологий»

Для цитирования: Павлов А. Н., Мамаева С. Н., Винокуров П. В., Максимов Г. В. Исследование эритроцитов крови пациентов с диагнозом рак шейки матки в ходе лучевой терапии методом спектроскопии комбинационного рассеяния. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 37–47. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-37-47

Original article

The study of erythrocytes in cervical cancer patients during radiation therapy using Raman spectroscopy

Alexander N. Pavlov¹ ✉, Sargylana N. Mamaeva¹, Pavel V. Vinokurov¹, Georgy V. Maximov²

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉Alpavlov090@mail.ru

Abstract

This study presents the results of investigation into hemoglobin property alterations in cervical cancer (CC) patients before and after radiation therapy using Raman spectroscopy. Dry blood smears from CC patients and healthy donors were analyzed using a Raman spectrometer with 532 nm excitation wavelength. The results revealed significant impairments in hemoglobin's oxygen transport function. Comparative analysis of spectral characteristics demonstrated higher oxyhemoglobin concentrations in the control group versus CC samples, indicating reduced oxygen-binding capacity in the pathological state. Peak shifts and intensity changes suggested increased deoxyhemoglobin fractions in CC patients. Analysis of key vibrational modes (991, 1127, 1165, 1300, 1337 cm^{-1}) confirmed conformational changes in the heme group and impaired oxygen-binding function. Particularly significant was the altered intensity ratio I_{1375}/I_{1127} (2-5.5% difference versus controls), reflecting decreased R-state hemoglobin fractions. The study identified increased hemoglobin-NO complexes (20% rise in I_{1618}/I_{1580}) while methemoglobin levels remained stable. We also observed changes in erythrocyte physicochemical properties: increased membrane fluidity (35% higher I_{2850}/I_{2880}) and enhanced amino acid environment polarity (23% decrease in I_{2930}/I_{2850}) in CC patients. Radiation therapy exacerbated these changes, though its impact on oxygen-binding capacity was less pronounced than the oncological process itself.

Keywords: Raman spectroscopy, erythrocytes, oxyhemoglobin, deoxyhemoglobin, methemoglobin, cervical cancer, radiation therapy, oxygenation, spectral markers, peak intensity

Funding. This study was supported by the state assignment No. FSRG-2024-0002 "Interdisciplinary research and development in the field of medicine, paleontology, and ecology using radiation technologies"

For citation: Pavlov A. N., Mamaeva S. N., Vinokurov P. V., Maximov G. V. The study of erythrocytes in cervical cancer patients during radiation therapy using Raman spectroscopy. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 37–47. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-37-47

Введение

Молекулярный состав живых организмов служит точным индикатором их физиологического состояния. Даже на первый взгляд, простые физиологические изменения часто сопровождаются сложными и многовариантными молекулярными перестройками. Возможность одновременного отслеживания количественных и качественных изменений молекул в составе сложных органических систем открыло бы новые горизонты для развития системной биологии и медицинской диагностики [1].

Такой подход может значительно углубить понимание биологических процессов и повысить точность выявления заболеваний на ранних стадиях, что в перспективе приведет к более эффективным и персонализированным методам лечения. Именно поэтому в последние годы интерес к клинической спектроскопии стремительно возрастает, благодаря уникальным возможностям колебательных спектроскопических методов, которые позволяют проводить неинвазивную или малоинвазивную диагностику биологических жидкостей и тканей.

Среди этих методов особое место занимает спектроскопия комбинационного рассеяния (КР-спектроскопия). Она обеспечивает анализ биологических молекул с высокой чувствительностью, не требуя использования экзогенных меток. С технической точки зрения метод универсален и позволяет исследовать различные типы образцов: от биологических жидкостей, плазмы или сыворотки крови до клеток и тканей [2].

Гемоглобин (Гб). Данный белок составляет более 95% сухого веса эритроцитов. Большинство исследований, связанных с функциональными и структурными свойствами Гб, проводилось на изолированном белке (Гб), помещенном в буферный раствор [3]. Он является чрезвычайно сильным рассеивателем в КР-спектроскопии, благодаря своим высококонъюгированным гемовым субъединицам. Как следствие, КР-спектры как эритроцитов, так и цельной крови в основном определяются полосами Гб. Именно спектры Гб стали основным объектом многих ранних исследований в этой области [4].

Понимание природы связи $\text{Fe} \cdot \text{O}_2$ гемоглобина было важнейшим в исследованиях связывания кислорода Гб. Так, КР-спектроскопия широко использовалась для исследований структуры ферропорфирина. Наблюдаемые пики на спектре порфирина в основном связаны с колебаниями его С-С и С-N связей в кольцевой структуре порфирина [5].

Была разработана и впоследствии расширена модель, различающая релаксированное (R) и напряженное (T) состояния четырех субъединиц Гб, каждая из которых способна связывать кислород [6].

При помощи КР-спектроскопии было выявлено, что атом железа в кислородсвязанной форме находится в низкоспиновом состоянии Fe^{3+} , а не Fe^{2+} . Данное исследование поддерживает концепцию «супероксидного» характера связи $\text{Fe} \cdot \text{O}_2$ в Гб, где кислород существует как O_2^- (супероксид), а железо – как Fe^{3+} [7]. Ближняя инфракрасная Фурье-спектроскопия комбинационного рассеяния применялась для изучения метгемоглобина крови пациентов с РШМ, формы Гб, содержащей железо в состоянии Fe^{3+} , но не способной связывать кислород. Метод КР-спектроскопии показал хорошее согласие с классическими методами спектрофотометрии, что указывает на перспективу использования КР-спектроскопии для точных измерений [8].

КР-спектроскопия Гб в интактных эритроцитах. Еще в 1970-х гг. были приложены значительные усилия для исследования Гб в интактных эритроцитах. Так, было проведено исследование суспензии эритроцитов методом резонансного комбинационного рассеяния света. Было выявлено, что КР-спектр суспензии эритроцитов был обусловлен исключительно молекулами Гб внутри неповрежденных клеток [9].

Если первоначальные исследования проводились на очищенном Гб, то последующие работы с интактными клетками продемонстрировали важность изучения этого белка в его нативном состоянии.

Известно, что у пациентов со злокачественными новообразованиями часто развивается анемия. Наиболее распространенным типом анемии, возникающей у пациентов с солидными опухолями, является «хроническая анемия», которая, как

сообщалось, связана не только с раком, но и с хроническими воспалительными заболеваниями, тяжелыми инфекциями и травмами. Сопутствующими лабораторными признаками являются гипоферриемия и снижение насыщения трансферрина в сочетании с гиперферритинемией. Заболевание приводит к общему нарушению выработки эритроцитов костным мозгом, что, вероятно, является наиболее важным механизмом развития анемии, связанной с раком [10].

Факторы, связанные с лечением, также могут способствовать развитию анемии, такие как хирургическое вмешательство с кровопотерей, лучевая терапия с вовлечением больших участков костного мозга или химиотерапия миелосупрессивными цитотоксическими препаратами [11]. Эти лечебные факторы могут усиливать тяжесть анемии у онкологических больных.

Целью данной работы является проведение экспериментов по исследованию изменения свойств Гб эритроцитов крови пациентов с диагнозом рак шейки матки до и после проведения лучевой терапии методом КР-спектроскопии.

Материалы и методы

Объектами исследования были сухие мазки венозной крови шести пациентов с диагнозом рак шейки матки (РШМ), проходивших лучевую терапию (ЛТ) в радиотерапевтическом отделении ГБУ РС (Я) «Якутский республиканский онкологический диспансер», а также контрольной группы – трех доноров (доноров подбирали соответствующего возраста). Мазки венозной крови наносились тонким слоем на предметные стекла и высушивались на воздухе при комнатной температуре. Исследования проводились на установке NTEGRA Spectra (NT-MDT, Россия) с конфокальной КР/флуоресцентной микроскопией и спектроскопией, длина волны источника излучения 532 нм, спектры снимались при температуре 22 °С. Полученные данные статистически обрабатывались с помощью программного обеспечения OriginPro 2018 (OriginLab Corporation, США).

Для вычитания базовой линии использовался итеративный алгоритм на основе полиномиальной аппроксимации. Вычитание базовой линии проводилось по 10 точкам (850, 950, 1050, 1150, 1250, 1350, 1450, 1550, 1650, 1750 см⁻¹). Обработку экспериментальных спектров проводили с использованием цифрового сглаживания по методу Савицки-Голея [12].

Нормировка спектров образцов для графика производилась по наиболее интенсивному пику ν_{37} , связанному с валентными колебаниями C=N и C=C связей порфирина по формуле:

$$I_{\text{норм}}(\nu) = \frac{I(\nu)}{I_{\text{макс}}},$$

где $I(\nu)$ – исходная интенсивность при волновом числе ν , $I_{\text{макс}}$ – максимальная интенсивность в спектре.

Результаты и обсуждение

Сравнение усредненных спектров контрольной группы и группы с РШМ до и после ЛТ представлены на рис. Спектры отнормированы по наиболее интенсивному пику ν_{37} (табл. 1), связанному с валентными колебаниями C=N и C=C связей порфирина. Данная полоса связана с оксигенацией Гб. Пик смещается в сторону меньших волновых чисел для дГб и в сторону больших волновых чисел для оксигемоглобина (оГб) [13]. В данном случае наблюдается смещение на 1 см⁻¹ и на 4 см⁻¹ в сторону меньших волновых чисел для спектров РШМ до ЛТ и РШМ ЛТ соответственно, что, возможно, указывает на увеличение количества дГб.

Таблица 1

Наблюдаемое волновое число (cm^{-1}), интерпретация полос и локальные координаты для эритроцитов при используемой длине волны источника 532 нм [14, 15]

Table 1

Observed wavenumber (cm^{-1}), band assignment, and local coordinates for erythrocytes at 532 nm excitation [14, 15]

Положение полосы гемоглобина	Расположение и обозначение колебательных мод в молекуле	
1630	ν_{10}	$\nu(C_{\alpha}C_m)_{\text{ассим}}$
1579	ν_{37}	$\nu(C_{\alpha}C_m)_{\text{ассим}}$
1548	ν_{11}	$\nu(C_{\beta}C_{\beta'})$
1428	ν_{28}	$\nu(C_{\alpha}C_m)_{\text{ассим}}$
1366	ν_4^+	$\nu(\text{pyr half-ring})_{\text{ассим}}$
1336	ν_{41}	$\nu(\text{pyrquarter-ring})_{\text{ассим}}$
1301	ν_{21}	$\delta(C_mH)$
1226	ν_{13} или ν_{42}	$\delta(C_mH)$
1165	ν_{30}	$\nu(\text{pyrhalf-ring})_{\text{ассим}}$
1127	ν_{22}	$\nu(\text{pyrhalf-ring})_{\text{ассим}}$
1090	ν_{23}	$\nu(C_{\beta}C_1)_{\text{ассим}}$
997	ν_{47}	$\nu(C_{\beta}C_1)_{\text{ассим}}$

* ν – валентные колебания, δ – деформационные колебания

* ν – stretching vibrations, δ – bending vibrations

Пик при 991 cm^{-1} относится к моде ν_8 и обусловлен деформационными колебаниями С-С-С или С-N-С. Наиболее вероятно, что пик при 991 cm^{-1} соответствует деформационным колебаниям связей С-С и С-N в порфириновом кольце гема, возможно, с вкладом колебаний, связанных с взаимодействием гема с окружающими аминокислотами глобина.

Пик при 1127 cm^{-1} связан с валентными колебаниями С-С и С-N связей в порфириновом кольце. Относится к модам ν_8 или ν_9 -валентным колебаниям С-С связей в мезо-положениях порфирина. В дГб (Hb, Fe^{2+} высокоспиновое) пик может слегка смещаться вниз.

Пик при 1165 cm^{-1} обусловлен преимущественно изгибными колебаниями С-H связей в мезо-положениях порфирина с возможным вкладом С-С колебаний пиррольных колец. Данный пик более интенсивен при оксигенированном состоянии Гб, что подтверждается большей интенсивностью полосы в спектрах образцов крови контрольной группы.

Пик при 1226 cm^{-1} относится к характеристическим колебаниям ν_{13} – растяжениям С-С связей между пиррольными кольцами. Для низкоспинового Fe^{2+} (HbO_2) пик может смещаться вверх из-за усиления сопряжения в порфирине, что наблюдается на спектрах.

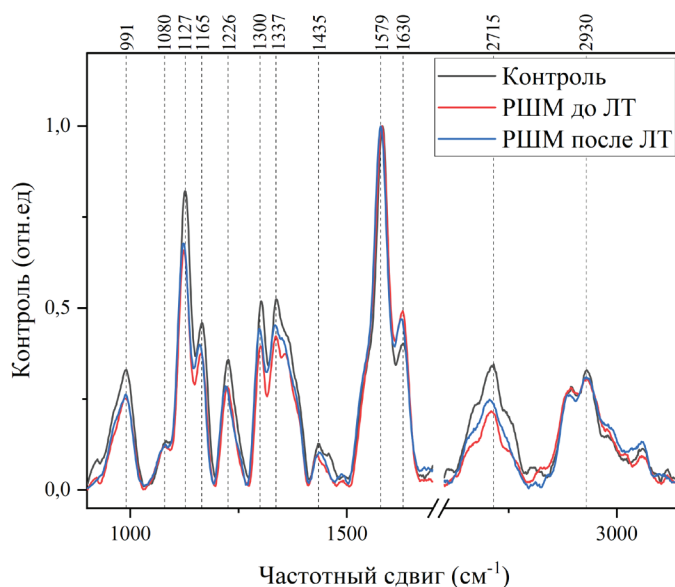

Рис. Сравнение усредненных КР-спектров мазков крови контрольной группы с КР-спектрами мазков крови пациентов с РШМ до и после ЛТ

Fig. Comparison of averaged Raman spectra of blood smears from the control group with Raman spectra of blood smears from cervical cancer patients before and after radiation therapy

Пик при 1300 см^{-1} – важный маркер, отражающий колебательную структуру порфиринового кольца и его взаимодействие с белковой матрицей. Относится к ν_{21} (C-H изгибные + C-N растяжения). По данным Спиро и др., положение пика четко различается для оГб: 1307 см^{-1} и дГб: 1298 см^{-1} . В рассматриваемых спектрах максимумы наблюдаются на 1305 см^{-1} для контрольной группы и 1299 и 1297 см^{-1} для образцов с РШМ до и после ЛТ соответственно. Это указывает на большую концентрацию дГб в образцах с РШМ.

Пик при 1337 см^{-1} один из наиболее важных информативных маркеров состояния гема. Относится к моде ν_4^+ – симметричным растяжениям всех связей C-N в пиррольных кольцах порфирина. Смещается вниз для дГб, а также наблюдается снижение интенсивности, что может указывать на образование негемовых железосодержащих комплексов. Высокая интенсивность данного пика свидетельствует о большей концентрации интактного Гб и оГб, а снижение интенсивности – о патологических состояниях.

Пик при 1435 см^{-1} относится к моде ν_{38} , включающей асимметричные растяжения C-C связей в пиррольных кольцах и деформационные колебания C-N в мезо-положениях. Данная полоса чувствительна к изменениям электронной плотности порфирина.

Пик при 1579 см^{-1} обусловлен симметричными валентными колебаниями связей C-C (ν_5 или ν_{15}) в порфириновом кольце.

Пик при 1630 см^{-1} относится к моде ν_{10} , характеризующей асимметричные растяжения C=C и C=N связей в порфириновом кольце. Характерен для низкоспиновых состояний Fe^{2+} (HbO_2).

Для увеличения разрешающей способности и для отделения наложенных друг на друга пиков была применена деконволюция методом наименьших квадратов.

Для оценки изменений конформации гема и глобина молекулы Гб использовали величины соотношений интенсивностей характерных полос спектра КР (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение соотношений интенсивностей характерных полос КР-спектра

Table 2

Comparison of intensity ratios of characteristic Raman spectral bands

Отношение пиков	Контроль	До ЛТ	После ЛТ
I_{1375}/I_{1127}	1,59	1,56 (-1,8%)	1,50 (-5,6%)
I_{1375}/I_{1172}	0,87	0,89 (+2,3%)	0,88 (+1,1%)
I_{1375}/I_{1580}	0,52	0,42 (-19,2%)	0,45 (-13,4%)
I_{1580}/I_{1550}	0,12	0,08 (-33,3%)	0,08 (-33,3%)
$I_{1355}/(I_{1355}+I_{1375})$	0,50	0,48 (-4%)	0,49 (-2%)
$(I_{1355}/I_{1550})/(I_{1375}/I_{1580})$	3,18	2,50 (-21%)	2,85 (-10%)
I_{1618}/I_{1580}	0,34	0,41 (+20,5%)	0,39 (+14%)
I_{2850}/I_{2880}	0,28	0,34 (+21,4%)	0,38 (+35%)
I_{2880}/I_{2930}	0,85	0,92 (+8,2%)	0,84 (-1,1%)
I_{2930}/I_{2850}	4,20	3,16 (-24,7%)	3,13 (-25,4%)

*Цветными выделениями отмечены тенденции: зеленым – возрастание, красным – убывание в сравнении с предыдущим столбцом. В скобках указан процент возрастания (+) либо убывания (-) в сравнении с контрольной группой

*Trends are highlighted with color coding: green – an increase, and red – a decrease compared to the preceding column. The percentage increase (+) or decrease (-) relative to the control group is indicated in parentheses

Убывание соотношения интенсивностей полос I_{1375}/I_{1127} , I_{1580}/I_{1550} и $(I_{1355}/I_{1550})/(I_{1375}/I_{1580})$, которые описывают изменение конформации Гб, его вероятность нахождения в Т форме и сродство к лигандам (в основном к кислороду), свидетельствует об уменьшении концентрации оГб и уменьшении способности Гб связывать кислород при РШМ. Данный фактор становится выраженнее после проведения ЛТ. Так, отличия в соотношении пиков I_{1375}/I_{1127} составляют 2% и 5,5% до ЛТ и после ЛТ в сравнении с контрольной группой соответственно, что свидетельствует об уменьшении количества Гб, находящегося в R форме.

Отличия в соотношении пиков I_{1580}/I_{1550} составляют 30%, и поле проведения ЛТ не меняется, отличия в соотношении пиков $(I_{1355}/I_{1550})/(I_{1375}/I_{1580})$, свидетельствуют об уменьшении сродства Гб к лигандам, в основном к кислороду. В то же время относительное количество комплексов дГб не претерпевает значительных изменений.

Относительное число комплексов Гб с NO увеличивается: так, соотношение пиков I_{1618}/I_{1580} увеличивается на 20% при сравнении РШМ с контрольной группой до ЛТ. После ЛТ данное соотношение падает незначительно.

Соотношение I_{2850}/I_{2880} , указывающее на степень текучести мембраны клеток, возрастает, соотношение при РШМ больше на 14% в сравнении с контрольной группой. Проведение ЛТ увеличивает данное соотношение, и оно достигает 35% в сравнении с контрольной группой.

Соотношение I_{2880}/I_{2930} , характеризующее упорядоченность и плотность упаковки аминокислотных остатков выше на 8% при РШМ до ЛТ в сравнении с контрольной группой. Данное соотношение возвращается в норму после проведения ЛТ.

Полярность окружения аминокислот, характеризуемая соотношением I_{2930}/I_{2850} , увеличивается при РШМ. Соотношение при РШМ меньше на 23% в сравнении с контрольной группой (чем выше соотношение, тем ниже полярность окружения).

Заключение

Проведенные исследования крови пациентов с раком шейки матки до и после лучевой терапии методом КР-спектроскопии выявили существенные изменения кислородтранспортной функции Гб. Сравнительный анализ спектральных характеристик продемонстрировал более высокую концентрацию оГб в контрольной группе относительно образцов пациентов с РШМ, что свидетельствует о нарушении кислородсвязывающей способности при патологическом состоянии. Проведение ЛТ вызывает дополнительное, хотя и статистически менее выраженное, снижение уровня оГб, что указывает на ограниченное влияние радиационного воздействия на данный параметр.

Полученные спектроскопические данные, включая анализ отношений интенсивностей характерных пиков, подтверждают наличие конформационных изменений глобулярной структуры Гб при РШМ, приводящих к прогрессирующему ухудшению его функциональной активности. Особый интерес представляют выявленные изменения в микроокружении гема, проявляющиеся в увеличении количества комплексов Гб с оксидом азота при сохранении стабильного уровня метгемоглобина.

Также отмечается повышение текучести мембраны эритроцитов, увеличение упорядоченности и плотности упаковки аминокислотных остатков при РШМ с последующим снижением этих параметров после лучевой терапии. Одновременно наблюдается увеличение полярности микроокружения аминокислотных остатков при РШМ, которое сохраняется на достигнутом уровне после проведения радиационного лечения. Полученные результаты хорошо согласуются с данными, полученными ранее методом ИК-спектроскопии [16].

Обнаруженное в данном исследовании снижение оГб может обуславливать развитие анемии в связи с воздействием ионизирующего излучения (ИОИ) во время ЛТ. Известно, что воздействие ионизирующего излучения на кроветворную функцию костного мозга приводит к развитию анемии. Однако изменения кислородтранспортной функции эритроцитов, вызванные воздействием ИОИ на молекулярном уровне, остаются недостаточно изученными [17, 18]. ИОИ вызывает образование свободных радикалов в клетках крови, что может привести к повреждению клеточных мембран, белков и ДНК (в частности, ретикулоцитов). В эритроцитах это приводит к повреждениям мембранных структур, нарушению нормального обмена веществ и осмотической нестабильности клетки, что может привести к ее лизису [19–21], т. е. полученные данные могут объяснить причины возникновения анемии у пациентов, проходивших лучевую терапию.

Для подтверждения выявленных закономерностей и повышения статистической значимости полученных данных представляется необходимым проведение расширенных исследований с увеличением выборки пациентов.

Л и т е р а т у р а

1. Павлов А.Н., Максимов А.В., Мамаева С.Н. и др. Исследование образцов опухоли почки методом ИК-спектроскопии: проверка гипотезы «взрывного роста» опухоли. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2024;25(3):59-74.
2. Laskowska P, Mrowka P, Glodkowska-Mrowka E. Raman spectroscopy as a research and diagnostic tool in clinical hematology and hematocology. *International Journal of Molecular Sciences*. 2024;25(6):3376.
3. Coppey M, Tourbez H, Valat P, et al. Study of haem structure of photo-deligated haemoglobin by picosecond resonance Raman spectra. *Nature*. 1980;284(5756):568-570.
4. Smith KM. *Porphyrins and metalloporphyrins*. Amsterdam: Elsevier; 1975;9:3-27.
5. Bacon F. On the nature of allosteric transitions: a plausible model. *J. Mol. Biol.* 1965;12(1):88-118.
6. Perutz MF. Stereochemistry of cooperative effects in haemoglobin. *Nature*. 1970;228(5273):726-734.
7. Ozaki Y, Mizuno A, Sato H, et al. Biomedical application of near-infrared Fourier transform Raman spectroscopy. Part I: the 1064-nm excited Raman spectra of blood and met hemoglobin. *Applied Spectroscopy*. 1992;46(3):533-536.
8. Rousseau DL, Ondrias MR. Resonance Raman scattering studies of the quaternary structure transition in hemoglobin. *Annual Review of Biophysics and Bioengineering*. 1983;12:357-380.
9. Lemler P, Premasiri WR, DeMonaco A, et al. NIR Raman spectra of whole human blood: effects of laser-induced and in vitro hemoglobin denaturation. *Analytical and Bioanalytical Chemistry*. 2014;406:193-200.
10. Bokemeyer C, Oechsle K, Hartmann JT. Anaemia in cancer patients: pathophysiology, incidence and treatment. *European Journal of Clinical Investigation*. 2005;35:26-31.
11. Ludwig H, Fritz E. Anemia in cancer patients. *Seminars in Oncology*. 1998;25(3)(Suppl.7):2-6.
12. Savitzky A, Golay MJE. Smoothing and differentiation of data by simplified least squares procedures. *Analytical chemistry*. 1964;36(8):1627-1639.
13. Brunner H, Sussner H. Resonance Raman scattering on haemoglobin. *Biochimica et Biophysica Acta (BBA) - Protein Structure*. 1973;310(1):20-31.
14. Abe M, Kitagawa T, Kyogoku Y. Resonance Raman spectra of octaethylporphyrinato-Ni(II) and meso-deuterated and ¹⁵N substituted derivatives. II. A normal coordinate analysis. *The Journal of Chemical Physics*. 1978;69(10):4526-4534.
15. Hu S, Smith KM, Spiro TG. Assignment of protoheme Resonance Raman spectrum by heme labeling in myoglobin. *Journal of the American Chemical Society*. 1996;118(50):12638-12646.
16. Николаев Н.И., Романова Д.А., Мамаева С.Н. и др. Исследование влияния β-излучения на эритроциты человека in vitro методами электронной микроскопии, ИК-спектроскопии и оценки линейных размеров дифракцией лазерного излучения. XXXI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых по фундаментальным наукам «Ломоносов-2024». Секция «Физика». Подсекция «Медицинская физика». Сборник тезисов. Москва: Физический факультет МГУ; 2024:343-344.
17. Ремизов А.Н. *Медицинская и биологическая физика*. Москва: Высш. шк.; 1999.
18. Кудряшов Ю.Б., Беренфельд Б.С. *Радиационная биофизика*. Москва: Изд-во МГУ; 1979:8.
19. Luneva OG, Sidorenko SV, Maksimov GV, et al. Erythrocytes as regulators of blood vessel tone. *Biochem. Moscow Suppl. Ser. A*. 2015;A9(3): 161-171. DOI: 10.1134/S1990747815040078
20. Шиффман Ф.Д. *Патофизиология крови*. Москва, Санкт-Петербург: Бином, Невский Диалект; 2000.
21. Поливода Б.И., Конев В.В., Попов Г.А.. *Биофизические аспекты радиационного поражения биомембран*. Москва: Энергоатомиздат; 1990.

References

1. Pavlov AN, Maksimov AV, Mamaeva SN, Maksimov GV. Study of kidney tumour samples using IR-spectroscopy: testing the tumour ‘explosive growth’ hypothesis. *Vestnik of NEFU*. 2024;25(3):59-74 (in Russian).

2. Laskowska P, Mrowka P, Glodkowska-Mrowka E. Raman spectroscopy as a research and diagnostic tool in clinical hematology and hematocology. *International Journal of Molecular Sciences*. 2024;25(6):3376 (in English).
3. Coppey M, Tourbez H, Valat P, et al. Study of haem structure of photo-deligated haemoglobin by picosecond resonance Raman spectra. *Nature*. 1980;284(5756):568-570 (in English).
4. Smith KM. *Porphyrins and metalloporphyrins*. Amsterdam: Elsevier; 1975;9:3-27 (in English).
5. Bacon F. On the nature of allosteric transitions: a plausible model. *J. Mol. Biol.* 1965;12(1):88-118 (in English).
6. Perutz MF. Stereochemistry of cooperative effects in haemoglobin. *Nature*. 1970;228(5273):726-734 (in English).
7. Ozaki Y, Mizuno A, Sato H, et al. Biomedical application of near-infrared Fourier transform Raman spectroscopy. Part I: the 1064-nm excited Raman spectra of blood and met hemoglobin. *Applied Spectroscopy*. 1992;46(3):533-536 (in English).
8. Rousseau DL, Ondrias MR. Resonance Raman scattering studies of the quaternary structure transition in hemoglobin. *Annual Review of Biophysics and Bioengineering*. 1983;12:357-380 (in English).
9. Lemler P, Premasiri WR, DelMonaco A, et al. NIR Raman spectra of whole human blood: effects of laser-induced and in vitro hemoglobin denaturation. *Analytical and Bioanalytical Chemistry*. 2014;406:193-200 (in English).
10. Bokemeyer C, Oechsle K, Hartmann JT. Anaemia in cancer patients: pathophysiology, incidence and treatment. *European Journal of Clinical Investigation*. 2005;35:26-31 (in English).
11. Ludwig H, Fritz E. Anemia in cancer patients. *Seminars in Oncology*. 1998;25(3)(Suppl. 7):2-6 (in English).
12. Savitzky A, Golay MJE. Smoothing and differentiation of data by simplified least squares procedures. *Analytical chemistry*. 1964;36(8):1627-1639 (in English).
13. Brunner H, Sussner H. Resonance Raman scattering on haemoglobin. *Biochimica et Biophysica Acta (BBA) - Protein Structure*. 1973;310(1):20-31 (in English).
14. Abe M, Kitagawa T, Kyogoku Y. Resonance Raman spectra of octaethylporphyrinato-Ni(II) and meso-deuterated and ¹⁵N substituted derivatives. II. A normal coordinate analysis. *The Journal of Chemical Physics*. 1978;69(10):4526-4534 (in English).
15. Hu S, Smith KM, Spiro TG. Assignment of protoheme Resonance Raman spectrum by heme labeling in myoglobin. *Journal of the American Chemical Society*. 1996;118(50):12638-12646 (in English).
16. Nikolaev NI, Romanova DA, Mamaeva SN, et al. Investigation of the effect of β-radiation on human erythrocytes in vitro using electron microscope, IR spectroscopy, and evaluation of linear dimensions by laser diffraction. In: *XXXI International Conference of Students, Postgraduate Students and Young Scientists on basic sciences "Lomonosov-2024"*. Section "Physics". Subsection "Medical Physics". Collection of Abstracts. Moscow: Physics department of MSU; 2024:343-344 (in Russian).
17. Remizov AN. *Medical and biological physics*. Moscow: Publishing House "Vysshaya shkola"; 1999 (in Russian).
18. Kudryashov YuB, Berenfeld BS. *Radiation biophysics*. Moscow: Publishing House of MSU; 1979:8 (in Russian).
19. Luneva OG, Sidorenko SV, Maksimov GV, et al. Erythrocytes as regulators of blood vessel tone. *Biochem. Moscow Suppl. Ser. A*. 2015;A9(3): 161-171. DOI: 10.1134/S1990747815040078 (in English).
20. Shiffman FD. *Pathophysiology of blood*. Moscow, St. Petersburg: Binom, Nevsky dialect; 2000 (in Russian).
21. Polivoda BI, Konev VV, Popov GA. Biophysical aspects of radiation damage to biomembranes. Moscow: Energoatomizdat Publ.; 1990 (in Russian).

Сведения об авторах

ПАВЛОВ Александр Николаевич – н. с. лаборатории «Радиационные технологии», Физико-технический институт, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, РФ, ORCID: 0009-0005-5522-3652, e-mail: Alpavlov090@mail.ru

МАМАЕВА Саргылана Николаевна – к. ф.-м. н., доцент, зав. каф. общей и экспериментальной физики Физико-технического института, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, РФ, ORCID: 0000-0003-3676-5630, e-mail: sargylana_mamaeva@mail.ru

ВИНОКУРОВ Павел Васильевич – н. с. лаборатории «Дизайн-центр электроники «Север», Физико-технический институт, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, РФ, ORCID: 0000-0003-2004-6631, e-mail: pv.vinokurov@s-vfu.ru

МАКСИМОВ Георгий Владимирович – д. б. н., проф. каф. биофизики биологического факультета, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», SPIN: 5380-5742, Scopus Author ID: 7101648122, ResearcherID: B-4396-2016, e-mail: gmaksimov@mail.ru

About the authors

Alexander N. PAVLOV – Researcher, Laboratory “Radiation Technologies”, Institute of Physics and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0009-0005-5522-3652, e-mail: Alpavlov090@mail.ru

Sargylana N. MAMAeva – Cand. Sci. (Phys.-Math.), Associate Professor, Head of the Department of General and Experimental Physics, Institute of Physics and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0003-3676-5630, e-mail: sargylana_mamaeva@mail.ru

Pavel V. VINOKUROV – Researcher, Laboratory of Electronic Design Center “North”, Institute of Physics and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0003-2004-6631, e-mail: pv.vinokurov@s-vfu.ru

Georgy V. MAXIMOV – Dr. Sci. (Biology), Professor, Department of Biophysics, Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University, SPIN: 5380-5742, Scopus Author ID: 7101648122, ResearcherID: B-4396-2016, e-mail: gmaksimov@mail.ru

Вклад авторов

Павлов А. Н. – разработка концепции, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи

Мамаева С. Н. – разработка концепции, методология, руководство исследованием

Винокуров П. В. – проведение исследования

Максимов Г. В. – разработка концепции, методология, руководство исследованием

Authors' contribution

Alexander N. Pavlov – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft

Sargylana N. Mamaeva – conceptualization, methodology, supervision

Pavel V. Vinokurov – investigation

Georgy V. Maksimov – conceptualization, methodology, supervision

Конфликт интересов

Мамаева Саргылана Николаевна является членом редколлегии журнала *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова*

Conflict of interests

Sargylana N. Mamaeva is a member of the editorial board of *Vestnik of North-Eastern Federal University*

Поступила в редакцию / Submitted 28.04.25

Принята к публикации / Accepted 15.05.25

УДК 537.611.2

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-48-54>

Original article

Quantum of magnetic flux due to electron spin

Igor P. Popov

Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation

✉ uralakademia@kurganstalmost.ru

Abstract

In 1948, F. London calculated the quantum of magnetic flux from an electric current created by a single electron. The key condition for the calculation was ascribing a quantum of kinetic momentum $\hbar$ to the electron. In 1956, L. Cooper described two-particle systems of correlated electrons (Cooper pairs) arising in conductors as a result of electron-phonon interaction. Assigning a quantum of kinetic momentum $\hbar$ to a two-particle system leads to a twofold decrease in the calculated value of the magnetic flux quantum. In 1961, B.S. Deaver and W.M. Fairbank and independently R. Doll and M. Nebauer measured the quantum of magnetic flux. The result turned out to be half as much as F. London's quantum. Since then, it has been believed that the quantum of magnetic flux is created exclusively by Cooper pairs and that it is half as much as F. London's quantum. The aim of the study is to rethink the above circumstances. The geometric shape of an electron is unknown. However, it is believed that it is neither a ball nor a sphere. This follows from the formula of its classical radius. The complete uncertainty of the electron's shape allows its spin to be consistently represented as an angular momentum generated by a material point with the mass of an electron, rotating along a circle of an indefinite radius (arbitrarily small, and its value is of no importance). This approach may have shortcomings, but it also has a significant advantage in the form of the possibility of using a ready formula for the magnetic flux created by the "current" of one electron. In reality, there is the quantum of F. London, the quantum of magnetic flux caused by the electron spin, and their superposition (quasi-quantum).

Keywords: electron, Cooper pair, quantum of kinetic momentum, quantum of magnetic flux, quantum of F. London, spin, superposition, quasi-quantum, phonon, ferromagnet

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Popov I. P. Quantum of magnetic flux due to electron spin. Вестник СВФУ. 2025, Т. 22, № 3. С. 48–54. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-48-54

Оригинальная научная статья

Квант магнитного потока, обусловленный спином электрона

И. П. Попов

Курганский государственный университет, г. Курган, Российская Федерация

✉ uralakademia@kurganstalmost.ru

Аннотация

В 1948 г. Ф. Лондон вычислил квант магнитного потока от электрического тока, созданного одним электроном. Ключевым условием вычисления явилось приписывание электрону кванта кинетического момента $\hbar$. В 1956 г. Л. Купер описал двухчастичные

системы коррелированных электронов (куперовские пары), возникающие в проводниках вследствие электрон-фононного взаимодействия. Приписывание двухчастичной системе кванта кинетического момента $\hbar$ приводит к уменьшению вычисляемого значения кванта магнитного потока вдвое. В 1961 г. Б. С. Дивер и У. М. Фэрбэнк и независимо Р. Долл и М. Небауэр измерили квант магнитного потока. Результат оказался вдвое меньше кванта Ф. Лондона. С тех пор считается, что квант магнитного потока создается исключительно куперовскими парами и что он вдвое меньше кванта Ф. Лондона. Цель исследования заключается в переосмыслении указанных обстоятельств. Геометрическая форма электрона неизвестна. Однако считается, что это не шар и не сфера. Это следует из формулы его классического радиуса. Полная неопределенность формы электрона позволяет непротиворечиво представить его спин в виде момента импульса, образованного материальной точкой с массой электрона, обращающейся по окружности неопределенного радиуса (сколь угодно малого, причем его величина значения не имеет). Этот подход может иметь недостатки, но он имеет и существенное достоинство в виде возможности использовать готовую формулу для магнитного потока, созданного «током» одного электрона. В действительности существуют квант Ф. Лондона, квант магнитного потока, обусловленный спином электрона, и их суперпозиция (квазиквант).

Ключевые слова: электрон, куперовская пара, квант кинетического момента, квант магнитного потока, квант Ф. Лондона, спин, суперпозиция, квазиквант, фонон, ферромагнетик

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Попов И. П. Квант магнитного потока, обусловленный спином электрона. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 48–54. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-48-54

Introduction

In 1948, F. London calculated the quantum of magnetic flux from an electric current created by one electron. The key condition for the calculation was to assign a quantum of kinetic momentum $\hbar$ to the electron.

In 1956, L. Cooper described two-particle systems of correlated electrons (Cooper pairs [1-3]) arising in conductors due to electron-phonon interaction [4-6]. Assigning a quantum of kinetic momentum $\hbar$ to a two-particle system leads to a halving of the calculated value of the magnetic flux quantum.

Neither F. London nor L. Cooper took into account magnetic fluxes caused by electron spins in their calculations.

In 1961, B.S. Deaver and W.M. Fairbank and independently R. Doll and M. Nebauer measured the quantum of magnetic flux [7, 8]. The result was half that of F. London.

Since then, it has been believed that the quantum of magnetic flux is created exclusively by Cooper pairs [9] and that it is half the quantum of F. London.

The purpose of the study is to establish the spin magnetic flux of an electron.

The relevance of the work is determined by the fact that the spin magnetic flux of an electron, being the basis of the intrinsic magnetic field of ferromagnets, has not yet been established. The problem here is that the generally accepted concept of electron spin does not allow it to be calculated. Therefore, it becomes necessary to make additional temporary (working) assumptions.

Materials and methods

The geometric shape of the electron is unknown. However, it is believed that it is not a ball or a sphere. This follows from the formula for its classical radius

$$r_e = \frac{\mu_0 e^2}{4\pi m_e}.$$

Here μ_0 is the magnetic constant, e is the electron charge, and m_e is the electron mass. In the case of a sphere, the formula would look like

$$r_e = \frac{3}{5} \frac{\mu_0 e^2}{4\pi m_e}.$$

In the case of a sphere, the formula would look like

$$r_e = \frac{1}{2} \frac{\mu_0 e^2}{4\pi m_e}.$$

The complete uncertainty of the electron's shape allows us to consistently represent its spin as an angular momentum generated by a material point with the mass of an electron, rotating in a circle of an indefinite radius (arbitrarily small, and its value is of no importance; the proposed assumption is not considered as competing with the known descriptions of the electron spin, for example, in the works of Belinfante or [10]). This approach may have shortcomings, but it also has a significant advantage in the form of the possibility of using a ready-made formula for the magnetic flux created by the "current" of one electron, obtained in [11] according to the scheme

$$E = \frac{I\Phi}{2},$$

$$I = \frac{e}{T},$$

$$T = \frac{2\pi R}{v},$$

$$E = \frac{m_e v^2}{2},$$

$$\Phi = \frac{2\pi R m_e v}{e}.$$

Finally

$$\Phi = \frac{2\pi R p}{e}. \quad (1)$$

Here E is the energy, I is the electron current, T is the electron rotation period, R is the radius of the laboratory tube (in the experiments of B.S. Deaver, W.M. Fairbank, R. Doll and M. Nebauer), v is the linear velocity of a single electron, p is the momentum of a single electron.

Results and Discussion

First derivation of the formula for the quantum of magnetic flux caused by the electron spin
The electron spin is [12, p. 224; 13, p. 252]

$$L_{es} = \frac{\sqrt{3}}{2} \hbar. \quad (2)$$

Taking into account (1), the quantum of magnetic flux caused by the electron spin is equal to

$$\Phi_{es} = \frac{2\pi R p}{e} = \frac{2\pi L_{es}}{e} = \frac{2\pi \sqrt{3}}{e} \frac{\hbar}{2}.$$

Finally

$$\Phi_{es} = \frac{\sqrt{3}}{2} \frac{h}{e}. \quad (3)$$

Note 1. The classical radius (r_e) is not used in the calculations of the article and therefore does not affect the results. It is mentioned solely to illustrate the uncertainty of the electron shape.

Note 2. There is no need to choose R for formula (1). The radius is not included in the resulting formula (3) for the spin quantum of magnetic flux (“dissolved” in the spin). Therefore, its value is of no importance. At least, it can be assumed that it is large enough to prevent the development of excessive energy.

Experimental verification of the spin quantum of magnetic flux

The circular current in a laboratory tube formed by one electron creates a magnetic flux

$$\Phi_L = \frac{2\pi \hbar}{e} = \frac{h}{e}. \quad (4)$$

This is the formula of F. London [14].

The electron spin can have only two projections on the direction of the magnetic field of the flow (4), namely

$$L_{esB} = \pm \frac{\hbar}{2}.$$

Due to the law of conservation of angular momentum, the spin is opposite to the orbital angular momentum. Therefore

$$L_{esB} = -\frac{\hbar}{2}.$$

Therefore, the magnetic flux due to the electron spin is subtracted from the flux (4) (its projection).

Thus, in 1961, B.S. Deaver, W.M. Fairbank, R. Doll and M. Nebauer measured the orbital quantum of the magnetic flux of ONE electron minus the projection of the spin quantum of the magnetic flux (through the end surfaces of their laboratory tubes

$$\frac{h}{e} - \frac{h}{2e} = \frac{h}{2e}. \quad (5)$$

This is a quasi-quantum, not a quantum from a Cooper pair.

$$\Phi_0 = \frac{h}{2e}. \quad (6)$$

The coincidence of the measured value (5) with (6) is completely random.

However, this coincidence is a reliable experimental verification of formulas (1), (3)–(5) and the accepted assumption about the electron spin.

Second derivation of the formula for the quantum of magnetic flux caused by the electron spin

Both the quantum of magnetic flux of F. London (4) and the quantum from the Cooper pair (6) can be represented in the form

$$\Phi_q = \frac{h}{q} = \frac{2\pi\hbar}{q}.$$

Finally

$$\Phi_q = \frac{2\pi}{q} L_q,$$

where q is the charge, L_q is the quantum of kinetic momentum.

Substituting the charge of the electron and its kinetic momentum (spin) (2) into this formula directly yields

$$\Phi_{es} = \frac{2\pi}{q} L_q = \frac{2\pi}{e} \frac{\sqrt{3}}{2} \hbar.$$

Finally

$$\Phi_{es} = \frac{\sqrt{3}}{2} \frac{h}{e}.$$

Coincides with (3), which is also a reliable verification of formulas (1), (3)–(5) and the accepted assumption about the electron spin.

Conclusion

In [15-17] it is shown in detail that attributing a quantum of kinetic momentum $\hbar$ to a Cooper pair of electrons is unacceptable. Therefore, the related formula for the quantum of magnetic flux from a Cooper pair (6) is equally unacceptable [18].

In reality, there is a quantum of F. London (4), a quantum of magnetic flux (3) due to the electron spin, and their superposition (5) (quasi-quantum).

It (quasi-quantum) was measured in 1961.

The main result of the work, which constitutes scientific novelty: the spin magnetic flux of an electron is

$$\Phi_{es} = \frac{\sqrt{3}}{2} \frac{h}{e}.$$

It is the basis of the intrinsic magnetic field of ferromagnets.

At the same time, the assumptions about the electron spin adopted in the work did not affect the final result and therefore can be considered temporary (working) and not opposed to the generally accepted concept of spin.

The practical significance of the work is determined by the following. It is known that magnetic flux quantization manifests itself on a macroscopic scale. . In the experiments of B.S. Deaver, W.M. Fairbank, R. Doll and M. Nebauer, the magnetic field strength turned out to be weaker than the Earth's magnetic field strength by only five times. This creates good prospects for creating a new generation of computers using spin magnetic fluxes of electrons.

References

1. Seeger RL, Forestier G, Gladii O, et al. Penetration depth of Cooper pairs in the IrMn antiferromagnet. *Physical Review B*. 2021;104:054413 (in English). DOI: 10.1103/PhysRevB.104.054413
2. Chan AK, Cubukcu M, Montiel X, et al. Controlling spin pumping into superconducting NB by proximity-induced spin-triplet Cooper pairs. *Communications Physics*. 2023;6(1):287 (in English). DOI: 10.1038/s42005-023-01384-w
3. Furukawa T, Miyagawa K, Matsumoto M, et al. Microscopic evidence for preformed Cooper pairs in pressure-tuned organic superconductors near the Mott transition. *Physical Review Research*. 2023;5:023165 (in English). DOI: 10.1103/physrevresearch.5.023165
4. Liu Y, Han Ya, Yu Ju, et al. Visualizing electron-phonon and anharmonic phonon-phonon coupling in the kagome ferrimagnet GDMN6SN6 (in English). *Applied Physics Letters*. 2023;122. DOI: 10.1063/5.0152116
5. Ishida K, Matsueda H. Two-step dynamics of photoinduced phonon entanglement generation between remote electron-phonon systems. *Journal of the Physical Society of Japan*. 2021;(90):104714 (in English). DOI: 10.7566/JPSJ.90.104714
6. Wu Ch, Liu Ch. Effects of phonon bandgap on phonon-phonon scattering in ultrahigh thermal conductivity θ -phase TaN. *Chinese Physics B*. 2023;(32):046502 (in English). DOI: 10.1088/1674-1056/acb201
7. Deaver BS, Fairbank WM. Experimental Evidence for Quantized Flux in Superconducting Cylinders. *Physical Review Letters*. 1961;7(2):43-46 (in English). DOI: 10.1103/PhysRevLett.7.43
8. Doll R, Näbauer M. Experimental Proof of Magnetic Flux Quantization in a Superconducting Ring. *Physical Review Letters*. 1961;7(2):51-52 (in English). DOI: 10.1103/PhysRevLett.7.51
9. Daido A, Yanase Y. Rectification and nonlinear Hall effect by fluctuating finite-momentum Cooper pairs. *Physical Review Research*. 2024;(6):L022009 (in English).. DOI: 10.1103/physrevresearch.6.L022009
10. Popov IP. Size of an electron taking into account spin. *Engineering Physics*. 2016;(9):45-46 (in Russian).
11. Pavlov VD. On the electronic quantum structures of conductors. *Physics of Complex Systems*. 2025;6(1):49-53. DOI: 10.33910/2687-153X-2025-6-1-49-53 (in English).
12. Yavorsky VM, Detlaf AA. *Handbook of Physics*. Moscow: Science; 1985:512 (in Russian).
13. Blokhintsev DI. *Fundamentals of quantum mechanics*. Moscow: Science; 1976:664 (in Russian).
14. Pavlov VD. Magnetic flux and its quantization. *Bulletin of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2020;(4):25-28 (in Russian). DOI: 10.31040/2222-8349-2020-0-4-25-28
15. Popov IP. Double standards in the description of helium and positronium atoms. *Bulletin of Tomsk State University. Chemistry*. 2024;(35):143-151 (in Russian). DOI: 10.17223/24135542/35/11
16. Popov IP. Magnetic properties of conductors with different conductivity. *Bulletin of the Siberian State Industrial University*. 2025;(1):9-14 (in Russian). DOI: 10.57070/2304-4497-2025-1(51)-9-14
17. Pavlov VD. Estimated minimum radius of positronium. *Engineering physics*. 2024;2:24-29 (in Russian). DOI: 10.25791/infi.zik.2.2024.1385
18. Popov IP. Seven Singular Points in Quantum Mechanics. *Technical Physics*. 2024;69(8):2406-2408 (in English). DOI: 10.1134/s1063784224700427

Л и т е р а т у р а

1. Seeger RL, Forestier G, Gladii O, et al. Penetration depth of Cooper pairs in the IrMn antiferromagnet. *Physical Review B*. 2021;104:054413. DOI: 10.1103/PhysRevB.104.054413
2. Chan AK, Cubukcu M, Montiel X, et al. Controlling spin pumping into superconducting NB by proximity-induced spin-triplet Cooper pairs. *Communications Physics*. 2023;6(1):287. DOI: 10.1038/s42005-023-01384-w
3. Furukawa T, Miyagawa K, Matsumoto M, et al. Microscopic evidence for preformed Cooper pairs in pressure-tuned organic superconductors near the Mott transition. *Physical Review Research*. 2023;5:023165. DOI: 10.1103/physrevresearch.5.023165

4. Liu Y, Han Ya, Yu Ju, et al. Visualizing electron-phonon and anharmonic phonon-phonon coupling in the kagome ferrimagnet GDMN6SN6. *Applied Physics Letters*. 2023;122. DOI: 10.1063/5.0152116
5. Ishida K, Matsueda H. Two-step dynamics of photoinduced phonon entanglement generation between remote electron-phonon systems. *Journal of the Physical Society of Japan*. 2021;(90):104714. DOI: 10.7566/JPSJ.90.104714
6. Wu Ch, Liu Ch. Effects of phonon bandgap on phonon-phonon scattering in ultrahigh thermal conductivity θ -phase TaN. *Chinese Physics B*. 2023;(32):046502. DOI: 10.1088/1674-1056/acb201
7. Deaver BS, Fairbank WM. Experimental Evidence for Quantized Flux in Superconducting Cylinders. *Physical Review Letters*. 1961;7(2):43-46. DOI: 10.1103/PhysRevLett.7.43
8. Doll R, Näbauer M. Experimental Proof of Magnetic Flux Quantization in a Superconducting Ring. *Physical Review Letters*. 1961;7(2):51-52. DOI: 10.1103/PhysRevLett.7.51
9. Daido A, Yanase Y. Rectification and nonlinear Hall effect by fluctuating finite-momentum Cooper pairs. *Physical Review Research*. 2024;(6):L022009. DOI: 10.1103/physrevresearch.6.l022009
10. Попов И.П. Размер электрона с учетом спина. *Инженерная физика*. 2016;(9):45-46.
11. Pavlov VD. On the electronic quantum structures of conductors. *Physics of Complex Systems*. 2025;6(1):49-53. DOI: 10.33910/2687-153X-2025-6-1-49-53.
12. Яровский Б.М., Детлаф А.А. *Справочник по физике*. Москва: Наука; 1985:512.
13. Блохинцев Д.И. Основы квантовой механики. Москва: Наука; 1976:664.
14. Павлов В.Д. Магнитный поток и его квантование. *Известия Уфимского научного центра РАН*. 2020;(4):25-28. DOI: 10.31040/2222-8349-2020-0-4-25-28
15. Двойные стандарты при описании атомов гелия и позитрония. *Вестник Томского государственного университета. Химия*. 2024;(35):143-151.
16. Магнитные особенности проводников с различной проводимостью. *Вестник Сибирского государственного индустриального университета*. 2025;(1):9-14. DOI: 10.57070/2304-4497-2025-1(51)-9-14
17. Павлов В.Д. Расчетный минимальный радиус позитрония. *Инженерная физика*. 2024;2:24-29. DOI: 10.25791/infizik.2.2024.1385
18. Popov IP. Seven Singular Points in Quantum Mechanics. *Technical Physics*. 2024;69(8):2406-2408. DOI: 10.1134/s1063784224700427

About the author

Igor P. Popov – Cand. Sci. (Technology), Associate Professor, Department of Theoretical, Experimental Physics and Computer Methods of Physics, Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-8683-0387, SPIN: 9668-2780, e-mail: uralakademia@kurganstalmost.ru

Сведения об авторе

ПОПОВ Игорь Павлович – к. т. н., доц. каф. теоретической, экспериментальной физики и компьютерных методов физики, ФГАОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-8683-0387, SPIN: 9668-2780, e-mail: uralakademia@kurganstalmost.ru

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Submitted / Поступила в редакцию 22.06.25

Accepted / Принята к публикации 10.07.25

УДК 538.958

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-55-69>

Оригинальная научная статья

Методы оценки и анализа разрешающей способности цифровых голографических микроскопов

А. Г. Федоров ✉, **Л. Л. Жондорова**, **Л. К. Федорова**

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ ag.fedorov@s-vfu.ru

Аннотация

В настоящей работе рассматривается комплексный численный подход к оценке и анализу разрешающей способности цифровых голографических микроскопов. Рассмотрены пять ключевых факторов, оказывающих наибольшее влияние на качество восстановления изображения: расстояние от объекта до сенсора, временная и пространственная когерентность источника, физический размер пикселя детектора, а также оптическое поле зрения (Field of View, FOV). Для каждого из указанных факторов разработаны алгоритмы численного моделирования, объединенные в единую программную платформу, позволяющую проводить систематический анализ без необходимости проведения физических экспериментов. Это особенно актуально при разработке компактных и недорогих цифровых голографических микроскопов. Реализована численная модель распространения волны методом углового спектра, проведено моделирование типовой схемы голографического микроскопа. Валидация результатов и оценка разрешающей способности основаны на мишени USAF-1951. Установлено, что наиболее значимые ограничения связаны с размером пикселя, расстоянием между объектом и экраном и размерами области восстановления. Когерентные характеристики источника также оказывают влияние, однако в ряде практических случаев могут быть компенсированы на этапе проектирования. Показано, что разработанный алгоритм позволяет производить предварительную оценку теоретического предела разрешения для заданной конфигурации системы и выявлять доминирующие ограничения. Научная новизна работы заключается в объединении всех основных факторов в единой программной среде, что позволяет проводить численную оптимизацию параметров цифровых голографических микроскопов на этапе его проектирования. Предложенный подход может быть использован при создании портативных голографических микроскопов для задач биомедицины, мониторинга микропластика и других прикладных областей.

Ключевые слова: осевая голография, цифровая голографическая микроскопия, разрешающая способность, когерентность, численное восстановление голографических изображений, частота среза, оптическое поле зрения, числовая апертура, спектральная ширина, диафрагма

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Федоров А. Г., Жондорова Л. Л., Федорова Л. К. Методы оценки и анализа разрешающей способности цифровых голографических микроскопов. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 55–69. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-55-69

Original article

Method for estimating and analyzing the resolution of digital holographic microscopy

Artur G. Fedorov ✉, Lyubov L. Zhondorova, Lyubov K. Fedorova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ ag.fedorov@s-vfu.ru

Abstract

This study presents a comprehensive numerical approach for evaluating and analyzing the resolution of digital holographic microscopes. The analysis focuses on five key factors that have the greatest impact on image reconstruction quality: object-to-sensor distance, temporal and spatial coherence of the illumination source, physical pixel size of the detector, and the optical field of view (FOV). For each of these factors, numerical modeling algorithms were developed and integrated into a unified software platform that enables systematic analysis without the need for physical experiments. This is particularly relevant for the development of compact and low-cost digital holographic microscopes. A wave propagation model based on the angular spectrum method was implemented, and simulations were conducted for a typical holographic microscope configuration. Validation of the results and resolution assessment were carried out using the USAF 1951 resolution target. It was found that the most significant limitations are associated with pixel size, object-to-sensor distance, and the size of the reconstruction area. Coherence properties of the source also affect resolution but can often be compensated for during the design phase. It is demonstrated that the developed algorithm enables preliminary estimation of the theoretical resolution limit for a given system configuration and identification of dominant constraints. The scientific novelty of this work lies in the integration of all major resolution-related factors into a single computational environment, enabling numerical optimization of digital holographic microscope parameters during the design stage. The proposed approach can be applied in the development of portable holographic microscopes for applications in biomedicine, microplastic monitoring, and other practical domains.

Keywords: in-line holography, digital holographic microscopy, resolution, coherence, numerical reconstruction of holographic images, cut-off frequency, optical field of view, numerical aperture, spectral bandwidth, diaphragm

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Fedorov A. G., Zhondorova L. L., Fedorova L. K. Method for estimating and analyzing the resolution of digital holographic microscopy. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 55–69. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-55-69

Введение

Голографическая микроскопия, благодаря простоте оптической схемы и возможности компактной реализации, получила широкое распространение и в настоящее время рассматривается как перспективный метод исследования структуры различных объектов [1–4]. Кроме того, она активно применяется для мониторинга параметров окружающей среды, включая определение содержания атмосферной пыли [5–7] и выявление микропластика [8, 9]. Также данный метод

находит применение в биомедицинских исследованиях [10, 11] и в материаловедении [12–14], что свидетельствует о его междисциплинарной значимости. Следует особо отметить возможность применения метода для наблюдения динамических процессов в реальном времени [15, 16].

Одним из ключевых преимуществ данного метода является его универсальность. Другими словами, голографическая микроскопия ограничена в первую очередь длиной волны используемого источника когерентных волн, что обеспечивает широкие возможности для адаптации метода к различным диапазонам электромагнитного спектра. Это делает возможным применение голографических схем как в электронной голографии [2], так и в оптической [17].

Несмотря на значительный прогресс в области голографической микроскопии, достижение оптимальной разрешающей способности по-прежнему остаётся одной из ключевых и актуальных задач, определяющих направление дальнейшего развития технологии.

Для оптических методов визуализации, включая голографическую микроскопию, одной из фундаментальных задач остается достижение высокой разрешающей способности [18]. Особое внимание уделяется разработке подходов, позволяющих приблизиться к дифракционному пределу, а в ряде случаев – и превзойти его за счет использования алгоритмических решений [19]. В этом контексте актуальными являются алгоритмические методы численного восстановления, включая методы сверхразрешения [19, 20], машинного обучения [11], а также алгоритмы, основанные на оптимизации фазовой информации [21].

Следует отметить, что во многих практических применениях, особенно в задачах, связанных с созданием компактных и доступных устройств, целью является не достижение предельного разрешения, а обеспечение достаточного качества изображения для решения прикладной задачи. В таких случаях ключевыми факторами становятся технологичность, стоимость, простота сборки и скорость работы системы. При этом параметрическая оптимизация конфигурации голографического микроскопа с учётом этих ограничений приобретает особую актуальность. Таким образом, наряду с развитием методов повышения разрешающей способности, важной задачей остаются оценка и анализ разрешающей способности в зависимости от параметров конкретной системы, что позволяет обоснованно выбирать оптимальные режимы работы без необходимости проведения физического эксперимента.

Среди множества параметров, определяющих разрешающую способность цифрового голографического микроскопа, ключевыми являются пять физических факторов: расстояние между объектом и детектором, временная когерентность источника, пространственная когерентность, размер пикселя сенсора и ограниченный размер области восстановления. Данные параметры оказывают комплексное влияние на воспроизводимость высокочастотных компонент изображения и, как следствие, на предельное пространственное разрешение системы. Их систематическое рассмотрение было предложено в работе Zhang [22], в которой для каждого из факторов были выведены соответствующие передаточные функции, позволяющие количественно оценить вклад каждого ограничения. Настоящее исследование основывается на модели, предложенной в [22] и направлено на разработку единого программного модуля, реализующего численную оценку разрешающей способности цифрового голографического микроскопа в зависимости от параметров конкретной конфигурации.

Предложенный программный инструмент позволяет варьировать каждый из пяти ключевых факторов (в том числе расстояние между объектом и детектором, диаметр источника, ширину спектральной линии, размер пикселя и размер

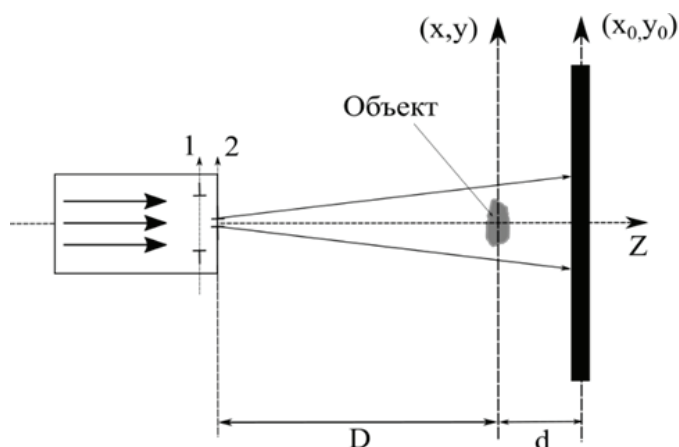

Рис. 1. Принципиальная схема цифрового голографического микроскопа
Fig. 1. Schematic diagram of a digital holographic microscope

области реконструкции) и автоматически рассчитывать предельное разрешение, а также определять, какой из факторов в конкретных условиях является лимитирующим. Такой подход обеспечивает возможность исследования ограничений системы без необходимости проведения физических экспериментов, что существенно упрощает этапы проектирования и оптимизации голографического микроскопа.

Методы исследования

В рамках работы в качестве исходной конфигурации цифрового голографического микроскопа рассматривается схема, ранее реализованная авторами в работе [17]. Принципиальная схема, рассматриваемая в рамках данной работы, представлена на рис. 1, где D – расстояние источник-объект, d – расстояние объект-экран. В плоскости (x, y) расположен объект, в плоскости (x_0, y_0) расположен экран.

Схема, представленная на рис. 1, отличается от конфигурации, рассмотренной в работе [17], введением элементов, учитывающих когерентные свойства источника излучения. В частности, в рассматриваемой схеме дополнительно включены полосовой фильтр и диафрагма с малым отверстием, обозначенные на рис. 1 как плоскости 1 и 2 соответственно, обеспечивающие управление временной и пространственной когерентностью.

Временная когерентность может быть численно описана следующим выражением [22]:

$$C_{\text{tmp}} = \text{sinc}\left(\frac{d}{2\alpha}|u|^2\right), \quad (1)$$

где α – ширина спектральной линии, $|u|$ – модуль пространственной частоты. Отметим, что чем уже спектр (меньше α), тем выше временная когерентность. Как видно из выражения, увеличение d или α приводит к потерям высокочастотной информации и, как следствие, ухудшению разрешения. Стандартным источником излучения для цифровых голографических микроскопов являются полупроводниковые лазеры (Laser Diode, LD), обладающие, как правило, сравнительно узкой спектральной линией (порядка 4 нм). Однако у недорогих коммерческих моделей данный параметр может существенно отличаться, что приводит к снижению временной когерентности и, как следствие, ограничивает разрешающую способность системы.

В соответствии с моделью теоретическое разрешение можно оценить как [22]:

$$q_{\text{tmp}} = \sqrt{\frac{d\alpha}{8}}. \quad (2)$$

Пространственную когерентность можно количественно описать с помощью следующего выражения [22]:

$$C_{\text{spt}} = \frac{J_1\left(\frac{\pi d\beta}{D}|u|\right)}{|u|}, \quad (3)$$

где J_1 – функция Бесселя первого рода, β – диаметр диафрагмы с малым отверстием, определяющий эффективный размер источника. Из выражения следует, что уменьшение диаметра источника, приближая его к точечному, приводит к увеличению пространственной когерентности, что, в свою очередь, способствует повышению разрешающей способности системы. Также следует отметить, что чем больше D , тем уже эффективный размер освещающей апертуры и тем выше разрешение. Также следует отметить, что при увеличении D угловой размер источника, видимый из точки объекта, уменьшается, что приводит к повышению пространственной когерентности, способствующей улучшению разрешающей способности системы. Теоретическое разрешение при учете пространственной когерентности [22]:

$$q_{\text{spt}} = \frac{\pi}{7.6} \frac{d\beta}{D}. \quad (4)$$

В реальных условиях расстояние D ограничено конструктивными соображениями. В частности, при создании компактных цифровых голографических микроскопов на базе Raspberry Pi и миниатюрных лазерных модулей, как показано в работе [17], это расстояние, как правило, не превышает 50 мм. Несмотря на то, что увеличение D может положительно сказаться на пространственной когерентности, дальнейшее его наращивание становится нецелесообразным из-за потери компактности системы.

Кроме когерентных характеристик источника, значительное влияние на разрешающую способность оказывают конструктивные параметры цифрового голографического микроскопа, в частности, расстояние между объектом и плоскостью регистрации d , а также размер пикселя сенсора p . Оба эти параметра ограничивают верхнюю пространственную частоту, доступную для восстановления изображения. При выборе малых значений d (1–3 мм) интенсивность и фаза оптического поля изменяются плавно, с незначительными осцилляциями, что упрощает процесс численного восстановления. Однако с ростом расстояния d наблюдаются более выраженные осцилляции, появляются участки с низкой модуляцией (так называемые «нулевые зоны»), что затрудняет восстановление полной информации об объекте (на практике чаще всего $d \cong 3$ мм). Разрешающая способность, обусловленная физическими размерами пикселя, определяется как $q_{\text{px}} = p$. В рамках настоящего исследования оба этих параметра зафиксированы на уровне, соответствующем характеристикам используемого сенсора и конструкции установки, описанной в работе [17].

Одним из ключевых отличий цифровых голографических микроскопов от классических оптических систем является возможность совмещения оптического поля зрения (FOV) с высокой числовой апертурой (Numerical Aperture, NA), что в традиционной оптике считается взаимоисключающими параметрами.

Это достигается за счет отсутствия объектива между объектом и сенсором. Однако на практике, вследствие ограничений вычислительных ресурсов, часто используется разбиение голограммы на несколько подобластей, что может повлиять на разрешающую способность. Влияние ограниченного размера области восстановления описывается следующим выражением [22]:

$$q_{FOV} = \frac{\lambda \sqrt{4D^2 + \Delta L^2}}{2\Delta L}, \quad (5)$$

где λ – длина волны, ΔL – длина стороны восстанавливаемой области. Из данного соотношения следует, что для достижения высокого разрешения необходимо увеличивать ΔL , однако это сопровождается ростом требований к памяти и времени расчёта, что создаёт компромисс между качеством и практической реализуемостью метода. Например, при параметрах, близких к использованным в настоящей работе ($\lambda=0.632$ мкм, $D = 500$ мкм, $\Delta L=1024$ мкм), $q_{FOV} \approx 0.436$ мкм, что соответствует высокому уровню разрешения. В этом случае деление на подобласти оказывается избыточным.

Численное моделирование распространения волны реализуется в рамках метода углового спектра [23].

В рамках работы объектом служит USAF 1951 [24]. Она представляет собой совокупность групп с шестью элементами в каждой, содержащими чередующиеся темные и светлые полосы с различной пространственной частотой (рис. 2).

Каждая группа состоит из шести элементов, обозначаемых номерами от 1 до 6. Нумерация элементов на рис. 2 начинаются с «-2», группы с нечетными номерами располагаются на изображении сверху справа и содержат элементы, идущие по порядку сверху вниз. Группы с четными номерами начинаются внизу справа, где расположен первый элемент, а элементы 2–6 размещаются слева от него. Разрешающая способность конкретного элемента определяется выражением [24]:

$$Resolution_{lp/mm} = 2^{G + \frac{(E-1)}{6}}, \quad (6)$$

где G – номер группы, E – номер элемента в группе (от 1 до 6). С учетом этого разрешение можно определить, как [24]:

$$q = \frac{500}{2^{G + \frac{(E-1)}{6}}}. \quad (7)$$

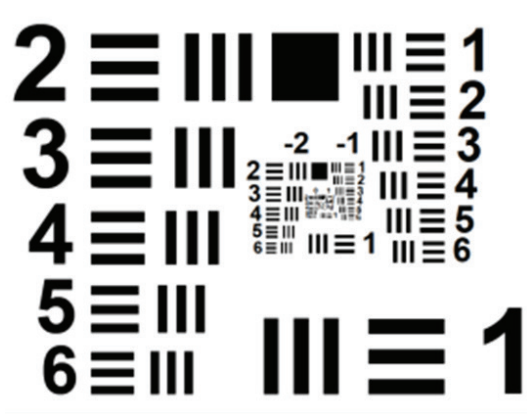

Рис. 2. Мишень USAF 1951
Fig. 2. USAF 1951 Resolution Test Target

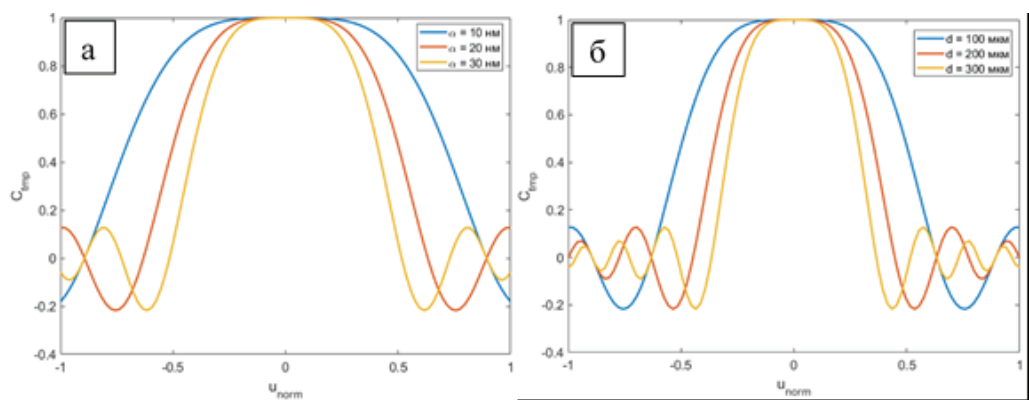

Рис. 3. Зависимость C_{tmp} : а) от α при фиксированном d ; б) от d при фиксированном α
Fig. 3. Dependence of C_{tmp} : а) on α at a fixed d ; б) on d at a fixed α

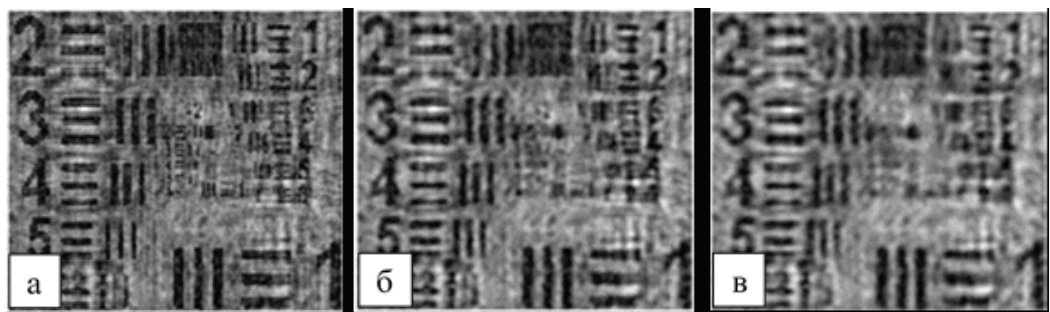

Рис. 4. Восстановленные изображения при: а) $\alpha = 1$ мкм;
б) $\alpha = 40$ мкм; в) $\alpha = 80$ мкм
Fig. 4. Reconstructed images under: а) $\alpha = 1 \mu m$;
б) $\alpha = 40 \mu m$; в) $\alpha = 80 \mu m$

Результаты

Рассмотрим схему, представленную на рис. 1. Как было отмечено выше, моделирование распространения волны и восстановление реализуется в рамках метода углового спектра. Входные параметры: $\lambda = 0.632 \text{ мкм}$, $d = [100, 200, 300] \text{ мкм}$, $\alpha = [10, 20, 30] \text{ нм}$. На рис. 3 представлены два случая: зависимость выражения (1) от α при фиксированном d и от d при фиксированном α , u_{norm} – нормированная пространственная частота по длине волны.

Как видно из рис. 3а, чем шире спектр (больше α), тем быстрее убывает передаточная функция (1) и раньше достигается частота среза (cut-off frequency). Это означает, что высокочастотные компоненты изображения становятся недоступными, что снижает разрешение. Уменьшение d (рис. 3б) сдвигает частоту среза вправо, расширяя полосу пропускания, тем самым улучшая разрешение. Таким образом, при постоянной α уменьшение d позволяет сохранить высокочастотную информацию, но, как было сказано ранее, на практике чаще всего $d \cong 3 \text{ м}$.

На рис. 4 представлен результат моделирования распространения волны при следующих входных параметрах: $\lambda = 0.5 \text{ мкм}$, $N = 128$ – размерность двумерного массива, $d = 0.08 \text{ метр}$. Большое расстояния d обусловлено тем, чтобы показать явную динамику ухудшения разрешения.

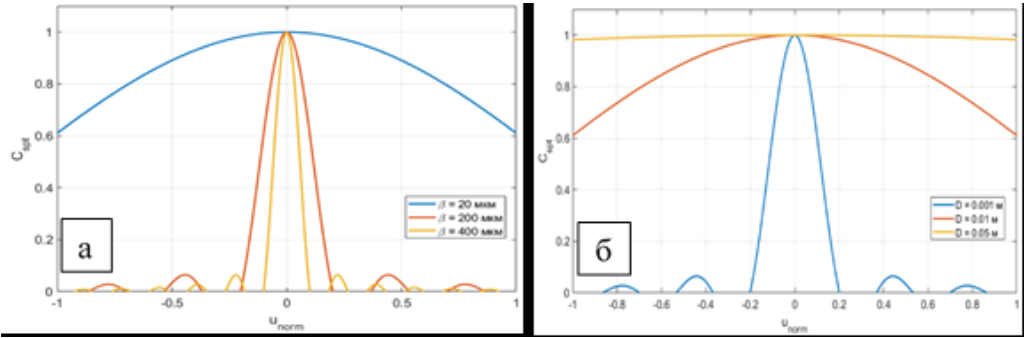

Рис. 5. Зависимость C_{spt} : а) от β при фиксированном D ; б) от D при фиксированном β
Fig. 5. Dependence of C_{spt} : а) on β at a fixed D ; б) on D at a fixed β

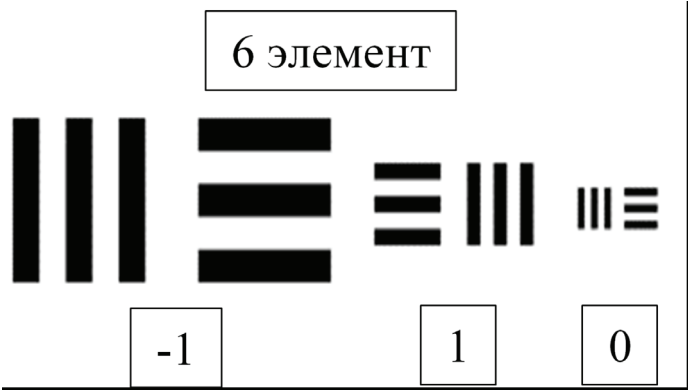

Рис. 6. Элементы 6 из групп -1, 1, 0
Fig. 6. Elements 6 from groups -1, 1, 0

Из рис. 5 видно, что при увеличении диаметра апертуры β функция пространственной когерентности C_{spt} убывает быстрее, что указывает на снижение способности системы передавать высокие пространственные частоты и, как следствие, на ухудшение разрешения. В то же время аналогично случаю с временной когерентностью увеличение расстояния от источника до объекта d при фиксированной β приводит к росту пространственной когерентности, сдвигая границу пропускания к более высоким частотам и тем самым способствуя улучшению разрешения.

Для наглядной демонстрации влияния пространственной когерентности на разрешение были использованы элементы 6 из групп -1, 1 и 0 (рис. 6).

Моделирование распространения волны и восстановление изображения осуществлялись при следующих параметрах: длина волны $\lambda = 0.5 \text{ мкм}$, размер двумерного массива $N = 3000$, расстояние от объекта до экрана $d = 0.15 \text{ м}$. Для анализа влияния пространственной когерентности использовалась величина β , характеризующая ширину области когерентности. На рис. 7 представлены восстановленные изображения объекта при различных значениях β : от практически полной пространственной когерентности ($\beta = 1 \text{ мкм}$) до значительно сниженной ($\beta = 1000 \text{ мкм}$).

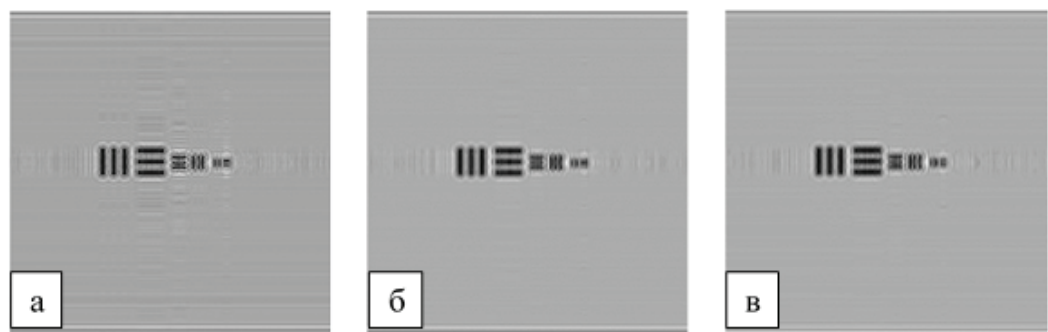

Рис. 7. Восстановленные изображения при: а) $\beta = 1$ мкм;
б) $\beta = 100$ мкм; в) $\beta = 1000$ мкм

Fig. 7. Reconstructed images under: а) $\beta = 1 \mu m$;
б) $\beta = 40 \mu m$; в) $\beta = 80 \mu m$

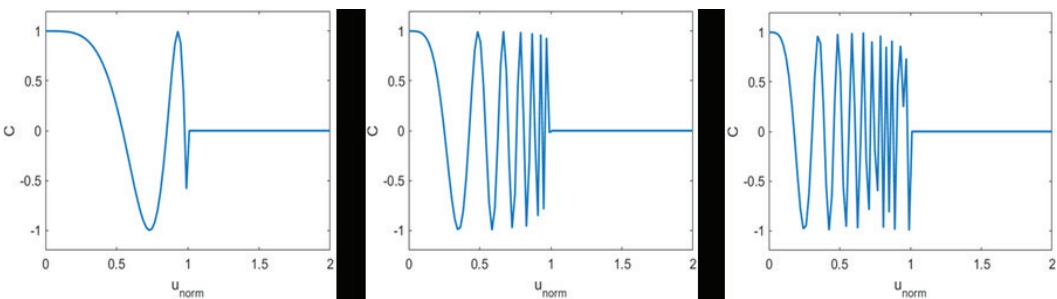

Рис. 8. Анализ осцилляций при значениях $d = 1, 5, 10$ мкм (слева направо)

Fig. 8. Analysis of oscillations at $d = 1, 5, 10 \mu m$ (left to right)

С ростом β наблюдается увеличение степени пространственной некогерентности, что приводит к размазыванию и размытию высокочастотных деталей изображения. Однако при больших значениях N различия между изображениями становятся менее выраженными визуально.

При фиксированной ширине спектра источника уменьшение расстояния d между объектом и сенсором способствует расширению эффективной апертуры, что приводит к улучшению разрешающей способности системы.

Для демонстрации зависимости разрешения от d рассмотрена следующая модель [22]:

$$C = \cos\left(k * d\left(1 - \sqrt{1 - u^2}\right)\right), \tag{8}$$

где $k = 2\pi / \lambda$ – волновое число. Численная реализация выражения (8) представлена на рис. 8. Как видно из рис. 8, при малых значениях d (около 1–2 мкм) передаточная функция амплитудных значений остается относительно гладкой, с незначительными осцилляциями, что облегчает восстановление изображения.

С увеличением расстояния d осцилляции становятся более частыми, появляются области с нулевым откликом, что затрудняет восстановление амплитуды и фазы объекта. С практической точки зрения минимальное расстояние ограничено конструктивными особенностями системы (например, толщиной подложки) и, как правило, составляет порядка 100 мкм. Это значение не позволяет достичь дифракционного предела разрешения в условиях однократной регистра-

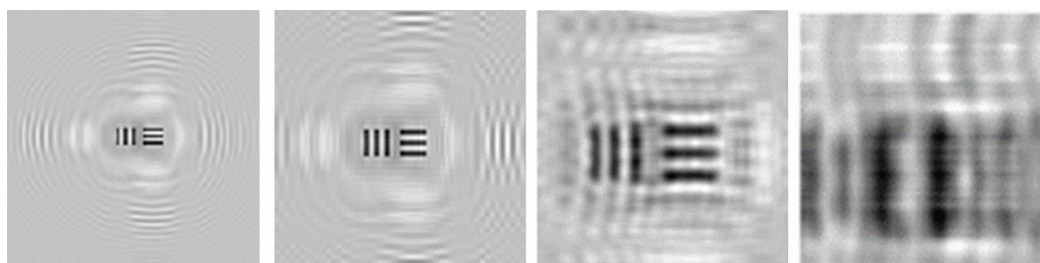

Рис. 9. Восстановленные изображения при различных значениях FOV:

$\Delta L = 0.001, 0.0001, 0.00005, 0.00003$, м (слева направо)

Fig. 9. Reconstructed images at different FOV values

$\Delta L = 0.001, 0.0001, 0.00005, 0.00003$, m (left to right)

ции. В работе [25] рассматривается подход, при котором регистрация голограмм при нескольких значениях d позволяет существенно снизить влияние дифракции и улучшить качество восстановления при больших расстояниях между объектом и экраном. Однако в рамках нашей конфигурации реализация данного метода технически невозможна, поскольку система не предусматривает возможность многократной съемки на различных расстояниях d .

Ключевым фактором, ограничивающим разрешающую способность системы, является физический размер пикселя. Он напрямую определяет максимально регистрируемую пространственную частоту и, как следствие, влияет на предельное разрешение изображения. Существует подход, позволяющий повысить разрешающую способность за счет многократной регистрации голограмм с субпиксельными смещениями или при различных условиях освещения [26]. Такие методы позволяют синтезировать голограмму с меньшим эффективным размером пикселя и улучшенным откликом, в том числе по фазе. Однако в рамках данной работы данные техники не применялись ввиду конструктивных ограничений и невозможности реализации многокадровой регистрации в существующей конфигурации микроскопа.

Для анализа влияния размера FOV на качество восстанавливаемого изображения рассматривался элемент 6 из группы 0. Численное моделирование проводилось при разрешении $N = 5000$, длине волны $\lambda = 0.5$ мкм, $d = 0.08$ м, размер области $L = 0.002$ м. На рис. 9 представлены восстановленные изображения при различных значениях ΔL . По мере уменьшения ΔL наблюдается заметное снижение разрешающей способности: исчезают высокочастотные детали, усиливаются артефакты и размытие изображения. Это связано с ограничением регистрируемого спектра пространственных частот: чем меньше область, тем уже поддерживаемая апертура, а значит и ниже предельное разрешение. Таким образом, для адекватного воспроизведения высокочастотных деталей объекта необходимо использовать как можно более широкое FOV, что, в свою очередь, увеличивает вычислительные затраты.

Заключение

В рамках настоящей работы был разработан единый программный инструмент для численного моделирования и анализа разрешающей способности цифровых голографических микроскопов на основе пяти ключевых факторов: расстояния между объектом и сенсором, временной и пространственной когерентности источника излучения, размера пикселя сенсора и размера области восстановления изображения (FOV).

Численное моделирование позволило выявить и количественно оценить влияние каждого из указанных факторов на итоговое разрешение голографической системы без необходимости проведения физических экспериментов. Установлено, что наибольшее ограничение разрешающей способности в типовых конфигурациях цифрового голографического микроскопа связано с размерами пикселя сенсора, расстоянием между объектом и экраном, а также ограничением размера области восстановления.

Показано, что временная и пространственная когерентности оказывают значительное, но менее критичное влияние по сравнению с конструктивными параметрами сенсора и геометрией системы. В частности установлено, что даже небольшое ухудшение когерентных характеристик источника приводит к потере высокочастотных деталей изображения и снижению общей разрешающей способности.

Предложенный численный подход позволяет оперативно и без дополнительных аппаратных затрат проводить оптимизацию конфигурации цифровых голографических микроскопов на стадии проектирования. Научная новизна работы заключается в комплексном объединении всех указанных факторов в единой программной среде, что обеспечивает возможность предварительной оценки и выбора оптимальных параметров системы.

Дальнейшее развитие работы предполагает экспериментальную проверку полученных численных результатов и реализацию предложенного метода для решения конкретных прикладных задач, таких как мониторинг микропластика и биомедицинские исследования, с целью подтверждения практической значимости предложенного подхода.

Л и т е р а т у р а

1. Егоров Н.В., Антонова Л.И., Карпов А.Г. и др. Теоретическая и экспериментальная оценки электрических параметров голографического микроскопа. *Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования*. 2020;(10):79-84. DOI: 10.31857/S1028096020100040
2. Egorov NV, Karpov AG, Fedorov AG, et al. Technique for investigating the spatial structure of thin films at a nanolevel. *Journal of surface investigation. X-ray, synchrotron and neutron techniques*. 2011;5(5):992-995. DOI: 10.1134/S1027451011100089
3. Amann S, Witzleben M, Breuer S. 3D-printable portable open-source platform for low-cost lens-less holographic cellular imaging. *Scientific Reports*. 2019;(9):11260. DOI: 10.1038/s41598-019-47689-1
4. Kumar ShM, Hong J. A review of 3D particle tracking and flow diagnostics using digital holography. *Measurement science and technology*. 2025;36(3):032005. DOI: 10.1088/1361-6501/adabff
5. Nicholas BF, Lei F, Jiarong H. Holographic Air-Quality Monitor (HAM). *Indoor Air*. 2024;(1):2210837. DOI: 10.1155/2024/2210837.
6. Kim J, Go T, Lee S. J. Volumetric monitoring of airborne particulate matter concentration using smartphone-based digital holographic microscopy and deep learning. *Journal of Hazardous Materials*. 2021;(418):126351. DOI: 10.1016/j.jhazmat.2021.126351
7. Kempainen O, Laning JC, Mersmann RD, et al. Imaging atmospheric aerosol particles from a UAV with digital holography. *Scientific Reports*. 2020;(10):16085. DOI: 10.1038/s41598-020-72411-x
8. Cacace T, Del-Coco M, Carcagnì P, et al. HMPD: A novel dataset for microplastics classification with digital holography. *Lecture Notes in Computer Science. In: Image Analysis and Processing*. 2023:123-133. DOI: 10.1007/978-3-031-43153-1_11
9. Yuxing Li, Yanmin Zhu, Jianqing H, et al. High-throughput microplastic assessment using polarization holographic imaging. *Scientific Reports*. 2024;(14):2355. DOI: 10.1038/s41598-024-52762-5

10. Kim MK. Applications of digital holography in biomedical microscopy. *Journal of the Optical Society of Korea*. 2010;14(2):77-89. DOI: 10.3807/JOSK.2010.14.2.077
11. Anayet UD, Abdul BA, Muzafar B, et al. Applications of artificial intelligence and digital holography in biomedical microscopy. *Authorea*. 2023;28. DOI: 10.22541/au.167698220.02553258/v1
12. Lu H, Zhang Ch, Xu W, et al. Detection of ceramic stress intensity factor based on digital holography. *Applied Optics*. 2025;64(4):910-916. DOI: <https://doi.org/10.1364/AO.545843>
13. Daniel RC, Cosme F. High-resolution imaging for in-situ non-destructive testing by quantitative lensless digital holography. *Frontiers in Photonics*. 2024;(5):1351744. DOI: 10.3389/fphot.2024.1351744
14. Wang Zh, Miccio L, Coppola S, et al. Digital holography as metrology tool at micro-nanoscale for soft matter. *Light: Advanced Manufacturing*. 2022;3(1):151-176. DOI: 10.37188/lam.2022.010
15. Kim J, Kim Y, Lee HS, et al. Single-shot reconstruction of three-dimensional morphology of biological cells in digital holographic microscopy using a physics-driven neural network. *Nature Communications*. 2024;(16):4840. DOI: 10.1038/s41467-025-60200-x
16. Tang M, He H, Yu L. Real-time 3D imaging of ocean algae with crosstalk suppressed single-shot digital holographic microscopy. *Biomedical Optics Express*. 2022;13(8):4455-4467. DOI: 10.1364/BOE.463678
17. Федоров А.Г., Платонов В.В., Жондорова Л.Л. и др. Разработка модели цифрового голографического микроскопа для исследования структур в оптическом диапазоне. *Вестник СВФУ*. 2024;21(2):77-83. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-77-83.
18. Pen G, Caojin Y. Resolution enhancement of digital holographic microscopy via synthetic aperture: a review. *Light: Advanced Manufacturing*. 2022;3(1):105-120. DOI: 10.37188/lam.2022.006
19. Kobi A, Peng G, Vismay T. Optical super-resolution imaging: A review and perspective. *Optics and Lasers in Engineering*. 2024;(183):108536. DOI: 10.1016/j.optlaseng.2024.108536
20. Jayakumar N, Ahluwalia BS. From superior contrast to super resolution label free optical microscopy. *npj Imaging*. 2025;3(1):1-16. DOI: 10.1038/s44303-024-00064-w
21. Huang Zh, Cao L. Quantitative phase imaging based on holography: trends and new perspectives. *Light: Science & Applications*. 2024;3(1):145. DOI: 10.1038/s41377-024-01453-x
22. Zhang J, Sun J, Chen Q, Zuo Ch. Resolution analysis in a lens-free on-chip digital holographic microscope. *IEEE Transactions on Computational Imaging*. 2020;(6):697-710. DOI: 10.1109/TCI.2020.2964247
23. Федоров А.Г., Трофимов В. В., Карпов А. Г. Численные методы и алгоритмы восстановления голографических изображений с произвольным выбором физических размеров плоскости объекта и наблюдения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Прикладная математика. Информатика. Процессы управления*. 2022;18(1):99-110. DOI: 10.21638/11701/spbu10.2022.108
24. Scott C, Potsaid B, Wen JT. Wide field scanning telescope using MEMS deformable mirrors. *International Journal of Optomechatronics*. 2010;4(3):285-305. DOI: 10.1080/15599612.2010.513720
25. Wang M, Feng Sh, Wu J. Multilayer pixel super-resolution lensless in-line holographic microscope with random sample movement. *Scientific Reports*. 2017;(7):12791. DOI: 10.1038/s41598-017-13134-4
26. Heejung L, JongWu K, Junwoo K, et al. Noniterative sub-pixel shifting super-resolution lensless digital holography. *Optics Express*. 2021;29(19):29996-30007. DOI: 10.1364/OE.433719

References

1. Egorov NV, Antonova LI, Karpov AG, et al. Theoretical and experimental evaluation of the electrical parameters of a holographic microscope. *Journal of surface investigation. X-ray, synchrotron and neutron techniques*. 2020;(10):79-84 (in Russian). DOI: 10.31857/S1028096020100040
2. Egorov NV, Karpov AG, Fedorov AG, et al. Technique for investigating the spatial structure of thin films at a nanolevel. *Journal of surface investigation. X-ray, synchrotron and neutron techniques*. 2011;5(5):992-995 (in English). DOI: 10.1134/S1027451011100089
3. Amann S, Witzleben M, Breuer S. 3D-printable portable open-source platform for low-cost lens-less holographic cellular imaging. *Scientific Reports*. 2019;(9):11260 (in English). DOI: 10.1038/s41598-019-47689-1
4. Kumar ShM, Hong J. A review of 3D particle tracking and flow diagnostics using digital holography. *Measurement science and technology*. 2025;36(3):032005 (in English). DOI: 10.1088/1361-6501/adabff
5. Nicholas BF, Lei F, Jiarong H. Holographic Air-Quality Monitor (HAM). *Indoor Air*. 2024;(1):2210837 (in English). DOI: 10.1155/2024/2210837.
6. Kim J, Go T, Lee S. J. Volumetric monitoring of airborne particulate matter concentration using smartphone-based digital holographic microscopy and deep learning. *Journal of Hazardous Materials*. 2021;(418):126351 (in English). DOI: 10.1016/j.jhazmat.2021.126351
7. Kemppinen O, Laning JC, Mersmann RD, et al. Imaging atmospheric aerosol particles from a UAV with digital holography. *Scientific Reports*. 2020;(10):16085 (in English). DOI: 10.1038/s41598-020-72411-x
8. Cacace T, Del-Coco M, Carcagnì P, et al. HMPD: A novel dataset for microplastics classification with digital holography. *Lecture Notes in Computer Science. In: Image Analysis and Processing*. 2023:123-133 (in English). DOI: 10.1007/978-3-031-43153-1_11
9. Yuxing Li, Yanmin Zhu, Jianqing H, et al. High-throughput microplastic assessment using polarization holographic imaging. *Scientific Reports*. 2024;(14):2355 (in English). DOI: 10.1038/s41598-024-52762-5
10. Kim MK. Applications of digital holography in biomedical microscopy. *Journal of the Optical Society of Korea*. 2010;14(2):77-89 (in English). DOI: 10.3807/JOSK.2010.14.2.077
11. Anayet UD, Abdul BA, Muzafar B, et al. Applications of artificial intelligence and digital holography in biomedical microscopy. *Authorea*. 2023:28 (in English). DOI: 10.22541/au.167698220.02553258/v1
12. Lu H, Zhang Ch, Xu W, et al. Detection of ceramic stress intensity factor based on digital holography. *Applied Optics*. 2025;64(4):910-916 (in English). DOI: <https://doi.org/10.1364/AO.545843>
13. Daniel RC, Cosme F. High-resolution imaging for in-situ non-destructive testing by quantitative lensless digital holography. *Frontiers in Photonics*. 2024;(5):1351744 (in English). DOI: 10.3389/fphot.2024.1351744
14. Wang Zh, Miccio L, Coppola S, et al. Digital holography as metrology tool at micro-nanoscale for soft matter. *Light: Advanced Manufacturing*. 2022;3(1):151-176 (in English). DOI: 10.37188/lam.2022.010
15. Kim J, Kim Y, Lee HS, et al. Single-shot reconstruction of three-dimensional morphology of biological cells in digital holographic microscopy using a physics-driven neural network. *Nature Communications*. 2024;(16):4840 (in English). DOI: 10.1038/s41467-025-60200-x
16. Tang M, He H, Yu L. Real-time 3D imaging of ocean algae with crosstalk suppressed single-shot digital holographic microscopy. *Biomedical Optics Express*. 2022;13(8):4455-4467 (in English). DOI: 10.1364/BOE.463678
17. Fedorov AG, Platonov VV, Zhondorova LL, Fedorova LN. Development of a digital holographic microscope model for the investigate of structures in the optical range. *Vestnik of NEFU*. 2034;21(2):77-83 (in Russian).

18. Pen G, Caojin Y. Resolution enhancement of digital holographic microscopy via synthetic aperture: a review. *Light: Advanced Manufacturing*. 2022;3(1):105-120 (in English). DOI: 10.37188/lam.2022.006
19. Kobi A, Peng G, Vismay T. Optical super-resolution imaging: A review and perspective. *Optics and Lasers in Engineering*. 2024;(183):108536 (in English). DOI: 10.1016/j.optlaseng.2024.108536
20. Jayakumar N, Ahluwalia BS. From superior contrast to super resolution label free optical microscopy. *npj Imaging*. 2025;3(1):1-16 (in English). DOI: 10.1038/s44303-024-00064-w
21. Huang Zh, Cao L. Quantitative phase imaging based on holography: trends and new perspectives. *Light: Science & Applications*. 2024;3(1):145 (in English). DOI: 10.1038/s41377-024-01453-x
22. Zhang J, Sun J, Chen Q, Zuo Ch. Resolution analysis in a lens-free on-chip digital holographic microscope. *IEEE Transactions on Computational Imaging*. 2020;(6):697-710 (in English). DOI: 10.1109/TCI.2020.2964247
23. Fedorov AG, Trofimov VV, Karpov AG. Numerical methods and algorithms for reconstruction of holographic images with flexibility choice of physical size of the object and observation area. *Vestnik of Saint Petersburg University. Applied Mathematics. Computer Science. Control Processes*. 2022;18(1):99-110 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu10.2022.108
24. Scott C, Potsaid B, Wen JT. Wide field scanning telescope using MEMS deformable mirrors. *International Journal of Optomechatronics*. 2010;4(3):285-305 (in English). DOI: 10.1080/15599612.2010.513720
25. Wang M, Feng Sh, Wu J. Multilayer pixel super-resolution lensless in-line holographic microscope with random sample movement. *Scientific Reports*. 2017;(7):12791 (in English). DOI: 10.1038/s41598-017-13134-4
26. Heejung L, JongWu K, Junwoo K, et al. Noniterative sub-pixel shifting super-resolution lensless digital holography. *Optics Express*. 2021;29(19):29996-30007 (in English). DOI: 10.1364/OE.433719

Сведения об авторах

ФЕДОРОВ Артур Григорьевич – к. т. н., доц. каф. теоретической физики, ФТИ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-8905-9564, г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: ag.fedorov@s-vfu.ru

ЖОНДОРОВА Любовь Леонидовна – студент 4 курса, группы Ф-21-1 ФТИ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация

ФЕДОРОВА Любовь Константиновна – ведущий инженер кафедры теоретической физики, ФТИ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3569-7592, e-mail: flk_84@mail.ru

About the authors

Artur G. FEDOROV – Cand. Sci. (Technology), Associate Professor, Department of Theoretical Physics, Institute of Physics and Technologies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-8905-9564, e-mail: ag.fedorov@s-vfu.ru

Lyubov L. ZHONDOROVA – 4th year Undergraduate Student, Institute of Physics and Technologies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

Lyubov K. FEDOROVA – Leading Engineer, Department of Theoretical Physics and Technologies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3569-7592, e-mail: flk_84@mail.ru

Вклад авторов

Федоров Артур Григорьевич – разработка концепции, методология, программное обеспечение, проведение исследования, администрирование данных, редактирование рукописи, руководство исследованием, администрирование проекта

Жондорова Любовь Леонидовна – создание черновика рукописи, визуализация

Федорова Любовь Константиновна – ресурсное обеспечение исследования, верификация данных, проведение статистического анализа.

Authors' contribution

Artur G. Fedorov – conceptualization, methodology, software, investigation, data curation, writing - review & editing, supervision, project administration

Lyubov L. Zhondorova – writing - original draft, visualization

Lyubov K. Fedorova – resources, validation, formal analysis

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 19.05.25

Принята к публикации / Accepted 11.06.25

УДК 82.091

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-70-84>

Оригинальная научная статья

Исторический нарратив в литературе народов Сибири 1940–1980-х гг.: присоединение к России как миф основания

А. В. Исаков¹ ✉, А. П. Модорова²

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

²Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова,

г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

✉ alexandr_isakov98@vk.com

Аннотация

В статье рассматривается влияние государственной политики памяти на изображение национального прошлого в литературе народов Сибири 1940–1980-х гг. На материале алтайской, бурятской, хакасской и якутской литератур показано, что репрезентация национальной истории в произведениях советского периода была тесно связана с концепцией «дружбы народов», согласно которой народы Сибири изначально вступили в дружбу с русскими и добровольно вошли в состав Российского государства, что имело исключительно положительные последствия для их исторической судьбы. В художественных текстах конструировался исторический нарратив, соотносящийся с государственной риторикой и научными трудами того периода. Центральное место в этом нарративе занимает присоединение к России – поворотный момент национальной истории, который можно назвать мифом основания. Дороссийское прошлое изображалось как темное и безрадостное время. Присоединение к России показано как обретение добрых и самоотверженных друзей в лице русского народа и Российского государства, которые берут коренные народы под свое покровительство и открывают им дорогу к лучшему будущему. Время после присоединения к России представляется как период перманентного улучшения жизни. Важно, что в данном историческом нарративе присутствует иерархический взгляд на отношения между государством и его народами, которым отводятся неравные роли в историческом процессе. Россия мыслится средоточием цивилизации и прогресса, а русский народ предстает главным носителем всех ее достижений. В то же время народы Сибири изображаются как изначально находящиеся за пределами цивилизованного пространства, и единственно возможным способом приобщиться к мировой цивилизации и прогрессу для них оказывается заключение союза с русскими на правах «младших братьев». Такая перспектива изображения прошлого нерусских народов поддерживала идею их неразрывной связи с государством, за пределами которого для них не могло мыслиться никакого счастливого будущего и национального развития.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, миф основания, советский исторический нарратив, советская многонациональная литература, литература народов Сибири, алтайская литература, бурятская литература, хакасская литература, якутская литература

© Исаков А. В., Модорова А. П., 2025

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»).

Для цитирования: Исаков А. В., Модорова А. П. Исторический нарратив в литературе народов Сибири 1940–1980-х гг.: присоединение к России как миф основания. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 70–84. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-70-84

Original article

Historical narrative in the literature of the peoples of Siberia in 1940–1980s: the annexation to Russia as a foundation myth

Alexander V. Isakov¹ ✉, Ai-Tana P. Modorova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russian Federation

² S. S. Surazakov Research Institute of Altai Studies, Gorno-Altaysk, Russian Federation
✉ alexandr_isakov98@vk.com

Abstract

The article examines the influence of state memory policy on the depiction of the national past in the literature of the peoples of Siberia during the period 1940–1980. Based on the materials of Altai, Buryat, Khakass, and Yakut literatures, it demonstrates that the representation of national history in Soviet-era works was closely intertwined with the concept of “friendship of peoples”. According to this concept, the peoples of Siberia initially entered into friendship with the Russians from the outset and voluntarily acceded to the Russian state, resulting in exclusively positive outcomes for their historical destinies. Literary texts constructed a historical narrative that aligned with state rhetoric and scholarly works of that period. Central to this narrative is the accession to Russia, presented as a pivotal moment in national history and functioning as a founding myth. The pre-Russian past was portrayed as a time of darkness and privation. The accession to Russia is depicted as the acquisition of kind and selfless friends in the form of the Russian people and the Russian state, who assume guardianship over the indigenous peoples and pave the way for a more prosperous future. The post-accession era is presented as a period of continuous improvement. Significantly, this historical narrative exhibits a hierarchical view of the relationship between the state and its constituent peoples, assigning them unequal roles in the historical process. Russia is conceived as the center of civilization and progress, with the Russian people cast as the primary agents of its achievements. Simultaneously, the peoples of Siberia are depicted as initially situated outside the bounds of civilized society, with alliance with Russians on terms of “younger brothers” presented as the sole means of acceding to world civilization and progress. This perspective on the past of non-Russian peoples reinforced the notion of their inextricable bond with the state, outside of which no felicitous future or national development was conceivable.

Keywords: historical memory, politics of memory, foundation myth, Soviet historical narrative, Soviet multinational literature, literature of the peoples of Siberia, Altai literature, Buryat literature, Khakass literature, Yakut literature

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment (the project “Ethnocultural identity in the architectonics of folklore and literary texts of the peoples of the Baikal region, No. 121031000259”).

For citation: Isakov A. V., Modorova Ai-T. P. Historical narrative in the literature of the peoples of Siberia in 1940–1980s: the annexation to Russia as a foundation myth. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 70–84. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-70-84

Введение

Влияние государственной политики на развитие литератур народов России советского периода остается актуальным предметом исследования. В частности, представляет интерес роль политики памяти (или исторической политики) в формировании образов национального прошлого, воплощенных в художественной литературе. В предыдущей статье мы показали, как одна из тенденций советской политики памяти, связанная с утверждением идеи «дружбы народов» в освещении отношений между народами Сибири и Российским государством, повлияла на формирование целого тематического направления в национальных литературах региона [1]. В рамках этого направления создавались разнообразные произведения, посвященные добровольному вхождению сибирских народов в состав России, зарождению дружбы между коренными народами и русскими и позитивному последствию этого события для их исторических судеб.

Сопоставление художественных текстов с высказываниями высокопоставленных спикеров и работами ученых-историков того времени не оставляет никаких сомнений в том, что формирование литературы о «дружбе народов» стало одним из проявлений политики памяти советского государства, стремившегося утвердить идею о давних исторических связях всех народов страны с Россией и русскими и об исключительно положительной роли этих связей в их исторической судьбе. Как было сказано в программном выступлении председателя ЦК Азербайджана М. Д. Багирова в 1953 г., ознаменовавшем завершение широких дискуссий об истории межнациональных отношений в России [2, 3], представители советской власти «обязаны неустанно воспитывать наших людей, нашу молодежь в духе уважения и любви к нашему старшему брату – великому русскому народу», не умаляя «тех колоссальных положительных последствий, к которым привело присоединение нерусских народов к России» [4, с. 66]. Эта мысль в качестве аксиомы закрепляется в исторической науке на рубеже 1940–1950-х гг. [2, 3, 5] и одновременно становится руководством к действию для всех писателей, создающих произведения о прошлом своих народов.

Развивая затронутую в предыдущей статье тему, мы хотели бы теперь подробнее рассмотреть специфику представлений о национальном прошлом в произведениях алтайской, бурятской, хакасской и якутской литератур, созданных в 1940–1980-е гг., параллельно с утверждением и развитием идеи «дружбы народов» в советской политике памяти. Предметом нашего исследования на этот раз станет исторический нарратив, то есть обобщенный «сюжет» национальной истории, конструировавшийся в творчестве писателей – представителей коренных народов Сибири.

Как уже было отмечено в нашей первой статье, центральное место в новой концепции истории сибирских народов заняла идея их добровольного вхождения в состав России. «Добровольному вхождению» разных народов, в качестве которого могли признаваться в действительности разные по своему характеру исторические события, посвящен целый ряд научных трудов, вышедших начиная с 1940-х гг. [3]. С этого же времени в национальных республиках и автономных областях Советского Союза стали проводиться массовые празднества, посвященные годовщинам «добровольного вхождения» местных народов, в ходе которых популяризировались представления об исключительно благотворном влиянии России и русских на историческую судьбу других народов СССР [3, 5]. Таким образом, «добровольное вхождение» заняло в национальных исторических нарративах нерусских народов СССР такое же знаковое место, как Октябрьская революция в общесоюзном историческом нарративе. Думается, что, как и в случае с исторической памятью о революции [6], «добровольное вхождение» можно назвать мифом основания советских наций, то есть событием, которое выступает

осевым моментом исторического нарратива и делит всю историю на «до» и «после», знаменуя начало новой эпохи, лучшей, чем та, что осталась по ту сторону переломного события [7].

Исходя из этого, далее мы сосредоточимся на рассмотрении трех составляющих исторического нарратива в литературе народов Сибири 1940–1980-х гг. – истории народов Сибири в дороссийскую эпоху, процесса присоединения к России и исторической судьбе данных народов после вхождения в состав Российского государства, чтобы выявить специфику видения национального прошлого в свете установок советской политики памяти.

Обзор и краткое содержание произведений, составивших основную часть материала нашего исследования, можно найти в предыдущей статье [1], поэтому здесь мы не станем останавливаться на этом и сразу перейдем к анализу.

Темное дороссийское прошлое

Как известно, СССР представлял собой модерновое государство, в основе идеологии которого лежат идеи прогресса, эволюционизма, универсальности развития человека и общества. «Народы в этой парадигме рассматривались как элементы единого движения человечества от одной стадии (формации) к другой, более прогрессивной. В этой связи советское государство было готово рьяно выполнять свою культуртрегерскую роль, двигая народы по пути прогресса, конечным пунктом которого станет коммунизм» [5, с. 227]. В советском представлении о прошлом коренных народов, подчиненном логике модернового нарратива, четко выделяются образы темного, погруженного в хаос дороссийского прошлого и светлого динамичного времени после вхождения в состав Российского государства. Образ смутного, беспорядочного, нестабильного прошлого коренных народов важен для создания образа империи-спасительницы, дарующей мир, порядок и процветание коренным народам. Д. Спурр такую риторическую стратегию, с помощью которой западные империи создавали образ незападных народов, называет риторикой отрицания (negation): описывая со знаком минус историю народов, культуру, язык, пространства, империя утверждает законность и справедливость своего колониального правления [8].

В литературных текстах, особенно поэтических, мы можем встретить картины дороссийского прошлого народов Сибири, которое рисуется мрачными красками: акцентируются нищета, униженность, тоска, беспросветность их жизни до момента встречи с русскими. Хотя Намсараев в поэме «Сказание о великой дружбе» (*Агууехэ хани барисаан тухай домог*, 1955) так обозначает состояние бурятского народа накануне присоединения к России:

Слушай, как было три века назад, –

Скорбные песни в стране звучали.

Слушай, что было три века назад, –

Слышался в юртах шепот печали [9, с. 5].

Столь же печальной и беспросветной показывает Моисей Баинов в поэме «Думы о степи» (*Чазыдаңар сагыстар*, 1962) дороссийскую жизнь хакасов:

Вразвалку,

Кряжистый и дюжий,

Топор за поясом,

Ходил

По той земле хакас и в стужу

И в зной.

И неустанен был.

Что знал о счастье он, о мире! [10, с. 20].

Созвучные этим строки обнаруживаем в стихотворении Аржана Адарова «Великое кочевье» (*Улу көчүш, 1966*) о прошлой судьбе алтайцев:

От молчаливых аилов, где ветер
Полон отчаянья и тоски,
Шли от слепого застывшего страха,
От колдовства безымянных веков.
Степи бескрайние – вот наша плаха,
Небо пустое – единственный кров [11, с. 7–8].

Даже образы родной природы здесь порою наполняются негативным содержанием, как бы подчеркивая изначальную безрадостность жизни в этих краях. В поэме Х. Намсараева описание прежней жизни сопровождается картинами суровой зимы:

Стужа морозная, черный буран
Свет застилали, по-волчьи воя [9, с. 5].

В «Думах о степи» М. Баинова хакасская степь изображена голодным краем, где ни человек, ни его скот не могут найти достаточно пропитания:

Коня туда он не направит, –
Солончака нарядный вид:
Не ягодою –
Солью ржавой,
Лишь взглянешь, на зубах скрипит [10, с. 21].

Важной составляющей литературного образа темного прошлого народов Сибири был мотив перманентной политической нестабильности, в которой они пребывали до вхождения в состав Российского государства. Эта нестабильность проявляется в классовом противостоянии, междоусобицах, конфликтах с соседними государствами.

Угнетенное положение простых людей, «трудового народа», находящегося в неограниченной власти местной знати, служит одним из лейтмотивов текстов о дороссийском прошлом:

Степь оглушали хан и ноен
Саблей звенящей, стрелой свистящей.
Страхом гонимый, бурятский люд
Стадом оленьим скрывался в чаще [9, с. 5].
Ох, до чего же бедствуют здесь люди.
И что ни род – то свой, конечно, князь,
И каждый по семь шкур с людей сдирает... [12, с. 131].

Противостояние между представителями низших слоев общества и знатью часто оказывается одним из ключевых конфликтов произведения. Так, в пьесе алтайского автора Павла Кучияка «Канза-Бий» (*Канза-Бий, 1943*) главный герой – народный богатырь Канза – противостоит алтайским «феодалам», угнетающим свой народ; в пьесе Намжила Балдано «Побратимы» (*Анда нүхэд, 1958*) бурятские охотники отчаянно сопротивляются власти нойона Борбона; в пьесе якутского писателя Ивана Гоголева «Серебряное стремя» (*Үрүн көмүс ингэнэ, 1974*) подданные Нюсэра Дархана стремятся уйти из-под его деспотичной власти; в романе Балдана Санжина и Бидии Дандарона «Путь праведный» (*Заяанай зам, 1969*) один из центральных антагонистов – зайсан Окин, претендующий на власть над всеми бурятами, а в романе алтайского прозаика Ивана Шодоева «Трудные годы» (*Кызыланду жылдар, 1967*) – зайсан Омбо и правители Джунгарского ханства, изображенные алчными и деспотичными людьми, которым нет дела до судьбы алтайского народа.

Ту же роль играет мотив междоусобных конфликтов, участниками которых обычно и являются отрицательные персонажи – представители знати, а их невинными жертвами оказываются простые люди. Борьба за власть между представителями местной элиты показана в романах «Путь праведный» (табангутский зайсан Окин противостоит предводителю хори-бурят Бадану Туракину) и «Трудные годы» (конфликты наследников джунгарского престола), в «Серебряном стремени» И. Гоголева (Нюсэр Дархан соперничает с Сынагы-баем) и пьесе хакасского писателя Михаила Кильчичакова «Ожившие камни» (*Tipilgen tастар*, 1980) (князь Хартыга против князя Ирната).

Наряду с междоусобицами хаос дороссийского прошлого изображается через сюжеты о противостоянии внешним врагам, справиться с которыми без помощи со стороны коренные народы оказываются не в силах. В алтайской литературе это сюжет о борьбе с ойратскими ханами, маньчжурами, китайцами и казахами, в бурятской – с маньчжурами и примкнувшими к ним монголами, в хакасской – столкновения с джунгарами.

«Общим местом» рассматриваемых произведений можно назвать мысль о том, что местные политические элиты не способны установить порядок и своими неадекватными действиями только поддерживают хаос, ведут свои народы к уничтожению: «Каждый правитель на своем пути пролил море крови, оставил за собой гору костей, принес народу мучительную смерть, тяжкую жизнь...» [13, с. 57]. Изображение политической нестабильности и неорганизованности коренных народов, вероятно, должно было свидетельствовать о неспособности этих народов управлять собой, а значит – о потребности их в более правильном, прогрессивном, организованном управлении, которое могло обеспечить только цивилизованное государство. Так обосновывается необходимость вхождения коренных народов Сибири в состав России, описание которого также состоит из ряда типичных мотивов, которые мы и рассмотрим далее.

Добровольное вхождение

С точки зрения конструирования исторической памяти примечательно, что в литературных произведениях об эпохе присоединения Сибири к России почти не раскрываются причины экспансии Российского государства на эту территорию. В некоторых произведениях 1950–1960-х гг., созданных в то время, когда в национальных республиках и автономных областях впервые широко отпраздновали юбилеи добровольного вхождения местных народов в состав России, рассказывается, как коренные народы сами позвали русских на свои земли. Например, в упомянутой выше поэме Х. Намсараева бурятский мудрец рассказывает сородичам о прекрасной богатой России, где живут великие люди-богатыри, которых буряты решают призвать к себе:

Там небеса в облаках лучезарных,
Тучны колосья в полях благодарных.
Там обитает великий народ,
Тысячелетней славой цветет.

<...>

Баторы эти народ бурят
Благами жизни сполна одарят,
Землю бурятскую дивно устроят,
Землю бурятскую славой покроют [9, с. 6].

В пьесе Н. Балдано «Побратимы» буряты отправляются к Петру I и просят его отправить казаков, чтобы они помогли им одолеть богача Бурбона. В «Думах о степи» М. Баинова тоже говорится, что хакасы сами поехали к русскому царю просить у него защиты и покровительства. Эти литературные сюжеты не имеют

под собой исторических оснований, а их появление объясняется исключительно идеологическим контекстом – писатели здесь предельно буквально иллюстрировали выдвинутый государственной политикой памяти тезис о добровольном вхождении сибирских народов в состав России.

В других произведениях приход русских не зависит от воли коренных народов, при этом персонажи-казаки оказываются движимы исключительно дружескими и даже альтруистическими побуждениями по отношению к народам Сибири. В пьесе И. Гоголева казак Мартын, после кораблекрушения оказавшийся среди якутов, говорит им:

Мы люди – понял? – русские мы люди,
И к вам пришли не за богатством вашим, –
У нас всего и своего в достатке,
А чтобы с вами в дружество войти [14, с. 17].

Схожую речь произносит предводитель русского отряда в бурятской пьесе «Побратимы»:

Мы совершили свой визит далекий
Не ради черных помыслов, корысти,
Не ради отдыха на лоне мест чудесных,
А утверждая дружбу и единство
Народов двух и двух земель отныне.
Вам привезли мы благопожеланье
Народа русского. У нас одно стремленье:
Вас оградить от гибельных набегов,
От бремени поборов непосильных.

Мы правое творить желаем дело,
Сердца открыты лишь добрососедству [15, с. 104].

Начиная с 1940-х гг., в литературе народов Южной Сибири неоднократно возникает мотив военной помощи русских в противостоянии с внешними врагами. Так, в пьесе Н. Балдано «Бабжа-Барас-батор» (*Бабжа-Барас баатар*, 1943) русские казаки помогают бурятскому войску отразить нападение маньчжуров. В романе Б. Санжина и Б. Дандарона «Путь праведный» буряты также ждут помощи от казачьего острога в борьбе с маньчжурскими и монгольскими разбойниками. В поэме М. Баинова и пьесе М. Кильчичакова казаки защищают хакасов от джунгарского завоевания. В романе И. Шодоева «Трудные годы» алтайцы ищут под властью России спасение от маньчжурских и казахских властителей, покушавшихся на их земли. Идея о том, что российская военная помощь была одним из главных факторов зарождения «дружбы народов» стала «общим местом» советской историографии с середины XX века [3, с. 306–330], что отразилось и в литературных произведениях.

Положительный образ казака, встречающийся во многих произведениях национальных литератур Сибири советского периода, тоже складывается в это время под влиянием новых тенденций в историографии: в работах советских историков резко меняется оценка роли казачьих походов и острогов в отношениях с коренными народами, и из проводников завоевательной политики царизма они превращаются в послов «дружбы народов», устанавливавших добрососедские отношения с народами Сибири и защищавших их от внешних угроз [3].

Идея дружественных отношений между русскими и коренными народами Сибири иногда также находит выражение в дружбе двух главных героев – представителей двух народов. Так, в пьесе «Побратимы» глава бурятских охотников Булган-Табита дружит с предводителем русских Дубовым, а молодой казак Демьян становится женихом его дочери Номин. В романе «Путь праведный» предводитель хори-бурят Бадан Туракин дружит с Василием Булавиным, казаком

из Удинского острога. В «Серебряном стремени» И. Гоголева бедняк, раб Нюсэра Дархана Мохсогол дружит с казаком Мартыном, а в пьесе «Ожившие камни» М. Кильчичакова хакас Арчол и русский казак Ивашка дают клятву быть друг другу названными братьями.

Вхождение сибирских народов в состав России, таким образом, представляется как результат их встречи с дружелюбным и самоотверженным русским народом, союз с которым мыслится как нечто самоочевидное.

Среди персонажей литературных произведений о присоединении к России встречаются и противники такого исторического выбора, однако все они относятся к числу отрицательных героев – представителей «эксплуататорского» класса, социальное положение которых, в соответствии с традициями соцреалистической литературы, однозначно маркирует их как антагонистов, чьему мнению не следует доверять. В обоснование своей позиции они высказывают аргументы, которые в советском дискурсе были маркерами «буржуазного национализма»: значительное различие между культурами коренных народов и русских, потеря политической самостоятельности, угроза ассимиляции. И если положительные герои выступают поборниками дружбы между народами, антагонисты ратуют за национальное разобщение. Например, в пьесе И. Гоголева богач Сынагы-бай говорит:

Но все ж, Нюсэр Дархан, не лучше ль будет,
Коль мы одни, без пришлых и незваных,
В своем аласе проживем свой век? [14, с. 74].

Представителям знати писатели приписывают стремление вселить в свой народ страх перед русскими пришельцами и побудить к борьбе с ними. Так, например, сообщает о прибытии русских бурятский богач Борбон в пьесе «Побратимы»:

Худая весть пришла в мои края:
Отряды русских жгут огнем улусы.
Мечом и плетью взять они грозятся
Родную землю. Горе, горе нам!
Я призываю вас объединиться
И полонить проклятого врага [15, с. 90].

В романе «Путь праведный» главный противник России – зайсан Окин, союзник монгольского правителя Туше-гуна. Он так мотивирует необходимость бороться с русскими: «У них другая вера, другие боги. И язык чужой, и обычаи. То, что у нас считается добродетелью, – у них – смертный грех. А то, что противно нашим богам, у них святое дело... Они притесняют бурят, отбирают пастбища, угоняют наш скот. А что мы делаем в ответ? Защищаем свои очаги, своих жен и детей? Нет! Некоторые недалекие нойоны ищут у русских правды! Дают им шерсть! Платят ясак!» [16, с. 62].

Наряду с этим авторы указывают на «классовую» природу подобных опасений: отрицательные персонажи переживают, что с приходом российской власти они потеряют возможность эксплуатировать свой народ. Так, в «Серебряном стремени» Нюсэр Дархан обвиняет русских в том, что они претендуют на принадлежащие ему ресурсы:

Так, значит, вы затем в наш край собрались,
Чтоб на богатства наши поглядеть,
А может быть – и поживиться ими?
Медведь, задравший кобылицу, знает,
Что горностаи уж тут, как тут – и глазки
У горностаи алчностью горят...
Но знай, что никому свою добычу
Медведь не уступает никогда [14, с. 16].

Нередко в произведениях, повествующих об эпохе присоединения к России, акцентируется церемониальный момент, знаменующий вхождение народа в состав Российского государства или заключение союза с русскими. В пьесе М. Кильчичакова «Ожившие камни» таким знаковым моментом становится зачитывание письма хакасского князя Ирната от имени «всех улусов русскому царю» [12, с. 207] с просьбой о принятии хакасов в российское подданство. Начало «дружбы народов» может быть провозглашено в торжественной речи центрального персонажа. Например, в пьесе «Бабжа-Барас-батор» главный герой после того, как буряты и русские совместно одержали победу над маньчжурами, говорит: «Теперь мы уже не одни, как прежде. Народ мой, мы стали братьями с воинами российского царя!» [17, с. 63–64]. В романе «Трудные годы» начало новой эпохи в истории алтайского народа провозглашает главный герой Карчага, ставший одним из лидеров алтайцев во время войн с соседними государствами: «Братья, уцелевшие алтайцы! Белый царь оказал величайшую милость нам, алтайскому народу. Милость Белого царя состоит в том, что он принял нас в число своих подданных. Он приказал своим биям не страшить, не гнать в степи алтайский народ, добровольно вошедший в подданство Белого царя, – сообщил Карчага собравшимся людям и взгляделся в их лица. Лица людей просветлели. Он продолжил говорить: – Теперь мы подданные русского Белого царя. Не будем забывать о том, что эти русские люди приняли нас в свою страну, спасли нас от истребления и гибели. Не будем же чинить им никакого вреда...» [13, с. 164]. Подобная торжественная речь может быть произнесена и русским персонажем: например, в заключительном эпизоде романа «Путь праведный» российский посол Савва Рагузинский, завершив установление российско-китайской границы, воздает хвалу бурятам и их выбору в пользу союза с Россией: «Буряты избрали себе единственно правильный путь – плечом к плечу с русскими, локоть к локтю. Как подлинные друзья-соратники» [16, с. 272].

В некоторых произведениях герои устраивают в честь прибытия русских праздник. Так происходит, например, в пьесе «Побратимы», когда отряд русских казаков прибывает к бурятам. В пьесе И. Гоголева, когда якуты узнают о приближении чужеземцев на ладьях, они гадают, к добру или к худу будет это событие. Гадание показывает, что приход русских принесет якутам удачу. Тогда кузнец Бегюл Беге выковал серебряное стремя – символ счастья и дружбы, с которым в конце пьесы якуты встречают русских казаков. Старуха Эркээни произносит в заключение торжественный монолог:

Старуха я, но зорко вдаль смотрю,
И вижу я сквозь годы непогоды
Над ширью Лены новую зарю,
Зарю свободы моего народа,
И даст ростки великой дружбы семя!
Храните же серебряное стремя [14, с. 86].

Эти церемониальные сцены и торжественная риторика перекликались с пышными празднествами, устроенными в 1950-е годы в разных регионах СССР в честь юбилеев добровольного вхождения местных народов в состав России. Можно сказать, что писатели проецировали в прошлое возникшие в то время формы коммеморации «добровольного вхождения», изображая присоединение к России в духе господствовавшей тогда риторики, прославлявшей дружбу народов и великую миссию России и русских по отношению к народам Сибири.

Позитивные последствия

В рассматриваемых произведениях после вхождения в состав Российского государства в жизни коренных народов происходят многочисленные положитель-

ные изменения. Изменения происходят в хозяйственно-бытовой деятельности народов Сибири: русские учат их ухаживать за землей, выращивать зерновые культуры, строить деревянные избы; в культуре – открытие школ, обучение грамоте, русскому языку; и в более глобальных сферах – социальной, политической, экономической – переход на оседлый образ жизни, компактное расселение в новых поселениях, внедрение стабильной системы управления обществом, медицины.

В романе «Путь праведный» показано, как по мере налаживания отношений с русскими, жизнь бурят меняется к лучшему. Русский лекарь Михаила лечит бурят. В остроге буряты покупают русские товары. Они начинают сеять хлеб и строить русские дома, заготавливать сено (подчеркивается, что русский образ жизни лучше и комфортнее, выгоднее, чем традиционный бурятский). Казак Василий Булавин учит бурят обращаться с ружьем – дает им средство для борьбы с врагами.

Положительные итоги вхождения алтайцев в состав Российской империи спустя 70–80 лет (примерно в 1840-е гг.) подводит в глубокой старости главный герой романа «Трудные годы» Карчага. В последней главе «Новые села, новые люди» Карчага вспоминает, какими были первые русские переселенцы, размышляет о том, какие блага принесла русская цивилизация: они научили алтайцев выращивать ячмень, сажать картофель, строить избы («Теперь в Чаргы-Оозы образовалось русско-алтайское селение, алтайцы живут в теплых и чистых домах, учат русский язык, их дети будут знать грамоту, стали употреблять в пищу хлеб, картофель, пшено» [13, с. 238]), планируется открытие школ.

Для исследуемых текстов, написанных в традициях советской модерности, характерно наделение материальных и нематериальных категорий культуры и быта темпоральными характеристиками, где уклад жизни коренных народов отождествляется со стариной, архаичностью и оценивается как неэффективный, примитивный образ жизни, а проникновение новой, по сути – чуждой для местных народов культуры и правил обустройства экономической, социальной, политической жизни характеризуется качественностью, полезностью. В данных произведениях показано, как новые технологии и в целом новый тип хозяйствования улучшили жизнь коренных народов после вхождения в состав Российского государства. В поэме Х. Намсараева некогда «бедная и забытая родина» стала благодатной, изобильной, что проявляется именно в признаках новой хозяйственной деятельности, выстроенной по русскому образцу:

Русский буряту помог, а была
Родина наша бедна и забыта.
Плуг свой первый справил бурят,
Поле оделось золотом жита.
Стали рубить и буряты дома,
Свежей запахло сосновою стружкой,
В стужу хвалили свой «русский дом».
Весело строились друг за дружкой.
Косы в степи отсверкали звеня.
Копнам душистым хватит простору! —
Значит, копам и скоту не хиреть
Злобной зимой, в голодную нору.
Там, где терялись, как в поле слепцы.
Темные юрты в пространствах широких,
Вольно дорога легла для телег
Вместо тропы верховых одиноких [9, с. 7].

Земледелие вообще часто фигурирует в литературе народов Сибири как маркер благосостояния, связанный с положительным влиянием русских. Так, например,

говорится об этом в поэме бурятского автора Николая Дамдинова «Возвращение батыра. Песня про Шилдэя Занги» (*Шэлдэй занги тухай дуун*, 1965):

Приметил Шилдэй однажды, как русские

Сеют хлеб.

И понял он дела смысл, и стал

Подражать русским.

Окрепло его хозяйство,

И, значит, народ окреп [18, с. 200].

В литературе народов Сибири советского периода существуют целые стихотворения, посвященные прославлению позитивного влияния России и русских на судьбу коренных народов. Яркими примерами таких произведений являются стихотворение бурятского поэта Гунги Чимитова «Русскому народу» (*Ород арадтаа*, 1973) и одноименное стихотворения якутского автора Эллэя (Серафима Кулачикова) «*Нуучча норуотугар*» (1987). В этих текстах перечисляется весь ряд положительных последствий взаимодействия коренных народов с русскими, которые фигурировали в советском дискурсе, начиная с защиты от внешних врагов и прогрессивного влияния на хозяйство и заканчивая обучением русскому языку и приобщением к мировой культуре, вершинным достижением которой преподносится творчество русских классиков: «Творения Александра Пушкина – // Это песня, которую поют якуты» [19, с. 8]. Все лучшее, что случилось в истории коренных народов, провозглашается заслугой русских – «храброго, дружелюбного, добродушного, мудрого русского народа» [20, с. 65], «народа-героя, народа-титана» [19, с. 8].

Мотив бескорыстных благодеяний русского народа по отношению к народам Сибири здесь можно рассматривать как проявление «риторики спасения», в рамках которой Российское государство представляется «спасителем» коренных народов от их «темного прошлого»: «представление о счастливом настоящем, достигнутом в борьбе с «болезненным» прошлым, поддерживает линейное представление об истории» [21, с. 125]. Яркую иллюстрацию этой идеи находим в поэме М. Баинова:

По многотравью степному

Спаситель русский зашагал.

Бесчестью, словно сну дурному,

И бедствиям — конец настал [10, с. 26].

Образ «народа-спасителя» может персонализироваться и в конкретном персонаже. Например, в финале пьесы М. Кильчичакова «Ожившие камни» казак Ивашка обещает маленькому сыну своего погибшего хакасского побратима одарить его всеми благами, которые может дать хакасам русский народ:

Здравствуй, малыш! Вот подрастешь немного,

Поднимутся в степи у нас деревни,

Тебя пахать и сеять научу...

<...>

Вот вырастет здесь русское селенье,

Мы назовем его «Красно-Туранским»

В честь нашей дружбы — русских и хакасов.

И будем рядом жить мы, словно братья.

Читать, писать тебя я научу [12, с. 213].

Наивысшим благом, которое обрели народы Сибири в связи с вхождением в состав Российского государства, считается открытие дороги к «светлому будущему», связанному с грядущей революцией и построением нового коммунистического общества. А. Фокин, изучая инструментализацию времени в СССР, отмечает важность концепции «светлого будущего» в сознании советского

человека: «Советский человек находился в рамках мифологической системы, которая делила время на три части: светлое будущее всего человечества – коммунизм; настоящее, которое призвано воплотить в действительность коммунизм; прошлое, логика развития которого предполагала возможность перехода из настоящего к ожидаемому будущему – коммунизму. Для обеспечения нужной логики развития прошлого в советской действительности имела особая концепция отбора и интерпретации фактов, которая выдавала необходимый образ прошлого» [22, с. 145–146]. Этот подход к осмыслению исторического процесса находит отражение в произведениях о дореволюционном прошлом коренных народов, написанных в советский период – все, что происходило в их прошлом, и особенно добровольное вхождение в состав Российского государства, было единственно верным, судьбоносным выбором, ведь так они проложили себе дорогу к Октябрьской революции, после которой начнется строительство социалистического общества, а затем и прекрасная жизнь при коммунизме. И революция рассматривается в этом нарративе как очередной этап развития «дружбы народов» и братской помощи русских другим народам страны:

Бережно русский повел за собой
Братьев меньших по дороге величья, –
Будь то якут, иль бурят, иль эвенк, –
Ближних и дальних, всех без различья [9, с. 8].

Заключение

Можно заключить, что изображение национального прошлого в литературе народов Сибири 1940–1980-х гг. было продиктовано государственной политикой памяти, и в частности – концепцией «дружбы народов», согласно которой народы Сибири изначально вступили в дружбу с русскими и добровольно вошли в состав Российского государства, что имело исключительно положительные последствия для их исторической судьбы.

В художественных текстах конструировался исторический нарратив, соотносящийся с государственной риторикой и научными трудами того периода. В его основе лежит идея прогресса, общего пути к «светлому будущему», по которому идут все народы. Центральное место в этом нарративе занимает присоединение к России – поворотный момент национальной истории, который можно назвать мифом основания. Дороссийское прошлое изображалось как темное и безрадостное время, когда народы Сибири находились за границами цивилизованного мира и были исключены из всеобщего движения к прогрессу. Присоединение к России показано как обретение добрых и самоотверженных друзей в лице русского народа и Российского государства, которые берут коренные народы под свое покровительство и открывают им дорогу к лучшему будущему. Время после присоединения к России представляется как период перманентного улучшения жизни под влиянием многочисленных благ цивилизации, принесенных русским народом – новых способов ведения хозяйства, медицины и образования, культуры и искусства. Конечной точкой этого движения мыслится революция и построение справедливого коммунистического общества, которое было бы невозможно для этих народов без объединения с Россией.

Несмотря на метафоры дружбы, братства и семьи, которые устойчиво используются для изображения отношений народов Сибири с Россией и русскими, нельзя не заметить, что в данном историческом нарративе присутствует иерархический взгляд на отношения между государством и его народами, которым отводятся неравные роли в историческом процессе. Россия мыслится средоточием цивилизации и прогресса, а русский народ предстает главным

носителем всех ее достижений. В то же время народы Сибири изображаются как изначально находящиеся за пределами цивилизованного пространства, и единственно возможным способом приобщиться к мировой цивилизации и прогрессу для них оказывается заключение союза с русскими на правах «младших братьев». Такая перспектива изображения прошлого нерусских народов поддерживали идею их неразрывной связи с государством, за пределами которого для них не могло мыслиться никакого счастливого будущего и национального развития.

Л и т е р а т у р а

1. Исаков А.В., Модорова А.П. Тема присоединения к России в литературе народов Сибири 1950–1980-х гг. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова*. 2024;21(2):124-136.
2. Дубровский А.М. *Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.)*. Брянск: Изд-во Брянского госуниверситета им. акад. И.Г. Петровского; 2005:800.
3. Tillet L. *The Great Friendship: Soviet Historians on the non-Russian Nationalities*. Chapel Hill: University of North Carolina Press; 1969:468.
4. Багиров М.Д. Старший брат в семье советских народов. *Коммунист*. 1953;3:64-88.
5. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. Москва: Новый Хронограф; 2021:576.
6. Малинова О.Ю. Неудобный юбилей: Итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ. *Политическая наука*. 2017;(3):13-40.
7. Schöppflin G. The functions of myth and a taxonomy of myths. *Myths and Nationhood*. New York: Routledge; 1997:36-59.
8. Spurr D. *The rhetoric of empire. Colonial discourse in journalism, travel writing, and imperial administration*. Durham, London: Duke University Press; 1993:224.
9. Намсараев Х. Сказание о великой дружбе. *Свет над Байкалом*. 1955;(2):5-9.
10. Баинов М.Р. *Я пришел к тебе*. Москва: Советский писатель; 1966:54.
11. Адаров А. *Кочевники*. Москва: Советский писатель; 1969:88.
12. Кильчичаков М.Е. *Ожившие камни*. Москва: Современник; 1983:222.
13. Шодоев И.В. *Кызаланду жылдар [Трудные годы]*. Горно-Алтайск: Алтай бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги; 1984:198. (На алт. яз.).
14. Гоголев И. Серебряное стремя. *Полярная звезда*. 1974;(1):7-86.
15. Балдано Н.Г. *Избранное: Пьесы*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство; 1973:368.
16. Санжин Б.С. *Путь праведный*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство; 1986:272.
17. Балдано Н. *Бабжа-Барас баатар [Бабжа-Барас-батыр]*. Улан-Удэ: Бурят-Монголой гүрэнэй номой хэблэл; 1943:72. (На бурят. яз.).
18. Дамдинов Н.Г. *Избранное*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство; 1976:395.
19. Элэй. Нуучча норуутугар [Русскому народу]. *Хотугу сулус*. 1987;(6):8. (На якут. яз.).
20. Чимитов Г. Ород арадтаа [Русскому народу]. *Байгал*. 1973;(3):65. (На бурят. яз.).
21. Четырова Л.Б., Сахаров А.С. Модерность и трансформация риторики спасения. *Вестник КалмГУ*. 2022;54(2) (54):120-126.
22. Фокин А.А. Роль периодики в формировании представлений о коммунистическом будущем в СССР накануне XXII съезда КПСС (на материалах журнала «Коммунист»). *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2007;1(1):139-146.

References

1. Isakov AV, Modorova AP. The theme of joining Russia in the literature of the peoples of Siberia in the 1950s–1980s. *Vestnik of NEFU*. 2024;21(2):124-136 (in Russian).
2. Dubrovsky AM. *Historian and Power: Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930s–1950s)*. Bryansk: Publishing House of Bryansk State University; 2005:800 (in Russian).
3. Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the non-Russian Nationalities. Chapel Hill: University of North Carolina Press; 1969:468 (in English).
4. Bagirov MD. The elder brother in the family of Soviet nations. *Kommunist*. 1953;(3):64-88 (in Russian).
5. The Soviet National Project in the 1920s and 1940s: ideology and practice. Moscow: Publishing House “Novyi Khronograf”; 2021 (in Russian).
6. Malinova OYu. Inconvenient anniversary: Results of rethinking the “founding myth” of the USSR in the official historical narrative of the Russian Federation. *Political Science*. 2017;(3):13-40 (in Russian).
7. Schöpflin G. The functions of myth and a taxonomy of myths. *Myths and Nationhood*. New York: Routledge; 1997:36-59 (in English).
8. Spurr D. *The rhetoric of empire. Colonial discourse in journalism, travel writing, and imperial administration*. Durham, London: Duke University Press; 1993:224 (in English).
9. Namsaraev Kh. The legend of Great Friendship. *Svet nad Baikalom*. 1955;(2):5-9 (in Russian).
10. Bainov MR. *I came to you*. Moscow: Publishing House “Soviet Writer”; 1966:54 (in Russian).
11. Adarov A. *Nomads*. Moscow: Publishing House “Soviet Writer”; 1969:88 (in Russian).
12. Kilchichakov ME. *Revived stones*. Moscow: Sovremennik; 1983:222 (in Russian).
13. Shodoev IV. *Tough years*. Gorno-Altai: Altai branch of the Altai Book Publishing House; 1984:198 (in Altai).
14. Gogolev I. Silver stirrup. *Polar Star*. 1974;(1):7-86 (in Russian).
15. Baldano NG. *Selected works: Plays*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House; 1973:368 (in Russian).
16. Sanzhin BS. *The Righteous Path*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House; 1986:272 (in Russian).
17. Baldano N. *Babzha-Baras baatar [Babzha-Baras the Hero]*. Ulan-Ude: Buryat-Mongol State Publishing House; 1943:72 (in Buryat).
18. Damdinov NG. *Selected works*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House; 1976:395 (in Russian).
19. Ellei. To the Russian people. *Khotugu sulus*. 1987;(6):8 (in Yakut).
20. Chimitov G. To the Russian people. *Baigal*. 1973;(3):65 (in Buryat).
21. Chetyrova LB, Sakharov AS. Modernity and the transformation of salvation rhetoric. *Vestnik of Kalmyk University*. 2022;54(2):120-126 (in Russian).
22. Fokin AA. The role of periodicals in the formation of perceptions about the Communistic future in the USSR at the eve of the 22nd Union of the CPSU (based on the materials from the journal “Kommunist”). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2007;1(1):139-146 (in Russian).

Сведения об авторах

ИСАКОВ Александр Викторович – м. н. с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3416-9683, e-mail: alexandr_isakov98@vk.com

МОДОРОВА Ай-Тана Павловна – м. н. с., Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация, ORCID: 0009-0009-1871-9973, e-mail: aitanamood@gmail.com

About the authors

Alexander V. ISAKOV – Junior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3416-9683, e-mail: alexandr_isakov98@vk.com

Ai-Tana P. MODOROVA – Junior Researcher, S. S. Surazakov Research Institute of Altai Studies, Gorno-Altaysk, Russian Federation, ORCID: 0009-0009-1871-9973, e-mail: aitanamood@gmail.com

Вклад авторов

Исаков А. В. – разработка концепции, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Модорова А. П. – разработка концепции, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Authors' contribution

Alexander V. Isakov – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing

Ai-Tana P. Modorova – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 27.06.25

Принята к публикации / Accepted 24.07.25

УДК 82-343.4;821.512

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-85-97>

Оригинальная научная статья

Мотивная и архетипическая структура сказки Э. Баторовой «Дракон дедушки Пусуу»

Е. А. Ковалёва

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,

г. Улан-Удэ, Российская Федерация

✉ Kovalevaekaterina21@mail.ru

Аннотация

Научная проблема заключается в малоизученности своеобразия жанра русскоязычной литературной сказки Бурятии в современном литературном процессе региона. В современной литературной сказке Бурятии художественно синтезируются мифологические основы и литературная традиция, наблюдается синтез различных культур. Цель исследования заключается в выявлении особенностей жанра сказки на стыке разных культур. Материалом для данного исследования является литературная сказка Э. Баторовой «Дракон дедушки Пусуу». Методология включает принципы и приемы сравнительно-исторического литературоведения, также в статье задействуются психологические литературоведческие подходы. Жанр произведения Э. Баторовой «Дракон дедушки Пусуу» определяется как литературная сказка. В контексте мифо-фольклорной традиции производится анализ идейно-художественной структуры произведения. Рассматривается взаимодействие русской, бурятской и китайской художественных традиций, определяется специфика интертекстуальности. Выявляются значение и роль мифа и устного народного творчества в развитии жанра литературной сказки. Определяются мотивы волшебства, пути, обращения, инициации, духовного пути, обмена и обмана, болезни, возвращения, нарушения и восстановления порядка. Исследуется реализация архетипических образов ребенка, тени, трикстера. Изучается авторское переосмысление образов фольклорных героев: искателя, жертвы, антагониста, помощника и дарителя. Устанавливается соотношение типов героев с присущими им функциями, а также изучается круг их действий. Раскрывается авторская позиция через разбор элементов народных культур. Выявляются несостоятельность семантики мифологических образов и нарушение последовательности функций героев. Прослеживаются индивидуализация и усложнение авторских сказочных персонажей, образы которых базируются на основе фольклорных. Практическая значимость исследования заключается в обогащении теоретических знаний о жанре современной литературной сказки Бурятии. Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с изучением жанра русскоязычной литературной сказки.

Ключевые слова: современный литературный процесс, Эржена Баторова, жанр литературной сказки, мифо-фольклорная литературная традиция, мотив, архетип, тип фольклорного героя, функции действующих лиц, авторская позиция, синтез культур, интертекстуальность

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Ковалёва Е. А. Мотивная и архетипическая структура сказки Э. Баторовой «Дракон дедушки Пусуу». *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 85–97. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-85-97

Original article

Motif and archetypal structure in Erzhená Batorova's fairy tale "Grandpa Pusuu's dragon"

Ekaterina A. Kovaleva

D. Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

✉ Kovalevaekaterina21@mail.ru

Abstract

This study addresses the scientific problem of the limited understanding of the unique characteristics of the Russian-language literary fairy tale genre in Buryatia within the region's contemporary literary landscape. Modern literary fairy tales in Buryatia artistically synthesize mythological foundations with literary traditions and demonstrate a fusion of diverse cultures. The aim of this research is to identify the specific features of the fairy tale genre at the intersection of these cultures. The literary fairy tale "Grandpa Pusuu's dragon" by Erzhená Batorova serves as the source material for this study. The methodology incorporates principles and techniques from comparative-historical literary criticism, alongside psychological approaches to literary analysis. Erzhená Batorova's "Grandpa Pusuu's dragon" is defined as a literary fairy tale. The analysis of the work's ideological and artistic structure is conducted within the context of mythological and folklore traditions. The study examines the interplay of Russian, Buryat, and Chinese artistic traditions, defining the specific nature of its intertextuality. It also reveals the significance and role of myth and oral folklore in the development of the literary fairy tale genre. The analysis identifies motifs of magic, journeys, transformations, initiation, the spiritual path, exchange and deception, illness, return, disruption and the restoration of order. The realization of archetypal figures – the child, the shadow, and the trickster – is explored. The author's reinterpretation of folklore heroes, such as the seeker, the victim, the antagonist, the helper, and the giver, is investigated. The correlation between types of heroes and their associated functions is established, and the scope of their actions is examined. The authorial perspective is revealed through an analysis of elements from folk cultures. The study identifies the inadequacy of the semantics of mythological images and the disruption of the sequence of hero functions. The individualization and increasing complexity of the author's fairy tale characters, whose images are rooted in folklore, are traced. The practical significance of this research lies in enriching theoretical knowledge of the modern literary fairy tale genre in Buryatia. Future research directions may involve further investigation of the Russian-language literary fairy tale genre.

Keywords: contemporary literary process, Erzhená Batorova, literary fairy tale genre, myth-folklore tradition, motif, archetype, folklore hero type, character functions, authorial position, cultural synthesis, intertextuality

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Kovaleva E. A. Motif and archetypal structure in Erzhená Batorova's fairy tale "Grandpa Pusuu's dragon". *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 85–97. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-85-97

Введение

Эржена Баторова – молодой бурятский прозаик, который имеет такие публикации, как «Мышинный дацан», «Белый бычок», «Дракон дедушки Пусуу» и др. Б. Аюшеев, редактор журнала «Байкал», высоко оценивает творчество данного автора: «Когда я впервые прочел «Мышинный дацан» Эржены Баторовой

(он напечатан в № 6 за прошлый год), первая мысль была: «Это надо скорей всем прочитать!». Есть вещи, которые просто не могли быть не написаны» [1]. Б. Аюшеев также подчеркивает, что творчество молодого прозаика интересно тем, что «...имеет отношение к памяти народа, к его совести» [1].

Творчество Э. Баторовой представляет для нас интерес по нескольким аспектам. Прежде всего, оно современно, т. к. содержит множество аллюзий и реминисценций, а также включает в себе синтез различных традиций. Э. Баторова – русскоязычный автор, но в ее литературном творчестве находят широкое отражение бурятские традиции, закрепленные на мировоззренческом уровне автора (на уровне мифологии, шаманистской и буддийской). Помимо этого, ее произведения отсылают к целым пластам мировой культуры – к европейской и восточной, а именно китайской. Все это формирует уникальный авторский стиль, в котором тесно переплетаются яркий символизм и глубокий психологический подтекст.

«Дракон дедушки Пусуу» [2] – это история, в основе которой лежит сюжет становления, хотя изначально читатель может решить, что в основе – сюжет испытания. В произведении последовательность событий нарушена, что должно говорить о сюжете испытания [3]. Это действительно было характерно для древней и средневековой литературы, где сюжет рассматривался «... как развертывание и конкретизация определенных комплексов мотивов (схем)» [3, с. 202]. Однако уже в XX в. одной из центральных проблем в литературе становится «поиск героем собственной идентичности» [3, с. 252] за счет усложнения внутреннего сюжета.

Мы видим очень интересное для анализа явление с точки зрения художественного синтеза различных традиций в прозе малых жанров. В творчестве Э. Баторовой встречается жанр литературной сказки, но может ли он объединять традиции разных народов? Предметом нашего исследования является изучение жанра произведения «Дракон дедушки Пусуу» через анализ мотивов и образов.

Материалы и методы

Методология данного исследования включает принципы и приемы сравнительно-исторического литературоведения, которые предполагают сравнение жанровой модели разных произведений через мотивы, символы как «... неделимую единицу сюжета» [4, с. 63]. Ведь «новые спросы жизни» подсказывают автору новое содержание для старых, «готовых» форм» [4, с. 64]. Также методология данного исследования включает психологические литературоведческие подходы, которые позволяют выявить скрытые смыслы и подтексты литературного произведения через анализ образов героев.

Выявление особенностей жанра сказки на стыке разных культур и анализ идейно-художественной структуры произведения

Чтобы определить жанр произведения, необходимо выполнить мотивный анализ и провести поиск пространственно-временных ориентиров. Это поможет выявить архетипическую образность и культурные особенности, использованные автором при создании текста.

Мифологическая оппозиция «небо – земля» встречается с первых страниц. Трактовка оппозиции канонична, соответствует древним представлениям о мире. Небо маркируется положительно, а земля – отрицательно [5]. На небе живут боги и сакральные волшебные существа, духи и другие жители загробного мира, что наделяет небо сакральностью. На земле живут люди и другие представители мира живых. Для Эржены и ее семьи дом – это квартира, пространство мира жизни, а для тысячелетнего черного дракона и хитрой рыжей лисы дом – это небо, пространство смерти.

В традиционной мифологической картине мира небо маркируется как «+», а земля маркируется как «-». Эти представления Э. Баторова реализует в сказке. В древнейших произведениях небожители не могли изображаться слабыми, бессильными. Они повелевали миром, обладали властью и могуществом. Древний человек боялся и не смел оспаривать величие богов и других сверхъестественных сил, т. к. считал себя зависимым от их воли, а также воспринимал человечество частью природы и мира. Все, что окружает человека – создание богов. Человек считался творением высших сил, а значит, как сын, не мог идти против воли отца. Могущество богов могло быть не тотальным, у них могли быть пороки, присущие людям, но их сила являлась неоспоримой.

В сказке «Дракон дедушки Пусуу» центральным мотивом является мотив волшебства [5], который роднит произведение с фольклорной волшебной сказкой. События, разворачиваемые внутри рассматриваемого текста, по авторскому замыслу, происходят в реальной действительности, однако в нее гармонично вплетается волшебный элемент. Он воплощается через мифологические антропоморфные представления людей о мире и через призму сверхъестественного. Эти детали объективно иллюстрируют детское представление о мире, которое будет пронизывать все произведение.

Мотив дороги или путешествия [5] в данном произведении можно считать центральным. Он подразумевает не только путешествие между мирами, но и личностную трансформацию героини. Эржена искренне желала вернуть душу дедушки. Однажды она уронила его веер, который тут же обернулся птицей. Птица помогла девочке добраться до горы, где жил дракон, похитивший душу Пусуу. Начало путешествия символизирует первый шаг, готовность ребенка к действию. Здесь мы наблюдаем, как усиливается мифологический подтекст. В тексте читателю не объясняется, но на пересечение границы мира живых и мира мертвых указывает образ птицы и топос гор. Эти детали являются маркерами загробного мира. Скалы обозначают пространство смерти, а образ птицы в глубокой древности символизировал человеческую душу. Птицу относили к жителям мира мертвых, также могли считать самой душой умершего, посредником между мирами или проводником по загробному царству. В тексте указывается, что птица была белого цвета. В прошлом, когда люди трактовали мироустройство через миф, белый цвет считался траурным, что для нас является дополнительным маркером, указывающим на загробное царство. Данные детали указывают на пересечение миров главным героем сказки. Путешествие в загробный мир – это начало пути. Маленькая Эржена не боится возможных испытаний, пассивности предпочитает действие, чем доказывает свою избранность как героя.

Мотив обращения [6] наблюдается в волшебной метаморфозе вещи: веер, подаренный тысячелетним драконом, обращается в птицу. «В сказках превращение <...> обычно бывает временным результатом колдовства» [5, с. 140], что мы наблюдаем на примере веера, обращенного в птицу. В древней китайской культуре веер символизировал доброту и порядочность своего владельца, а в китайском языке слово «веер» выступает омонимом слову «добродетельность» [7]. В сказке веер попадает в руки Эржены, после чего девочка становится его владельцем. Вещь указывает на характер ребенка, а также (после обращения в птицу) помогает преодолеть границу миров.

Образ белой птицы может быть аллюзией на «Синюю птицу» М. Метерлинка [8], что говорит о культурологической насыщенности творчества Э. Баторовой. В пьесе образ птицы символизирует счастье [9], о чем напрямую говорится в тексте «... волшебная Синяя Птица приносит людям счастье» [8, с. 10]. В сказке

«Дракон дедушки Пусуу» птица предстает помощником, который переносит главного героя в мир духов.

Мотив дороги сопряжен с мотивом инициации или поиска смысла и обретения нового уровня [5]. Эржена проходит испытание, чем заслуживает возвращение домой с душой дедушки Пусуу. В сказочном мире Э. Баторовой испытание заключается в выполнении действия и в приверженности своим моральным идеалам. Первую часть испытания главная героиня выполнила, возвратив дракону три волшебные вещи: веер, рукавичку, кованый сундучок. Вторую часть испытания девочка прошла, открыв свои искренние чувства дедушке, т. е. доказала преданность семье. Через прохождение инициации происходит приобщение к высшим ценностям, за что следует награда – исполнение заветного желания, воссоединение семьи, возвращение лада в дом.

В сказке также находим мотив верности или буддийский мотив духовного пути [10]. Маленькая Эржена демонстрирует преданность не только семье, но и своим моральным убеждениям. Изначально Пусуу не желал возвращаться в мир живых, где его ждали только старая изношенная оболочка и незнакомые родные, которые предстают для него незнакомцами. Изменить решение его убеждает Эржена. Для девочки неважно, что прошло слишком много человеческих лет, и что настоящего Пусуу она совсем не знает. Для нее важно, что Пусуу – ее дедушка, родственник, часть ее семьи, что является решающим фактором. Эржена примет его любым и осчастливит маму и бабушку. Доказав приверженность к высшим ценностям, Эржена проходит испытание.

Шутовские мотивы обмена и обмана [5] играют важную роль в тексте. Душа дедушки Пусуу и душа дракона меняются местами в результате сделки и нарушения ее условий. Дракон, желая внести разнообразие в монотонность жизни, хитростью губит коня Пусуу, из-за чего мужчина не может доставить важное послание и спасти сотни жизней. Дракон предлагает помощь, дарит человеку коварные подарки: волшебный веер, красную рукавичку и кованый сундучок. Первые два предмета помогут преодолеть большие расстояния и спасти людей, но есть обязательное условие – не открывать кованый сундучок. Пусуу нарушает запрет, что влечет за собой обмен душами. Теперь душа дракона живет в теле Пусуу, а душа Пусуу заточена в теле дракона. Через нарушение запрета начинается путь трансформации личности. Вместе с тем нарушение наказа является обязательным условием, чтобы в будущем получить благо, повлечь положительный исход. Образы тысячетелного дракона и Пусуу не завершены для постижения определенного опыта, преображения, развития в лучшую сторону.

Существенным в структуре сказки является мотив болезни, т. к. представляет собой испытание для одного из героев. Болезнь тела Пусуу является следствием нарушения порядка, привычного и правильного уклада жизни. Девиация происходит, когда души попадают в тела, не предназначенные им. Пусуу должен был прожить жизнь человека, а черный тысячетелный дракон – жизнь дракона. Душа дракона слишком долго пребывала в человеческом теле, что повлекло психические расстройства и проблемы со здоровьем. После прохождения испытания, восстанавливается исконный порядок: души возвращаются в свои оболочки, что влечет возвращение к предназначенным им жизням.

Учитывая, что автор часто обращается к буддийским мотивам (перерождение и кармическая связь явлений) в своих произведениях, одной из причин болезней могут быть негативные эмоции, такие, как гнев, обида, неприятие, сожаление, сомнение и пр. К концу человеческой жизни дракон начинает сожалеть о содеянном, желает вернуть свое изначальное тело, но не в состоянии провести инверсивное действие. Накопление психологического напряжения влечет

нарушения в работе организма. Но после повторного обмена душами эмоциональный стресс спадает и болезни покидают тело.

В возвращении Эржены с дедушкой Пусуу мы видим мотив возвращения, который «гарантирует космический порядок» [5, с. 29]. Он имеет мифологическую семантику, т. к. обозначает конец цикла и символическое завершение путешествия героев. Возвращение позволяет Пусуу восстановиться, благодаря чему он проводит остаток отведенного ему времени в кругу семьи и познает ее ценность. Для Эржены восстановление порядка течения жизни происходит благодаря ее стараниям, но для Пусуу возвращение в свое тело и восстановление здоровья воспринимается как чудо.

Все первообразы возникли в мифе и уже в дальнейшем стали основой художественной образности. К. Г. Юнг, основатель аналитической психологии, открыл и описал один из уровней подсознания – коллективное бессознательное. В процессе индивидуализации личности происходит слияние сознательного и бессознательного, и этот процесс обнаруживается в мифологических образах [11]. Исходя из этого, Юнг предложил понятие «архетип». Основываясь на этом, мы считаем важным рассмотреть первообразы, лежащие в основе образов героев.

Архетип ребенка лежит в основе образа Эржены. Согласно К. Г. Юнгу, ребенок – это начало жизненного пути, начало развития личности [12]. Как ребенок взрослеет, так и жизнь человека развивается, усложняется, становится многогранной. По данной причине во многих мифах-легендах героями-спасителями становятся боги-дети [13]. Произведение Э. Баторовой в данном аспекте аналогично. В сказке «Дракон дедушки Пусуу» главным героем выступает маленькая девочка Эржена. Интересно, что у главной героини действительно есть божественные корни: она является внучкой дракона и троюродной сестрой лисы, данный образный ряд содержит отсылку к тексту многовековой китайской литературы.

Девочка символизирует детство и взросление человека через столкновение со страхами и проблемами. Преодолевая трудности, она взрослеет, познает жизнь, формирует характер. В сказке это происходит через встречу с черным тысячелетним драконом, т. е. бессознательным страхом, проблемами. Важно, что Эржена сохраняет свою изначальную чистоту души, проходит все испытания, не изменяет своим нравственным принципам. Героиня сохраняет доброту и не предает семейные ценности, тем самым растет, развивается как личность через преодоление жизненных трудностей, которые находят свое отражение в образе черного дракона.

По В. Я. Проппу, образ Эржены соотносится с образом героя-искателя [14]. Ее круг действий сводится к отправке на поиски жертвы: девочка отлучается из дома на поиски души дедушки Пусуу. Эржена, как классический герой-искатель, целенаправленно отправлялась на поиски, потому что такова ее функция действующего лица, однако на ее решения также влияют характер и моральные качества.

К атрибутам действующих лиц относятся возраст, пол, социальное положение, внешний облик и пр. [14]. В ранних эпических и фольклорных произведениях героями, совершавшими подвиги, были храбрые, сильные, отважные воины-мужчины. Они защищали слабых и не боялись отправиться в загробный мир спасти души своих соратников или высвободить из плена прекрасную девушку. В разбираемом нами произведении героем становится маленькая девочка, которая спасает взрослого человека. Здесь мы наблюдаем реализацию авторской позиции.

Образ Пусуу неоднозначен, прежде всего на это указывает имя героя. Оно не исконно бурятское, не монгольское и не тибетское. Более того, оно не встречается ни в одном ономастическом словаре, из-за чего мы склонны считать, что имя

Пусуу имеет авторское происхождение. Скорее всего, прототипом для его создания послужил образ Пу Сунлина. Пу Сунлин – это китайский новеллист, автор сборника «Описание чудесного из кабинета Ляо» [15], чье литературное творчество обрело широкую популярность в России [16]. На данный момент времени, писатель известен благодаря рассказам о лисах-оборотнях, широко распространенных в массовой культуре. Общее между Пу Сунлином и Пусуу – связь с мистическим. Пу Сунлин писал новеллы, вдохновленные народными преданиями, а сказочный Пусуу – непосредственный участник необыкновенных событий, произошедших внутри текста.

За образом Пусуу закреплён образ жертвы. По В. Я. Проппу, он соответствует кругу действий царевны или искомого персонажа [14]. Здесь мы видим, как традиционный образ получает авторскую трактовку. Каноничной жертвой должна быть женщина, т. к. в контексте мифологических образов женское начало рассматривается пассивным, страдающим [17]. По авторскому замыслу, страдающее начало приписывается старому мужчине, что в корне противоположно семантике мифологической образности. На наш взгляд, это может быть следствием изменчивости социальных норм и взглядов на мужские и женские роли. Любые перемены в обществе неизменно отражаются на современном литературном процессе, что изменяет предшествующие представления о чем-либо.

В связке действующих лиц «Пусуу – Эржена» прослеживается оппозиция «старший – младший». Семантика образов меняется. Канонично «старший» маркируется знаком «+», а «младший» – знаком «–» [5]. Это связано с древнейшими представлениями людей о возрасте. Чем старше человек, тем он опытнее, мудрее, соответственно, может дать ценные советы подрастающему поколению, обучить чему-либо. Но в сказке Э. Баторовой мы наблюдаем инверсию: образ Эржены маркирован знаком «+», а образ Пусуу маркирован знаком «–». Ребенок оказывается добрее, мудрее, заботливее взрослого человека. Пока Пусуу мечется в сомнениях, стоит ли возвращаться в свое старое, немощное тело, Эржена находит нужные слова убеждения. В своих рассуждениях девочка делает упор на семейную связь и любовь родных, что убеждает Пусуу дать свое согласие на очередной обмен душ с тысячелетним драконом.

Образ дракона интертекстуален, но одновременно с этим приобретает авторское решение.

Образ дракона символизирует незащищенность, покинутость, страх, угрозу нарушения привычного уклада жизни или угрозу самой жизни. Во многих мифологических преданиях дракону присуще огненная стихия, она разрушительная, грозная опасная. Чаще всего дракон непобедим и обладает сверхъестественной силой, которая носит разрушительный характер, «поскольку с ней связаны такие свойства дракона, как воинственность и враждебное отношение ко всему живому» [18, с. 107]. Это позволяет говорить о том, что образу дракона присуще хтоническое начало.

В произведении Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» дракон Смауг отличается исключительной жизнеспособностью, в определенной мере хвастливостью и красноречием. Он «... представляет собой собирательный образ, в котором воплотились универсальные черты» [18, с. 109]. К ним можно отнести змееподобность, обитание в подземном мире, способность управлять стихиями, почти полную неуязвимость, слабое место, не защищенное броней [18].

В пьесе-сказке «Дракон» Е. Л. Шварца образ хтонического ящера – это символ тиранической власти, самолюбия, подлости, расчетливости и других отрицательных качеств личности, которые всегда воплощаются в разных

человеческих обликах. Безграничная сила, приобретшая в пьесе образ дракона, трактуется автором как зло, деспотизм, жестокость [19].

В китайской культуре образ дракона многогранен, имеет множество значений и символов. Чаще всего образ несет положительную трактовку, т. к. считается одним из четырех волшебных животных и олицетворяет «воплощение силы небесной, несущий Благо. Он – символ света, активности, богатства, счастья, дождя, плодородия, скрытого знания, восходящего солнца, верховной власти, сверхъестественной силы, мудрости и бессмертия» [20].

По К. Г. Юнгу трактовка образа дракона диаметрально противоположна. Его принято рассматривать как проблемы, препятствия на пути к высшему благу [12]. Побеждая дракона, т. е. свои страхи, человек проходит обряд инициации, рождается в новом качестве, т. е. доказывает свою избранность, доказывает, что достоин высшего блага. Таким образом, образ дракона зиждется на архетипе тени. Тысячелетний дракон – это «тень» Эржены, ее «личное» бессознательное. Ей необходимо встретиться со своими пороками и страхами, чтобы познать саму себя, побороть свои слабости, тем самым, обрести силу и развиваться как личность [11].

В сказке «Дракон дедушки Пусуу» тысячелетний черный дракон – сакральное существо, почти божественное. Он обладает сверхъестественными возможностями, способен погубить жизнь одним дуновением, но вместе с тем небожитель не всесилен. Дракон хитростью обменялся душами с Пусуу, но совершить инверсивное действие неспособен. Для этого ему требуется согласие самого Пусуу. Автор показывает нам, что сакральное существо бессильно перед волей человека. Это противоположно мифологической трактовке образов, что говорит об авторском начале в поэтике фантастического.

За образом тысячелетнего черного дракона закреплена функция антагониста, но не классического. В круг действий входит только вредительство, но не классическое. Он не похищает жертву в буквальном смысле и не убивает ее, но обманом устраивает обмен их душами. Классический антагонист по природе своей злой, совершает деяния против общечеловеческой морали, творит бесправие с целью навредить [14]. Дракон совершает коварство, однако делает это из личного интереса и желания, у него нет нужды причинить боль Пусуу, исходя из своего жестокосердия. Дракон показан читателю не идеальным существом-небожителем, а человекоподобным духом со своими желаниями и пороками, что придает образу красочность, живость. Антагонисту наскучивает монотонность бесконечной жизни, ему хочется разнообразия, чего-то нового, поэтому он решает познать человеческую жизнь. Он действует, исходя из личных причин, а не из желания причинить вред. Перед нами достаточно сложный для сказки антагонист, потому что его действия продиктованы разумом, а не эмоциями.

Образ лисы в древнекитайском фольклоре занимает особое место, и чаще всего это девятихвостая лиса-оборотень, называемая «кицуне». Российский Китаист В. М. Алексеев пишет о данном образе следующее: «Волшебная фантастика, которою китайский народ неизвестно даже с какого времени окутывает простого плотоядного зверька, разрастается до размеров, которые, по-видимому, совершенно чужды воображению других народов» [21, с. 20]. Лиса-оборотень наделялась отрицательными и положительными качествами, например, способностью навредить или не навредить человеку. Ее боялись и почитали одновременно [22]. В настоящее время яркий образ лисы-оборотня часто используется в массовой культуре. Кицуне становятся популярными персонажами современной художественной литературы, мультипликационных фильмов и кинофильмов [22].

В русской культуре лиса предстает хитрым, пронырливым зверем, способным обмануть любого другого зверя или даже человека. В сказках лиса часто манипулирует другими героями путем красноречия ради извлечения выгоды, однако бывают случаи, когда лиса предстает проводником или помощником [23]. Таким образом, в отечественной культуре образ лисы можно считать амбивалентным.

В сказке «Дракон дедушки Пусуу» образ «рыжей лисички» базируется на архетипе трикстера. По К. Г. Юнгу, трикстер нарушает социальные нормы, озорничает, ведет свою игру и потешается над своими жертвами, что впоследствии приводит к страданиям самого трикстера. Трикстер бессознательно совершает опрометчивые поступки, но по природе своей не злой [12]. В «Драконе дедушки Пусуу» архетип подвергается трансформации через призму авторского взгляда. Сохраняется каноничный элемент сущности трикстера – игра. Рыжая лисичка не случайно встречает Эржену и не случайно рассказывает ей историю тысячелетнего дракона и Пусуу. Трикстер с самого начала ведет свою игру: «Эржена присела на поваленное дерево, не зная, что делать дальше. Лисичка подошла к ней, положила ей голову на колени и заглянула своими лукавыми глазами-бусинками ей в глаза.

— Не переживай, мы спасем старого Пусуу. Может, дракон согласится вместо волшебного сундучка взять маленькую волшебную рыжую лисичку?» [2, с. 106].

Но, в отличие от каноничного трикстера, лиса не потешается над своими жертвами и не совершает опрометчивых поступков. Она хитрит, но хитрит во благо, помогает Эржене вернуть душу дедушки и прежний порядок.

Образ рыжей лисы амбивалентен, т. к. в нем сосредоточены сразу несколько функций по действующим лицам. Это помощник и даритель, круг действий которых будет охватывать пространственное перемещение героя, снабжение героя волшебной вещью и решение трудной задачи. Она сопровождает Эржену в потустороннем мире к логову тысячелетнего дракона и Пусуу, возвращает третий утерянный волшебный предмет, благодаря чему девочке предстает возможным пройти испытание, вернуть душе дракона его исконное тело и вернуться домой с душой Пусуу. С самого начала помощница хитра, не раскрывает своих планов, но также она делает все возможное, чтобы помочь восстановить порядок.

Основой для авторской сказки служит фольклорная волшебная сказка, в структуре которой значимы функции героев.

В сказке «Дракон дедушки Пусуу» нелинейное повествование, поэтому последовательность функций будет нарушена. Наблюдается следующее: отлучение члена семьи – герой решается на противодействие – герой покидает дом – герой переносится к месту поисков – герой встречает помощника [14]. Здесь хронология повествования нарушается, герой, т. е. Эржена, узнает тайну, случившуюся много лет назад с жертвой, т. е. дедушкой Пусуу. Следующими звеньями цепочки будут: антагонист пытается обмануть жертву, чтобы завладеть ею и ее имуществом – жертва поддается обману – антагонист обращается с запретом — жертва нарушает запрет – антагонист наносит ущерб – наносится вред члену семьи (жертве) [14]. Повествование переносит читателя обратно в современность: герой приводится к месту нахождения предметов поисков – герой испытывается – герой получает волшебный предмет – герой ликвидирует недостачу – герой возвращается [14].

Нарушение последовательности функций – явление относительно новое. Активное использование инверсии получило распространение только во второй половине XX века с развитием постмодернизма. Автор прибегает к приему инверсии, нарушает фольклорный канон, потому что так Э. Баторова поддерживает интерес читателя и придает тексту эмоциональную насыщенность, драматизм, а также фокусирует наше внимание на ключевых моментах произведения. Для придания динамики сюжету сказки требуется осветить прошлое одного из героев,

тем самым пояснить читателю причинно-следственные связи.

Заключение

Мы считаем, что произведение «Дракон дедушки Пусуу» относится к жанру литературной сказки по следующим критериям: сказочная структура произведения; наличие волшебного элемента; необычный главный герой; индивидуализированные персонажи; морально-нравственный подтекст; авторская позиция.

Главная героиня произведения, Эржена, относится к сказочному типу героев. На это указывает «... ход событий волшебной сказки» [3, с. 192], который «основан на ее двоemiрии» [3, с. 192]. На это же указывает коллизия произведения – происходит временное нарушение равновесия, вследствие чего весь сюжет «... рассматривается как результат такого нарушения» [3, с. 192]. Но в волшебной сказке последовательность функций и мотивов всегда одинакова, однако в «Драконе дедушки Пусуу» последовательность нарушена по авторскому замыслу, а сюжет усложнен.

В своем сказочном произведении Э. Баторова обращается к современной жизни и элементам различных народных культур, синтезирует их, художественно обрабатывает традиционные образы и вплетает в сюжет психологический подтекст. Оказалось, что литературная сказка тоже может объединять традиции разных народов. Так, образная система сказки «Дракон дедушки Пусуу» отражает синтез русской, бурятской и китайской народных культур. Это проявляется в традиционных литературных образах дракона, лисицы, именах, а также элементах буддизма. В сюжете сказки есть мотив обмена души, нарушения и восстановления порядка. Дракон от скуки заключает сделку с Пусуу и обменивается душами с человеком, а лисица помогает восстановить порядок и вернуть лад в семью маленькой Эржены. Все это сопровождается разговорами между людьми и зверями, а также некоторыми магическими действиями. Образы всех существ антропоморфны, автор наделяет их способностью думать, говорить, приписывает им абсолютную свободу выбора, не характерную для животных. Исходя из этого, можно высказать предположение о наличии души у дракона и лисицы, что снова отсылает нас к представлениям древних людей о мире, а именно – о наличии души у всего, что окружает человека. Вместе с этим образы дракона и лисы отчасти романтизированы под влиянием массовой культуры. В настоящее время мифология азиатских стран находится на пике своей популярности и служит вдохновением для создания сказочных образов в кинофильмах и литературе, вследствие чего мы наблюдаем изменение семантики традиционных образов.

Сказка интересна осмыслением буддийских представлений о метемпсихозе. Однако в данном религиозном учении есть четкие границы жизни и смерти, а в произведении Э. Баторовой идея перерождения душ претерпевает метаморфозу, классические представления о смерти и рождении стираются. Это воплощается в цепочку мотивов обмена и обмана, превращения, инициации, духовного пути, возвращения, нарушения и восстановления порядка. Они обуславливают идею поиска себя, которую автор раскрывает через образ Эржены.

Таким образом, мы видим, как Э. Баторова совмещает мифологию разных народов и вместе с тем проводит авторскую идею в жанре литературной сказки.

Л и т е р а т у р а

1. Мельница литературного потока. Новая Бурятия. URL: https://newbur.ru/newsdetail/melnitsa_literaturnogo_potoka/ (дата обращения: 03.05.2025).
2. Баторова Э. Дракон дедушки Пусуу. *Байкал*. 2012;(1):105-108.
3. Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. *Теория литературы*. В 2 т. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. Москва: Академия; 2004;1:512.

4. Зинченко В.Г., Зусман В.Г. Кирнозе З.И. *Литература и методы ее изучения*. Москва: Флинта, Наука; 2011:280.
5. Мелетинский Е.М. *От мифа к литературе*. Москва: РГГУ; 2000:167.
6. Ашихманова Н.А. Сюжетный мотив «превращение» как единица сказочного нарратива. *Гуманитарные и социальные науки*. 2015;(6):73-79.
7. Цинь Л. Символика веера в китайском учении фэн-шуй. *Гуманитарный трактат*. 2018;(25):45-47.
8. Метерлинк М. *Синяя птица*. Пересказ с французского и иллюстрации Дехтерева Б. А. Москва: Детская литература; 1994:120.
9. Алесенкова В.Н. Драматургия Мориса Метерлинка: философия в символах. *Искусство и культура*. 2011;(2):46-50.
10. Ефремова А.А. Онтология духовного пути в раннем буддизме. *Acta eruditorum*. 2018;(25):09-113.
11. Юнг К.Г. *Архетип и символ*. Перевод А.М. Руткевича, В.В. Зеленского, В.В. Бибикина. Москва: Ренессанс; 1991:297.
12. Юнг К.Г. *Душа и миф. Шесть архетипов*. Перевод А.А. Юдин. Москва: Лабиринт; 1997:232.
13. Юнг К.Г. *Божественный ребенок*. Перевод Д.В. Дмитриева, Т.А. Робекко. Москва, Назрань: Олимп, АСТ; 1997:398.
14. Пропп В.Я. *Морфология волшебной сказки*. Москва: Лабиринт; 2001:192.
15. Пу Сунлин. *Рассказы Ляо Чжэя о необычайном*. Перевод с китайского В.М. Алексева. Москва: Художественная литература; 1988:559.
16. Зиямухамедов Ж.Т. Классические сюжеты китайской литературы и их отражение в новеллах Пу Сунлина. *Филология*. 2021;(2):35-49.
17. Хань Д. Тугулова О.Д., Бардаханова З.Д. К вопросу о рецепции китайских «Рассказов о странном» в российской литературе. *Гуманитарный вектор*. 2023;(3):48-56. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-48-56
18. Фрейдберг О.М. *Поэтика сюжета и жанра*. Москва: Лабиринт; 1997:445.
19. Кулакова О.К. Дракон как универсальный прецедентный феномен в авторской картине мира. *Вестник иркутского государственного лингвистического университета. Серия литература*. 2010;(4):105-110.
20. Грибина Л.В. Трансформация архетипа дракона в произведениях Е. Л. Шварца и современных писателей. В кн: Бешукова Ф. Б., Хаткова И. Н. (ред.) *Евгений Шварц и проблемы развития отечественной литературы XX века*: Материалы Всероссийской научной конференции, г. Майкоп, 21-23 октября 2021 г. Майкоп: Изд-во Адыгейского государственного университета; 2021:21-25.
21. Филипповский В.С. Символическое значение образа дракона в китайской мифологии. *Studnet*. 2020;(2):28-33.
22. Логинова Т.А. Традиционное представление о лисице-оборотне в китайской культуре. *Язык и культура*. 2016;(21):31-36.
23. Шулунова О.В., Казаков О.В. Образ лисы в русской фольклорной литературе и китайской литературе (на примере «Рассказов Ляо Чжэя о необычайном» Пу Сунлина). *Global and regional research*. 2020;2(2):474-481.

References

1. The mill of literary flow. *New Buryatia*. Available at: https://newbur.ru/newsdetail/melnitsa_literaturnogo_potoka/ [Accessed 3 May 2025] (in Russian).
2. Batorova E. Grandpa Pusuu's dragon. *Baikal*. 2012;(1):105-108 (in Russian).
3. Tamarchenko ND, Tyupa VI, Broitman SN. *Theory of literature*. In 2 vols. Moscow: Publishing house "Akademiya"; 2004;1:512 (in Russian).

4. Zinchenko VG, Zusman VG, Kirnose ZI. *Literature and methods of its study*. Moscow: "Flinta", "Nauka"; 2011:280 (in Russian).
5. Meletinsky EM. *From myth to literature*. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2000:167 (in Russian).
6. Ashikhmanova NA. Plot motif "transformation" as a unit of a fairy tale narrative. *Humanities and social sciences*. 2015;(6):73-79 (in Russian).
7. Qin L. Symbolism of the fan in Chinese Feng Shui teaching. *Humanitarian treatise*. 2018;(25):45-47 (in Russian).
8. Maeterlinck M. *The Blue Bird*. Retelling from French and illustrations by Dekhterev BA. Moscow: Publishing house "Detskaya literature"; 1994:120 (in Russian).
9. Alesenkova VN. Dramaturgy of Maurice Maeterlinck: philosophy in symbols. *Art and culture*. 2011;(2):46-50 (in Russian).
10. Efremova AA. Ontology of the spiritual path in Early Buddhism. *Acta eruditorum*. 2018;(25):09-113 (in Russian).
11. Jung CG. *Archetype and symbol*. Translated by Rutkevich AM, Zelensky VV, Bibikhin VV. Moscow: Publishing house "Renaissance"; 1991:297 (in Russian).
12. Jung CG. *Soul and myth. Six archetypes*. Translated by Yudin AA. Moscow: Publishing house "Labirint"; 1997:232 (in Russian).
13. Jung CG. *The Divine Child*. Translated by Dmitriev DV and Robeko TA. Moscow, Nazran: "Olymp", "AST"; 1997:398 (in Russian).
14. Propp VYa. *Morphology of a folktale*. Moscow: Publishing house "Labirint"; 2001:192 (in Russian).
15. Pu singling. Strange tales from a Chinese studio (Liaozhai zhiyi)/ Translated from Chinese by Alekseev VM. Moscow: Publishing House "Khudozhestvennaya literatura" 1988:559 (in Russian).
16. Ziyamukhamedov ZhT. Classical plots of Chinese literature and their reflection in the novels of Pu Songling. *Philology*. 2021;(2):35-49 (in Russian).
17. Han D, Tugulova OD, Bardakhanova ZD. On the reception of Chinese "Tales of the Strange" in Russian literature. *Humanitarian vector*. 2023;(3):48-56 (in Russian). DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-48-56
18. Freudenberg OM. *Poetics of plot and genre*. Moscow: Publishing house "Labirint"; 1997:445 (in Russian).
19. Kulakova OK. Dragon as a universal precedent phenomenon in the author's world. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Literature series*. 2010;(4):105-110 (in Russian).
20. Gribina LV. Transformation of the dragon archetype in the works of E. L. Schwartz and modern writers. In: Beshukova FB, Khatkova IN. (eds). *Evgeny Schwartz and the problems of the development of Russian literature of the 20th century*: Materials of the All-Russian Scientific Conference, Maykop, October 21-23, 2021. Maykop: Publishing House of Adyghe State University; 2021:21-25 (in Russian).
21. Filippovsky VS. Symbolic meaning of the dragon image in Chinese mythology. *Student*. 2020;(2):28-33 (in Russian).
22. Loginova TA. Traditional representation of the fox-werewolf in Chinese language and culture. *Language and culture*. 2016;(21):31-36 (in Russian).
23. Shulunova OV, Kazakov OV. Fox representation in Russian folk literature and Chinese literature (on the example of Pu Songlins "Liao Zhai stories about the unusual"). *Global and regional research*. 2020;2(2):474-481 (in Russian).

Сведения об авторе

КОВАЛЕВА Екатерина Андреевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института истории и филологии, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, Российская Федерация, ORCID: 0009-0007-6051-5670, e-mail: Kovalevaekaterina21@mail.ru

About the author

Ekaterina A. KOVALEVA – Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Institute of History and Philology, D. Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, ORCID: 0009-0007-6051-5670, e-mail: Kovalevaekaterina21@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 23.03.25

Принята к публикации / Accepted 18.07.25

УДК 81-25

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-98-108>

Original article

Power dynamics and forms of address in Algerian and Russian academic discourses

Laiche Souhila

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),

Moscow, Russian Federation

✉ laiche.souhilaa@gmail.com

Abstract

This study examines the forms of address employed by teachers in Algeria and Russia, focusing on their cultural significance, student preferences, and the underlying power dynamics in educational settings. Drawing on sociolinguistic and pragmatic frameworks, the research investigates how teachers and students navigate authority, respect, and social hierarchy through language use. The study includes 143 participants from Algeria and Russia, encompassing teachers and students across various educational levels, allowing for a comparative analysis of cultural and contextual influences on classroom discourse. Data collected from classroom interactions reveals the significance of address forms—such as titles, pronouns, and honorifics—in constructing and negotiating power relationships. The findings highlight the dual role of politeness strategies: maintaining hierarchical structures while fostering a collaborative learning environment. It has been noticed that Algerian teachers predominantly use first names, last names, honorifics, and kinship terms, reflecting the societal emphasis on familial bonds and respect. Conversely, Russian teachers utilize first names, first names combined with patronymics, last names, and endearment terms, embodying a blend of formal respect and nurturing communication. However, the students' preference for informal address forms reveals a shift towards reducing power imbalances, promoting a more collaborative and inclusive classroom atmosphere. This paper contributes to understanding the sociocultural underpinnings of classroom discourse in multilingual and multicultural contexts, offering insights into the broader relationship between language, power, and education.

Keywords: power dynamics, linguistic politeness, forms of address, Algerian class, Russian class, classroom discourse, sociolinguistics, multilingualism, cross-cultural comparison, education, pragmatics

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Laiche Souhila. Power dynamics and forms of address in Algerian and Russian academic discourses. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 98–108. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-98-108

Оригинальная научная статья

Динамика власти и языковая вежливость: формы обращения во взаимодействии учителей и учеников в алжирских и русских классах

Лайш Сухила

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

✉ laiche.souhilaa@gmail.com

Аннотация

В этом исследовании изучаются формы обращения, используемые учителями в Алжире и России, с упором на их культурное значение, предпочтения учащихся и лежащую в основе динамику власти в образовательных учреждениях. Опираясь на социолингвистические и прагматические рамки, исследование изучает, как учителя и ученики управляют авторитетом, уважением и социальной иерархией посредством использования языка. В исследовании приняли участие 143 человека из Алжира и России, учителей и учеников разных уровней образования, что позволяет провести сравнительный анализ культурных и контекстуальных влияний на дискурс в классе. Данные, собранные в ходе взаимодействия в классе, показывают важность форм обращения, таких как титулы, местоимения и почтительные обращения, в построении и обсуждении отношений власти. Результаты подчеркивают двойную роль стратегий вежливости: поддержание иерархических структур при содействии совместной учебной среды. Было замечено, что алжирские учителя в основном используют имена, фамилии, почтительные обращения и термины родства, отражая общественный акцент на семейных связях и уважении. Напротив, русские учителя используют имена, имена в сочетании с патронимами, фамилиями и ласковыми терминами, воплощая смесь формального уважения и заботливого общения. Однако предпочтение студентами неформальных форм обращения показывает сдвиг в сторону сокращения дисбаланса власти, способствуя более совместной и инклюзивной атмосфере в классе. Данная работа способствует пониманию социокультурных основ дискурса в классе в многоязычных и многокультурных контекстах, предлагая понимание более широких отношений между языком, властью и образованием.

Ключевые слова: динамика власти, языковая вежливость, формы обращения, алжирские классы, русские классы, дискурс в классе, социолингвистика, многоязычие, кросс-культурное сравнение, образование, прагматика

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Лайш Сухила. Динамика власти и языковая вежливость: формы обращения во взаимодействии учителей и учеников в алжирских и русских классах. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 98–108. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-98-108

Introduction

Definition and categories of forms of address. Address terms or form/term of address are other names for an address form. In speech or writing, it simply refers to the word or phrases used to address someone. Address forms are the terms speakers use to identify the person they are **speaking** to throughout a conversation [1]. Another

definition which suggests that Forms of address any word that identifies the person to whom you are speaking or writing, such as their name, title, or pronoun. These forms of address can develop as a variety of titles, names, kinship terms, words of love, and nicknames—all often with an initial capital in English—or they might be ingrained in the grammar of the language being used, as is the case with the French pronouns *vous* and *tu*.

Additionally, Oyetade [2] defined forms of address as the words or expressions we use in dyadic and interactive face-to-face encounters to continue a discourse with the addressee. This brings up another definition for us: In a face-to-face setting, address forms are language expressions that a speaker uses to identify his or her addressee [3]. An analogous definition is provided by Keshavarz [4], who characterizes forms of address as language expressions that a speaker uses to address utilizes to acknowledge or refer to other individuals throughout a chat. According to Parkinson [5], forms of address may be broadly characterized as the terms we use to refer to an addressee of a communicative event in that event. These words, address forms, transmit social information. In addition to accurately conveying social information, an utterance's form also contains referential meaning, or the speaker's perception of the nature of the connection with the addressee [6]. Additionally, a large portion of the verbal behavior that characterizes the norms, behaviors, and practices of a particular community is represented by the forms of address [3]. Address forms reveal and mirror some aspects of the cultural social milieu. Put differently, they elucidate the intricacy of social connections between communicators and the link between language and society, assisting sociolinguists in comprehending the ways in which these interactions are formed [4; 7].

Adding to that, address forms illustrate the connection between welcoming behavior and cognitive processes in social interactions. The cognitive process indicates that the way address forms are employed in regular discourse is inextricably linked to the development of social identities and the maintenance of social structures [8]. Address terms are essential for maintaining and fostering social proximity, as well as having a considerable significance as expressions in the development of relationships [9].

There are several categories of English terminology for addressing. Using first names to address the listener, for instance, addressing one another by name, such as with Jack, Elizabeth, Will. Also, using kinship to address the interlocutor is another way to address the listener, which means addressing one another using kinship words, such as “Mom,” “Dad,” “Grandma,” etc., the speakers utilize the kinship terms “title without last name” (TLN). Third, use intimacy forms of address, which is a type of communication, through which the speakers address each other using intimate terms that suggests that there is a kind of closeness between the interlocutors instead of using their names. For example: honey, sweetheart, dear. As for another form of address through which individuals are addressed by their title before their name, such as Mr. Jacob, Mrs. Smith [10].

Furthermore, and talking in detail about the forms of address and its subdivisions that it can be spotted in different cultures and across different societies. The following categories are commonly spotted in different cultures:

Nouns. Certain languages, like Japanese, have complex pronoun systems that indicate the connection between the addresser and the addressee. Certain European language systems have two pronoun systems: one for formal, polite communication between equals or between superiors and inferiors (French “vous”, Spanish “Usted”), and another for informal, personal communication between equals or between superiors and inferiors (French “tu”, Spanish “tú”). This system is the source of the French verbs *tutoyer* (to call tu; to be on friendly terms with) and *vousvoyer* (to call you; to be on formal terms with). Prospero greets his daughter Miranda in Shakespeare's *Tempest* with the personal th-forms (thou, thee, thy, thine), while she addresses him with the polite y-forms. This is how GENERAL ENGLISH used pronouns in the past.

Title names and honorifics. English now mostly relies on forms of address to indicate relationship subtleties because it lost its th-forms as living pronouns (apart from the Northern Isles and North of England dialect) and expanded its y-forms to all usage. The general rule for forms of address is that those who are acquaintances use a title and family name, such as Mr. Jones, Mrs./Ms./Miss Smith, and are “on last-name terms,” whereas people who are intimates use given names, such as George and Sue (and are “on first-name terms”). In situations that are somewhat formal, strangers only use titles (Sir, Madam).

Kinship terms. Kinship words are widely used within families: (1) In official terms, mother, father, grandmother, and grandfather. Extremely formal, particularly among the higher echelons of the British people, as seen by the 19th-century names Mama, Papa (with emphasis on the second syllable) or the Latin Mater, Pater (pronounced “may-ter, pay-ter” in English). (3) Informal, with regional and class-specific variations: Ma/Mam/Mom/Momma/Mum/Mammy/Mommy/Mummy, Pa/Pop/Poppa. The roles of father, mother, brother, and sister have been extended outside the family for fellowship and religious reasons. Within the family, particularly in AmE, Brother is referred to as the occasional Bro, Sister as Sis, Bud(dy) (which has become common use, mostly among men), and Brer.

Professional Titles. The titles given above may be replaced by certain professional titles. While in North America any person holding a professorial rank (assistant, associate, or full professor) is often permitted to use it, in Britain the academic title Professor (abbreviation Prof.) is limited to those holding a professorial chair. As a result, few professors in Britain and the Commonwealth are addressed as such, but most university-level instructors in the US and Canada are. When addressing someone in the military, titles for ranks are frequently used: Captain Bligh, several of the soldiers would want to see you. In a similar vein, the clergy may be addressed using titles: I have a riddle for you, Father Brown. Sister Bernadette, have you noticed anything intriguing lately? Lawyers are referred to as Counsellors, without surname, while judges are called Judge Bean in American law (pardon me, Counsellor, but... Presidents, vice presidents, senators, representatives (sometimes known as congressmen or congresswomen), governors, mayors, and a variety of other office holders are addressed by their titles and surnames on a regular basis in other levels of the US government: Senator/Mayor Smith, are you planning to seek for office once more?

The role of social context, and distance in the choice of forms of address. Linguistics is mostly focused on sentence structure and function alone for several decades. Nonetheless, linguists’ awareness of the significance of context in sentence interpretation has grown since the early 1970s. Sociolinguists are particularly interested in understanding why people communicate differently in various social circumstances. According to Holmes [11], “studying how people use language in various social contexts offers a wealth of information about the social relationships in a community as well as about the way language works.” Because humans employ distinct styles in various social circumstances, sociolinguistics studies the interaction between language and its environment.

Furthermore, when it comes to language use, context is crucial since acceptable language and social conduct must fit not just the individual and his financial background but also certain events and circumstances. Put differently, language is not only influenced by the social attributes of the speaker but also by the social environment he is in. According to Levinson [12], “the phenomenon of deixis is the single most obvious way in which the relationship between language and context is implemented in the structure of languages themselves.” Social deixis, which describes the social roles that people play in speech events, is one of the deixis categories that is closely connected to this research. Honorifics and words of address are examples of social deixis.

Linguistic expressions known as terms of address are employed while addressing someone in order to get their attention or to make references to them during a discourse.

Murphy [13] has succinctly stated that address formats are socially constructed phenomenon. Stated differently, language patterns utilized for interpersonal communication can reflect the intricate social dynamics among members of a speech community [14, 15, 16]. It is also argued that pronouns and forms of address are the ideal places to search in a language's grammar for a correlation between language and society. Because address forms so clearly illustrate the connection between language and society, sociolinguists, anthropologists, and social psychologists have taken a keen interest in them [4].

According to Talk [17], "different terms of address are being used in different social contexts." For instance, we can have a look at how the French pronouns "tu" and "vous" are distributed [18]. The forms of address used by a social inferior to a social superior, such as vocative phrases like "Sir," "Doctor," or "My Lord" (in the courtroom), may differ from those used amongst peers, as Lyons [19] notes. Similar to many other languages (such as French, Italian, Spanish, German, and Russian), The deferential "you" is employed in speech events where there is an unbalanced relationship between the dyads, such as when the addressee has a greater social position or when there is insufficient personal contact between the speaker and the addressee. Conversely, the familiar "you" is employed in situations where the addressee is in a subordinate position or when the speaker and addressee have an intimate connection.

However, a lot of researchers have focused mostly on how different forms of address vary depending on the social attributes of language users and the interpersonal dynamics between them. For instance, Brown and Levinson [20] propose that the interlocutor's interaction is largely associated with certain types of social relationships, but the main focus of this study is on how social environment influences the choice of address forms, which makes it significant. Two significant variables are examined in this study: the degree of social context formality and social distance.

The degree of intimacy or distance we have with someone influences our language choices greatly. For example, the French pronoun /tu/ denotes closeness, whereas /Vous/ denotes distance. According to Holmes [21], "a variety of factors may contribute to determining the degree of social distance or intimacy between people with regard to age, sex, social roles, co-employment, family status, and so forth." In a similar vein, formality level is helpful in determining the impact of social context. For instance, the way friends and relatives address each other depends on how formal the social setting is. For instance, a couple may use personal forms when speaking to each other privately, but they may switch to polite forms in public.

Methodology of the study

This study employs a qualitative and quantitative research design to explore the interplay between power dynamics and linguistic politeness in forms of address within classroom settings. The methods used, data collection tools, and details about the study population are outlined below.

Methods. The study adopts a comparative approach, analyzing classroom discourse in Algeria and Russia to identify similarities and differences in how linguistic politeness and power dynamics manifest in educational settings. The research focuses on how participants address one another and the strategies used to negotiate authority and respect.

Data Collection Tools. To gather comprehensive data, the study utilizes the following tools:
Discourse Completion Test (DCT):

A structured instrument designed to elicit specific linguistic behaviors in hypothetical scenarios. The DCT consists of prompts simulating classroom interactions, such as teacher-student and student-student exchanges. These scenarios focus on requests, directives, apologies, and other speech acts that reveal politeness strategies and forms of address.

Interviews. Semi-structured interviews with a subset of participants were conducted to gain deeper insights into their perceptions of politeness, power dynamics, and cultural norms influencing their linguistic choices.

Since the DCT is designed to collect a general insight of the proposed study through the collection of the mass data that would provide the research with numerical data and give a general overview of the relationship between the power dynamics and the address forms, meanwhile, the interviews comes as a second tool that would provide a in depth overview of the actual case studies, thus, it provides the qualitative data that would serve the results of the quantitative data collected through the DCT. For example, through the DCT, researchers can the number of students who claim that their teachers use their first names to call them, but through the interviews, it can be revealed why the teachers tend to use such an address form and in which situation.

Population of the Study. The study involves 143 participants, divided as follows:

Algeria: 71 participants, students from different branches and they study in two different universities;

Russia: 72 participants, students from RUDN university who are either Russians or Russian speaking students.

The participants were selected through purposive sampling to ensure representation across diverse linguistic and cultural backgrounds. This approach enables a comparative analysis of how sociocultural contexts influence forms of address and politeness strategies in classroom interactions.

Summary of the Results

Address forms in Algerian classrooms

The responses collected show how different the Algerian teachers like to address their student in different situation:

The use of Honorifics (student + utterance):

(1) جيلم شككت عهم ام كعاعات عباإلإ دواع, بلإط

Student, repeat your answer, I couldn't hear you well.

(2) هوفوشي اوردقي لمك كعاعات ءالمزلأ شاب ولباطللأف نيرمتلأ يبتكأ ع لطلأ, فسناً

Miss, come to the board and write the exercise, so that all your classmates can see it.

(3) demoiselle كلضف نم عباإلإ يدواع

Miss, please repeat the answer.

The use of kinship terms (Kinship term+ request):

(4) يذه يبتكأ ولباطللأ يحاورا, يتنب

My daughter, come to the board and write this.

(5) وعاعات يلزنملا بجاولا ريدي مكعاعات ديذلأ ليمزلا نواعت ردقت, يدلو

My Son, can you help your new classmate with his homework?

The use of First names (First name+ utterance):

(6) دراب وچال! كلضف نم عقاتلأ قلغت ردقت ينأه

Hani, could you close the window, please! It feels cold.

The use of Last names (Last name+ utterance):

(7) ولباطللأف نيرمتلأ بتكأ ع لطلأ, يديزوب

Bouzidi, come and write the exercise on the board.

Interview verification summary:

More details concerning the forms of address were obtained through the face-to-face interviews conducted with the students. The students were asked about the way the teachers are addressing them when requesting them to perform an action or do a favor for them, the students argues that teachers tend to address them frequently either using Honorifics, kinship address terms First names or Last names (As was mentioned previously through the analysis of the responses of the DCT), furthermore, the students

were asked what is the address form that they prefer and why, (58.4%) of the students said that they prefer the teachers to call them by their first names, whilst (22,1%) said that they like when their teachers use kinship terms in order to address them, meanwhile, (14,3%) said that they more likely to prefer the Honorifics as a form of address, only (6,2%) said that they prefer the teacher to call them using their Last names. (see Table 1)

Table 1

Analysis of Algerian students’ preference of forms of address

Таблица 1

Анализ предпочтений алжирских учеников в отношении форм обращения

Forms of Address	Honorifics	Kinship terms	First name	Last name
Percentages	14,3%	22,1%	58,4%	6.2%

When asking the students why they prefer a certain form of address, the students who preferred to be called used the honorifics said that it is a sign of respect and that this is the best way the teachers should address their students, as for the students who preferred to be called by their first name said that when their teachers call them using their first names, it means that this is a sign that the teacher knows that they are making an effort and that they are going to be getting a good mark on the continuous assessment which is mainly based on the students’ interactions in-classroom settings, also, they said that it is a sign that the teachers care more to know about their students and to get closer to them.

Moreover, the students who preferred kinship terms said that this make them feel closer to their teachers and that they are trying to create a closer tie with their students and create more of a family-like relationship. The rest of the students who preferred to be called by their last names said that this is more formal, and it shows at the same time, that the teachers know them and know that they are active during the continuous assessment. (see Table 2)

Table 2

Analysis of the students’ reasons of preference of forms of address

Таблица 2

Анализ причин, определяющих предпочтения учеников в отношении форм обращения

Address forms	Students’ thoughts about these forms of address	Percentages
Honorifics	Respect/Formality	88.7%
	Distance	11.3%
	Closeness/Intimacy	0.0%
Kinship Terms	Respect/Formality	0,0%
	Distance	9.9%
	Closeness/Intimacy	89,1%
First Name	Respect/Formality	22.3%
	Distance	11%
	Closeness/intimacy	66.7%
Last Names	Respect/Formality	67.5%
	Distance	32.5%
	Closeness/Intimacy	0.0%

Address forms in Russian Classrooms. The responses collected through the discourse completion test (DCT) show that the Russian teachers include different address forms when interacting with their students:

First Name (Имя):

8) Полина, вы да не могли помочь ему с этим заданием?

Polina, couldn't you help him with this task?

9) Катя, можешь, пожалуйста, помочь студенту с домашним заданием?

Katya, can you please help a student with his homework?

First Name + Patronymic (Имя + Отчество):

10) Иван Иванович, почему ты не сделал домашнее задание?

Ivan Ivanovich, why you haven't done your homework?

Last Name (Фамилия):

11) Кузнецов, подойди к доске, пожалуйста.

Kuznetsova, come to the board, please.

Terms of Endearment or Group References:

12) Ребята, почему вы не выполняете работы? Соберитесь, это может отразиться на итоговых баллах.

Guys, why aren't you doing your work? Pull yourself together, it could affect your final grades.

Interview verification summary

Additional insights into the forms of address used by Russian teachers were gathered through face-to-face interviews with students. During these interviews, students were asked how their teachers address them when requesting actions or favors. The students reported that teachers often address them using First names, last names, first names+patronymic, as well as using terms of endearment or group references. Furthermore, the students were asked about their preferred form of address and the reasons for their preference. A majority (66.1%) stated that they prefer to be addressed by their first names, while (26.9%) expressed a preference for first names+patronymic. Meanwhile, (7%) favored the use of terms of endearment, and no one preferred being addressed by their last names. (see Table 3)

Table 3

Analytical analysis of Russian students' preference of forms of address

Таблица 3

**Аналитическое исследование предпочтений российских учеников
в отношении форм обращения**

Forms of Address	<i>First name+patronymic</i>	<i>endearment terms</i>	<i>First name</i>	<i>Last name</i>
percentages	26.9 %	7%	66.1%	0%

When asked why they preferred specific forms of address, students who favored honorifics explained that these convey respect and represent the most appropriate way for teachers to address their students. Students who preferred being addressed by their first names mentioned that this form signals that the distance between them and their teachers is decreased as well as it shows closeness with a percentage of (71.2%). Additionally, they felt that being addressed by their first names showed that teachers cared about their students on a personal level and sought to build closer connections.

The majority of (63%) who preferred First name+ patronymic expressed that this is a sign of respect, and they'd rather feel respected as for (22.7%) said that this would show distanced and the hierarchy between the teachers and the students. Furthermore, the ones who prefer endearment terms with a percentage of (88.1%) said that this form of address helps in fostering a family-like bond and a more personal relationship. Meanwhile, students who favored being addressed by their last names they are very few from the whole group of participants and said that they appreciate the formality of this approach, also, it shows the distance between them and their teachers. (see Table 4)

Table 4

Students’ reasons of preference of forms of address

Таблица 4

Причины, определяющие предпочтения учеников в отношении форм обращения

Address forms	Students’ thoughts about these forms of address	Percentages
First Name	Respect/Formality	22.3%
	Distance	5.6%
	Closeness/Intimacy	72.1%
Last Names	Respect/Formality	61.3%
	Distance	22.7%
	Closeness/Intimacy	16%
First name+ patronymic	Respect/Formality	63%
	Distance	31%
	Closeness/intimacy	6%
Endearment terms	Respect/Formality	7.2%
	Distance	4.7%
	Closeness/Intimacy	88.1%

Discussion

From the analysis of the data above, it must be said that teachers’ forms of address reflect cultural norms and influence classroom dynamics. In Algeria, teachers often use first names, last names, honorifics, and kinship terms (e.g., **يـدلى** = “My son” or **يـتنب** = “my daughter”), aligning with the cultural emphasis on familial bonds and respect [17]. Students, however, tend to prefer being addressed by first names or kinship terms, suggesting a desire for a more informal and relational dynamic. In contrast, Russian teachers commonly address students by first names, first names combined with patronymics (e.g., **“Иван Степанов”** = “Ivan Stepanov”), last names, or endearment terms (e.g., **“Дорогой/Дорогая”** = “dear”). The use of patronymics demonstrates respect and tradition in Russian culture, while endearment terms indicate a more nurturing approach. Russian students, similar to their Algerian counterparts, prefer being called by their first names, reflecting a trend towards informality and approachability. These differences highlight how cultural expectations shape interactions and emphasize the importance of aligning address forms with students' preferences to foster positive teacher-student relationships. Research suggests that language is both a reflection of and a contributor to social networks and relationships, and the use of culturally appropriate address forms can strengthen interpersonal bonds in educational settings [22, 23]. Balancing cultural norms with individual preferences remains key in diverse educational contexts. Research suggests that when students feel addressed in ways that respect their preferences, it

can enhance engagement and comfort in the learning environment [24, 25]. Balancing cultural norms with individual preferences remains key in diverse educational contexts.

Conclusion

In conclusion, the forms of address used by teachers in Algeria and Russia highlight significant cultural differences and power dynamics in educational settings. Algerian teachers often employ kinship terms and honorifics, which reflect a hierarchical relationship steeped in respect and familial bonds. In contrast, Russian teachers use first names, patronymics, and even endearments, which convey varying degrees of formality and nurture, demonstrating a more nuanced balance between authority and approachability. Despite these cultural differences, students in both countries prefer being addressed by their first names, indicating a shared desire for a less hierarchical and more collegial relationship with their teachers.

The comparison reveals how forms of address function not only as linguistic tools but also as expressions of social power and authority. In Algeria, the use of honorifics and kinship terms reinforces traditional power structures, positioning teachers as figures of respect akin to familial elders. Meanwhile, the use of patronymics in Russia maintains a formal power dynamic rooted in cultural heritage, while endearments soften this authority to create a more supportive atmosphere. However, the preference for first-name usage among students in both contexts suggests a growing inclination towards egalitarian interactions, reflecting broader societal shifts toward reducing power imbalances in education.

Ultimately, the choice of address forms is not merely a linguistic preference but a dynamic negotiation of power, respect, and relational warmth. To foster inclusive and effective learning environments, educators must navigate these dynamics thoughtfully, balancing cultural norms with students' evolving preferences. This underscores the importance of context-sensitive communication strategies that empower students while respecting cultural values and traditions.

References

1. Fasold R. *Sociolinguistics of Language*. Oxford: Blackwell; 1990:342 (in English).
2. Oyetade SO. A sociolinguistic analysis of address forms in Yoruba. *Language in society*. 1995;24(4):515-535 (in English).
3. Afful JBA. Address terms among university students in Ghana: A case study. *Language and Intercultural Communication*. 2006;6(1):76-91 (in English).
4. Keshavarz MH. The role of social context, intimacy, and distance in the choice of forms of address. *International Journal of the Sociology of Language*. 2001;148:5-18 (in English).
5. Parkinson DB. *Constructing the social context of communication*. De Gruyter Brill; 1985:239 (in English).
6. Khalil A, Tatiana L. Arabic Forms of Address: Sociolinguistic Overview. In: Proceedings of the IX International Conference "Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects. 2018;39:299-309 (in English). DOI: 10.15405/epsbs.2018.04.02.44
7. Morford J. Social indexicality in French pronominal address. *Journal of Linguistic Anthropology*. 1997;7(1):3-37 (in English).
8. Dittrich WH, Johansen T, Kulinskaya E. Norms and situational rules of address in English and Norwegian speakers. *Journal of Pragmatics*. 2011;43(15):3807-3821 (in English).
9. Khalil AA, Larina TV. Terms of Endearment in American English and Syrian Arabic Family Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022;13(1):27-44 (in English).
10. Rifai DM, Prasetyaningrum ST. A sociolinguistic analysis of addressing terms used in tangled movie manuscript. *Jurnal Penelitian Humaniora*. 2016;17(2):123-134 (in English).
11. Holmes J. *Women, men and politeness*. Routledge; 2013:264 (in English).
12. Levinson SC. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press; 1983:438 (in English).

13. Murphy GL. Personal reference in English. *Language in society*. 1988;17(3):317-349 (in English).
14. Paulston CB. Pronouns of address in Swedish: social class semantics and a changing system I. *Language in Society*. 1976;5(3):359-386 (in English).
15. Trudgill P. *Sociolinguistics: An introduction to language and society*. Penguin UK; 2000:222 (in English).
16. Chaika E. *Language, the social mirror*. Rowley, Mass: Newbury Publishing House; 1982:276 (in English).
17. Talk O. Discourse analysis as a way of analysing naturally occurring talk. *Qualitative research: Theory, method and practice*. 2004:200 (in English).
18. Brown R, Gilman A. The pronouns of power and solidarity. *Style in language*. 1960:253-276 (in English).
19. Lyons J. *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press; 1977;1:897 (in English).
20. Brown P, Levinson SC. *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987;(4):358 (in English).
21. Holmes J, Wilson N. *An introduction to sociolinguistics*. New York: Publishing House "Routledge; 2022:489 (in English).
22. Milroy L. Social networks and linguistic norms. *The Handbook of Language Variation and Change*. Wiley-Blackwell; 1992:549-572 (in English).
23. Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin: "Mouton de Gruyter Publ.; 1991:501 (in English).
24. Baranova V. Cultural norms in Russian educational communication: the role of patronymics in address forms. *Journal of Sociolinguistics*. 2019;23(3):445-462 (in English).
25. Ochs E, Schieffelin BB. Language acquisition and socialization. *Three developmental stories and their implications*. Culture theory: Essays on Mind, Self, and Emotion. New York, NY: Cambridge University Press; 1984:276-320 (in English).

About the author

LAICHE SOUHILA – Postgraduate Student, Department of Foreign Languages, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-8895-1940, e-mail: laiche.souhilaa@gmail.com

Сведения об авторе

Лайш СУХИЛА – аспирант кафедры иностранных языков, ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-8895-1940, e-mail: laiche.souhilaa@gmail.com

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Submitted / Поступила в редакцию 24.01.25

Accepted / Принята к публикации 03.06.25

УДК 81-139

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-109-118>

Оригинальная научная статья

Дискурсивные стратегии в грекофильском дискурсе как лингвофилософский феномен в герменевтической практике

Е. А. Либба

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), г. Саранск, Российская Федерация

✉ snezhinka_elena@mail.ru

Аннотация

Целью работы является выявление ряда характерных аспектов дискурсивных стратегий в преломлении грекофильской практики. Во-первых, дискурсивный анализ становится все более влиятельной областью исследований в ряде гуманитарных дисциплин, включая социологию, социолингвистику, психологию, антропологию, лингвистику, лингвофилософию, коммуникативную деятельность, рассматриваемую как лингвистический феномен. Во-вторых, коммуникативный подход к изучению и преподаванию языка с ориентацией на практическую коммуникативную деятельность привел к потребности в анализе конкретных примеров употребления языковых средств (в письменной и устной формах) с целью повышения эффективности методик для изучающих язык, а также для привлечения большого количества необходимого лингвистического материала, одним из неисчерпаемых источников которого в настоящее время является глобальная сеть интернет. Как известно, Библия как сокровенное обращение к человеку от имени Бога оказала колоссальное влияние на судьбы человечества, определив направление развития парадигмы мышления на тысячелетия. В рамках нашего исследования мы сосредотачиваем внимание преимущественно на лингвофилософском аспекте этого влияния, рассматриваемого через призму грекофильской практики. Рассматривая проблему межъязыкового и междискурсивного взаимодействия посредством переводов Библии, прежде всего отмечаем, что внутренняя форма языка не существует «сама по себе», поскольку коммуникативным центром речи является индивид с его пониманием мира, выраженным в языке. Средневековая лингвофилософская грекофильская традиция, основанная на осознании внутренней сущности слова, языка и грамматики, относится к переводу текста, поскольку тесно связана с так называемой языковой идеологией, которая в свою очередь представляет собой представление о том, что такое язык и как он проявляет себя в различных ситуациях, каковы правила построения письменных текстов и устной речи, каковы основные законы перевода – для чего и каким образом необходимо развивать, выражать и сохранять смысл.

Ключевые слова: герменевтическая практика, грекофильский дискурс, коммуникативная деятельность, корпусная лингвистика, методология, пресуппозиция, теория дискурса, филология, философия, язык для профессиональных целей

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Либба Е. А. Дискурсивные стратегии в грекофильском дискурсе как лингвофилософский феномен в герменевтической практике. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 109–118. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-109-118

Original article

Discursive strategies in the Graecophilian discourse as a linguo-philosophical phenomenon in hermeneutic practices

Elena A. Libba

Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russian Federation
✉ snezhinka_elena@mail.ru

Abstract

The purpose of the article is about identifying some characteristic aspects within discursive strategies refracting the Graecophilian practice. Firstly, discourse analysis is now becoming a more influential area for research within a number of humanitarian disciplines that can include sociology, sociolinguistics, psychology, anthropology, linguistics, linguo-philosophy, and communicative activity considered as a linguistic phenomenon. Secondly, the communicative approach to studying as well as teaching language oriented towards practical communicative activity has led to the need to analyze specific examples of how linguistic means are used (in written and oral forms) in order to improve the effectiveness of methods for language learners, as well as to attract more necessary linguistic material, one of whose inexhaustible sources is currently the global Internet. Notably, the Bible covertly speaks to man for God and greatly affected mankind's fate since it decided the course of thought models for ages. Our study focuses mainly on the aspect of this influence which is linguo-philosophical. This view is seen via Graecophilian practice's lens. The monograph considers the issue about interlingual and interdiscursive interaction through translations of the Bible. Above all, it points out that the internal form for language does not exist "in itself" because an individual with his own comprehension of the world expressed in language communicates at the very centre of speech. The medieval Graecophile linguo-philosophical tradition, based on the awareness of the inherent essence within the word, language, and grammar, bears a significant relationship to textual translation. This connection stems from its close alignment with what is termed "language ideology", which encompasses beliefs about the nature of language, its manifestation in diverse contexts, the governing principles for constructing written and oral discourse, and the fundamental tenets of translation – specifically, the purpose and means by which meaning is cultivated, articulated, and preserved.

Keywords: hermeneutic practice, Graecophilian discourse, communicative activity, corpus linguistics, methodology, presupposition, discourse theory, philology, philosophy, language for professional purposes

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Libba E. A. Discursive strategies in the Graecophilian discourse as a linguo-philosophical phenomenon in hermeneutic practices. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 109–118. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-109-118

Введение

Ветхий Завет был написан преимущественно на древнееврейском языке (так называемом 'библейском иврите'), и лишь некоторые главы – на арамейском, близком к ивриту (т. к. оба языка принадлежат афразийской макросемье,

северосемитской ветви), соответственно, переводы Ветхого Завета были изначально сделаны с этих языков, оказав существенное влияние на языки переводов. Новый Завет был написан на греческом и в процессе многочисленных переводов также оказал колоссальное влияние на переводящие языки, относящиеся преимущественно к индоевропейской семье. Настоящее исследование рассматривает афразийскую макросемью, а также германскую и кельтскую группы индоевропейской семьи в преломлении грекофильской практики.

Приступая к рассмотрению вопроса о межъязыковом и междискурсивном взаимодействии через переводы Библии, отметим прежде всего, что на это понимание значительное влияние оказывает ключевая мировоззренческая парадигма исторической эпохи.

Обзор литературы

Исследования А. И. Аكوпова, Е. В. Алешинской, Т. Г. Добросклонской, В. И. Карасика, А. А. Кибрика, М. Л. Макарова, Г. С. Мельника, Н. Н. Мироновой значительно расширили представления об общей картине дискурсивного анализа как такового на сегодняшний день. Автор данной статьи также опиралась на научные труды Н. Д. Арутюновой, Ю. М. Лотмана, Э. Н. Мишкурова, А. Н. Моревой, В. А. Погосяна, Т. М. Рогожниковой, Л. П. Рыжовой, П. Серию (Patrick Sériot), Т. Кобба (Thomas Cobb), М. Маккарти (Michael McCarthy), К. Хайланда (Hyland, Ken), С. Ханстон (Susan Hunston), М. Хэндфорда (Michael Handford), Л. Н. Синельниковой, А. А. Соловьевой, Дж. Суэйлза (John Swales), которые помогли выявить ряд аспектов, связанных с характеристикой дискурсивного анализа в лингвофилософском пространстве.

Исследовательская литература отечественных и зарубежных ученых освещает также проблемы лингвофилософского характера. Сюда относятся разработки таких исследователей, как Н. С. Автономова, О. В. Александрова, Л. Г. Антонова, С. А. Арутюнов, Н. Г. Асмус, Р. Барт (Roland Barthes), И. В. Богословская, Е. М. Верещагин, Б. М. Гаспаров, В. Г. Костомаров, Н. Б. Мечковская, А. Моль, В. В. Налимов, В. П. Нерознак.

Методология и материалы исследования

Выбор методов и приемов лингвистического анализа обусловлен целью статьи и совокупностью поставленных задач. Используется комплексный подход: дискурсивный анализ, гипотетико-дедуктивный метод, общенаучный описательный метод (наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация), а также когнитивный анализ, осуществленный в рамках настоящего исследования.

Методы исследования представляют собой комплексный анализ явлений на основе междисциплинарного подхода. В данной статье рассмотрение сложившейся лингво-дискурсивной ситуации осуществляется преимущественно двумя способами.

Во-первых, рассматриваются современные лингвистические исследования с целью выявления значения, которое приобретает в дискурсивном пространстве изучение отдельных текстов. Во-вторых, настоящее исследование также распространяется на дискурсивный анализ текстов.

Материалом исследования послужили тексты, выбранные нами из библейских переводов. Текстово-дискурсивный анализ, проведенный в настоящей статье, направлен на выявление закономерностей использования языковых средств при переводе.

Обсуждение

Важным представляется отметить, что в грекофильской грамматической традиции эпохи Средневековья возник «неудобный» перевод. Грекофильский дискурс ярко проявился в коптском языке и, в частности, в письменности, что также представляет особый интерес для настоящего исследования, так как коптский

язык относится к афразийской макросемье, т. е. речь идет о влиянии дискурса индоевропейского языка (греческого) на дискурс языка афразийского (коптского).

В грекофильском дискурсе, по-видимому, на начальном этапе происходит инкультурация, поскольку «греческий» внедряется в сознание реципиента в его основе; затем на следующем этапе происходит процесс аккультурации, подразумевающий адаптацию «греческого» к оригиналу. В таком случае невозможно различить границу между внешним и внутренним языком: скорее это пересечение, перетекание внешнего и внутреннего друг в друга, сосуществование.

Похоже, что общепринятые представления о языке не соответствуют вышеизложенным принципам: «лексикоцентричность» современных переводов разрушается при столкновении с формами средневековых текстов; уравнивая структура языка не способна фиксировать произнесенные слова от буквы до тагмемы, «темнота» и «непонятность» ведут в область, относящуюся к источнику понимания, к «не нашему», к несовременному пониманию.

Грекофильские грамматические тропы не выполняли ту функцию, которая в настоящее время считается основополагающей: они не облегчали коммуникацию, а, напротив, уводили от нее в глубинные просторы понимания, где читатель, а уже не переводчик, остается один на один со смыслом и вынужден каждый раз сам прорываться к нему. В эпистемологическом смысле это разрыв, внутренний конфликт, необходимый шаг к пониманию целого, обусловленный тем, что необходимо «осознать трещину, неполноту, раскол, разрыв в мире и в знании» [1, с. 26], чтобы вновь изнутри прорваться к смыслу. Это выбор человека в плане его речи, акта, без которого невозможно понять перевод, это речь о мире. Грамматика грекофильских переводов по сути является смещением, «категорической ошибкой», «вмешательством в коммуникативную языковую функцию», «отнесением объекта к классу, к которому он на самом деле не принадлежит» [2, с. 589], что представляется вполне справедливым.

Таким образом, дискурс в грекофильской традиции, относящийся к переводам Нового Завета Библии, оказал существенное влияние на трансформацию дискурса и онтологии языкового мышления всех христианизированных индоевропейских народов, языки которых претерпели большие изменения. В качестве наглядного примера в статье приводятся фрагменты из перевода Библии с греческого на готский язык (т. н. Готской Библии); как известно, этот перевод считается первым из переводов Библии на германские языки, а также первым литературным произведением на готском. Полный перевод утерян; сохранились лишь фрагменты этого перевода, тем не менее они кажутся вполне достаточными для нашего дискурсивного анализа: на основе этих фрагментов статья раскрывает трансформацию онтологической структуры готского языка под влиянием пословного перевода с греческого, включающего все уровни языковой структуры.

В статье рассматривается лексико-грамматическая и синтаксическая трансформации дискурса, а также даются наиболее яркие примеры, которыми являются переводы синтаксических конструкций с греческого языка на готский язык.

Для удобства трансформации выделены жирным шрифтом и подчеркнуты.

Абсолютные конструкции:

- Nominative Absolute:

“Καὶ γενομένης ἡμέρας εὐκαίρου ὅτε ἡρώδης τοῖς γενεαίοις αὐτοῦ δεῖπνον ἐποίησεν τοῖς μεγιστάσιν αὐτοῦ καὶ τοῖς χιλιάρχοις καὶ τοῖς πρώτοις τῆς γαλιλαίας,”

“Jah waurþans dags gatils, þan Herodis mela gabaufrais seinazos nahtamat waurhta [...]” (и ставший подходящий день; когда наступил подходящий день, Ирод в день своего рождения устроил ужин для вельмож своих, военачальников и первых лиц имений Галилеи) [Mrc. VI: 21];

- Dative Absolute:

“εἰσελθόντος δὲ αὐτοῦ εἰς καφαρναοὺμ προσῆλθεν αὐτῷ ἐκατόνταρχος παρακαλῶν αὐτὸν”

“*Innatgaggandin imma in Kafarnaum duatiddja imma hundafafs*” (к нему, вошедшему в Капернаум; когда он вошел в Капернаум, подошел к нему сотник) [М. VIII];

- Accusative Absolute:

“σοῦ δὲ ποιοῦντος ἐλεημοσύνην μὴ γνώτω ἡ ἀριστερά σου τί ποιεῖ ἡ δεξιὰ σου,”

“*þuk taujandan armaion ni witi hlidumei þeina hwa taujib taihswo þeina*” (тебя, творящего милостыню (когда ты творишь милостыню), пусть не ведает твоя левая рука, что творит твоя правая) [М. VI: 3].

Анализируя приведенные примеры, отметим, что абсолютные конструкции в греческом языке выступают как органические элементы языковой структуры (γενομένης ἡμέρας εὐκαιροῦ; εἰσελθόντος δὲ αὐτοῦ εἰς καφαρναοὺμ; σοῦ δὲ ποιοῦντος ἐλεημοσύνην). В готском же языке эти глагольные конструкции чужды и неестественны для структуры языка и тем не менее передаются точно в соответствии с принципами греческого языка в пословном переводе (*waurfans dags gatils; innatgaggandin imma in Kafarnaum; þuk taujandan armaion*). Это вызывает лексико-грамматическую коллизию, искажение переводимого языка.

В данной связи отметим, что лингвист-германист М. М. Гухман подчеркивает греческое происхождение этих синтаксических конструкций: «Абсолютные обороты в готском <...> соответствуют абсолютным оборотам подлинника. Однако мы здесь, по-видимому, не имеем синтаксических калек, тем более что, например, греческому родительному абсолютному в готском соответствуют абсолютный дательный, реже – абсолютный винительный. Структурно абсолютные конструкции являются одной из разновидностей весьма распространенных в готской письменности обособленных причастных оборотов, выступавших в функции развернутых предикативных определений, обстоятельств и определений. Развернутые причастные обороты широко употреблялись и в скандинавских памятниках. Показательно, что сами абсолютные конструкции представлены в готском несколькими вариантами <...>; в тех случаях, когда падеж оборота (дат., вин.) зависел от управления глагола-сказуемого, особенно убедительно проявлялась связь этих структурных моделей с развернутыми причастными оборотами. Дальнейшая ступень обособления имела в тех случаях, когда падеж абсолютной конструкции был независим от управления глагола-сказуемого» [3, с. 230–231], – с чем мы полностью соглашаемся.

Кроме того, переводы Нового Завета оказали существенное влияние на языки кельтской группы. Если германские языки подверглись влиянию грекофильского дискурса в основном на грамматическом уровне, то кельтские языки подверглись грекофильскому влиянию в других языковых сферах: в статье рассматривается случай, связанный с фонетическими и лексическими изменениями. В этой связи известный полиглот С. Г. Халипов отмечает: «В ранний период ирландский язык получил некоторое количество заимствований из латыни. Они в основном имеют отношение к церкви или к предметам <...> попавшим в Ирландию из Римской Британии. Некоторые из этих заимствований обнаруживают особенности бриттского произношения, например, др.-ирл. *trindóit* от лат. *trinitatem* ‘троица’. В других заимствованиях латинское *p* представлено в ирландском буквой *c*. Так, мы находим ирл. <...> *Cásc* ‘Пасха’ и т. д.» [4, с. 6].

Чтобы показать влияние грекофильского дискурса на ирландский язык, в данном исследовании в качестве примера рассматривается перевод молитвы «Отче наш» на ирландский язык; в данном примере показаны трансформации, аналогичные приведенным выше в переводах Евангелия от Матфея на готский язык:

Πάτερ ἡμῶν

Πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἁγιασθήτω τὸ ὄνομά σου
ἐλθέτω ἡ βασιλεία σου
γενηθήτω τὸ θέλημά σου,
ὡς ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ τῆς γῆς
τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον
καὶ ἄφες ἡμῖν τὰ ὀφελήματα ἡμῶν,
ὡς καὶ ἡμεῖς ἀφίεμεν τοῖς ὀφειλέταις ἡμῶν
καὶ μὴ **εἰσενέγκης ἡμᾶς εἰς πειρασμόν,** ἀλλὰ ρῦσαι
ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ πονηροῦ.
Ὅτι σοῦ ἐστὶν ἡ βασιλεία καὶ ἡ δύναμις
καὶ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας.
ἀμήν.

An Phaidir

Ár n-Athair atá ar Neamh,
Go naofar d'ainm,
Go dtiocfaíodh do ríocht,
Go ndéantar do thoil ar an dtalamh
Mar dhéantar ar Neamh.
Ár n-arán laethúil
Tabhair dúinn inniu,
Agus maith dhúinn ár gcionta
Mar mhaithiúnas **do chách a chiontaías** in ár n-aghaidh
Agus ná lig sinn i gcathú,
Ach saor sinn ón olc.
Amen [там же: 125].

(Отче наш

Отче наш, Который на небесах!
Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое;
да будет воля Твоя и на земле, как на Небе;
хлеб наш насущный дай нам на сей день;
и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;
и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

Ибо Твое есть Царство и сила, и слава, Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь).

При анализе данных примеров прослеживается искажение переводимого языка аналогично тому, что мы можем наблюдать и в случае перевода с греческого языка на готский. Конструкции, характерные и естественные для греческого языка при переводе на древнеирландский, воспроизводятся с точностью, без учета строя переводимого языка, становясь в этом языке чужими, «темными», запутанными и тяжелыми для восприятия.

Итак, рассмотрев особенности трансформации дискурса, обусловленной влиянием грекофильской традиции перевода, на материале готского языка, а также на примере ирландского языка, сделаем следующий вывод: важнейшим критерием перевода в грекофильской традиции была калькирующая точность. «Средством духовного познания являлось толкование притчи, т. е. возвышенного смысла, заключенного в обычной истории на страницах Библии, в житейском событии, в мировой истории» [5, с. 495]; «догматика <...> раскрывает перед философской

мыслью недоступные <...> горизонты. Если слово стало плотью <...>, то это значит, что логос освобождается наконец от своего спиритуалистического характера, означавшего вместе с тем и его космическую потенциальность. Единственность, неповторимость акта искупления ведет к включению исторического в сферу европейской мысли, освобождая одновременно феномен языка из его погруженности в идеальности мысли и позволяя ему сделаться объектом философского размышления» [6, с. 128].

Следует «отказаться от представления внутренней формы слова (хотя почему только слова? и языка) как некоей законодательной инстанции, заранее обеспеченной смыслом, диктующей его и тем создающей слово. Внутренняя форма слова начинает видаться не как нечто отдельное, отделимое от слова, как, к примеру, ядро ореха от его скорлупы; сами привычные понимания внутреннего и внешнего опрокидываются, смещаются в новое измерение, близкое к «временипространству» Хайдеггера» [7, с. 39–40].

Однако трансформация дискурса осуществлялась также и в обратном направлении: от афразийских к индоевропейским языкам. Влияние арамейского языка и библейского иврита было также мощным, изменив многие структуры армянского языка как индоевропейского, что в свою очередь было связано с религиозным дискурсом иудаизма и переводами Ветхого Завета на индоевропейские языки.

Одним из языков, испытавших сильнейшее воздействие со стороны библейского иврита и арамейского языка, был армянский. В данной связи вспомним, что арамейский являлся официальным языком армянской Церкви до принятия этой страной христианства.

Кроме того, одним из первых переводов Библии был перевод с сирийского языка на армянский. Сирийский язык, как известно, относится к афразийской макросемье.

Таким образом, констатируем факт сильнейшего влияния на армянский язык со стороны иудейского религиозного дискурса и афразийских языков (арамейского и библейского иврита), а также попытаемся проследить это влияние на материале конкретных примеров (заимствований армянского языка из языков афразийской макросемьи), подтверждающих это влияние.

Для составления более четкой картины афразийского языкового ландшафта той исторической эпохи, сделаем небольшой обзор лингвострановедческого характера; обратимся к исторической справке, дающей общую информацию относительно лингво-этнической ситуации на Ближнем Востоке рассматриваемой нами эпохи.

Арамейский язык – язык группы западносемитских племен, кочевавших в районе территории современной Сирии.

Продолжая тему влияния иврита и некоторых других языков афразийской макросемьи на армянский язык, отметим, что этому процессу также способствовало распространение в древней Армении иудейского вероучения и еврейской культуры, ведь с давних времен евреи являлись неотъемлемой частью населения этой страны.

Как видно из этих примеров и как упоминалось выше, евреи составляли большую долю населения древней Армении, что также вносило немалый вклад в трансформацию дискурса арамейского языка и библейского иврита как афразийских языков в лингвофилософскую сферу армянского языка как индоевропейского посредством религиозного дискурса иудеев и, в частности, армянского перевода Ветхого Завета.

В результате взаимодействия дискурсов ветхозаветных афразийских языков с дискурсом армянского языка возникло большое количество заимствований, восходящих к эпохе, когда в Армении официальным языком Церкви был арамейский язык. Однако с принятием христианского вероучения Армения и дискурс армянского языка также испытали на себе большое влияние грекофильской

традиции, проявленной в хронологическом отношении ранее у коптов и в их культуре, представляющей более сильной в сравнении с армянской версией.

Сирия развила свое собственное направление – сирофильские школы. Сирофильство и грекофильство представляются подобными друг другу по своей модели, поэтому вряд ли следует противопоставлять их как две разнонаправленные традиции.

Заключение

Итак, мы рассмотрели грамматику языка в качестве одного из универсальных механизмов дискурсивности, и эта универсальность ее логико-формального пространства, как нам представляется, есть причина того, что грамматика является также предметом философии, что сближает лингвистику с философией, выводя грамматику в область одного из «стыков» этих пластов гуманитарного знания [8, 9].

Из дошедших до нас письменных источников на индоевропейских и афразийских языках мы можем сделать вывод, что первым мыслителем, философски рассматривавшим грамматические парадигмы, был Аристотель, посвятивший этим размышлениям большую часть своего труда «Категории»; далее это лингвофилософское направление развивалось на протяжении всей истории гуманитарной мысли [10, 11].

Было отмечено, что исторические примеры свидетельствуют о процессе «реграмматикализации» [12, с. 14], возникающем при перестройке внутренней формы языка, так как в нем укореняются правила грамматики иностранного языка. Исторические примеры показывают, что этот процесс идет одновременно с процессом преобразования и изменения онтологии, выраженной в языке. Мы назвали этот процесс «дискурсивно-онтологической метаморфозой» [13, с. 82] и привели ряд примеров из грекофильской традиции дословного перевода.

Представляется, что выбранные нами примеры являются в то же время доказательством того грамматического факта как отдельного лингвистического феномена, что создаваемый пословным переводом текст обнаруживает в себе наличие форм и категорий, во всем подобных греческим. На многообразных примерах мы убедились в том, что наряду с универсальным «неизменным остатком» общих механизмов дискурсивности существуют также механизмы «национальной дискурсивной специфики» [14, с. 158].

Были выявлены национальные специфики функционирования дискурсивности как внутриязыкового явления-феномена на материале грекофильской традиции. На примерах религиозного дискурса мы пришли к выводу, что дискурс в полной мере определяется указаниями как на универсальную (теоретическую), так и на онтологическую специфику, выраженную в постоянных качествах и показателях, которые остаются всегда в присущих им дискурсах после снятия нетипичных или случайных им свойств (либо общих характеристик коммуникативных сообщений) [15, 16].

Также мы выявили ряд аспектов, связанных с грекофильским дискурсом, таких как направленность на определенную область знаний (Библия), на порождаемую им и в то же время его поддерживающую форму социальной действительности. Выборка примеров, взятых из нескольких переводов Библии, помогла выявить как общее, свойственное дискурсивности как явлению «в себе», так и частное, характерное в конкретном языке для грекофильского дискурса в отдельности.

В рамках статьи мы на примерах текстов на индоевропейских и афразийских языках мы выявили, что отдельная лексическая единица не может иметь указаний на метод ее интерпретации в выбранном направлении, не отклоняясь от него. Эти внешние и внутренние механизмы суть механизмы дискурсивности.

Кроме того, мы провели анализ специфических механизмов грекофильского дискурса с целью интерпретации выявленных данных в практике перевода текстов как общегуманитарных, так и текстов из специальных областей гуманитарного знания.

Л и т е р а т у р а

1. Бибихин В.В. *Внутренняя форма слова*. Санкт-Петербург: Наука; 2008:410.
2. Автономова Н.С. *Познание и перевод: Опыты философии языка*. Москва: Росспэн; 2008:704.
3. Гухман М.М. *Готский язык*. Москва: Издательство литературы на иностранных языках; 1958:291.
4. Халипов С.Г. *Краткая грамматика ирландского языка*. Санкт-Петербург: Нотабене; 1997:145.
5. Bouchard G. Michel Foucault: unité ou dispersion de l'œuvre? In: *Laval Théologique et Philosophique*. Paris: Minuit; 2003:59(3):485-502 (на франц).
6. Henry A, Roseberry RL. Using a small corpus to obtain data for teaching a genre. In: *Small Corpus Studies and ELT: Theory and Practice*. Amsterdam: John Benjamins; 2001:93-133.
7. Flowerdew J. *Academic Discourse*. London: Pearson Education; 2002:264.
8. Gaskell D, Cobb T. Can learners use concordance feedback for writing errors? *System*; 2004:301-319.
9. Hyland K. *Teaching and researching writing*. London: Pearson Education; 2002:324.
10. Carter-Thomas Sh, Rowley-Jolivet E. Syntactic differences in oral and written scientific discourse: the role of information structure. *Asp: La revue du GERAS*. 2019:37-42.
11. Resche C. Décryptage d'un genre particulier: les communiqués de presse de la Banque Centrale américaine. *Asp: La revue du GERAS*. 2003:21-35 (на франц).
12. Laffont H. Un ingénieur est-il bien an engineer? *Asp: La revue du GERAS*. 2006:9-21 (на франц).
13. Percebois J. Les économistes universitaires français et leurs homologues anglais et américains: aspects institutionnels, culturels et linguistiques. *Asp: La revue du GERAS*. 2006:79-91 (на франц).
14. Sinclair J. McH. *How to use corpora in language teaching*. Amsterdam: John Benjamins; 2004:317.
15. Johns T. Data-driven Learning page. In: Language learning as discourse analysis: Implications for the LSP learning environment. *Asp: La revue du GERAS*. 2007;(51-52):35-51.
16. O'Sullivan Í. Learners' writing skills in French: Corpus consultation and learner evaluation. In: *Journal of Second Language Writing*. Oxford: Oxford University Press; 2006;(15):49-68.

R e f e r e n c e s

1. Bibikhin VV. *Internal form of a word*. St. Petersburg: Nauka; 2008:410 (in Russian).
2. Avtonomova NS. *Cognition and translation: Essays in the Philosophy of Language*. Moscow: Rosspen; 2008:704 (in Russian).
3. Gukhman MM. *Gothic Language*. Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages; 1958:291 (in Russian).
4. Khalipov SG. *Brief Grammar of the Irish Language*. St. Petersburg: Nota Bene; 1997:145 (in Russian).
5. Bouchard G. Michel Foucault: unité ou dispersion de l'œuvre? In: *Laval Théologique et Philosophique*. Paris: Minuit; 2003:59(3):485-502 (in French).
6. Henry A, Roseberry RL. Using a small corpus to obtain data for teaching a genre. In: *Small Corpus Studies and ELT: Theory and Practice*. Amsterdam: John Benjamins; 2001:93-133 (in English).
7. Flowerdew J. *Academic Discourse*. London: Pearson Education; 2002:264 (in English).

8. Gaskell D, Cobb T. Can learners use concordance feedback for writing errors? *System*; 2004:301-319 (in English).
9. Hyland K. *Teaching and researching writing*. London: Pearson Education; 2002:324 (in English).
10. Carter-Thomas Sh, Rowley-Jolivet E. Syntactic differences in oral and written scientific discourse: the role of information structure. *Asp: La revue du GERAS*. 2019:37-42 (in English).
11. Resche C. Décryptage d'un genre particulier: les communiqués de presse de la Banque Centrale américaine. *Asp: La revue du GERAS*. 2003:21-35 (in French).
12. Laffont H. Un ingénieur est-il bien an engineer? *Asp: La revue du GERAS*. 2006:9-21 (in French).
13. Percebois J. Les économistes universitaires français et leurs homologues anglais et américains: aspects institutionnels, culturels et linguistiques. *Asp: La revue du GERAS*. 2006:79-91 (in French).
14. Sinclair J. McH. *How to use corpora in language teaching*. Amsterdam: John Benjamins; 2004:317 (in English).
15. Johns T. Data-driven Learning page. In: Language learning as discourse analysis: Implications for the LSP learning environment. *Asp: La revue du GERAS*. 2007;(51-52):35-51 (in English).
16. O'Sullivan Í. Learners' writing skills in French: Corpus consultation and learner evaluation. In: *Journal of Second Language Writing*. Oxford: Oxford University Press; 2006;(15):49-68 (in English).

Сведения об авторе

ЛИББА Елена Александровна – к. филос. н., доцент кафедры гуманитарных и специальных дисциплин Средне-Волжского института (филиала ФГБОУ ВЭ «Всероссийский государственный университет юстиции РПА Минюста России»), г. Саранск, Российская Федерация, ORCID: 0009-00017203-4491, e-mail: snezhinka_elena@mail.ru

About the author

Elena A. LIBBA – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russian Federation, ORCID: 0009-00017203-4491, e-mail: snezhinka_elena@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 23.04.25

Принята к публикации / Accepted 27.05.25

УДК 821.111

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-119-131>

Оригинальная научная статья

Когнитивные и эколингвистические аспекты фрейма «растение» в научно-фантастическом дискурсе в романе Sue Burke “Semiosis”

Ю. В. Малинникова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

✉ jm89184418988@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается научно-фантастический дискурс с позиции эколингвистики и когнитивной лингвистики. Основное внимание уделяется анализу фрейма «растение», а также выявлению лингвистических механизмов формирования экологических ценностей в научной фантастике. Исследуется потенциал эколингвистического анализа для реконструкции концепта «растение». Эмпирическую базу составляет роман Сью Бёрк “Semiosis”, в котором тема инопланетной флоры представлена через фрейм «растение». Актуальность темы обусловлена глобальными экологическими вызовами и необходимостью переосмысления традиционного отношения к природе как к неисчерпаемому ресурсу. Проблема исследования заключается в том, что современные языковые практики продолжают поддерживать антропоцентричный дискурс, оправдывающий эксплуатацию окружающей среды, несмотря на существование альтернативных биоцентрических моделей. Цель исследования – определить, каким образом научно-фантастический дискурс посредством фрейм-слотового анализа способствует формированию экологически ответственного мышления. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: анализ лексических и стилистических средств в тексте, систематизация слотов фрейма «растение» и оценка влияния используемых дискурсивных стратегий на восприятие природы. Методологическую основу исследования составляют принципы когнитивной лингвистики и эколингвистики, что позволяет выявить идеологические установки, заложенные в языке, и их влияние на экологическое сознание. С применением фрейм-слотового анализа были выделены два ключевых субфрейма: «структура растения» и «интеллект растения». Проанализированы лексико-стилистические средства, с помощью которых растения наделяются чертами активных участников экосистемы. В результате исследование показало, что традиционный фрейм «растение = пассивный природный объект» трансформируется в научно-фантастическом дискурсе в «растение = активный субъект». Эта трансформация выражается через лексическое обозначение агентности и интеллекта, описание стратегического поведения, морфологической гибкости и химической защиты. Выводы исследования демонстрируют, что язык научной фантастики способен не только трансформировать привычные фреймы восприятия природы, но и способствовать формированию устойчивого, этически ориентированного биоцентрического мировоззрения, противопоставленного традиционному антропоцентризму.

Ключевые слова: научно-фантастический дискурс, фрейм, слот, эколингвистика, биоцентризм, устойчивое развитие, антропоцентризм, инопланетная флора, морфология растений, коэволюция

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Малинникова Ю. В. Когнитивные и эколингвистические аспекты фрейма «растение» в научно-фантастическом дискурсе в романе Sue Burke “Semiosis”. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 119–131. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-119-131

© Малинникова Ю. В., 2025

Original article

Cognitive and ecolinguistics aspects of the “plant” frame in science fiction discourse in Sue Burke’s novel “Semiosis”

Yulia V. Malinnikova

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ jm89184418988@yandex.ru

Abstract

This article examines science fiction discourse from the perspective of ecolinguistics and cognitive linguistics. The primary focus is on the analysis of the “plant” frame and the identification of linguistic mechanisms that contribute to the formation of environmental values in science fiction narratives. The potential of ecolinguistic analysis for reconstructing the concept of “plant” is explored. The empirical basis of the study is Sue Burke’s novel “Semiosis”, in which the theme of alien flora is represented through the “plant” frame. The relevance of this topic is determined by global environmental challenges and the growing need to reconsider the traditional view of nature as an inexhaustible resource. The problem addressed in this study lies in the fact that contemporary linguistic practices often support an anthropocentric discourse that legitimizes environmental exploitation, despite the existence of alternative biocentric models. The aim of the research is to determine how science fiction discourse, through frame-slot analysis, contributes to the development of environmentally responsible thinking. To achieve this goal, the study sets the following objectives: to analyze the lexical and stylistic devices used in the text; to systematize the slots of the “plant” frame; and to assess the influence of employed discursive strategies on the perception of nature. The methodological foundation of the study is based on the principles of cognitive linguistics and ecolinguistics, which allow for the identification of ideological orientations embedded in language and their effect on ecological consciousness. Using frame-slot analysis, two key subframes are identified: “plant structure” and “plant intelligence”. The study analyzes the lexical and stylistic means through which plants are represented as active participants in the ecosystem. The results show that the traditional frame “plant = passive natural object” is transformed in science fiction discourse into “plant = active subject”. This transformation is articulated through lexical expressions of agency and intelligence, as well as through descriptions of strategic behavior, morphological adaptability, and chemical defense mechanisms. The findings demonstrate that the language of science fiction not only reshapes conventional frames of perceiving nature but also facilitates the formation of a sustainable, ethically oriented biocentric worldview, which challenges traditional anthropocentrism.

Keywords: science fiction discourse, frame, slot, ecolinguistics, biocentrism, sustainable development, anthropocentrism, alien flora, plant morphology, coevolution

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Malinnikova Yu. V. Cognitive and ecolinguistics aspects of the “plant” frame in science fiction discourse in Sue Burke’s novel “Semiosis”. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 119–131. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-119-131

Введение

В контексте современных научных исследований художественного дискурса все чаще поднимается вопрос о взаимодействии между человеком и окружающей средой. Научно-фантастический дискурс (далее – НФД) оказывается особенно

продуктивным в этом смысле, поскольку позволяет моделировать альтернативные реальности и иные формы взаимодействия. Данная статья посвящена анализу НФД с точки зрения эколингвистики и когнитивной лингвистики, реализации и трансформации привычных представлений о природе через фрейм «растение» и его слоты. Основное внимание уделяется тому, как через фреймы и слоты анализируются лексические средства, структурирующие представления о флоре, и в какой мере эти представления могут содействовать формированию более ответственного отношения к экологии.

Актуальность исследования определяется возрастающей значимостью экологической проблематики в современных гуманитарных науках. Язык как инструмент формирования общественных взглядов играет решающую роль в закреплении или трансформации антропоцентричных установок по отношению к природе. В условиях глобальных экологических вызовов данный подход особенно востребован, поскольку позволяет выявить, как лингвистические категории (лексика, метафоры, фреймы) влияют на мировоззренческие модели поведения человека. Эколингвистика предлагает методологию, позволяющую осмыслить взаимосвязь языка и экологического сознания, тогда как НФД предоставляет благодатную почву для моделирования альтернативных взаимодействий человека с окружающей средой. Помимо этого, использование фрейм-слотового анализа дает возможность комплексно оценить, какие концепты и ценности формируют экологическое мышление в научно-фантастических произведениях.

Проблематика исследования заключается в том, что современные сообщества продолжают придерживаться антропоцентричной парадигмы, воспринимая природу преимущественно как ресурс. Такой взгляд подкрепляется языковыми практиками, которые, с одной стороны, могут оправдывать эксплуатацию, а с другой – способствовать биоцентрическому видению.

Целью данного исследования является определение того, как эколингвистический подход на основе фрейм-слотового анализа применим к НФД, а также выявление в романе “Semiosis” Сью Бёрк особенности фрейма «растение», отражающие нетипичные для земной флоры морфологические и «разумные» черты.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать лексические и стилистические средства, используемые для описания инопланетной флоры в романе “Semiosis”;
- 2) систематизировать слоты фрейма «растение», отражающие, каким образом растение трансформируется из «пассивного объекта» в «активного субъекта»;
- 3) раскрыть потенциал НФД в формировании экологически ответственного мышления у читателей.

Теоретической базой исследования послужили работы исследователей Ивановой, 2007 [1], И Гальего Гальярдо, 2023 [2], Кислицыной, 2025 [3], в которых язык рассматривается как механизм формирования экологического сознания и ценностных установок в обществе. При этом мы опираемся на принципы когнитивной лингвистики, в частности, на фрейм-слотовый подход (Pine, Lieven, 1997 [4], Хенцельман, Федорова, 2016 [5]), который позволяет структурировать информацию о природе как концепте, выделяя субфреймы и слоты для анализа конкретных аспектов. В основе данного исследования также лежат принципы эколингвистики (Naugen, 2006 [6]; Кислицына, 2025 [3]), которые стремятся определить, как речевые практики влияют на восприятие и взаимодействие с природой в художественном тексте.

Роль языка в формировании экологически ответственного мировоззрения

Эколингвистика представляет собой междисциплинарную область знаний, которая изучает взаимосвязь между языком и окружающей средой. Ее предметом

является то, как люди взаимодействуют с природным миром под влиянием идей, концепций, идеологий и мировоззрений, выражаемых в языке [7]. Внимание к языку в данном контексте обусловлено осознанием, что человеческая деятельность не только наносит ущерб природе, но и угрожает самому существованию человечества [2].

Любая деятельность человека в отношении природы должна основываться не только на научно-технических критериях, но и на натурфилософском взгляде, который позволяет осознать этическую связь с окружающим миром [8]. Эксплуатационный взгляд на природу как на нескончаемый источник ресурсов приводит к экологическому кризису и деградации окружающей среды. Признание равноправности окружающего мира и отсутствие иерархического подчинения природы человеку подразумевает, что люди должны признавать ценность всех форм жизни, стремясь к этической коэволюции, а не к сугубо экономической выгоде [8].

Ключевой установкой эколлингвистики является понимание того, что лексический выбор, структура высказываний и способы подачи материала могут формировать общественное мнение и, следовательно, влиять на состояние окружающей среды [9]. Язык может как способствовать позитивным переменам, так и усугублять экологические проблемы. В связи с этим эколлингвистика стремится критически осмыслить речевые практики, выступая против идеологий и дискурсов, оправдывающих разрушительную эксплуатацию ресурсов. Эколлингвисты указывают на антропоцентризм как одну из главных причин экологических кризисов. Язык закрепляет идею приоритета человеческих интересов над интересами природы и других видов, что дает возможность оправдывать загрязнение окружающей среды и доминирование над нечеловеческими существами [1].

Противопоставляя антропоцентристскому подходу идею устойчивого развития, эколлингвистика поддерживает анализ так называемого «позитивного дискурса», описывающего ответственное отношение к природе, и критикует тексты, в которых фактически легитимируется экологический ущерб [3]. В данном контексте язык рассматривается как мощный инструмент, способный либо укреплять деструктивные формы поведения в отношении природы, либо, напротив, стимулировать бережное отношение к окружающей среде и сотрудничество с другими видами. Эколлингвистика исследует роль языка в создании или преодолении стереотипов, связанных с «пользой» или «вредностью» природных явлений, и подчеркивает, что именно через язык транслируется идеология, влияющая на принятие экологически значимых решений.

Таким образом, эколлингвистика видит свою цель в поиске лингвистических средств, помогающих изменить представление о «неисчерпаемости» природных ресурсов, воспитывать экологическую грамотность и формировать у общества экологически ответственное мышление [6]. Эколлингвистика также вносит весомый вклад в решение глобальных экологических проблем, поскольку стремится объединить лингвистический анализ, экологическую этику и социальную ответственность для сохранения многообразия жизни на планете [3].

Фреймы и слоты в научно-фантастическом экодискурсе

Научно-фантастические произведения часто служат платформой для моделирования альтернативных экосистем и сценариев будущего нашей планеты, где окружающая среда претерпела значительные изменения. Эти тексты могут отражать как глубину экологических катастроф, так и успешные примеры коэволюции человека и природы. В этом контексте язык становится важным инструментом, формирующим у читателя критическое отношение к современным антропоцентричным моделям поведения и пропагандирующим устойчивое развитие через образы «экологического» будущего. Язык в научной фантастике

не просто описывает альтернативные реальности, но и создает новые термины, метафоры и концепты, которые могут перестраивать мышление читателя. Например, если в фантастическом мире язык «рассказывает», как можно жить иначе, то это дает читателю новый опыт восприятия природы и ее ценности. Эколингвистика, в свою очередь, подчеркивает, что каждая языковая модель может влиять на наше понимание окружающего мира, формируя экологическую грамотность и ответственность [10]. Научно-фантастический дискурс вступает в диалог с эколингвистикой, выявляя связь между описанием окружающего мира (лексика, метафоры) и ценностями, которые транслируются через эти описания, например, ответственность перед природой и этика ограничения потребления. Эко-фантастика как поджанр научной фантастики фокусируется на проблемах экологии и возможных последствиях изменений окружающей среды. Она не только предостерегает о возможных катастрофах, но и предлагает альтернативные пути развития. Научная фантастика предоставляет авторам уникальную возможность создавать целые языки или речевые практики, адаптированные к новым экологическим условиям. Например, в произведениях таких авторов, как Сью Бёрк, часто появляются специфические термины для новых флоры и фауны, методов сельского хозяйства и переработки отходов. Это не только обогащает лексический запас языка, но и способствует формированию нового мировоззрения у читателей [11].

Таким образом, научно-фантастическая литература играет важную роль в формировании общественного сознания относительно экологии. Через создание альтернативных миров и языковых моделей она способствует осознанию необходимости ответственности перед природой и устойчивого развития. Эколингвистика в этом контексте становится важным инструментом анализа дискурсов, связанных с экологическими проблемами, открывая новые горизонты для понимания взаимодействия человека с окружающей средой.

В современном языкознании концепция фрейма и его компонентов, слотов, играет значительную роль в анализе того, как люди осмысляют окружающую действительность. В рамках когнитивной лингвистики, фрейм рассматривается как многоуровневая «схема» или «сценарий», который упорядочивает знания о типичных ситуациях [4]. Каждый фрейм обладает слотами – типовыми ролями или параметрами, которые заполняются конкретными элементами при описании объекта или явления [4].

Эколингвистика, как было отмечено ранее, исследует влияние языковых категорий на восприятие и взаимодействие людей с окружающей средой, что делает фреймовый подход особенно востребованным при анализе экологических дискурсов. Согласно исследованиям в области экологической лингвистики, язык воспринимается не только как средство коммуникации, но и как фактор, формирующий мировоззрение людей по отношению к природе [12]. Использование фреймов позволяет выявить, какие элементы действительности закреплены в лексике, синтаксисе и образных выражениях. Слоты внутри фреймов «заполняются» различными концептами например: «растение – агрессивное/пассивное» или «природа – ресурс/равноправный субъект». Такое распределение указывает на идеологические и культурные установки, лежащие в основе дискурса. Эколингвистика опирается на дескриптивный фрейм, акцентируя внимание на взаимосвязи частного и общего, рассматривая все явления как взаимосвязанные, взаимозависимые и взаимодействующие [13].

Ключевую роль играют фреймы, задающие интерпретацию природы как «бесконечного ресурса» либо, напротив, как «дома» для всех форм жизни. Эксплуатационный фрейм может включать слоты, такие как «природные ресурсы» и «экономическая выгода», в то время как биоцентрический фрейм

содержит слоты «этическая ценность всех видов» и «сотрудничество с природой». Использование соответствующих лексических единиц, например, «добыча ресурсов» или «забота о биоразнообразии», формирует различное отношение к природе.

В научно-фантастических произведениях часто моделируются альтернативные экосистемы, такие как планеты или миры будущего, где проблемы взаимодействия человека и природы обостряются или успешно разрешаются [5]. Таким образом, можно сделать вывод, что язык научной фантастики способен:

- создавать новые термины и концепты для описания незнакомой флоры, фауны и способов переработки отходов;
- перестраивать мышление читателя, транслируя через фреймы и слоты модели более ответственного поведения;
- влиять на формирование экологических ценностей, задавая позитивные или негативные «сценарии будущего».

Эколингвистический подход к фрейм-анализу позволяет выявить идеологические установки, где выбор слотов, таких как «природа = ресурс» или «природа = субъект», отражает антропоцентричные или биоцентричные ценности.

Традиционные представления о растениях в земной культуре формируются под влиянием устойчивых стереотипов, укоренившихся в языке. В рамках этих представлений растения наделяются рядом характеристик, которые ставят их в положение пассивных и подчиненных элементов экосистемы. Прежде всего они воспринимаются как неподвижные организмы, лишенные способности к активному поведению, что контрастирует с динамичным образом человека. Кроме того, растения традиционно исключаются из сферы разума, где им отказано не только в интеллекте, но и в способности учиться, планировать или выполнять целенаправленные действия. В культурном аспекте растения часто выполняют функцию статичного фона, служа лишь декоративным обрамлением для действий антропоморфных персонажей. В то же время в научном и художественном дискурсах акцент делается на утилитарной ценности растений – они рассматриваются в первую очередь как источник пищи, сырья или кислорода, что укрепляет их роль ресурсного объекта. В результате растения лишаются не только субъектности, но и возможности действовать в рамках экологических и культурных взаимодействий. Эти стереотипы, закрепленные в языке, становятся объектом критики в эколингвистике, поскольку способствуют эксплуатационному отношению к природе. На этом фоне особенно показательна трансформация данных представлений в романе “Semiosis”, где растения становятся активными участниками коммуникации.

Если текст систематически использует фреймы, оправдывающие эксплуатацию природы, читатель может прийти к выводу о допустимости экологического ущерба. В то же время «позитивный дискурс» формирует осознание хрупкости экосистем и необходимости ответственного взаимодействия с ними. Изменение лингвистической репрезентации через слоты может корректировать общественную повестку, продвигая идею устойчивого развития и «этической коэволюции». Фреймы и слоты представляют собой важные инструменты когнитивно-эколингвистического анализа, позволяющие осмыслить, как язык кодирует и распространяет ценности, связанные с отношением к природе. Научно-фантастический дискурс, моделируя альтернативные реальности, выступает площадкой для экспериментов с фреймами и слотами, раскрывая потенциальные сценарии будущего экологического взаимодействия человека и среды. Изучение этих моделей в рамках эколингвистики способствует выявлению как разрушительных, так и конструктивных концепций взаимодействия с природой, что особенно важно в эпоху глобальных экологических вызовов.

Таблица

Частотность повторяющихся лексем, описывающих внеземную флору

Table

Frequency of recurring lexemes describing extraterrestrial flora

Категория	Лексема	Кол-во вхождений	% от общего числа
Морфология	root/sapwood	30	15%
	grow/growth	16	8%
Агрессивная токсичность	toxins/toxic/poison	15	7%
	attack/defense	21	10%
Когнитивная деятельность	plan/planning	17	8%
	control/manage	19	9%
	choice/choose	14	7%
	learn/realize	10	5%
Коммуникация	communication/signal/scent	31	15%

Инопланетная флора как активный субъект: фреймовый анализ морфологии и интеллекта растений в романе “Semiosis”

В романе Сью Бёрк “Semiosis” центральное место занимает тема инопланетной флоры – «снежной лозы» (snow vine) и «радужного бамбука» (rainbow bamboo) по имени Stevland, которая существенно отличается от привычных земных растений, демонстрируя не только необычные морфологические особенности (Слот 1a), но и признаки «разумности» и стратегического поведения (Слот 1b).

В рамках лексического анализа был взят полный текст романа, из которого методом сплошной выборки были отобраны все контексты, содержащие лексические единицы, релевантные для фрейма «растение». Всего было проанализировано 197 случаев употребления ключевых лексем, распределение которых представлено в табл.

Как видно из таблицы, наиболее частотными оказались лексемы коммуникации (15%), термины, описывающие корневую систему (11%) и лексика агрессивного поведения (17%). Это распределение подтверждает двойственную природу изображения флоры в романе: с одной стороны, подчеркивается ее морфология (анатомическая лексика – 23%), с другой – когнитивные и коммуникативные способности (44% в сумме).

Таким образом, языковые средства последовательно формируют образ растения как активного агента. Рассмотрим теперь подробнее, как эти элементы реализуются в рамках выделенных слотов.

В рамках фрейма «РАСТЕНИЕ» можно выделить Субфрейм 1 «Морфология и физиология растения», в котором рассмотрим: Слот 1a: «Структура растения» и Слот 1b: «Разум / интеллект растения». Этот подход продемонстрирует, как научно-фантастический дискурс романа ломает земные стереотипы о «пассивной» природе и раскрывает идею «растение как субъект, обладающий интеллектом», которое можно представить в виде структуры представленной на рис.

В романе подчеркивается, что инопланетные растения на планете *Rax* могут иметь нетипичную морфологию: особые узлы для хранения воды или токсинов, быстро распространяющуюся корневую систему, а также способность менять

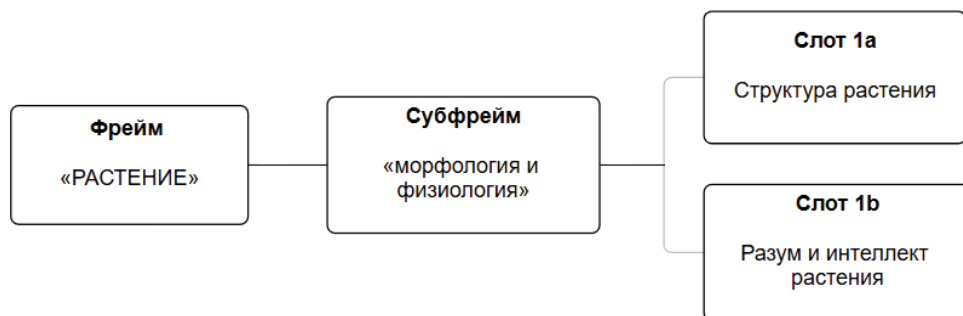

Рис. Субфрейм 1 «Морфология и физиология растения». Слот 1а: «Структура растения»

Fig. Subframe 1: “Plant morphology and physiology”. Slot 1a: “Plant structure”

химический состав плодов. С точки зрения экологической лингвистики, это подрывает представление о растениях как о простом «фоне» и позволяет переосмыслить такие привычные категории, как «растение», «плод», «дерево».

Расширенная корневая система и агрессивный характер

Главной деталью морфологии растений планеты *Rax* является расширенная корневая система, быстро распространяющаяся на большие расстояния и способная питаться не только за счет почвы, но и животных организмов. В одном из фрагментов романа герой обнаруживает, что лоза «проросла» на месте захоронения людей:

“Snow vines sprouted from the three women’s graves. The vines had sent out roots to feed on dead humans instead of aspen trees, to tap flesh for food and blood for water” [14, p. 26].

Здесь автор подчеркивает хищнический аспект растения, которое стремится использовать все ресурсы, в том числе биологические останки. Подобное описание ломает привычный земной фрейм «растение = статичный организм».

Аллелопатия и химическая защита

В тексте много внимания уделяется аллелопатии:

“It’s allelopathy. The plant gets rivals out of the way to clear space for itself” [14, p. 28].

Выделяемые яды убивают конкурирующие культуры (пшеницу, другие местные виды), что ставит растения на позицию «активных агрессоров». Подобная физиологическая особенность заставляет колонистов осознать, что их ирригационные и сельскохозяйственные действия могут вступать в конфликт с «воюющими» растениями. В эколлингвистическом плане это показывает, насколько язык при помощи таких терминов, как *“allelopathy”*, *“poison”*, *“root rot”* формирует у героев новое понимание природы. Они вынуждены переосмыслить свои действия в контексте растительных стратегий нападения и обороны.

Гибкое изменение токсичности

В тексте неоднократно подчеркивается, что одни и те же плоды могут быть безопасными или смертельно ядовитыми в разные периоды:

“Maybe a change in nitrogen metabolism created excess alkaloids. Or perhaps it was a response to pests or pathogens” [1, p. 13].

В земном представлении растения не меняют токсичность «по желанию». Но на планете *Rax* колонисты сталкиваются с самоорганизованной и адаптивной флорой. Это говорит о физиологической гибкости растений, которые синтезируют новые токсины, реагируя на внешние факторы, такие как сезон, присутствие вредителей, конкурирующие растения.

Нетипичная генетика и семена

В одном из эпизодов ученые на планете обнаруживают, что местные растения используют РНК вместо ДНК, а семена имеют нестандартное число семядолей:

“And RNA,” Grun said, “not DNA. Nothing has DNA except us.” “On Earth, all seeds have one or two embryonic leaves, but here they have three or five or eight” [1, p. 20].

Это выделяет радикальное биологическое отличие, где генетическая основа (РНК) и морфологический «избыток» семядолей разрушают стереотип о том, что «любая внеземная флора должна повторять земные схемы». По сравнению с земными растениями жизненные циклы на планете Рах эволюционировали иным путем. Это указывает на то, что понятие «растение» может включать куда более вариативный набор характеристик, чем знакомые «однодольные и двудольные» культуры.

Таким образом, «Структура растения» в романе «Semiosis» раскрывается через ряд важных положений:

- расширенная корневая система;
- аллелопатия и химическая защита;
- радикальные генетические отличия.

Слот 1a: «Структура растения» в романе перестает быть «простой ботаникой». Представленная на планете флора имеет динамичную систему «наступления и обороны», меняя традиционный фрейм «растение = статичный объект» на «растение = активный субъект». Нетипичные корни, гибкая токсичность, РНК-генетика – радикально меняют привычный фрейм «растение = безобидное и статичное». Использование терминов *“allelopathy”* и *“root rot”*, а также упоминания о «хищном» питании за счет останков людей или животных, фактически расширяют категорию «растение», вводя в неё идею целенаправленных стратегий нападения и обороны. С эколингвистической точки зрения подобное описание подрывает антропоцентрическое восприятие природы. То, что на Земле обычно воспринимается как «молчаливое» и статичное, в романе получает «голос» через химические сигналы и экстремальные формы взаимодействия. Новые представления о «структуре растения» демонстрируют, как язык романа формирует биоцентрическую модель, в которой растения активно влияют на социальное и экологическое равновесие мира Рах. Таким образом, когнитивно-эколингвистический ракурс позволяет увидеть, что в “Semiosis” изменяются устоявшиеся концепты и культурные установки: растение перестает быть «фоном» и становится полноправным, а иногда и доминирующим, участником экосистемы.

Слот 1b: «Разум / интеллект растения»

В классической земной ботанике растения не ассоциируются с интеллектуальной деятельностью. Однако в романе “Semiosis” автор делает упор на некоторые формы флоры, которые на планете Рах способны к целеполаганию, планированию и манипуляции.

«Растения» как мыслительные агенты

Герои романа обнаруживают у «снежной лозы» (snow vine) стратегическое поведение, которое подчеркивает ее способность к целенаправленному поведению, требующему определенного «интеллекта». Колонисты понимают, что «снежная лоза» (snow vine) осознанно отличает людей от других местных животных (фиппокатов/fippokats), учитывает фермерскую деятельность и действует против них:

“The snow vines had learned fast, too. They had realized that we were like fippokats and used us like them, giving us healthy or poisonous fruit. But the west vine had attacked our fields. ... Creative, original ideas and perseverance were signs of intelligence—real intelligence, insightful. It had weighed possible courses of action, then chosen one” [1, p. 32].

Данная цитата указывает на «анализ» ситуации лозой, способность к целеполаганию (*“weighting possible courses of action”*), на способность растения

оценивать ситуацию и выбирать оптимальный вариант. Оно учится отличать земледельцев от обычных травоядных, варьируя токсичность плодов (“healthy or poisonous fruit”).

В тексте ярко продемонстрирована способность растений управлять ресурсами и планировать свои действия на примере отравления полей. «Западная лоза» (*West vine*) сознательно «захватывает» поле, чтобы лишить колонистов пропитания:

“This is a war, an organized fight. The snow vine attacked our crops. ... Controlling the food supply is one way to win a war. The west vine had decided to kill us every way it could and had invented tactics to do it” [1, p. 33].

Растение понимает ключевую роль зерновых культур в выживании людей, поэтому бьет по продовольствию. В противовес противостоянию с «западной лозой» (*west vine*) у героев романа образуется альянс с «восточной лозой» (*east vine*). «Восточная лоза» (*East vine*) предоставляет съедобные плоды и защищает людей от конкурирующей ветви:

“...the east vine had provided safe fruit and protected us from the west vine’s poisons, so we came to rely on it. We gave it water and compost, and it seemed to reward us” [1, p. 47].

Однако растение делает это ради собственной выгоды, такой, например, как искусственная ирригация и удобрения. Все это указывает на «семиотическую» активность, где растения фактически «обмениваются сигналами» – плодами, химическими выделениями, реакциями на поведение людей.

Невербальная коммуникация и сознательная манипуляция

В следующем фрагменте герои удивляются внезапной смене токсичности плодов, когда растение само решает, делать их съедобными или ядовитыми. Такая резкая трансформация подчеркивает, что «снежная лоза» (*snow vine*) целенаправленно манипулирует окружающими, используя плоды как невербальные сигналы или способы нападения:

“We had all eaten the west fruit before, and it was fine. Then, suddenly, it turned toxic overnight, loaded with a new alkaloid. We realized the vine could choose when to make its fruit safe or deadly” [1, p. 67].

Ранее было отмечено, что колонисты узнали о способности растений извлекать питательные вещества из тел умерших существ, используя их в качестве «живого удобрения». Тем самым флора планеты *Rax* демонстрирует крайне агрессивную форму приспособления, превращая любые биологические останки в полезный для себя ресурс:

“Tap flesh for food and blood for water” [1, p. 26].

Когда же «западная лоза» (*west vine*) внедряет семена в тела, «восточная лоза» (*east vine*) противодействует, «перехватывая» удобрение, что сигнализирует о признаке целенаправленной «тактики».

“At my insistence, we dug up the graves of Carrie, Ninia, and Zee. We found a mass of roots at war tangled through their flesh. The seeds from the west vine had sprouted, stems and roots bursting through their abdomens. But roots from the east vine had countered, strangling the seedlings. The east vine had won” [1, p. 31].

В совокупности растение ведет себя как «разумный стратег»: выбирает, как прорасти, когда атаковать или помогать, тем самым формируя «дружескую колонию» либо «вражескую».

Дополнительный акцент сделан на противостоянии между разными линиями снежных лоз, которые формируют нечто вроде «биологического фронта», выступая аналогом человеческих конфликтов. С точки зрения антропоцентрического восприятия, «война» – удел людей и животных. Если растения могут вести «организованную борьбу», значит, речь идет не о простых инстинктах, а о рационально-когнитивной деятельности. Ученые и колонисты вынуждены

переосмыслить тот факт, что перед ними не «молчаливый ландшафт», а соперник или союзник, столь же опасный, как враждебная цивилизация.

Невербальная коммуникация и сознательная манипуляция

Коммуникация флоры планеты и колонистов проявляется не только в агрессивных или защитных стратегиях растений, но и в способах, которыми они «общаются» с колонистами, подавая определенные сигналы или создавая благоприятные условия для взаимодействия:

“A piece of fruit pulled off easily from the stem. ... The bamboo was very friendly. Fruit appeared right away near the house where we stayed. Then one of the trunks < ... > grew a shoot. Each of the new leaves had stripes of a different color...” [1, p. 59].

Радужный бамбук (*rainbow bamboo*), предлагая плоды, использует их как подарок или приглашение к общению. Легко «срывающийся» плод и его появление подчеркивает, что растение «ориентируется» на присутствие людей. Оно как будто «знает», что плод нужен для установления дружественного контакта. Меняя окраску листьев, словно «приветствует» пришельцев невербальными сигналами. Визуальный аспект растение применяет, чтобы «выразить» позитивный настрой или «приветствие». В таком свете полосы на новых листьях могут восприниматься как некий «язык» или «сигнал», адресованный людям. Колонисты квалифицируют поведение растения как дружелюбное, а не инстинктивно-равнодушное. Герои отмечают, что радужный бамбук (*rainbow bamboo*) «хочет» их присутствия: “*wanted us to stay*”, подразумеваемая целенаправленное взаимодействие. Таким образом, радужный бамбук (*rainbow bamboo*) не просто «растет» рядом – он сознательно взаимодействует с людьми через «дар» (плод) и «знаки» (окраска листьев). Подобная сцена подчеркивает, что в мире “*Semiosis*” растения могут принимать роль коммуникатора и использовать доброжелательность как стратегию, мотивируя людей «остаться» и наладить более глубокий контакт.

Таким образом, «Разум / интеллект растения» в романе “*Semiosis*” раскрывается через ряд важных положений: обучаемость и планирование, креативность, сотрудничество или агрессия, манипуляция.

В тексте романа неоднократно используется лексика, которая традиционно соотносится с деятельностью мыслящих существ: “*decide*”, “*attack*”, “*plan*”, “*ally*”. Такие глаголы и понятия приписывают растениям волю и способность к рациональному выбору. Соответственно привычный фрейм «растение = пассивный объект» трансформируется в категорию «активный субъект с сознанием»: флора не просто реагирует на раздражители, а целенаправленно «решает», когда атаковать или вступать в союз. Идея разумной растительности разрушает антропоцентричный взгляд на природу, показывая, что «природа» в лице растений может обладать не меньшей «агентностью», чем животные или люди. Появление в тексте терминов “*battlefield*”, “*declare war*”, “*poison*” в отношении флоры иллюстрирует стирание жестких границ между человеком и растением: в борьбе за ресурсы они становятся равноправными участниками конфликта. Такое описание языка указывает на необходимость отказа от традиционного представления о «растении» как о второстепенном фоне для человеческой деятельности. В совокупности это приводит к переосмыслению фрейма «растение» как *разумного агента*, активно влияющего на экосистему и на социальную структуру человеческой колонии на планете *Paх*.

Заключение

Таким образом, в контексте эколлингвистики, опирающейся на концепты фреймов и слотов из когнитивной лингвистики, анализ научно-фантастического дискурса демонстрирует то, каким образом язык не просто описывает, но и формирует экологические сценарии взаимодействия человека и природы. Анализ

романа Сью Бёрк “Semiosis” позволил продемонстрировать, что инопланетная флора представлена через фрейм «растение», который существенно расширяется за счет включения элементов, характерных для нетипичной морфологии и проявления интеллектуальных способностей. В результате анализа лексических и стилистических средств удалось систематизировать ключевые слоты, отражающие «Структуру растения» и «Разум/интеллект растения», что показало, как растения в дискурсе трансформируются из пассивного фона в активных субъектов, способных к целенаправленному поведению и манипуляции ресурсами. Подобное смещение акцентов свидетельствует о важности лингвистических средств (лексики, метафор, концептов), которые способны укреплять или опровергать антропоцентричный взгляд на природу. Внедряя в дискурс идеи «хищничества» или «сотрудничества» растений, автор формирует биоцентрическую модель, призывающую к переосмыслению роли человека в экосистеме. Применение методологии когнитивной лингвистики и эколлингвистического анализа показало, что изменение языковых репрезентаций через фреймы и слоты способствует формированию новых экологических ценностей, что особенно актуально в условиях глобальных экологических вызовов.

Л и т е р а т у р а

1. Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколлингвистики. *Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики*: сб. науч. трудов. Челябинск: Изд-во «Образование»; 2007:41-47.
2. И Гальего Гальярдо. Эколлингвистика и ее дидактическое применение. *Речевые технологии*. 2023:3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekolingvistika-i-ee-didakticheskoe-primenenie> (дата обращения: 20.01.2025).
3. Кислицына Н.Н. Эколлингвистика – новое направление в языкознании URL: https://www.researchgate.net/publication/359743226_Ekologiceskaa_lingvistika_text (дата обращения: 07.01.2025).
4. Pine JM., Lieven EVM. Slot and frame patterns and the development of the determiner category. *Applied Psycholinguistics*. 1997;18(2):123-138. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0142716400009930>.
5. Хенцельман М., Федорова Н.И. Фреймовая семантика в зеркале экологического дискурса в русском языке на примере текстов о Волжско-Камском заповеднике. *Вестник ТГПУ*. 2016;43(1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freymovaya-semantika-v-zerkale-ekologicheskogo-diskursa-v-russkom-yazyke-na-primere-tekstov-o-volzhsko-kamskom-zapovednike> (дата обращения: 20.02.2025).
6. Haugen E. The Ecology of Language. *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. 2006:57-66.
7. Нурушева Д.А. *Фундаментальные исследования*. 2014;(5)4:890-893.
8. Meyer-Abich KM. *Praktische Naturphilosophie*. Erinnerung an einen vergessenen Traum. München: 1997 (на нем.яз.).
9. Сорокин Ю.А. Нужна ли нам лингвоэкология? *Мир лингвистики и коммуникации*: электронный науч. журн. 2006;1(3):92.
10. Курашкина Н.А. Основные направления современной российской эколлингвистики. Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016;2:166-170. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm>.
11. Фокина Е.А. *Особенности перевода слов-терминов в эколлингвистической системе научной фантастики*. Сборник статей Международной научно-практической конференции молодых. Уфа; 2022.
12. Garrard G. *Ecocriticism*. 2nd ed. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2012. 9780203806838.
13. Andrews N. How cognitive frames about nature may affect felt sense of nature connectedness. *Ecopsychology*. 2018;10(1):1-12. DOI: 10.1089/eco.2017.0014.
14. Burke S. *Semiosis: A novel of first contact*. Лондон: HarperCollins; 2018:421.

References

1. Ivanova EV. Goals, objectives and problems of ecolinguistics. *The pragmatic aspect of communicative linguistics and stylistics: a collection of scientific works*. Chelyabinsk: "Obrazovanie" Publishing House; 2007:41-47 (in Russian).
2. Galyardo I. Ecolinguistics and its didactic application. *Speech Technologies*. 2023;3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekolingvistika-i-ee-didakticheskoe-primenenie> [Accessed 20 January 2025] (in Russian).
3. Kislitsina NN. Ecolinguistics – a new direction in linguistics. Available at: https://www.researchgate.net/publication/359743226_Ekologiceskaa_lingvistika_text [Accessed 07 January 2025] (in Russian).
4. Pine JM, Lieven EVM. Slot and frame patterns and the development of the determiner category. *Applied Psycholinguistics* 1997;18(2):123-138 (in English). DOI: 10.1017/S0142716400009930
5. Henzelmann M, Fedorova NI. Frame semantics in the light of the environmental discourse in the Russian language based on the texts about the Volga-Kama reserve. *Bulletin of TGGPU*. 2016;43(1). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/freymovaya-semantika-v-zerkale-ekologicheskogo-diskursa-v-russkom-yazyke-na-primere-tekstov-o-volzhsko-kamskom-zapovednike> [Accessed 20 February 2025] (in Russian).
6. Haugen E. The Ecology of Language. *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. 2006:57-66 (in English).
7. Nurusheva DA. Fundamental research. 2014;(5)4:890-893 (in Russian).
8. Meyer-Abich KM. An enriched and developed, up to date still seminal book on German-based deep ecology. Munich: 1997 (in German).
9. Sorokin YA. Do we need lingvoecology? *The World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*. 2006. Vol. 1, No. 3. pp. 92 (in Russian).
10. Kurashkina NA. Main directions of contemporary Russian ecolinguistics. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2016;2:166-170. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm> (in Russian).
11. Fokina EA. *Features of translating terminological words in the ecolinguistic system of science fiction*. In: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Young Researchers. Ufa: 2022 (in Russian).
12. Garrard G. *Ecocriticism*. 2nd ed. Abingdon, Oxon; New York: Routledge; 2012 (in English).
13. Andrews N. How cognitive frames about nature may affect felt sense of nature connectedness. *Ecopsychology*. 2018;10(1):1-12 (in English). DOI: <https://doi.org/10.1089/eco.2017.0014>
14. Burke S. *Semiosis: A novel of first contact*. London: HarperCollins; 2018:421 (in English).

Об авторе

МАЛИННИКОВА Юлия Владимировна – соискатель ученой степени к. филол. н., кафедра общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация, ORCID: 0009-0003-7951-170X, e-mail: jm89184418988@yandex.ru

About the author

Yulia V. MALINNIKOVA – External Doctoral Student, Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, ORCID: 0009-0003-7951-170X, e-mail: jm89184418988@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 10.03.25

Принята к публикации / Accepted 30.04.25

УДК 81'367.7; 811.612.91; 811.161.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-132-147>

Оригинальная научная статья

Передача семантического содержания русского вида в изолирующем языке

Нгуен Хыу Тьинь¹ ✉, Нгуен Суан Хоа², Нгуен Нгок Тьинь³, Фам Зыонг Хонг Нгок¹

¹Институт иностранных языков при Ханойском государственном университете, г. Ханой, Вьетнам

²Ханойский университет, г. Ханой, Вьетнам

³Институт иностранных языков при Данангском университете, г. Дананг, Вьетнам

✉ nhuuchinh47@yahoo.com

Аннотация

В последние десятилетия область типологии вида – изучение различных аспектуальных значений и способов их выражения в разных языках мира – развивается особенно активно. Проблема передачи семантических компонентов частных видовых значений на другой язык, особенно на язык иной типологической разновидности, чем русский, возникает тогда, когда язык перевода не имеет соответствующей грамматической категории. Для удобства передачи семантических нюансов глагольных форм русского языка на другой язык в этой работе применяется ономазиологический подход к описанию частных видовых значений. Этот подход помогает преодолеть терминологический разнобой и позволяет максимально прозрачно представить объект сравнения, от семантических признаков до средств их выражения в разных языках. Цель работы – выявить основной репертуар средств репрезентации частных видовых значений русского глагола во вьетнамском языке и определить закономерности использования таких средств при переводе гоголевского произведения «Мертвые души». Материалом исследования служат отобранные методом сплошной выборки глагольные употребления в трех первых главах поэмы (1034 единицы и соответствующее количество вьетнамских аналогов). В результате анализа установлено, что существует ряд специализированных вьетнамских слов, способных передать видовую особенность глагольного предиката. Для выражения значений целостности и наличной результативности глаголов совершенного вида (СВ) употребляются во вьетнамском языке частицы *đã, xong, rồi, được, hết, lên*. Значения процессности, повторяемости, общего указания на факт действия, постоянного отношения, характерные для глаголов несовершенного вида (НСВ), переданы в переводе с помощью вспомогательных слов *cứ, mãi, vẫn, còn, được, có, lại* и т. п. Особенность вьетнамского языка заключается в том, что степень обязательности употребления этих слов может быть доведена до нуля. В тех случаях, когда аспектуальная семантика глагольной формы поддержана значениями единиц контекста, наличие видовых показателей является необязательным. Согласно нашим наблюдениям, контекстуальные элементы играют значительную роль для актуализации значений НСВ. Для реализации значений СВ не требуются контекстуальные элементы и вьетнамские маркеры СВ могут не использоваться. Это связано с тем, что совершенные глаголы описывают отдельные завершённые события или ситуации в определённый момент в прошлом. В художественных текстах преобладают именно такие глагольные формы, поскольку нарратив представляет собой повествование о прошедших событиях, которые подаются читателю как последовательность действий. Поэтому вьетнамские читатели без дополнительных контекстуальных средств и видовых маркеров совершенного вида могут воспринять описываемые действия как единичные, завершённые с результатом.

Ключевые слова: перевод, семантические компоненты, изолирующий язык, частные видовые значения, контекст, совершенный вид, несовершенный вид, ономазиологический подход, видовые показатели, темпоральные маркеры

© Нгуен Хыу Тьинь, Нгуен Суан Хоа, Нгуен Нгок Тьинь, Фам Зыонг Хонг Нгок, 2025

Финансирование. Исследование было профинансировано Институтом иностранных языков при Ханойском государственном университете (ИИЯ при ХГУ) в рамках проекта № N.24.06.

Для цитирования: Нгуен Хыу Тьинь, Нгуен Суан Хоа, Нгуен Нгок Тьинь, Фам Зыонг Хонг Нгок. Передача семантического содержания русского вида в изолирующем языке. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 132–147. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-132-147

Original article

The conveying of semantic content of the Russian aspect in an isolating language

Nguyen Huu Chinh¹ ✉, Nguyen Xuan Hoa², Nguyen Ngoc Chinh³, Pham Zyong Hong Ngoc¹

¹VNU University of Languages and International Studies, Hanoi, Vietnam

² Hanoi University, Hanoi, Vietnam

³ University of Foreign Language Studies - The University of Danang, Danang, Vietnam

✉ nhuuchinh47@yahoo.com

Abstract

In recent decades, the study of aspect typology, which involves examining different aspectual meanings and their expression across various languages, has advanced significantly. Challenges arise in transferring aspectual semantic components into another language, especially when the target language lacks a corresponding grammatical category. To facilitate the transfer of Russian verb forms' semantic nuances into Vietnamese, this research employs an onomasiological approach. This approach helps to overcome terminological diversity and allows us to present the object of comparison as transparently as possible: from semantic features to the means of their expression in different languages. The aim of this article is to identify how Vietnamese conveys the particular aspectual meanings of Russian verbs and to determine the patterns of their use in translating Gogol's *Dead Souls*. The study analyzes verb forms from the first three chapters of the text (1034 instances and an equal number of Vietnamese equivalents) selected through continuous sampling method. The analysis reveals that Vietnamese has many specialized words capable of expressing aspectual features. For instance, particles such as *đã, xong, rồi, được, hết, lên* are used to express integrity and efficiency associated with perfective verbs. Meanwhile, words like *cứ, mãi, vẫn, còn, được, có, lại* convey meanings of processiveness, repetition, and general-factual significance, which are key aspectual meanings of imperfective verbs. A notable feature of Vietnamese is that the necessity of these specialized words can vary, and aspectual indicators might not always be needed if the aspectual semantics are supported by context. Our observations suggest that contextual elements play a significant role in cases involving imperfective verbs. The analysis indicates that perfective meanings do not require contextual elements, and the Vietnamese perfective markers may not be used. This is because perfective verbs describe single, completed events or situations at a specific point in the past. In narrative texts, which present past events as a sequence of actions, perfective verbs are prevalent. As a result, Vietnamese readers, lacking explicit perfective markers and contextual aids, may interpret these actions as single, completed events with a specific outcome.

Keywords: translation, semantic components, isolating language, particular aspectual meanings, context, perfective verb, imperfective verb, onomasiological approach, aspectual indicators, temporal markers

Funding. This research was funded by VNU University of Languages and International Studies, Hanoi, Vietnam under project No. N.24.06.

For citation: Nguyen Huu Chinh, Nguyen Xuan Hoa, Nguyen Ngoc Chinh, Pham Zyong Hong Ngoc. The conveying of semantic content of the Russian aspect in an isolating language. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 132–147. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-132-147

Введение

В последние годы центральное место в изучении категории вида занимает вопрос, связанный со значениями, которые возникают в результате взаимодействия видовых форм и определенных типов контекста. Речь идет о так называемых частных видовых значениях. Чаще всего они понимаются как модификации общих, категориальных значений видов. Частные видовые значения – это «значения, выражаемые видом в сочетании с контекстом» [1, с. 604]. Многообразны решения вопроса о частных видовых значениях, представленные в работах российских и зарубежных лингвистов Ю. С. Маслова, А. Мазона, А. В. Бондарко, О. П. Рассудовой, М. А. Шелякина, Е. В. Петрухиной, Х. Шлегеля, М. Я. Гловинской, Е. В. Падучевой, Х. Р. Мелига, Дж. Форсайта, Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелева и др. Разные авторы предлагают разнообразные типологии частных видовых значений, которые не только различаются по составу этих значений, но и по их интерпретации. Абсолютное совпадение взглядов встречается редко, а в некоторых случаях наблюдается полное расхождение мнений. Дополнительную сложность создает то, что однотипные употребления могут иметь различные терминологические обозначения, и, наоборот, один и тот же термин может иметь разные значения у разных авторов.

Проблема выявления и классификации частных видовых значений, остающаяся спорным вопросом русской аспектологии, может быть решена в рамках ономаσιологического подхода, который позволяет упорядочить разнообразие точек зрения и различие в количественной и качественной интерпретации частных видовых значений русского глагола [2, с. 43–45].

Так, например, семантический комплекс ‘+ целостность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’ характерен для конкретно-фактического значения, которое исследователи единодушно считают главным частным значением СВ (совершенный вид). Признаки ‘+ целостность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’ присущи совершенному виду, реализующему наглядно-примерное значение СВ. Признаки ‘+ процессность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’ составляют семантическое ядро конкретно-процессного значения НСВ (несовершенный вид), выделенного А. В. Бондарко, или актуально-длительного, выдвинутого А. Зализняк и А. Д. Шмелевым и Е. В. Падучевой. Набор ‘– процессность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘– конкретность’ характеризует обобщенно-фактическое значение, или, как его называют в работах Ю. С. Маслова и А. Зализняк и А. Д. Шмелева, общефактическое значение НСВ.

Использование ономаσιологического подхода представляется особенно перспективным для сопоставительных исследований, поскольку дает возможность преодолеть терминологический разнобой и представить объект сравнения максимально прозрачно: от комплекса семантических признаков к средствам их выражения в сопоставляемых языках.

Поскольку частные видовые значения являются контекстуально обусловленными, для их выявления нужно опираться на лексические элементы, которые конкретно отражают тот или иной семантический компонент видового значения. [3]. Так, признак ‘+ целостность’ репрезентируется с помощью временных обстоятельств *вчера, один раз, вдруг* и т. п. Перфектное значение СВ, для которого характерен семантический признак ‘+ наличная результативность’, легко может быть обнаружено при наличии таких слов, как *сейчас, теперь*. Эксплицитному выражению семантического компонента ‘+ процессность’ способствуют слова типа *три дня, недели, месяц, год, долго* и т. п. Наличие факта действия в прошлом может констатироваться с помощью таких слов, как *в старину, когда-то, однажды*. Повторяемость действия передана наречиями *часто, редко* или обстоятельствами

времени *каждый день, каждый раз*. Предполагается, что аналогичные контекстуальные элементы присутствуют и в других языках, включая вьетнамский. Это позволяет адекватно передавать семантические особенности русской категории вида в языках с другой типологической структурой. Нас интересует вопрос, есть ли в языке перевода специализированные видовые показатели, которые, помимо контекста, указывают на конкретные значения вида.

Сложность передачи семантических нюансов в переводе усугубляется тем фактом, что в языке-источнике важна грамматическая категория глагольного вида, а в языке-реципиенте эта категория присутствует неявно. Во вьетнамской лингвистической литературе большинство специалистов отрицают существование грамматических категорий в целом, включая категорию вида. Тем не менее специфика вида и способы его выражения во вьетнамском языке продолжают вызывать большой интерес как у отечественных, так и у зарубежных исследователей, в том числе у русских [4]. Согласно исследователям, во вьетнамском языке активно используются специализированные показатели, которые позволяют многогранно отражать видовую семантику. Употребление этих показателей, предположительно, подчиняется определенным закономерностям [5].

С целью установить некоторые закономерности использования языковых средств репрезентации частных видовых значений русского глагола при переводе конкретного художественного произведения на вьетнамский язык в этой работе предпринимается попытка проанализировать лексико-грамматические ресурсы вьетнамского языка, позволяющие описывать характер протекания действия во времени, и выявить типичные для данного языка средства репрезентации частных видовых значений русских глагольных форм в гоголевской поэме «Мертвые души».

Материалом исследования служат личные глагольные формы, извлеченные методом сплошной выборки из первых трех глав поэмы «Мертвые души», количество которых составляет 1034 единицы, и такое же количество переводных аналогов. Этот анализ направлен на констатацию основных средств передачи видовых семантических признаков на вьетнамский язык.

Результаты исследования и обсуждение

Способы передачи содержания частных значений СВ средствами вьетнамского языка

Среди частных значений СВ, выраженных глагольным формами в первой главе «Мертвых душ», главным является *конкретно-фактическое* (435 из 562 глагольных форм СВ реализуют данное значение). Анализ показал, что для реализации данного значения требуется лишь минимальный контекст. В большинстве случаев в переводе глаголов, употребляемых в конкретно-фактическом значении, не обнаружена контекстуальная поддержка. Это связано с тем, что совершенные глаголы описывают единичные, завершенные события или ситуации в определенный момент в прошлом. В художественных текстах, где прошлые события представлены как последовательность действий, преобладают совершенные глаголы. Поэтому вьетнамские читатели, не имеющие контекстуальных подсказок, могут воспринимать эти действия как единичные завершенные события с конкретным результатом.

Единичными представляются случаи, когда окружают глагол СВ слова, указывающие на определенный временной отрезок в прошлом, в который случилось действие. В переводе на вьетнамский язык этих примеров используются аналогичные лексические показатели, при наличии которых конкретно-фактическое значение становится более ясным. Ср.:

Один раз, впрочем, лицо его приняло суровый вид, и он строго застучал по столу, устремив глаза на сидевших насупотив его детей.

Tuy vậy, có một lần, chàng ta lấy về mặt dũ tợn và gồ xuồng bàn mấy tiếng mạnh và ngắn, mắt nhìn chăm chăm vào các cậu học trò ngồi trước mặt.

В таких примерах речь идет о том, что в определенной ситуации произошло или завершилось какое-то действие или событие.

Слово **bỗng**, переводящееся как ‘вдруг’, указывает на неожиданное изменение в событиях

*Manilov ... готовился таким образом препроводить его в гостиную, как **вдруг** гость объявил с весьма значительным видом, что он намерен с ним поговорить об одном очень нужном деле.*

*Manilốp ... muốn đưa sang phòng khách, nhưng **bỗng** Tsitsikốp nói với giọng quan trọng rằng muốn nói chuyện về một việc cần kíp.*

В данном примере идея наступления действия, приводящего к изменению хода событий, передается с помощью слова **bỗng**. Действие «*объявить*» обозначает смену в развитии событий, которые предшествовали этому действию.

И в русском, и во вьетнамском языках конкретное фактическое значение передается с помощью глаголов СВ, которые описывают ситуации, где действия последовательно заменяют друг друга. Рассмотрим пример:

... сказал Манилов и повел в небольшую комнату, обращенную окном на синевший лес.

...Manilốp nói dứt lời rồi dẫn y vào một phòng nhỏ trông ra rừng thông xanh xanh.

В данном случае каждый из этих глаголов указывает на две границы: начало и завершение действия, то есть одно действие заканчивается, и за ним сразу следует другое.

В некоторых примерах передача главного семантического признака данного значения – ‘+ целостность’ – осуществлена переводчиком «внутренним ресурсом» – с помощью вьетнамской частицы **đã**, стоящей перед глаголом-сказуемым. Ср.:

Да еще, когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах...

*Khi **đã** vào sát khách sạn, cỗ xe đi qua mặt một người trẻ tuổi mặc quần Kanifax...*

Важно отметить, что в подобных примерах **đã** служит видо-временным указателем, который помогает привязать описанное завершенное событие ко времени, предшествующему моменту речи. Сложноподчиненное предложение со словом «когда» подчеркивает идею последовательности действия. Именно наличие слова **đã** дает читателям понять, что действие «подъехать» завершилось, за ним идет следующее действие «встретиться».

Таким образом, передача конкретно-фактического значения во вьетнамском языке может осуществляться самыми различными способами: от использования единой глагольной формы в минимальном контексте до более сложных конструкций, включающих видо-временной показатель.

Многие исследователи отмечают, что *перфектное* значение в русском языке определяется контекстом. О. П. Рассудова подчеркивает, что особенность перфектного значения заключается в том, что «совершение действия относится к «ближайшему прошлому», т. е. к прошлому, непосредственно предшествующему моменту речи, к прошлому, которое как бы сливается с настоящим» [6, с. 47]

Таким образом, это значение особенно явно проявляется в контекстах, где форма прошедшего совершенного времени сопровождается элементами, указывающими на связь прошлого с настоящим. Эти контекстуальные средства передачи перфектного значения полностью сохраняются в переводе на вьетнамский язык.

Частицы *vừa, mới, vừa mới* ‘недавно’, ‘только что’, ‘тотчас’ указывают на то, что действие произошло совсем недавно, с минимальным интервалом до момента речи. Ср.:

Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными назад руками и косыми ногами, только что сделавшими на воздухе антраша.

... hai người đang ngắm đích, tay đưa nhẹ nhàng ra đằng sau, còn chân thì dạng ra như vừa nhẩy xong bước Antrasat trong không khí.

Слово *xong* в данном примере ярко выражает идею наличной результативности.

Передача перфектного значения на вьетнамском языке осуществляется не только через контекст, но и с помощью видовых показателей, которые выражают такие семантические признаки, как ‘+ целостность’ и ‘+ наличная результативность’. Проанализируем эти показатели.

Видо-временной показатель *đã* подчеркивает, что завершенное действие занимает конкретное место на временной оси, относящееся к прошлому. В следующем примере слово *đã* используется вместе с обстоятельством времени *nay* ‘нынче’, которое явно показывает, что результат действия актуален в момент речи.

Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: «Путейный дом».

Khắp nơi nhan nhản những con đại bàng hai đầu đen sì, những vật tiêu biểu của quốc gia, nay đã được thay bằng mấy chữ vắn tắt: “Ty rươi”.

Такое сочетание делает значение двоякой временной отнесенности более ясным: действие относится к прошлому, а его результат – к настоящему.

Интересно наблюдать, что для выражения наличного результата используется слово *đang*, которое обозначает настоящее несовершенное время. В таких случаях *đang* подчеркивает перфектность, указывая на то, что результат действия виден говорящему. Например:

Бабы, казалось, были между собою в ссоре и за что-то перебранились.

Hai người trông như đang cãi nhau, xỉ mạ nhau.

Для передачи перфектного значения русского глагола во вьетнамском языке часто используются видовые показатели-послеслоги. Вот некоторые из наиболее распространенных из них.

Слово *được*, как самый распространенный видовой показатель, часто ясно выражает значение результата, особенно когда оно стоит после переходного глагола. Ср.:

В немного времени он совершенно успел очаровать их.

Chỉ một lát sau, y đã chinh phục được cả hai trang chủ.

Послеслог *hắn* добавляет дополнительный оттенок, указывая на «доведение до конца уже начатого действия». Например:

Все разговоры совершенно прекратились, как случается всегда, когда наконец предаются занятию дельному.

Tất cả mọi câu chuyện đều chấm dứt hẳn, đúng như người ta bắt tay vào một công việc quan trọng.

В своей работе «Глагол во вьетнамском языке» вьетнамский исследователь Нгуен Ким Тхан обращает особое внимание на слово *xong*. Автор подчеркивает, что *xong* используется только с глаголами действия, такими как *đọc xong* ‘закончить читать’) или *xem xong* ‘закончить смотреть’) [7, с. 145]. Ср.:

Уже встали из-за стола. Манилов был доволен чрезвычайно...

Ăn xong, Manilốp, hài lòng đến tột độ...

Таким образом, можно констатировать, что перфектное значение русского глагола во вьетнамском языке передается довольно ярко. Это достигается за счет использования зависимых элементов, которые окружают главный глагол и уточняют его лексическое и грамматическое значение.

Обычно семантический признак ‘+ целостность’ мешает глаголу СВ использоваться для описания повторяющихся действий. О. П. Рассудова отмечает, что употребление СВ для обозначения реально повторяющихся действий ограничено определенными типами контекста [6, с. 38]. Такие контексты включают зависимые элементы, которые указывают на ограниченное повторение, например: *несколько раз, два раза, дважды*. В таких случаях глагол СВ обычно выражает суммарное значение.

Как в русском, так и во вьетнамском языке для проявления суммарного значения необходимо наличие лексических показателей, обозначающих ограниченное количество актов действия. Ср.:

*После небольшого послеобеденного сна он приказал подать умыться и чрезвычайно долго тер мылом обе щеки, ... фыркнув прежде **раза два** в самое лицо трактирного слуги.*

*Sau một giấc ngủ trưa, y dậy, bảo lấy nước, rửa ráy, kỳ cọ đôi má rất lâu, ... mồm phì vào chính giữa mặt anh ta **hai lần**.*

Анна А. Зализняк установила, что «реализация этого (потенциального) значения обычно требует контекстной поддержки – т.е. дополнительного указания на обобщенный характер описываемого действия» [8, С. 18]. Более глубокий анализ контекстной поддержки показывает, что модальность в использовании глаголов СВ времени проявляется через их сочетание с особыми модальными показателями. Например:

*Собакевич тоже сказал несколько лаконически: «И ко мне прощу», — шаркнувши ногою, обутою в сапог такого исполинского размера, которому вряд ли где **можно найти** отвечающую ногу.*

*Đến lượt Xôbakiêvits thì hắn bảo y với một giọng hơi cộc lốc: “- Cũng xin mời đến chơi tôi nữa!”, vừa nói vừa giậm gót ủng xuống sàn; đôi ủng to tướng mà có lẽ ngoài hắn ra, không ai có thể **xỏ** chân vừa **được**.*

Потенциальное значение СВ, которое продемонстрировано глаголом найти в нижеприведенном контексте, выделяется по дополнительному модальному признаку: значение конкретного целостного факта, реализуемое глаголом СВ, осложняется оттенком возможности или невозможности осуществления действия. К набору ‘+ целостность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’ добавляется оттенок возможности выполнения действия.

Во вьетнамском переводе для передачи значения модальности употребляется эквивалентное русскому слову «можно» модальное слово *được*.

Анализ показал, что для передачи частных значений совершенного глагола русского языка во вьетнамском используются специализированные показатели, при этом контекст не играет ключевой роли в актуализации видовой семантики. Кроме того, особенности нарратива способствуют тому, что читатель воспринимает конкретные завершённые действия в прошлом без необходимости в дополнительных лексических и семантических подсказках.

Способы передачи содержания частных значений НСВ средствами вьетнамского языка

В семантическом содержании конкретно-процессного значения НСВ присутствуют признаки «+ процессность», «+ локализованность действия во времени» и «+ конкретность». Поэтому конкретно-процессное значение ярко выражается в предложениях, содержащих специальные показатели длительности. К ним относятся существительные, обозначающие промежутки времени: *день, ночь, неделя, месяц, год*; сочетания этих существительных с числительными: *два дня*; а также сочетания существительных со словами типа *весь, целый*. Ср.:

Одни тоненькие, которые всё увивались около дам.

Hạng gây thì suốt buổi theo tán tỉnh phải đẹp.

Во вьетнамском языке активно используются уточняющие элементы, которые располагаются непосредственно после обстоятельства длительности действия. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся из этих элементов.

Слово *hay* указывает на связь действия с моментом речи [9, с. 290], и в сочетании с обстоятельством длительности оно подчеркивает длительность еще не завершенного действия.

V его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года.

Trong buổi làm việc, chàng giữ một cuốn sách có cái chốt đánh dấu trang 14 mà chàng vẫn đọc dở từ hai năm nay.

Помимо указанных обстоятельств, часто используются и такие, которые дают лишь приблизительное представление о длительности. К этим обстоятельствам относятся слова *lâu*, *một hồi lâu*, *một lúc*, *mãi hồi lâu*, переводящиеся на русский язык как «долго».

И потом еще долго сидел в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит.

Sau đó, ngồi trong xe, у còn nghĩ mãi hồi lâu xem còn ai có thể đến thăm nữa không.

Во вьетнамском языке глагол-сказуемое, выражая конкретно-процессное значение, сопровождается словами *cứ*, *vẫn*, *còn*, которые указывают на продолжение действия. Рассмотрим наиболее типичные случаи их использования.

Уточняющее слово *cứ* («все еще») обозначает продолжающийся характер действия, тогда как слово *vẫn* («по-прежнему») указывает на непрерывное действие или сохранение прежнего состояния. В следующем примере речь идет о продолжении начавшегося в прошлом действия. Ср.:

Для пополнения картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, ..., горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рогожки.

Để cho bức tranh phong cảnh được đầy đủ, còn có một con gà trống gáy báo hiệu thời tiết thay đổi;..., nó vẫn gáy oang oang và lại còn vỗ cả đôi cánh tả tơi như chiếu rách nữa.

Нгуен Ким Тхан также подчеркивает, что показатель *vẫn* может указывать на то, что действие продолжалось дольше, чем естественно или желательно для говорящего [7, с. 78].

Кроме того, носители вьетнамского языка часто ставят перед глаголом слова *còn* и *vẫn còn*, которые переводятся как «еще» и «все еще». Эти слова ясно выражают продолжительность действия и подчеркивают его одновременность с моментом речи или другим временным ориентиром [9, с. 234]. Например:

Когда половой все еще разбирал по складам записку, сам Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город.

Gã người hầu vẫn còn chưa đọc xong mảnh giấy thì Paven Ivannôvits Tsitsikôp đã thân hành đi thăm thành phố.

Бу Тхе Тхач акцентирует внимание на случаях, когда вместо повтора глагольной формы в переводе используется слово *mãi*, которое выражает значение интенсивного продолжения. [10, с. 211].

Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

Chúng tôi vẫn ra phố từng đợt ngắn để giao du với những người lịch sự. Cứ sống mãi giữa bốn bức tường rồi ra thành ngu độn.

В этом случае глагол сопровождают два уточняющих элемента значения процессности – *cứ* и *mãi*, что усиливает оттенок продолжения начатого действия.

Значение текущего процесса может быть передано во вьетнамском языке с помощью добавления к глаголу слова *đang*. Ср.:

- *Прощайте, миленькие малютки!* — сказал Чичиков, увидевши Алкида и Фемистоклюса, которые занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже не было ни руки, ни носа.

- *Tạm biệt, các bạn nhỏ! Tsitsikóp nói khi trông thấy Ankit và Thêmixtôklux **đang chơi** với một người lính khinh kỵ bằng gỗ, đã sút mũi và gãy tay.*

Таким образом, наряду с лексическим значением глагола, временными обстоятельствами и наречиями слова *cứ, vẫn, còn, đang, mãi* употребляются для выражения значения процессности русского глагола во вьетнамском языке.

Глагол НСВ выражает *общефактическое* значение, констатируя лишь факт действия в прошлом [11, с. 28]. В анализируемом материале используются для реализации этого значения сочетания предикатов с обстоятельствами вроде *однажды, когда-то, в старину* и другими указателями на неопределенность времени. Е.В. Падучева отмечает, что для глагола в общефактическом значении подходит только показатель объемлющего времени, который охватывает широкий временной интервал и сохраняет неопределенность времени завершения [12, с. 41]. В вьетнамском языке такие обстоятельства, указывающие на то, что действие произошло до момента речи, передаются полностью. Ср.:

Оба приятеля, рассуждавшие о приятностях дружеской жизни, остались недвижимы, впяля друг в друга глаза, как те портреты, которые вешались в старину один против другого по обеим сторонам зеркала.

*Đôi bạn vừa mới biện luận rất hay về những lạc thú của tình bằng hữu, đều im như phỗng, mắt nhìn mắt, như hai bức chân dung mà **ngày trước** người ta treo đối xứng nhau hai bên tấm gương trên lò sưởi.*

В переводной версии анализируемых фрагментов для выражения общефактического значения используется слово *đã*, которое, будучи чисто временным показателем, полностью относит действие к прошлому времени. Рассмотрим пример.

Никогда он не говорил: ... но: ... «я имел честь покрыть вашу двойку».

*Y không nói: .. Mà nói ... “- Chúng tôi **đã được** hân hạnh dập con hai của ngài”.*

В вышеприведенном примере внимание уделяется лишь самому наличию действия «иметь честь». Речь не идет о результате или процессе осуществления этого действия.

Общефактическое значение русского НСВ хорошо передается во вьетнамском языке с помощью слов *có, đã từng, từng, được*, которые указывают на то, что действие действительно имело место. В своей работе «Глагол во вьетнамском языке» Нгуен Ким Тхан подробно описывает использование этих слов.

Согласно его наблюдениям, во вьетнамском языке часто для обозначения действия в прошлом используется показатель *có*, который стоит перед глаголом и указывает на факт наличия действия [9, с. 471].

О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его.

Dù có luận đàm vấn đề gì, y cũng biết làm cho câu chuyện hào hứng.

Слово *từng* может использоваться как самостоятельно, так и в сочетании с временным показателем *đã*, чтобы указать на действие, произошедшее в прошлом и отделенное от момента речи значительным промежутком времени. Ср.:

Право, не знаю, — произнесла хозяйка с расстановкой. — Ведь я мертвых никогда еще не продавала.

*Nói thật, ông ạ, tôi chưa **từng bán** người chết bao giờ.*

Итак, выражение общефактического значения поддерживается контекстуально через обстоятельства, которые указывают на неопределенность. Во вьетнамском

языке факт действия без учета его конкретного характера передается с помощью вспомогательных элементов *có, đã từng, từng, được*.

А. В. Бондарко отмечает, что *неограниченно-кратное* значение проявляется в самых широких, обычных и регулярно повторяющихся контекстах [11, с. 32]. Петрухина также указывает, что это значение реализуется, когда глагольная форма НСВ описывает открытый ряд повторений однотипных действий [13, с. 66]. На основе наших наблюдений можно выделить в рассмотренном материале специализированные контекстуальные средства, которые помогают выразить семантические признаки «– локализованность действия во времени» и «+ повторяемость».

К ним относятся языковые единицы, содержащие указание на повторяемость. К ним относятся наречия времени, такие как: *thường xuyên, luôn luôn* ('постоянно'), *lúc nào cũng, mãi* ('всегда'), *thường* ('часто'), *đôi khi, có đôi lúc* ('иногда'), *ít, hiếm khi, hơ hỏn* ('редко'), *liên tiếp / cứ chốc chốc* ('поминутно). Например:

Он **всегда** так поспешно выдвигался и задвигался в ту же минуту хозяином, что наверно нельзя сказать, сколько было там денег.

Ngắn ấy y **lúc nào cũng mở ra** và **đóng lại** nhanh như chớp, đến nỗi không ai tài nào mà biết được nó chứa đựng là bao nhiêu tiền.

В приведенных примерах речь идет о ситуации, в которой действие повторяется множество раз, без ограничения количества повторений.

Помимо упомянутых наречий, часто используются обстоятельства, обозначающие цикличность, такие как *mỗi lần* ('каждый раз, всякий раз'), *hàng năm* ('каждый год, ежегодно').

Предположения, сметы и соображения, блуждавшие по лицу его, видно, были очень приятны, ибо **ежеминутно** оставляли после себя следы довольной усмешки.

Kế hoạch tính toán, mưu mẹo phản ánh trên mặt y, đều phải là khá dễ chịu; điều ấy có thể đoán thấy ở nụ cười mà chúng **luôn luôn nở** trên môi y.

В переводных вариантах, когда выражается неограниченно-кратное значение НСВ, часто используются уточняющие элементы *mãi, cũng, lại, vẫn, cứ, mới*, которые переводятся как «еще» или «все еще». Нгуен Ким Тхан и Нгуен Тай Кан считают эти слова служебными элементами, уточняющими лексическое и грамматическое значение глагола [14, с. 85].

На наш взгляд, эти слова являются не самостоятельными указателями на неограниченно-кратное значение, а скорее усилителями лексического значения временных обстоятельств. Это подтверждается тем, что они употребляются с глаголом НСВ в неограниченно-кратном значении только в присутствии временных детерминаторов.

Существует определенная закономерность в сочетании временных детерминантов с этими словами. Показатели регулярной повторяемости, такие как *luôn, mãi mãi* «постоянно», «всегда», *chốc chốc* «поминутно», *hàng ngày* «каждый день» и *hàng đêm* «каждую ночь», чаще всего используются в сочетании со словами *vẫn, cứ, mãi*, которые в этих случаях подчеркивают идею повторяемости. Например:

- Вы **всегда** в деревне проводите время? – сделал наконец, в свою очередь, вопрос Чичиков.

- Các bác **vẫn ở mãi** nông thôn thế này à? Đến lượt Tsitsikóp hỏi.

Наречия *thỉnh thoảng, đôi khi* 'иногда', *chốc chốc* 'часто' и обстоятельство цикличности *mỗi lần* 'всякий раз', 'каждый раз' допускают только сочетание со словом *lại*.

Был большой добряк и даже сам вышивал **иногда** по тюлю.

Nhưng vốn ngài là một người hiền từ, **đôi khi lại** còn thích tự tay thêu thùa lên vải tuyn nữa kia.

Обстоятельство времени *редко* сочетается только со словом *mới*, выступая в качестве контекстуального средства выражения неограниченного повторения действия.

Даже сам Собакевич, который *редко отзывался* о ком-нибудь с хорошей стороны, приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле художавой жены своей, сказал ей...

Cả đến Xóbackiévits, thường hoa hoãn mới nói tốt cho ai, sau khi ở tỉnh về, đêm đã khuya, đặt mình nằm cạnh vợ gày đét, cũng nói...

Таким образом, во вьетнамском языке существуют определенные устойчивые конструкции, которые служат контекстуальными средствами для выражения повторяемости, такие как *bao giờ cũng*, *hoà hoãn mới* и *cứ mỗi lần lại*. При этом слова могут занимать свободную позицию в предложении, располагаясь как непосредственно после временных обстоятельств, так и перед глаголом-предикатом.

Значение *постоянного отношения* опирается на обычность названного глаголом действия. Согласно нашему наблюдению, это значение чаще реализуется у глаголов типа *зависеть*, *принадлежать*, *находиться*, *иметь*. Помимо лексического значения самого глагола, окружающий контекст, указывающий на элемент генерализации и обобщения, также способствует экспликации постоянного отношения.

В переводе на вьетнамский язык переводчик выбирает различные способы отражения значения постоянного отношения. То ли он дословно передает конструкцию обобщения и генерализации, то ли он добавляет к глагольному предикату усилительное слово типа «*vẫn*», указывающее на постоянность состояния или действия. Рассмотрим некоторые примеры.

Впрочем, бывают разные усовершенствования и изменения в методах, особенно в нынешнее время; все это более *зависит* от благоразумия и способностей самих содержательниц пансиона.

Đối với các phương pháp giáo dục ấy, cũng có vài sự cải tiến, nhất là trong thời nay; tất cả đều nhờ vào lịch duyệt và khả năng của các bà giáo, chủ nhân các học hiệu có ký túc xá.

Чичиков заметил, что это, точно, случается и что в натуре *находится* много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума.

Tsitsikóp không phản đối: theo y thì trong thiên nhiên có lắm cái mà những bộ óc lớn nhất cũng không thể nghĩ được.

Кроме страсти к чтению, он *имел* еще два обыкновения, составлявшие две другие его характерические черты.

Ngoài cái thói đọc sách cuồng nhiệt ấy ra, hẳn còn hai thói quen đặc biệt nữa.

В следующем примере для передачи значения постоянного отношения, отражаемого глаголом *иметь*, переводчик употреблял слово *vẫn*. Ср.:

... не нашедши ничего, протер глаза, свернул опрятно и положил в свой ларчик, куда *имел* обыкновение складывать все, что ни попадалось.

... khách mới dụi mắt, gấp tờ giấy lại, đút vào túi con là nơi y *vẫn* cất tất cả mọi thứ nhặt được.

Идея обобщения в следующем примере, выраженная фразой *по обычаю людей своего звания*, дословно передается в переводе. Ср.:

Это займет, впрочем, не много времени и места, потому что не много нужно прибавить к тому, что уже читатель знает, то есть что Петрушка ходил в несколько широком коричневом сюртуке с барского плеча и *имел, по обычаю людей своего звания*, крупный нос и губы.

Và lại, việc này cũng chẳng đòi hỏi mấy thì giờ và giấy mực; vì ngoài các chi tiết mà bạn đọc đã được biết rồi thì chỉ cần thêm rằng Pêtruska mặc một cái áo lễ dài, cũ của chủ, màu vỏ quế, hơi rộng và hẳn ta có đôi môi và cái mũi dày dặn như đa số những người cùng thân phận như hắn.

Таким образом, имеется значительное количество средств, поддерживающих реализацию значения постоянного отношения — от обстоятельственных слов до самого лексического значения глагола.

Анализ способов выражения частных значений несовершенного вида показал, что существует широкий набор лексических средств для передачи процессности, повторяемости, постоянного состояния и констатации факта действия в прошлом. Кроме того, переводчик применил множество специализированных частиц, усиливающих видовые значения несовершенного вида. Следует отметить, что наличие маркеров НСВ не является обязательным. Эти маркеры встречаются только в немногих случаях (97 из 427 единиц НСВ). Слабая степень обязательности этих видовых показателей объясняется доступностью во всех случаях контекстуальных средств, поддерживающих значения НСВ.

Итак, мы рассмотрели основные случаи употребления СВ и НСВ и способы отображения этих значений русского глагола во вьетнамском языке. Результаты анализа можно представить в следующей таблице.

Таблица

**Средства передачи видовых семантических компонентов
русского глагола во вьетнамском языке**

Table

Means of expressing aspectual semantic components of the Russian verb in Vietnamese

Частные видовые значения	Средства выражения частных видовых значений в русском языке	Средства передачи видовых значений русского глагола во вьетнамском языке
Конкретно-фактическое значение СВ (‘+ целостность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’)	<i>(вчера/</i>	<i>(hôm qua một lần/</i>
Перфектное значение СВ (‘+ целостность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’, ‘+ наличная результативность’)	<i>(сейчас теперь) +</i> маркированная форма глагола СВ	<i>(vừa/</i>
Суммарное значение СВ (‘+ целостность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’)	<i>(два раза/</i>	<i>hai lần/</i>
Потенциальное значение СВ ‘+ целостность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’	(модальное слово)+ немаркированная форма СВ	<i>(sẽ) + немаркированная форма глагола + (được)</i>

Конкретно-процессное значение НСВ (‘+ процессность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’)	(<i>три дня/ недели/ месяц / года / долго</i>) + маркированная форма глагола НСВ	(<i>ba năm/ đã ba năm/ suốt ba năm/ ba năm dài/ròng/liền/ trời</i>) + (<i>đã/ đang/ sẽ</i>) + (<i>cứ/ vẫn/ còn</i>) + немаркированная глагольная форма
Общефактическое значение НСВ (‘– процессность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘– конкретность’)	(<i>в старину/</i>	(<i>thời xưa/</i>
Неограниченно-кратное значение НСВ (‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’)	(<i>часто/ редко/ каждый день/ каждый раз</i>) + маркированная глагольная форма НСВ	(<i>thường/ hiếm khi/ hàng ngày/ mỗi lần/</i>) + (<i>đã/ đang/ sẽ</i>) + (<i>mãi/ cứ/ vẫn/ cũng/ lại/ mới</i>) + немаркированная глагольная форма
Значение постоянного отношения НСВ (‘± локализованность действия во времени’, ‘± длительность’)	маркированная форма глаголов	(<i>vẫn</i>) + немаркированная глагольная форма

Заключение

Анализ фрагментов, извлеченных из первых трех глав поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», и их переводной версии, позволил представить основной репертуар средств репрезентации частных видовых значений русского глагола во вьетнамском языке и выявить некоторые закономерности их использования. Установлено, что маркеры НСВ имеют тенденцию к специализации (каждое из частных значений НСВ выражается отдельным набором видовых показателей), в то время как показатели СВ такого жесткого распределения не обнаруживают.

Проведенный анализ материала показал, что вьетнамский язык передает видовые значения русского глагола по-разному: некоторые значения выражаются только с помощью глаголов, без контекстуальной поддержки, или с использованием специализированных показателей, в то время как другие значения требуют сочетания этих показателей с множеством контекстуальных средств, указывающих на характер протекания действия (целостность, результативность, процессность, продолжительность, многократность и т.д.).

При выражении значений СВ во вьетнамском языке обычно употребляются глаголы с специализированными показателями. Доминирующую роль в реализации различных частных значений СВ играет сама глагольная форма, в состав которой входят немаркированный глагол, выражающий лексическое значение, и показатель, уточняющий грамматическое значение глагола. Контекст в подобных случаях играет не очень существенную роль. И наоборот: для передачи частных значений НСВ используется богатый репертуар контекстуальных средств. Вьетнамские частицы, подчеркивающие видовые значения НСВ, играют в таких случаях не самую важную роль, ведь за актуализацию видовой семантики берут ответственность элементы контекста.

Следует подчеркнуть, что выявленные показатели, окружая глагол и конкретизируя его лексико-грамматическое значение, во всей их совокупности обеспечивают формальное выражение видовых значений и функционируют не только по отношению к прошедшему времени, как показано выше, но и к остальным временным планам.

Типологическая принадлежность вьетнамского языка, особенности его лексического строя определяют и специфику функционирования лексических и грамматических средств передачи видовых значений. Основными особенностями вьетнамского вида и связанного с ним времени, отличающими их от соответствующих русских категорий, являются слабая, доведенная до нуля степень обязательности специализированных показателей, и особая роль контекста в выражении видовых характеристик.

Л и т е р а т у р а

1. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980;1:783.
2. Буй Т.Х. Видовая семантика в ономаσιологическом освещении: Семантическое содержание частных видовых значений русского глагола// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 43–45.
3. Шелякин М.А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 227 с.
4. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Восточная литература РАН, 1995. 354 с.
5. Ташлыкova М.Б. Буй Т.Х. Способы репрезентации частных видовых значений русского глагола во вьетнамском языке// Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С.203-213.
6. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982. 149 с.
7. Nguyễn KT. *Động từ trong tiếng Việt*. Hanoi: KHXH; 1977:277 (на вьет.яз.).
8. Зализняк А.А. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.
9. Văn Tân. *Từ điển tiếng Việt*. Hanoi: KHXH; 1967:1172 (на вьет.яз.).
10. Vũ TT. Nghĩa của những từ như “ra – vào, lên – xuống” trong các tổ hợp kiểu đi vào; đẹp lên. Т/с Ngôn ngữ. Hanoi: Viện hàn lâm khoa học xã hội Việt Nam; 1978;(3):56-71 (на вьет.яз.).
11. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола: Значение и употребление: учеб. пособие для студентов. М.: Просвещение, 1971. 240 с.
12. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
13. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М.: МАКС Пресс, 2009. 208 с.
14. Nguyễn TC. *Ngữ pháp tiếng Việt (Tiếng – từ ghép – đoạn ngữ): in lần thứ 3*. Hanoi: Nxb ĐHQGHN; 1996:388 (на вьет.яз.).

R e f e r e n c e s

1. Shvedova NYu. *Russian grammar*: in 2 volumes. Moscow: Nauka; 1980;1:783 (in Russian).
2. Bui TH. Aspectual semantics in the light of onomasiology: semantic content of special aspectual meanings of Russian verb. *Philological sciences. Theoretical and practical issues*. Tambov: Publishing House “Gramota”; 2014;37(7):43-45 (in Russian).
3. Shelyakin MA. *Category of aspectuality of the Russian verb*. Moscow: Publishing House LKI; 2008:227 (in Russian).
4. Solntsev VM. *Introduction to the theory of isolating languages*. Moscow: Publishing house “Vostochnaya literatura” of the RAS; 1995:354 (in Russian).
5. Tashlykova MB, Bui Ha Thu. Means of representing particular aspectual meanings of Russian verbs in the Vietnamese language. *Siberian Philological Journal*. 2014;4:203-213 (in).

6. Rassudova OP. Aspectual usage in modern Russian. Moscow: Publishing House “Russky yazyk”; 1982:149 (in Russian).
7. Nguyen KT. *Verbs in Vietnamese*. Hanoi: Social Sciences Publishing House; 1977:277 (in Vietnamese).
8. Zaliznyak AA. *Introduction to Russian aspectology*. Moscow: Languages of Russian culture; 2000:226 (in Russian).
9. Van T. *Vietnamese Dictionary*. Hanoi: Social Sciences Publishing House; 1967:1172 (in Vietnamese).
10. Vu TT. Meaning of words like “out – in, up – down” in the combinations of the type “come in”; “become prettier”. *Language*. Hanoi: Vietnamese Academy of Social Sciences; 1978;(3):56-71 (in Vietnamese).
11. Bondarko AV. *Aspect and tense of the Russian verb: meaning and use*. Textbook for students. Moscow: Prosveshchenie; 1971:240 (in Russian).
12. Paducheva EV. *Semantic studies: Semantics of time and aspect in Russian language. Narrative semantics*. Moscow: Publishing House “Languages of Russian Culture”; 1996:464 (in Russian).
13. Petrukhina EV. The Russian verb: categories of aspect and tense (in the context of modern linguistic research). Moscow: MAKSS Press; 2009:208 (in Russian).
14. Nguyen TC. *Vietnamese Grammar (Sounds – Compound Words – Phrases)*: the 3rd edition. Hanoi: “Vietnam National University” Publ.; 1996:388 (in Vietnamese).

Сведения об авторах

НГУЕН Хыу Тьинь – к. филол. н., доцент, Институт иностранных языков при Ханойском государственном университете, Ханой, Вьетнам, e-mail: nhuuchinh47@yahoo.com

НГУЕН Суан Хоа – к. филол. н., доцент, Ханойский университет, Ханой, Вьетнам, e-mail: xuanhoavn@gmail.com

НГУЕН Нгок Тьинь — кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных языков при Данангском университете, Дананг, Вьетнам, e-mail: ngocchinh183@gmail.com

ФАМ Зыонг Хонг Нгок – к. пед. н., Институт иностранных языков при Ханойском государственном университете, Ханой, Вьетнам, e-mail: ngocpdh@vnu.edu.vn

About the authors

Huu Chinh NGUYEN – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, VNU University of Languages and International Studies, Hanoi, Vietnam, e-mail: nhuuchinh47@yahoo.com

Xuan Hoa NGUYEN – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Hanoi University, Hanoi, Vietnam, e-mail: xuanhoavn@gmail.com

Ngoc Chinh NGUYEN – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, University of Foreign Language Studies - The University of Danang, Danang, Vietnam, e-mail: ngocchinh183@gmail.com

Zyong Hong Ngoc PHAM – Cand. Sci. (Pedagogy), VNU University of Languages and International Studies, Hanoi, Vietnam, e-mail: ngocpdh@vnu.edu.vn

Вклад авторов

Нгуен Хыу Тьинь — разработка концепции, проведение исследования, администрирование данных, редактирование рукописи, руководство исследованием, администрирование проекта

Нгуен Суан Хоа — методология, проведение статистического анализа, проведение исследования, создание черновика рукописи

Нгуен Нгок Тьинь — проведение статистического анализа, проведение исследования, создание черновика рукописи

ФАМ Зыонг Хонг Нгок – создание черновика рукописи, получение финансирования

Authors' contribution

Huu Chinh Nguyen – conceptualization, investigation, data curation, writing – review & editing, supervision, project administration

Xuan Hoa Nguyen – methodology, formal analysis, investigation, writing - original draft

Ngoc Chinh Nguyen – formal analysis, investigation, writing - original draft

Zyong Hong Ngoc Pham – writing - original draft, funding acquisition

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 08.06.25

Принята к публикации / Accepted 25.06.25

УДК 81'373.21(571.56)

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-148-160>

Оригинальная научная статья

Лексико-семантические и структурно-грамматические характеристики эргонимов г. Якутска

Л. Н. Самсонова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск,

Российская Федерация

✉ samsonova_flf@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты анализа эргонимов г. Якутска. Объектом исследования являются коммерческие наименования продуктовых магазинов и мест общественного питания (рестораны, бары и банкетные залы). Интерес к данной теме объясняется тем, что эргонимия г. Якутска сейчас динамично развивается, меняется, появляются новые способы привлечения внимания потенциальных клиентов и потребителей услуг. В связи с этим открываются перспективы дальнейшего изучения эргонимов. Изучение эргонимов является важным направлением исследования региональной специфики городской речи. Языковой облик Якутска многогранен и разнообразен. Он включает в себя многочисленные эргонимы, которым требуется комплексное лингвистическое исследование. Научная новизна заключается в описании и комплексном изучении эргонимов г. Якутска, которые на данный момент мало изучены. Ранее такой анализ эргонимов Якутска с систематизацией и учетом ранее проведенных исследований не проводился. Этим объясняется актуальность исследования. Цель исследования состоит в выявлении основных характеристик эргонимов, описании новых способов воздействия их на потенциальных клиентов и определении особенностей функционирования эргонимов в языковом ландшафте г. Якутска. Мы рассмотрели эргонимы города с разных позиций: составили мотивационную классификацию эргонимов, рассмотрели эргонимы с точки зрения структуры и соотносительности с другими языками, определили группы заимствованных эргонимов и способы привлечения внимания потенциальных потребителей товаров и услуг. В статье анализируется сплошная выборка эргонимов с сайта информационной системы «2 ГИС», интернет-портала «Ykt.ru», из материалов информационного агентства ООО «Желтые страницы, 1997–2025» и личных наблюдений. Практическая ценность исследования заключается в том, что предложенная в статье методика анализа региональных эргонимов может быть применена для изучения коммерческих наименований других регионов. Кроме того, перспективой дальнейшего научного исследования может быть сопоставительный аспект эргонимов разных городов России для поиска причин сходства и различия данных систем. Методика исследования строится на выявлении, описании, подсчете и лингвистическом анализе эргонимов г. Якутска.

Ключевые слова: эргоним, эргонимия, языковой ландшафт, номинатор, мотивация названий, структура, соотносительность с другими языками, заимствование, привлечение внимания, городская речь, коммерческие наименования

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Самсонова Л. Н. Лексико-семантические и структурно-грамматические характеристики эргонимов г. Якутска. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 148–160. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-148-160

Original article

Lexical-semantic and structural-grammatical characteristics of ergonyms in Yakutsk

Larisa N. Samsonova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ samsonova_flf@mail.ru

Abstract

The article presents the results of an analysis of ergonyms in Yakutsk. The study focuses on commercial names of grocery stores and food service establishments (restaurants, bars and banquet halls). This topic is of interest due to the dynamic development and evolution of ergonyms in Yakutsk, with the emergence of new strategies for attracting potential customers and service users. This opens avenues for further investigation of ergonyms, as their study constitutes an important direction in understanding the regional specificity of urban speech. The linguistic landscape of Yakutsk is multifaceted and diverse, encompassing numerous ergonyms that warrant comprehensive linguistic study. The scientific novelty of this research lies in the description and integrated study of ergonyms in Yakutsk, an area that remains under-explored. A systematic analysis of Yakutsk ergonyms, incorporating previous research, has not been conducted previously, underscoring the relevance of this study. The aim of this research is to identify the main characteristics of ergonyms, new methods of influencing potential customers, and specific features of ergonym functioning within the linguistic landscape of Yakutsk. We examined city ergonyms from various perspectives, constructing a motivational classification of ergonyms, analyzing ergonyms, and determining strategies for attracting potential consumers of goods and services. The article analyzes a continuous sample of ergonyms from the information system website “2GIS”, the Internet portal “Ykt.ru”, materials from the information agency LLC “Yellow Pages, 1997-2025” and personal observations. The practical value of this study lies in the fact that the methodology proposed in the article for analyzing regional ergonyms can be applied to the study of commercial names in other regions. Furthermore, a comparative aspect of ergonyms in different cities of Russia could be the direction of further research, in order to find the reasons for the similarities and differences in these systems. The research methodology is based on the identification, description, enumeration, and linguistic analysis of ergonyms in the town of Yakutsk.

Keywords: ergonym, ergonymy, linguistic landscape, nominator, motivation of names, structure, correlation with other languages, borrowing, attracting attention, urban speech, commercial names

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Samsonova L. N. Lexical-semantic and structural-grammatical characteristics of ergonyms in Yakutsk. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 148–160. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-148-160

Введение

Все, что окружает нас, имеет название. И все, что мы знаем, находит отражение в языке. Окружающий мир мы по праву можем назвать миром названий и имен. Все реальные и даже нереальные объекты имеют свои наименования. Их появление, связь с народом, изменения всегда интересовали филологов. Ученых интересует вопрос влияния коммерческой номинации на сознание потенциального

потребителя товаров или услуг. Они отмечают постоянные инновационные изменения в этой области.

Эргонимия стала объектом изучения языкознания сравнительно недавно. Впервые целостное описание лингвистического облика современного города было сделано О. Б. Сиротининой в работе «Языковой облик города Саратова» [1].

В 1978 г. выходит первое издание «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, в котором впервые дано определение термина «эргоним». В своем исследовании мы придерживаемся трактовки термина «эргоним», которому в этом словаре дается следующее определение: эргоним – это «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2, с. 167].

Научные исследования, посвященные этой теме, связаны с работами таких ученых, как А. Э. Гуртнов (1972), А. В. Беспалова (1984), В. А. Коршунков и Т. Н. Николаева (1997), В. Д. Бондалетов (1983), А. В. Суперанская (1988), И. В. Крюкова (2004), А. М. Емельянова (2007 и др. Ученые-лингвисты отмечают, что в номинативных процессах постоянно наблюдаются инновационные тенденции. Изучение эргонимической лексики происходит в разных направлениях: с точки зрения структурно-семантического подхода, в коммуникативно-прагматическом аспекте, в рамках культурологического анализа.

В отечественной лингвистике появилось много работ, в которых анализируются эргонимы разных городов как составной части культуры, как сложного лингвистического, лингвокультурного и лингвосоциального явления, изучаемого в разных аспектах: Уфы (А. М. Емельянова, 2007), Казани (Р. М. Амирова, 2011), Астрахани (Ю. А. Васильева, 2017), Владивостока (М. Ю. Криницкая, 2018), Екатеринбурга (А. Д. Савенков, 2020) и др.

Изучение эргонимов актуально и для исследования в области лингвокультурологии. Эргонимы выполняют не только номинативную функцию, но и содержат самую разнообразную информацию о языке, об истории и обычаях этноса, о географии и природе местности. Эргонимы – это зеркало нашей экономики и образа жизни.

Эргонимы города Якутска были исследованы частично в работах А. В. Осиной [3], А. П. Олесовой [4].

Все исследователи, описывающие языковой облик города, замечают, что различия в речи горожан прежде всего наблюдаются в лексике.

Основная функция эргонима – привлечение внимания потенциального потребителя и содействие продвижению товара или услуги, что возможно с помощью двух его функций – информативной и рекламной. А. М. Емельянова полагает, что это не все функции эргонимов, и добавляет номинативно-выделительную, мемориальную, эстетическую и функцию охраны собственности. При этом считает, что основные функции эргонима – информационная и воздействующая (рекламная). Эффективность эргонима зависит от степени его соответствия картине мира и ценностных ориентиров потенциального покупателя [5].

И. Т. Вепрева считает, что «при разнообразии выделяемых исследователями у эргонимов функций (номинативной, информативной, прагматической) на первый план выходит их прагматическое наполнение» [6, с. 169].

Удачный эргоним обеспечивает коммерческий успех, если он будет оригинальным, хорошо запоминающимся, благозвучным и ассоциативным.

Материалом исследования являются эргонимы продуктовых магазинов и мест общественного питания г. Якутска (ресторанов, баров и банкетных залов). Картотека составлена с помощью информационной системы «2 ГИС», интернет-портала «Ykt.ru», информационного агентства ООО «Желтые страницы, 1997–2025»

и на основе личных наблюдений. Всего проанализировано 928 наименований: 775 названий продуктовых магазинов и 153 наименования ресторанов, баров и банкетных залов г. Якутска.

Социально-экономические преобразования в Якутии и в России в целом в конце прошлого и начале нынешнего столетий породили большое количество предприятий разного функционального профиля, которым были необходимы названия (эргонимы). Эргонимы – это названия предприятий различного профиля: кафе, аптек, ресторанов, магазинов города и т. д.

В советское время эргонимы были однотипными, но при этом точно отражали суть: «Бакалея», «Продовольственный магазин», «Молоко». «Продовольственных магазинов в 1970–1980 гг. <...> было около шестидесяти. Только незначительная часть из них обозначалась именами собственными: «Туймаада», «Якутск», «Сардана», «Юность». За небольшим исключением («Овощи», «Молоко») отсутствовали специализированные магазины. <...> Обычно на вывесках магазинов значился номер (8-й, 9-й и т. д.)» [7, с. 13]. Сейчас на Интернет-сайте «Магазины продуктов, Якутск – 2 ГИС» их уже 775. При этом большая часть из них имеет свое собственное наименование.

С появлением конкуренции многие предприниматели начали подбирать для своих предприятий названия, привлекающие внимание. Они старались подобрать названия, не похожие на другие, легко запоминающиеся и являющиеся рекламой предприятия. Появились броские, яркие и зазывные названия. Н. В. Шимкевич замечает, что «новые приемы привлечения клиента являются залогом выживания на рынке, и названия предприятий играют здесь далеко не последнюю роль» [8, с. 3].

Однако и сегодня имеются продуктовые магазины г. Якутска, которые сохранили советские названия: «Магазин № 7», «Бакалея», «Магазин № 32», «Продовольственный магазин», «Продуктовый магазин». Мы не встретили такие названия среди наименований ресторанов, баров и банкетных залов.

Многие наименования г. Якутска уже поменялись несколько раз. Эргонимы Якутска находятся в состоянии динамики и обновления, возникая под влиянием экономических и политических факторов. Названия являются отражением своей эпохи и изменениями языковой моды. Например, на ул. Ярославского г. Якутска сейчас находится ресторан грузинской кухни «Хачапури». В 1980-х гг. здесь было популярное среди горожан молодежное кафе «Катюша». С развалом СССР это здание пустовало. С начала нулевых кафе заработало снова с одним из первых в городе фастфуд-меню и стало называться «Манхэттен». Позже название сменилось на гриль-бар «Chicago». Кафе переименовывалось несколько раз.

Эргонимы составляют стремительно растущий пласт лексики в системе ономастики. Появление новых наименований в языковом ландшафте г. Якутска и уход старых связано с социально-политическими и социально-культурными изменениями [9].

Номинаторы, чтобы не повторять имеющиеся названия, прибегают к разным способам названий своих магазинов, ресторанов, баров и банкетных залов. Например, магазины: «Император 2», «Дюм Дюм +», «Квартал 16», «Магазинчик», «ПегаС», «О-ГОРОД»; рестораны, бары и банкетные залы: «Мировой», «Number one», «ФаСоль», «РекаОзероЛес».

Мотивация эргонимов г. Якутска

Мотивацией названий магазинов и заведений общественного питания может быть имя владельца, которому принадлежит это заведение: название магазина «Емеян» содержит элементы фамилии и имени его владельца Емельянова Яна Владимировича, ресторан «Суши Артёма Петрова», ресторан национальной кухни «Усадьба Атласовых»; магазины: «У Виктора», «У Саныча», «У тети Вики», «Карих».

В качестве названий могут использоваться благозвучные имена людей, чаще всего женские, реже – мужские: банкетный зал «София»; магазины: «Алёнка», «Айгуль», «Устенька», «Аким». Существует мода на мужские и женские имена, по этой причине для создания положительного восприятия эргонимов номинаторы используют в названиях магазинов, ресторанов, баров и банкетных залов популярные и привлекательные для своего времени женские и мужские имена: мини-маркет «Маруся», магазин овощей и фруктов «Алёшка», продовольственный магазин «Алёна», продуктовый магазин «Светлана».

Также мотивацией названий магазинов и заведений общественного питания может быть местоположение заведения: ресторан «Чочур Муран» находится у подножья одноименной горы, магазин «Теплое озеро» – около одноименного озера, магазин «Сэргэлээх» находится на Сергеляхском шоссе, магазин «16 квартал» находится в 16 квартале, бар-ресторан «Крыша» (находится на крыше каменного здания).

Однако иногда даже такие эргонимы, которые содержат, например, информацию о местонахождении объекта, могут быть непонятны потребителям: магазины: «У сухого дерева» (на территории магазина находится высокое сухое дерево), «Моя остановка», «У мосточка», «Во дворе».

Мотивация местонахождения магазина или заведения общественного питания реализуется с помощью слов с локативной семантикой. Например, «Продукты на Чиряева» (ул. Чиряева), «Продукты на Пионерской» (ул. Пионерская).

Мотивацией названий магазинов и заведений общественного питания могут быть и предлагаемые товары и услуги: магазины: «Хлебный», магазин готовых мясных продуктов «Мир колбас», магазин «Местный продукт»; рестораны, бары и банкетные залы: «Вино и мидии», «Сити бургер», «Суши Дом», «Хинкали».

Мотивация названий магазинов и заведений общественного питания может быть символической, т. е. связь между названием объекта и товаром или предлагаемыми услугами может быть ассоциативной. Эти лексические единицы созданы искусственно, их внутренняя форма позволяет судить о специфике магазина или заведений общественного питания: магазин по продаже пива и других разливных напитков «Темное светлое», магазин овощей и фруктов «Витаминчик», кондитерский магазин «Сладкий мир», ресторан морских деликатесов «Robinson Crusoe». Символическое значение может проявляться с использованием числовых компонентов. Например, названия мини-маркета «777+» и магазина «555» символизируют успех, удачу.

Главная функция наименований символического типа – привлечение внимания. Такие эргонимы отличаются экспрессией новизны и необычности.

Немотивированных названий среди эргонимов г. Якутска меньше, чем мотивированных.

Соотнесенность эргонимов г. Якутска с другими языками

С точки зрения соотнесенности с другими языками эргонимы Якутска можно разделить на четыре группы: русскоязычные, заимствованные из якутского языка, иноязычные и гибридные.

Большая часть эргонимов – русскоязычные. Это слова исконно русские или давно заимствованные, освоенные русским языком и написанные на кириллице. Они часто бывают легко произносимыми и понятными, такие эргонимы легко запоминаются и имеют широкое употребление. Это обычно общеупотребительные слова и словосочетания, понятные всем: ресторан «Старый город», винный бар «Пара бокалов»; магазины: «Ёлочка», «Радуга», «Семейный», «Северянка».

Языковая ситуация Якутска полилингвальная. В Республике Саха (Якутия) два государственных языка – русский и якутский, есть и официальные языки – это

языки малочисленных народов Севера: эвенский, эвенкийский, юкагирский, долганский, чукотский. Такая полилингвальная языковая ситуация отражается на эргонимической системе Якутска и республики в целом, наиболее ярко она проявляется в названиях магазинов и объектов сферы питания.

Эргонимы содержат информацию о культуре и истории народа, о его жизнедеятельности и общественном укладе.

В последнее время появляется много якутских слов – названий продуктовых магазинов, ресторанов, баров и банкетных залов. Например, магазины: «Амсай» (попробовать на вкус, взять в рот [10, т.1, с. 454]), «Эрэл» (надежда, вера во что-либо [10, т. 15, с. 348]), «Аартык» (большая проезжая дорога, тракт [10, т. 1, с. 173]), «Астык» (питательный [10, т. 1, с. 597]).

Среди названий ресторанов, баров и банкетных залов якутизмов меньше. Например, рестораны: «Олонхо» (общее название якутского героического эпоса [11, с. 51]), «Махтал» (чувство благодарности, признательности кому-чему-л. [10, т. 6, с. 253]), «Муус Хайа» (ледяная гора [10, т. 6, с. 371; т. 13, с. 186]), банкетный зал «Бэргэн» (меткий, искусный в стрельбе [10, т. 2, с. 863]).

Такие эргонимы отражают региональную идентичность и выполняют культурологическую функцию. Например, загородный ресторан «Орто Дойду» (срединный мир, место обитания человечества [10, т. 7, с. 336; т. 3, с. 146]), магазин «Алгыс» (благословение, напутственное слово [10, т. 1, с. 412–413]), супермаркет «Аартык» (большая проезжая дорога, тракт [10, т. 1, с. 173]). Сегодня в г. Якутске работают новые магазины, супермаркеты и рестораны: мини-маркет «Дойду» (местожительство, родина [10, т. 3, с. 146]), магазин «Алаас» (луговина в тайге, обычно на несколько метров ниже окружающего леса [11, с. 10–11]), ресторан «Кустук» (радуга [10, т. 4, с. 545]).

Есть якутские названия, которые соответствуют своему назначению. Их семантическая мотивация оправдана. Например, продуктовый магазин «Астык», ресторан «Сандалы» (восьмиугольный низкий стол из бересты или деревянных досок на коротких ножках, а также такой же низкий стол из бересты и досок четырехугольной формы у якутов в старину [10, т. 8, с. 229]), магазин «Уйгу» (обильный, богатый, имеющийся в достатке [10, т. 12, с. 95]). Мотивация их оправдана.

Мотивация таких наименований понятна носителю якутского языка. Носители же русского языка воспринимают их чаще всего как заимствованные слова, лишенные внутренней формы.

Однако нам встретились слова, как нам кажется, не оправданные по своей семантической мотивации. Эти наименования носят случайный характер. Например, ресторан «Муус Хайа», банкетный зал «Бэргэн»; магазины: «Айхал» (хвала, прославление, восхваление [10, т. 1, с. 352]), «Баат» (небольшая долбленная лодка из бревна [10, т. 2, с. 90]), «Кыталык» (белый журавль, стерх [10, т. 5, с. 385–386]), «Таптал» (любовь [10, т. 10, с. 229–230]).

При использовании якутизмов в наименованиях городских объектов необходимо учитывать и ассоциации, которые они вызывают. Нетрудно догадаться, какие ассоциации вызовет, например, кафе «Анал» (предназначение для какой-л. большой, грандиозной цели [10, т. 1, с. 463]) в селе Сунтар, ресторан «Тото-Хана» и некоторые другие.

Жителей города Якутска волнуют немотивированные или непонятные, вызывающие отрицательные эмоции эргонимы. Вот что по этому поводу пишет жительница города Якутска. Татьяна Яковлева в заметке «Кому хана?», опубликованной в газете «Она+» 20 мая 2016 года, пишет: «Еду по Пояркова, объезжаю участок дороги возле цирка и тут вижу вывеску – «Ресторан «ТОТО-ХАНА». Да уж, название для места, где можно вкусно покушать, мягко скажем,

не очень удачное. Я-то по-якутски понимаю, что «тото-хана аа» переводится «сытно покушай», но тем, кто не знает языка, приходит в голову: «Кто такой Тото и почему ему хана в этом ресторане?» (авторский текст сохранен без изменений).

На проблему неудачных наименований обратил внимание Дж. К. Веркман: «Плохо подобранное название всегда будет помехой, сколько бы средств ни вложили в рекламу. Необходимо изучать воздействие не только самого слова, но и его этимологии и окружения» [12, с. 24].

Полилингвизм влияет на эргонимическую систему города Якутска. Использование эргонимов отражает сложившуюся языковую ситуацию в РС (Я) – активное русско-якутское двуязычие.

Якутизмы придают эргонимам г. Якутска особый национальный колорит.

Эргонимика города Якутска демонстрирует взаимодействие русского и якутского языков вследствие полиэтничности города и постоянных контактов русского и якутского населения, что подтверждается взаимным заимствованием слов.

Положительную семантику, на наш взгляд, имеют эргонимы, в основе которых лежат слова, заимствованные из местных языков, чаще всего из якутского. Например, из якутского языка: банкетный зал «Кэрэ» (красивый, прекрасный, чудесный [10, т. 5, с. 549]; магазины: «Сырдык» (яркий, светлый, не темный [10, т. 9, с. 462]), «Хатыыс» (осетр [10, т. 13, с. 478]), «Дабаан» (возвышенность, подъем в гору [10, т. 3, с. 70–71]); «Марха» (от юкагирского морхэ(нг) «карликовая береза, ерник» [12, с. 169]).

Надо отметить, что якутизмы часто не имеют эквивалентов в русском языке, а употребление таких слов связано с местными обычаями, культурно-историческими предпосылками: магазин «Алаас» (алаас – луговина в тайге, обычно на несколько метров ниже окружающего леса [11, с. 10–11]), торговые ряды «Сэргэ» (сэргэ – коновязь в виде столба, чаще с резными украшениями, непрменный атрибут сельского якутского двора, особенно до революции [11, с. 69]), рестобар «Олонхо» (олонхо – общее название якутского народного героического эпоса [11, с. 51]), банкетный зал «Хомус» (хомус – любимый якутами губной музыкальный инструмент в виде удлинённой подковы с прикрепленным к ней металлическим язычком, по кончику которого исполнитель ударяет указательным пальцем правой руки [11, с. 90]).

Глобализация общества, начавшаяся еще в конце XX в. и продолжающаяся в наше время, конечно, оказывает влияние на русский язык: он активно пополняется иноязычными элементами, которые используются в языке. Глобализация способствует переходу на латинскую графику торговых марок и товарных знаков. Можно сделать вывод, что заимствованные элементы в эргонимике обусловлены социальными причинами и современными тенденциями. Поликультурализм – это характерная черта современного общества. Примером того, насколько поликультурно состояние города, может показать эргонимическая система русского языка.

Часто иностранное слово ассоциируется с высококачественными товарами и услугами и новейшими разработками.

Чаще всего эргонимы на латинской графике встречаются среди названий предприятий общественного питания. Например, рестораны, бары и банкетные залы: «Azimut», «Viva Veneto», «Bon Appetito», ресторан-бар «Aloha», реже – среди названий продуктовых магазинов. Например, «Sroom», «Real», «NEXT», «Fresh-market», «Doki market».

Иноязычные эргонимы на латинской графике встречаются не так часто в названиях продуктовых магазинов, но чаще – в названиях предприятий общественного питания. В данных номинациях присутствует привлекательный фактор экзотики. Это могут быть названия, например, сетевых ресторанов быстрого обслуживания: «KFC», «Black Star Burger», «Rostic's». Такие названия привлекают внимание клиентов тем, что создает впечатление нахождения за границей. Они отражают

моду на иностранные товары, как образца высокого качества. Название бренда, популярной коммерческой марки является ярким элементом взаимодействия между продуктом и потребителем.

Лидирующую позицию сохраняет английский язык, а за ним идут романские языки: суши-бар «Jet food», магазин «Bonus», супермаркет «Best»; рестораны: «Bon Appetito», «Da Vinci».

Нам встретились следующие заимствованные эргонимы:

1) нетранслитерованные (данные полностью на иностранном языке): ресторан «Bon Appetito», суши-бар «Jet food», магазин «Sroom», продуктовый магазин «Fresh-market».

Нетранслитерованные заимствованные слова чаще всего используются в рекламных целях, иногда с использованием графических средств: ресторан «STREET-FOOD»; магазины: «NEXT», «Ykt market»;

2) транслитерованные: рестораны: «Стейк Хауз», «Катана»; магазины: «Альянс», «Бонжур».

Транслитерация возможна из кириллицы в латиницу и наоборот: продуктовый магазин «Кайман», магазин «Tundra», ресторан «Beketov»;

3) гибридные, включающие в свой состав два языка: гриль-бар «ШашлыкоFF», ресторан «МясоRoob»; магазины: «Ижюминка», «ProВкус», «Кустук new».

Гибридные эргонимы легко воспринимаются потребителями, они привлекают внимание и легко запоминаются. Использование гибридных эргонимов создает новые смысловые названия и ассоциации: ресторан «МясоRoob», служба доставки готовых блюд «ШефFood», магазин алкогольных напитков «ВИНОГРАД», магазин разливных напитков «Пивной Boom». Такие названия открывают новые возможности для привлечения внимания и создания оригинальных и запоминающихся названий.

Следует отметить и слова с удвоенной латинской литерой «f» или кириллической «ф»: гриль-бар «ШашлыкоFF», магазин элитного чая «ЧайКофф». Первоначально «off» соответствовала русскому «ов» в фамилиях (Nemiroff, Тинькофф). Считаем, что номинаторы сейчас рассчитывают на комический эффект, который привлечет внимание потребителей. Такой метод номинации продуктовых магазинов и предприятий общественного питания не очень популярен в г. Якутске.

Отдельные слова могут быть продуктивными для создания современных эргонимов. При анализе эргонимов мы увидели, что большинство магазинов, ресторанов и баров, торгующих пивом, используют в своем составе слово «beer»: ресторан «Beer Land», караоке-паб «Chicken and Beer», бар-магазин «Beer shop», магазин разливных напитков «Ballon Beer».

Довольно часто в составе названий ресторанов, баров и банкетных залов встречаются слова «house» и «land». Например, рестораны: «Noodle House», «Beer Land», «Pizza Land», «Meet House».

Анализ эргонимов показывает, что чаще всего транслитерованные иностранные названия встречаются в наименованиях продуктовых магазинов, а нетранслитерованные – в названиях предприятий общественного питания. Гибридные эргонимы встречаются реже, так как такой элемент языковой игры используется очень осторожно.

Можно сделать вывод, что номинации иностранного происхождения обозначают объекты, имеют связь с культурой определенной страны. Присутствие заимствованных слов в названиях служит для потребителя указанием на престижность заведения.

Ассоциации, связанные со специфическими национальными единицами, входящими в номинации объектов сферы питания, обычно отсылают к той или

иной национальной кухне. Например: ресторан «Махтал» – центр якутской кухни, «Хачапури» – ресторан грузинской кухни, «Мацури» – ресторан японской кухни, «Кимчи» – ресторан корейской кухни.

Активные в последнее время миграционные процессы также влияют на лингвистический портрет города Якутска. Многие бывшие союзные республики СССР в силу исторических условий связаны политическими, экономическими, социально-культурными факторами. Они являются основными поставщиками рабочей силы. Привычными для жителей столицы теперь уже стали эргонимы: магазин «Арарат», бар «Умед»; рестораны: «Тамерлан», «Салам Баку». Это слова заимствованы из языков бывших союзных республик СССР, представители которых трудятся в РС (Я) в разных сферах деятельности.

Сейчас в Якутске появляются новые организации, предприятия, магазины, рестораны, туристические агентства, кафе и т. д., у которых есть индивидуальные наименования; старые названия меняются на новые, которые по мнению владельцев больше соответствуют духу времени. Каждое из наименований выполняет определенные функции, совмещая в себе разные значения в зависимости от того, какой объект они называют.

Основные тенденции развития нейминга г. Якутска

Выбор имени – это один из первых вопросов, который возникает при открытии нового магазина, ресторана, бара, банкетного зала. Конечно, есть организации, занимающиеся неймингом, но чаще всего предприниматели придумывают имена сами. Одним жалко платить деньги за такую «простую» работу, у кого-то это не заложено в бюджет. Поэтому проблема названий в городе Якутске решается чаще всего кустарным способом, без соответствующего специального образования, что порождает порой неудачные эргонимы: супермаркет «Блюз», ресторан «Вертолет», магазин «Кайман».

Лексикологическая классификация указала нам на тенденции, которые характерны для эргонимов Республики Саха (Якутия) для привлечения внимания потенциальных потребителей товаров и услуг:

1. Использование названий, в которых есть слова, заимствованные из местных языков, чаще всего из якутского: супермаркет «Аартык», банкетный зал «Бэргэн», магазин «Марха».

2. Использование названий, включающие слово «саха», где оно указывает на то, что данный объект находится на территории Республики Саха (Якутия): магазин местной продукции «Саха ас», фирменный магазин «СахаАгроПродукт», магазин «Саха Органик».

3. Использование устаревших слов: ресторан «Застава», магазин «Лавка», пивной бар-магазин «Таверна», магазин «Соляная лавка».

4. Использование устаревшего написания слов: ресторан «Бекетовъ»; магазины: «Экономъ», «Гастрономъ».

5. Использование разговорной лексики: магазины: «Девяточка» (Якутск), «Пятерочка», «Брусничка», «Авоська», «Классная лавка».

6. Использование языковой игры: ресторан «Ели-пили», магазин «Дюм-дюм».

В написании эргонимов чаще всего используется кириллица: ресторан «Олонхо», суши-бар «Сейша», магазин «Метелица», банкетный зал «Торжество».

Структурно-грамматические особенности эргонимов г. Якутска

С точки зрения структуры названия в своем большинстве однокомпонентные: ресторан «Махтал», рестобар «Крыша», магазин «Светлана», банкетный зал «Bravo».

Довольно часто используются и двухкомпонентные названия: рестораны: «Новый Пекин», «Мама Гата»; магазины: «Северное сияние», «Три шага», «Мясная лавка».

Двухкомпонентные наименования имеют воздействующий эффект с помощью необычной сочетаемости слов, со свежестью названия, с положительными значениями и ассоциациями: творческий кластер-бар «Pink Cloud» (розовое облако), ресторан «Седьмое небо», бар-магазин разливных напитков «Green lion» (зеленый лев).

Встречаются в составе двухкомпонентных эргонимов слова «мир», «море» и подобные, указывающие на большое разнообразие товаров и услуг с ярко выраженной положительной оценкой. Например, магазины: «Море продуктов», «Мир продуктов», «Мир колбас».

Среди двухкомпонентных наименований чаще встречаются словосочетания с подчинительной связью с согласованием: ресторан «Пивной дом», магазин «Продуктовая лавка», банкетный зал «Ленские столбы».

Встретились нам двухкомпонентные наименования с подчинительной связью с управлением. Например, магазины: «Море продуктов», «Азбука вкуса».

Двухкомпонентные сочетания с сочинительной связью встречаются редко. Сразу вспоминается название магазинов и киосков «Фрукты и овощи». Новизну этой группе придают слова, которых раньше не было в эргонимах-словосочетаниях: ресторан «Панда и журавль», магазины: «От и До», «Хлеб да соль».

Редко встречаются поликомпонентные наименования: бар-ресторан «BarChi Trevel Bar», ресторан «Суши Артема Петрова», лаундж-бар «Arm lounge Якутск», ресторан «Osteria Mario Швили». Это можно, на наш взгляд, объяснить тем, что запомнить длинные названия, особенно на иностранном языке, трудная задача для потребителя.

Встретились нам и эргонимы-реплики: ресторан «Не нужен повод»; магазины: «Давай зайдем», «Сам пришел». Такие наименования, вырванные из текста, не являются самостоятельными вне диалога.

Для эргонимов-реплик характерно использование глаголов в повелительном наклонении: магазины: «Тохтоо-Тохтоо» (прервать движение в пути, остановиться [10, т. 10, с. 514] Стой! Подожди!), «Давай зайдем».

Кроме самого названия городского объекта, в структуру эргонима входит номенклатурный термин: магазин, кафе, ресторан, бар и т. д. Среди продуктовых магазинов и предприятий общественного питания появились новые слова-сопроводители, отражающие особенности деятельности заведения и позицию на рынке: «мини-маркет», «супермаркет», «паб», «остерия», «ресторан фри-фло», «лофт-ресторан», «лаундж-бар». Например, мини-маркет «Арник», супермаркет «Поярков», паб «Дикая утка», «Osteria Mario Швили», ресторан фри-фло «Кантри Стейк», корейский лофт-ресторан «Kimchi», лаундж-рестобар «Koji». Номенклатурные термины и имена являются обязательными компонентами эргонима.

В состав эргонимов могут входить любые части речи, которые часто приобретают грамматические характеристики имени существительного.

Наиболее богато (как по количеству, так и по семантическому многообразию) в составе эргонимов представлены имена существительные, так как они являются классом полнозначных слов, включающих в себя названия предметов и явлений.

Существительные в названиях выступают не только в конкретном (рестораны: «Кустук» (радуга [10, т. 4, с. 545]), «Барашек»), но и в отвлеченном значении (ресторан «Олонхо», магазины: «Ассорти», «Вояж»).

Существительные в составе эргонимов чаще всего имеют положительную семантику: бар «Сластена +», магазин «Изобилие»; ресторан «Республика».

Положительную коннотацию приобретают и существительные – диминутивы: ресторан «Барашек»; магазины: «Брусничка», «Березка», «Вишенка».

Часто в составе эргонимов встречаются существительные со значением «высокого качества», «престижности»: банкетный зал «Идиллия»; магазины: «Фаворит»,

«Аристократ», «Успех». Чаще всего такие наименования встречаются среди названий магазинов. При этом есть и названия – существительные с нейтральным значением, употребляющиеся в роли названий предприятий общественного питания и магазинов. Это наименования, которые соответствуют типу заведения: магазины «Продукты», «Хлебный».

Среди эргонимов имеются и существительные – названия, внутренняя форма которых не соответствует типу заведения: ресторан «Застава», магазин «Кайман», бар «Бочка», супермаркет низких цен «Светофор».

Встречаются и иностранные по происхождению слова с неясными, экзотическими, загадочными названиями: магазин овощей и фруктов «Эдем», ресторан восточной кухни «Бао», семейный ресторан «Zanzibar».

Часть подобных слов представляет собой образы из древнегреческой и римской мифологии, фонетически благозвучные, чаще всего с положительной характеристикой: банкетный зал «Афродита», супермаркет «Гермес», мини-маркет «Зевс», магазин «ПегаС».

Реже в составе эргонимов встречаются прилагательные: магазины: «Лесной», «Хлебный», «Ближний», «Дорожный», «Загородный». Часто такие наименования являются важнейшим средством выражения оценочного значения: ресторан «Мировой»; магазины: «Вкусный», «Выгодный», «Первый». В составе таких наименований встречаются оценочные прилагательные, например, «хороший», «удачный» и подобные: дискаунтер «Удачный»; магазины: «Хороший», «Любимый», «Добрый».

Совсем редко в составе эргонимов встречаются глаголы: супермаркет «Амсай», магазин «Давай зайдем», ресторан «Ели и пили».

Заключение

Создание эргонимов – творческий процесс. На данный момент нет четкого алгоритма выбора названия тому или иному заведению. В лучшем случае имя предлагают представители рекламных агентств, часто не имеющие специальной подготовки, но чаще всего это сами владельцы, не всегда с достаточно высоким уровнем культуры. Появление эргонимов часто носит случайный характер. И это порождает немотивированные наименования. А связано это с тем, что наименования объектов в эргономике города даются без опоры на теоретическую базу.

Название магазина, ресторана, организации, бизнеса – это маркетинговый инструмент. Эффективный эргоним должен быть оригинальным, благозвучным, запоминаемым, эстетичным и ассоциативным. И для успешной реализации его рекламной функции нужно учитывать следующие рекомендации:

1. Имя должно быть понятным и мотивированным.
2. Имя должно отражать суть продукта или услуг, быть уникальным.
3. Имя должно отличаться от уже имеющихся названий.
4. Имя может удивлять, но не эпатировать.
5. Имя должно быть актуальным и жизнеспособным.
6. Имя должно быть коротким, легко запоминаться, легко произноситься и записываться, быть реалистичным.
7. Имя не должно включать в себя нелитературные варианты языка.
8. Имя не должно быть связано с неприятными ассоциациями. Оно должно вызывать положительные, эмоциональные, культурные ассоциации.
9. Имя должно быть хорошо (размер, цвет, шрифт) и грамотно оформлено.

Эргонимика г. Якутска представляет собой сложившуюся для города традиционную структуру наименований, в которой также проявляются новейшие тенденции развития эргонимической системы. В г. Якутске находятся рядом

традиционные номинации, закрепившиеся ранее, еще в советское время, и новые, характерные для нашего времени.

Номинаторы, стараясь привлечь внимание горожан, стараются найти лексические единицы, вызывающей приятные ассоциации. Встретилось нам много эргонимов, которые опираются на культурный код носителя языка. Они являются прецедентными знаками и требуют от горожан опоры на культурные знания.

Описанные в работе виды эргонимов, используемые в качестве названий продуктовых магазинов и предприятий общественного питания (ресторанов, баров и банкетных залов), не отражают в полной мере всего многообразия наименований городских объектов, но могут указать на популярность и продуктивность использования их в языковом ландшафте г. Якутска.

Следует отметить, что количество и качество названий постоянно растет, что дает возможность дальнейшего их изучения.

Л и т е р а т у р а

1. Сиротинина О.Б. *Языковой облик города Саратова*. Разновидности городской устной речи. Москва: Наука; 1988:271.
2. Подольская Н.В. *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука; 1978:201.
3. Осина А.В. Эргонимика г. Якутска. *Функционирование русского языка на территории Республики Саха (Якутия)*. Краснодар: Издательский дом «ХОРС»; 2015:121-135.
4. Олесова А.П. Особенности названий гостиниц города Якутска. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2020;(13)10:248-254.
5. Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города: на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы: Диссер. ... к. филол. н.: Уфа:2007.
6. Вепрева И.Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения. *Вопросы ономастики*. 2019;16(4):168-179.
7. Тобурокова В.М. *Региональный русский ассоциативный словарь*. Якутск: ЯГУ; 2008:84.
8. Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: Автореф. дис. ...к. филол. н.: Екатеринбург: 2002:23.
9. Картавая Ю.К., Пепеляева Е.А. *Эргонимика: к проблеме исследования*. Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь: Ариал; 2018:168-170.
10. Большой толковый словарь якутского языка в 15 томах. Новосибирск: Наука; 2005:9500.
11. Самсонов Н.Г. *Словарь заимствованных слов*. Якутск: Бичик; 2012:112.
12. Веркман Дж. К. *Товарные знаки: созидание, психология, восприятие*. Москва: Прогресс; 1986:519.
13. Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты, наслеги, улусы, районы). Якутск: Алаас; 2024:448.

R e f e r e n c e s

1. Sirotinina OB. *The linguistic image of the city of Saratov*. Varieties of urban oral speech. Moscow: Nauka; 1988:271 (in Russian).
2. Podolskaya NV. *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka; 1978:201 (in Russian).
3. Osina AV. Ergonomics of Yakutsk. *Functioning of the Russian language on the territory of the Sakha Republic (Yakutia)*. Krasnodar: Publishing House "HORS"; 2015:121-135 (in Russian).
4. Olesova AP. Specificity of the Yakut hotel names. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. Tambov: Gramota; 2020;(13)10:248-254 (in Russian).

5. Emelyanova AM. Ergonyms in the linguistic landscape of a polyethnic city: on the example of the names of business, commercial, cultural, sports facilities in Ufa. Candidate's dissertation (Philology). Ufa: 2007 (in Russian).
6. Vepreva IT. Modern ergonymicon: in search of new forms of expression. *Problems of Onomastics*. 2019;16(4):168-179 (in Russian).
7. Toburokova VM. *Regional Russian Dictionary*. Yakutsk: Publishing House of Yakutsk State University; 2008:84 (in Russian).
8. Shimkevich NV. Russian commercial ergonymy: pragmatic and linguacultural aspects. Candidate's dissertation (Philology). Ekaterinburg: 2002:23 (in Russian).
9. Kartavaya YuK, Pepelyaeva EA. *Ergonomics*: towards the problem of research. Implementation of the competence-based approach in the vocational education system: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. Simferopol: Arial; 2018:168-170 (in Russian).
10. Great explanatory dictionary of the Yakut language in 15 volumes. Novosibirsk: Nauka; 2005:9500 (in Russian).
11. Samsonov NG. *Dictionary of borrowed words*. Yakutsk: Publishing House "Bichik"; 2012:112 (in Russian).
12. Werkman JK. *Trademarks: creation, psychology, perception*. Moscow: Progress; 1986:519 (in Russian).
13. Dictionary of toponyms of the Republic of Sakha (Yakutia): settlements, naslegs, uluses, districts. Yakutsk: Alaas; 2024:448 (in Russian).

Сведения об авторе

САМСОНОВА Лариса Николаевна – к. пед. н., доцент кафедры русского языка филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-9882-6382, e-mail: samsonova_fff@mail.ru

About the author

Larisa N. SAMSONOVA – Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Russian Language Department, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-9882-6382, e-mail: samsonova_fff@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 14.05.25

Принята к публикации / Accepted 17.06.25

УДК 81'373

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-161-169>

Оригинальная научная статья

Наименования мер длины – компоненты фразеологизмов, пословиц и поговорок в якутском, русском и английском языках

Г. Н. Слепцова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ slegal_61@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению фразеологических единиц, пословиц и поговорок в русском, якутском и английском языках. Актуальность исследования обусловлена возросшим научным интересом современной лингвистики к области фразеологии как культурному коду национально-культурной специфики народа. Культурная ценность фразеологизмов, пословиц и поговорок заключается в том, что они включают в себе образное воплощение культурно-национального мировидения народа, что позволяет лучше понять менталитет, национальную идентичность, жизненный опыт народа. На основе проведенного исследования якутских, русских и английских фразеологических единиц, поговорок и пословиц, включающих в свой состав наименования старинных неметрических мер длины, можно сделать вывод, что в старину у народов существовала своеобразная, вытекающая из трудовой практики и житейского опыта система меры длины. Обобщив наблюдения, мы пришли к выводу, что большинство мер длины основывались на человеческом теле и измерялись с помощью рук, ног, то есть частей тела и об этом свидетельствуют фразеологизмы, пословицы и поговорки. Фразеологизмы, пословицы и поговорки, обладая национальным колоритом, ярко демонстрируют историю, культуру, быт и социальную реальность прошлого. Изучение истории своего народа в любом аспекте связывает поколения, обеспечивает преемственность культуры, способствует сохранению национальной культуры. Цель работы: исследование якутских, русских и английских фразеологизмов, пословиц и поговорок, включающих в своем составе наименования старинных неметрических мер длины. Исследование проведено на основе сравнительно-сопоставительного анализа фразеологизмов, пословиц и поговорок с лексическим компонентом наименований старинных неметрических мер длины.

Ключевые слова: фразеологизмы, пословицы, поговорки, старинные неметрические меры длины, архаизмы, история, культура, мировоззрение, менталитет, национальная специфика

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Слепцова Г. Н. Наименования мер длины – компоненты фразеологизмов, пословиц и поговорок в якутском, русском и английском языках. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 161–169. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-161-169

Original article

Names of length measures – components of phraseological units, proverbs and sayings in Yakut, Russian and English

Galina N. Sleptsova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ sleptsova_g1@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of phraseological units, proverbs and sayings in Russian, Yakut and English. The relevance of the research is due to the increased scientific interest of modern linguistics in the field of phraseology, as a cultural code for the national and cultural specifics of the people. The cultural value of phraseological units, proverbs and sayings is that they embody the figurative embodiment of the cultural and national worldview of the people, which makes it possible to better understand the mentality, national identity, and life experience of the people. Based on the conducted research of Yakut, Russian and English phraseological units, sayings and proverbs, which include the names of ancient non-metric measures of length, it can be concluded that in the old days, the peoples had a peculiar system of length measures resulting from labor practice and everyday experience. Summarizing the observations, we came to the conclusion that the most measures of length were based on the human body and were measured using hands, feet, that is, body parts, as evidenced by phraseological units, proverbs and sayings. Phraseological units, proverbs and sayings, possessing a national flavor, vividly demonstrate the history, culture, way of life and social reality of the past. Studying the history of one's people in any aspect connects generations, ensures cultural continuity, and contributes to the preservation of national culture. The purpose of the work is to study Yakut, Russian and English phraseological units, proverbs and sayings, which include the names of ancient non-metric measures of length. The study is based on a comparative analysis of phraseological units, proverbs and sayings with a lexical component of the names of ancient non-metric measures of length.

Keywords: phraseological units, proverbs, sayings, ancient non-metric measures of length, archaisms, history, culture, worldview, mentality, national specifics

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Sleptsova G. N. Names of length measures – components of phraseological units, proverbs and sayings in Yakut, Russian and English. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 161–169. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-161-169

Введение

Фразеология является отражением истории, национальной идентичности, мировоззрения и менталитета народа. Об этом подчеркивала В. Н. Телия, утверждая, что фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [1, с. 12]. Вопросам фразеологии посвящены труды известных исследователей В. В. Виноградова [2–4], А. В. Кунина [5, 6], А. И. Молоткова [7], Н. М. Амосовой [8], Н. М. Шанского [9] и других.

Цель работы – исследование фразеологизмов, пословиц, поговорок, содержащих в своем составе наименования старинных, неметрических мер длины.

Методы и материалы исследования

Исследование проведено на основе сравнительно-сопоставительного анализа фразеологизмов, пословиц и поговорок якутского, русского и английского языков.

Результаты и обсуждение

Национальная особенность каждого языка особенно четко вырисовывается при сопоставлении нескольких языков. В этой связи мы рассмотрели фразеологизмы трех языков, содержащие в своем составе наименования мер длины: якутского, русского и английского языков. Старинные, неметрические меры длины с течением времени меняются, устаревают, заменяются новыми современными словами и уходят в число архаизмов, но продолжают жить в языке народа в составе фразеологизмов. Что означают в фразеологизмах «от горшка два вершка», «семи пядей во лбу», «семь верст до небес и все лесом» слова «вершок», «пядь», «верста»? Они сохранились от ранее существовавшей системы единиц длины.

Вершок составлял 4,4 см. Название это, как полагал знаток русской жизни и русских слов В. И. Даль, связано с фалангой пальца. Нужно сразу заметить, что данная версия имеет под собой достаточно веское основание. Самой удобной единицей измерения длины была такая, которую не нужно было специально носить с собой. Однако по поводу вершка есть и другая версия.

Известные лингвисты А. Т. Преображенский и Л. А. Булаковский считали, что вершок – излишек, образующийся при насыпании меры зерна: вершок – это то, что сверх меры. И эта версия не лишена оснований. Во-первых, само слово верх означает положение в пространстве. Впрочем, не исключено, что правы все эти ученые, но речь идет просто о разных понятиях, связанных с понятием «вершок». Если это слово значило «сверх меры», то не могло быть мерой длины.

А меры длины в старину обычно определялись с помощью рук и ног, например, локоть, пядь, сажень (табл. 1).

Таблица 1

Старинные русские меры длины

Table 1

Old Russian units of length

Мера длины	Их соответствие	Значение в единицах СИ (метр)	Фразеологические обороты, пословицы, поговорки и их значение
Русская миля	1 миля = 7 вёрст	7467,6	семь верст до небес (очень далеко); миля царская (устаревшее выражение)
Верста	1 верста = 500 сажений	1066,8	за семь верст киселя хлебать; коломенская верста (о высоком человеке)
Сажень	1 сажень = 3 аршина = 7 футов	2,1336	косая сажень в плечах (о богатырском телосложении); мерить на свой аршин
Аршин	1 аршин = 16 вершков	0,7112	как аршин проглотил (стоять неестественно прямо); мерить все на свой аршин
Вершок	1 вершок = 1/16 аршина	0,0445	от горшка два вершка (о маленьком ребенке); Сам с вершок, а голова с горшок
Локоть	1 локоть ≈ 10,5 вершков	0,45–0,47	близок локоть, да не укусишь (о недостижимом); мерить на свой локоть (судить предвзято)
Пядь	1 пядь = 4 вершка (малая)	0,177–0,23	семи пядей во лбу (об умном человеке); ни пяди земли не отдам (ничего не уступлю)

Вершками определялся и рост человека. Но вот что любопытно: вспомним текст рассказа «Муму» И. С. Тургенева, где говорится о богатыре Герасиме, «из числа всей се челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырем и глухой от рождения». Однако произведем несложные расчеты: 12 вершков, это значит 4,4 см, умноженные на 12. Что же это за «богатырь», если его рост равняется 52,8 см. В чем же дело? Но объясняется все очень просто. Существовала в литературе XIX в. одна условность, которая была общеизвестна и принята в устной речи. При обозначении роста человека не учитывались обязательные для каждого человека два аршина, а рост указывался только вершками, которые шли сверх нормы. И вот теперь мы можем определить рост Герасима точно: около двух метров – действительно, богатырский рост.

Выражение «от горшка до вершка» носит шуточный характер, оно основано на литоте, так как рост ребенка не может равняться 8,8 см. Фразеологизм «от горшка два вершка» имеет пренебрежительное значение о молодом, неопытном человеке.

Другой единицей меры длины была «ладонь», которая употребляется в русском языке с XVII в. Сочетания «в ладонь», «на ладонь», «ширина ладони» как раньше, так и в современном языке связаны с приравниванием ширины ладони к небольшим размерам и расстояниям.

Еще одной единицей измерения была пядь, пядень. Она сохранилась в ряде выражений: «от дяди ни пяди, от кумы никуды», «ты от дела на пяденку, а оно от тебя на саженку». В этих пословицах, как и во фразеологизмах «ни на пядь», «семи пядей на лбу», также сохранилась старинная мера длины. В старину пядей было две. Одна из них называлась «малой пядью» и составляла расстояние от конца большого пальца до конца указательного пальца растянутой кисти.

«Большая пядь» измерялась расстоянием от конца большого пальца до среднего или мизинца. Но мерить было удобней до указательного пальца, поэтому использовали расстояние малая пядь. А теперь попробуем отсчитать 7 пядей и представить себе, может ли быть у человека такой лоб? Конечно, это тоже прием, который называется гиперболой.

Преувеличение имеет цель показать достоинства человека, о котором так говорят. Теперь понятны нам слова песни: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим».

Пядь – сүөм, эта старая мера длины была так же известна и применялась у наших предков, сохранилась в якутской пословице «Харыс хаалбыт, сүөм түспүт» – и имеет значение «падать духом». Большая пядь – «харыс» встречается сегодня в якутском языке во фразеологизмах «харыс үрдээ», то есть воодушевляться, вдохновляться; «харыс да сири хаамтарбат», что означает «навязываясь, не давать кому-либо возможности сходить куда либо». Слово «харыс» как гипербола встречается в эпосе. Например, «внешне Эр соботох выглядел так: ростом был он в 10 отменных харыс, шириною плеч в 5 харыс, голени его были подобны стволам толстой лиственницы...» [10].

Со словом «пядь» в словаре Даля можно найти следующие пословицы: «Жили сажень, а доживать пядень», «Уступишь на пядень, а не стало саженки». Как видим, слово «пядень», хорошо рифмовавшееся со словом «сажень», выступает в пословицах часто рядом. Слово «сажень» также признак исконных русских выражений: «ростом в косую сажень», «косая сажень в плечах», «сажени размах». В основу единицы «косая сажень» лежало расстояние между концом большого пальца вытянутой вверх руки и концом большого пальца противоположной ноги. Естественно, что для каждого человека такая «косая сажень» была своей, зависимой от роста. Но она еще приравнивалась к трем аршинам, то есть была

около 2 метров 13 сантиметров. В выражении «косая сажень в плечах» нетрудно усмотреть гиперболу.

Былас (маховая сажень) – якутская мера длины, равная расстоянию между концами средних пальцев рук, приведенных в горизонтальное положение. Слово «былас», как сравнение мы можем встретить в различных описаниях, в фольклоре: «Лучезарная красавица с серебряным ликом, золотистым румянцем с длинными косами в семь былас...».

В русском языке во фразеологизмах, включающих старинные наименования мер длины, более активно используется слово «аршин»: «мерить всех на один аршин» или «мерить на свой аршин», «словно аршин проглотил». Это слово тюркского происхождения, оно было в ряде языков Европы и Азии, где также обозначало меру длины. В России стало употребляться с XVI века. Аршин делался из дерева, что и создает образную основу выражений «аршин проглотил», «смерить на аршин». Следует остановиться на этих сходных выражениях со словом «аршин». Значения этих довольно похожих выражений различны. Фразеологизм «смерить на аршин» обличал купцов, жульничавших за счет использования укороченного аршина. Выражение «мерить одним аршином» приобрело значение «судить о ком-либо или о чем-либо» только по своим представлениям. К этому выражению в XIX в. присоединился вариант «мерить своей меркой»: «Как Павел Петрович ни воевал с нею, как ни доказывал, что требования ее чрезмерны и что мерить всех по своим меркам нельзя. На Елену это нисколько не действовало» (В. Кочетов «Молодость с нами»). Выражение «мерить одной меркой» подчеркивает беспристрастность оценки, однако оно часто несет отрицательную оценку: это же значение передает и выражение «мерить одним аршином». «Вы принадлежите к особому разряду людей, которых нельзя мерить на обыкновенный аршин, ваши нравственные требования отличаются исключительной строгостью» (А. Чехов. Рассказ неизвестного человека). Выражение «мерить на аршин» означает судить с какой-либо точки зрения о ком-то или о чем-то. «Подобных ему (Базарову) людей не приходится мерить обыкновенным аршином» (И. Тургенев. «Отцы и дети»). В России старинная русская мера длины аршин, вошедшая в употребление с XVI в., равнялась первоначально 27 английским дюймам, а с XVII в. (при Петре I) – 28 дюймам и с тех пор оставалась неизменной. Сегодня общеизвестно высказывание Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить».

Самая большая мера расстояния – верста. Она равнялась 500 сажням, но ранее исчислялась 750 и 1000 сажнями. Слово «верста» произошло от глагола «вертеть» и сначала означало ‘поворот плуга во время пахоты’, то есть то, что сейчас называется гоном. Слово «верста» встречается в ряде фразеологизмов, но в одних она определяет расстояние вверх, а в других вдаль. Коломенская верста – так называют человека очень высокого роста. Основанием для этого определения явились особые верстовые столбы, которые были установлены на дороге к резиденции царя Алексея Михайловича – к селу Коломенское. А выражения «за семь верст киселя хлебать» или «семь верст до небес и все лесом» – это уже меры длины, как и «за версту видно кого-то или что-то» и «мерить версты».

Кроме калькированных с русского языка наименований мер длины бөрсүөк, арсыын, саһаан в якутском языке применялись также исконно якутские меры длины кыл, быһах өнчөөбө, быһах устата, тутум, туос, сүүс, тыйа, мутук. Кыл – самая малая мера длины, равная толщине конского волоска, сохранилась в следующих фразеологизмах: кыл мүччү – кое-как, едва-едва; кыл түгэнэ – на мгновение; кыл саҕаттан иннинэ – висеть на волоске. Как меры ширины, толщины применялись: илии — биир илии, икки илии (толщина в один, два пальца); тыйа – ширина пальца

(аналог вершка); мутук – ширина кулака. Они сохранились во фразеологизмах тыйатынан ылбыт – взял на палец (о малой доле), икки мутук мас – два кулака дерева (о коротком бревне). Ширина пальца широко применялась в народно-метрологической практике при измерении малых расстояний и ширины или толщины небольших предметов. Еще одна мера длины сүүс – дистанция, которую может пробежать лошадь без остановки (условная мера для больших расстояний), равна 10–15 км. Часто встречается в эпосе олонхо фразеологизм биир сүүс аайы – каждые десять верст. Другая мера длины в якутском языке көс (миля) равна десяти километрам [11]. В книге И. Данилова «Сказ о Якутии» мы можем прочесть: «Якутию ныне по справедливости называют Страной Больших Возможностей и Большого Будущего, страной больших расстояний – потому что дороги здесь измеряют даже не километрами, а кесами» (табл. 2).

Таблица 2

Старинные якутские меры длины

Table 2

Old Yakut units of length

Якутское название	Описание	Примерное значение (в метрах)	Употребление в фольклоре/ пословицах
Харыс	Расстояние между кончиками большого пальца и мизинца раскрытой ладони (аналог «пяди»).	0,18–0,22	үс харыс сиргэ – о малом пространстве; харыс хаалбыт, сүөм түспүт – падать духом; харыс үрдээ – воодушевляться, вдохновляться
Сүүс	Дистанция, которую может пробежать лошадь без остановки (условная мера для больших расстояний).	10–15 км	биир сүүс аайы – каждые десять верст (в эпосе Олонхо)
Мутук	Ширина кулака (аналог «пядницы»).	0,10–0,12	икки мутук мас – два кулака дерева (о коротком бревне)
Тыйа	Ширина пальца (аналог «вершка»).	~0,02	тыйатынан ылбыт – взял на палец (о малой доле)
Быһах уһуна	Длина ножа (использовался как эталон).	0,25–0,30	быһах уһунунэн кэмнээбит – отмерил длиной ножа (о приблизительном измерении)
Уллунах устата	Основан на длине стопы	0,30 м	уллунах устата да (халбарыйыма) – ни на шаг (не отступай)
Туос	Длина рыболовной сети (мера для водных пространств).	10–15 м	үс туос уу — три сети воды (в сказаниях о реках)

В старину у якутов была мера длины уллунах устата, равная примерно 30 см. Она произошла от естественной меры, равной длине человеческой стопы. Мера сохранилась во фразеологизме уллунах да устата (халбарыйыма) – ни на шаг (не сдвинуться).

В английском языке также встречается мера длины, равная 30,48 см, произошедшая от меры, равной длине человеческой стопы. Эта мера длины фут, которая встречается во фразеологизмах to measure another man s foot by one’s own last (мерить на свой аршин), with one foot in the grave (стоять одной ногой в могиле), to get up with one’s wrong foot foremost (встать с левой ноги).

В Англии, кроме фута, мерами длины служили также дюйм, ярд и миля (табл. 3).

Таблица 3

Старинные английские меры длины

Table 3

Old English units of length

Мера длины	Определение	Значение в СИ	Примеры употребления/ поговорки
Дюйм (inch)	1/12 фута, ширина большого пальца.	0,0254 м	give an inch and they’ll take a mile (дай палец – отхватят руку); inch by inch (шаг за шагом)
Фут (foot)	12 дюймов. Основан на длине ступни.	0,3048 м	six feet under (под землей – о смерти); в спорте: He’s 6 feet tall (рост 6 футов)
Ярд (yard)	3 фута. Расстояние от носа до кончика пальцев вытянутой руки.	0,9144 м	the whole nine yards (все до последней мелочи); в футболе: 10-yard line (10-ярдовая линия)
Фарлонг (furlong)	220 ярдов (1/8 мили). Использовался в сельском хозяйстве.	201,168 м	в конных скачках: a 5-furlong race (гонка на 5 фарлонгов); a furlong a fortnight (шутка о медленной скорости)
Миля (mile)	1760 ярдов (5280 футов). От лат. <i>mille passus</i> («тысяча шагов»).	1609,344 м	a miss is as good as a mile (промах есть промах, даже на волосок); miles away (в мыслях далеко)
Морская миля (nautical mile)	1 угловая минута широты. Используется в навигации.	1852 м	knots per nautical mile (единица скорости судов); в авиации: flying 500 nautical miles

Inch (in (t) f) – дюйм. Самая маленькая мера длины в английской системе мер, равная 1/12 фута, или 2,54 см. В современном английском языке употребляются фразеологические компоненты с inch. Например, give him an inch and he’ll take a mile (дай ему только палец он и руку откусит); he is every inch a soldier (он солдат до мозга костей); an inch breaks no squares (не всякое лыко в строку, на мелкие промахи надо смотреть снисходительно); not to yield an inch – не уступать ни пяди или не уступать ни на йоту.

Следующая мера – mile (mail) – миля, единица длины в национальной неметрической системе единиц, сейчас применяется в морском деле. В Англии 1 миля равна 1,853184 км. Название этой меры сохранилось в выражениях:

not to come within miles of smb – не идти ни в какое сравнение с кем-либо или с чем-либо; to stick out a mile (само собой разумеется).

Мера длины yard равна 3 футам, то есть 90 см. История происхождения этой меры очень интересна. Английский король Генрих издал приказ считать за ярд расстояние от кончика носа до конца среднего пальца его вытянутой правой руки. И когда в 1135 г. король умер, вместе с ним исчез и эталон ярда. Конечно, люди не пришли от этого в отчаяние, а нашли другого человека такого же роста, как Генрих. Этому человеку присвоили звание хранителя ярда, его одевали и кормили за королевский счет. Мера эта сохранена до настоящего времени в таких устойчивых сочетаниях, как light for every yard (отстаивать каждую пядь земли); yard of pump water (тощий человек кожа да кости); to talk the yard (говорить без умолку).

Заключение

В заключение можем отметить, что в языке любого народа фразеологизмы помогают строить образную, красивую, емкую речь. Они по-своему отражают жизнь народа с далеких времен, в них выражен национальный колорит, дух народа, его история.

В старину у народов существовала своеобразная, вытекающая из трудовой практики и житейского опыта система меры длины. Обобщив наблюдения, мы можем утверждать, что большинство мер длины основывались на человеческом теле и измерялись с помощью рук, ног, то есть частей тела, о чем свидетельствуют фразеологизмы, пословицы и поговорки. На основе проведенного исследования фразеологических единиц, поговорок и пословиц с наименованиями старинных неметрических мер длины в русском, якутском, английском языках можно сделать вывод, что фразеологизмы, обладая национальным колоритом, ярко демонстрируют историю, культуру, быт и социальную реальность прошлого. Изучение истории своего народа в любом аспекте связывает поколения, обеспечивает преемственность культуры, способствует сохранению национальной культуры.

Л и т е р а т у р а

1. Телия В.Н. *Русская фразеология*. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. Москва: Язык русской культуры; 1996.
2. Виноградов В.В. *Лексикология и лексикография*: Избранные труды Москва: Наука; 1977:312.
3. Виноградов В.В. *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке*. Москва: Высшая школа; 1986:342.
4. Виноградов В.В. *Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины*. Москва: Наука; 1945:358.
5. Кунин А.В. *Курс фразеологии современного английского языка*. Москва: Высшая школа; 1996:381.
6. Кунин А.В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре. *Тетради переводчика*. 1964(2):52-62.
7. Молотков А.И. *Основы фразеологии русского языка*. Москва: Наука; 1977:282.
8. Амосова Н.Н. *Основы английской фразеологии*. Ленинград: Наука; 1963:208.
9. Шанский Н.М. *Фразеология современного русского языка*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2010.
10. Нелунов А.Г. *Якутско-русский фразеологический словарь = Сомоҕо домох сахалыы нууччалыы тылдьыта*. Новосибирск: Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ; 2002:418.
11. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН; 2002:286.

References

1. Telia VN. *Russian phraseology*. Semantics, pragmatic, and linguacultural aspects. Moscow: "Languages of Russian Cultures" Publ.; 1996 (in Russian).
2. Vinogradov VV. *Lexicology and lexicography*: Selected works. Moscow: Nauka; 1977:312 (in Russian).
3. Vinogradov VV. *On the main types of phraseological units in the Russian language*. Moscow: Publishing House "Vysshaya shkola"; 1986:342 (in Russian).
4. Vinogradov VV. *Basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline*. 1945:358 (in Russian).
5. Kunin AV. *A course in phraseology of modern English*. Moscow: 1996:381 (in Russian).
6. Kunin AV. On the translation of English phraseological units in the English-Russian phraseological dictionary. *Translator's Notebooks*. 1964;(2):52-62 (in Russian).
7. Molotov AI. *Fundamentals of phraseology of the Russian language*. Moscow: Nauka; 1977:282 (in Russian).
8. Amosova NN. *Fundamentals of English phraseology*. Leningrad: Nauka; 1963:208 (in Russian).
9. Shansky NM. *Phraseology of the modern Russian language*. Moscow: Publishing House "LIBROKOM"; 2010 (in Russian).
10. Nelunov AG. *Yakut-Russian phraseological dictionary*. Novosibirsk: SB RAS Publ.; 2002:418 (in Russian).
11. Yakut-Russian phraseological dictionary. Novosibirsk: Publishing House of SB RAS; 2002:286 (in Russian).

Сведения об авторе

СЛЕПЦОВА Галина Николаевна — к. п. н., доцент кафедры иностранных языков по гуманитарным специальностям ИЗФиР, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-9240-7729, Scopus Author ID: 57188767618, e-mail: slegal_61@mail.ru

About the author

Galina N. SLEPTSOVA – Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Foreign Languages in Humanities, Institute of Modern Languages and International Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-9240-7729, Scopus Author ID: 57188767618, e-mail: slegal_61@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 29.04.25

Принята к публикации / Accepted 15.05.25

УДК 81.42;811.112.2

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-170-183>

Оригинальная научная статья

О соотношении свёрнутых и развёрнутых пропозиций в текстах немецкоязычных баннеров футбольных фанатов

А. Г. Соловьев

Московский педагогический государственный университет, Ногинский филиал,
г. Ногинск, Российская Федерация

✉ sanyasanchezz@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются свёрнутые и развёрнутые пропозиции в немецкоязычных текстах баннеров футбольных фанатов, которые используются ими во время проведения матчей первой и второй Бундеслиги. Актуальность данного исследования определяется тем, что футбол является наиболее популярным видом спорта среди фанатов во всём мире и поэтому их дискурс требует отдельного рассмотрения. Научная новизна исследования состоит в том, что в немецкоязычных текстах баннеров футбольных фанатов впервые исследуются свёрнутые и развёрнутые пропозиции. Целью данной работы являются анализ соотношения свёрнутых и развёрнутых пропозиций в текстах баннеров и выявление прагматической интенции использования той или иной структуры. В качестве материала исследования были отобраны тексты на баннерах, в которых были выявлены свёрнутые и развёрнутые пропозиции. Классификация высказываний, размещенных на баннерах немецких футбольных фанатов, строится на соотношении свёрнутых и развёрнутых пропозиций. Порядок рассмотрения предполагает анализ текстов баннеров, содержащих в первой части развёрнутую пропозицию, а во второй свёрнутую, а затем предлагаются варианты, в которых свёрнутая пропозиция предшествует развёрнутой. В ходе исследования использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, обобщение, сравнение). В процессе работы удалось выяснить, что при позиции свёрнутой пропозиции в начале синтаксической структуры контекст и тема высказывания раскрываются даже при компрессионном использовании языковых средств. Развёрнутая пропозиция во второй части синтаксической структуры дополняет актуализированную в начале текста тему. При позиции развёрнутой пропозиции в начале синтаксической структуры по большей части даётся описание ситуации или адресата, вводится определённая тема, но контекст ситуации остаётся не всегда или не полностью раскрытым. Свёрнутая пропозиция восполняет недосказанность развёрнутой пропозиции, раскрывает её тему, может её дополнять, позволяет понять, какова цель всей предложения, при этом форма делает её краткой и выразительной.

Ключевые слова: пропозиция, свёрнутая пропозиция, развёрнутая пропозиция, субъект, предикат, баннер, синтаксическая структура, эллиптическая конструкция, номинализация, контекст

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Соловьев А. Г. О соотношении свёрнутых и развёрнутых пропозиций в текстах немецкоязычных баннеров футбольных фанатов. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 170–183. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-170-183

Original article

On the ratio of folded and expanded propositions in the texts of german-language soccer fan banners

Alexander G. Solovyov

Moscow State Pedagogical University, Noginsk branch, Noginsk, Russian Federation

✉ sanyasanchezz@mail.ru

Abstract

This article examines folded and expanded propositions in the German-language texts of football fans' banners, which they use during the matches of the first and second Bundesliga. The relevance of this study is determined by the fact that football is the most popular sport among fans all over the world and therefore their discourse requires separate consideration. The scientific novelty of the study is that in the German-language texts of football fans' banners, folded and expanded propositions are being studied for the first time. The purpose of this work is to examine the ratio between folded and expanded propositions in banner texts and to identify the pragmatic intention of using a particular structure. Banner texts were selected as the research material, in which folded and expanded propositions were revealed. The classification of statements posted on the banners of German football fans is based on the ratio of folded and expanded propositions. The order of consideration involves analyzing banner texts containing an expanded proposition in the first part and a folded one in the second, and then options are proposed in which the folded proposition precedes the expanded one. The research used general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, generalization, comparison). The study revealed that when a folded proposition is positioned at the beginning of the syntactic structure, the context and theme of the utterance are revealed even with the compression use of linguistic means. The expanded proposition in the second part of the syntactic structure complements the theme foregrounded at the beginning of the text. By the position of expanded proposition, at the beginning of the syntactic structure, for the most part, a description of the situation or the addressee is given, a specific topic is introduced, but the context of the situation is not always or not fully revealed. Folded proposition makes up for the omission of an expanded proposition, reveals its theme, can complement it, allows to understand what the purpose of the whole maxim is, while the form makes it concise and expressive.

Keywords: proposition, folded proposition, expanded proposition, subject, predicate, banner, syntactical structure, elliptical construction, nominalizing transformation, context

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Solovyov A. G. On the ratio of folded and expanded propositions in the texts of german-language soccer fan banners. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 170–183. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-170-183

Введение

Постановка проблемы. Спорт в современном мире является важной сферой коммуникации, которая объединяет людей, способствует укреплению и формированию связей между ними, а также между различными культурами. Одним из инструментов для достижения эффективного взаимодействия между спортсменами и их болельщиками в спорте являются создание и демонстрация баннеров на трибунах футбольного стадиона. В данной работе рассматриваются вопросы, связанные со взаимодействием свёрнутых и развёрнутых пропозиций в

немецкоязычных текстах баннеров футбольных фанатов, которые используются ими во время проведения матчей первой и второй Бундеслиги. Тексты баннеров часто строятся по принципу соединения в них свернутых и развернутых пропозиций, в связи с чем возникает вопрос о соотношении и расположении свернутых и развернутых пропозиций на баннерной продукции и о функциях каждого вида пропозиции в текстах данного типа.

Актуальность исследования обусловлена особой популярностью футбола среди болельщиков, необходимостью изучения их дискурса и недостаточностью текущих научных работ по вопросам типизации и соотношения пропозиций в определённых видах текстов. Баннеры являются средством передачи определённого сообщения их адресатам, поэтому представляется целесообразным проанализировать и разобрать данный тип текста для выявления его особенностей. Работ по анализу видов и расположения пропозиций в баннерах футбольных фанатов нет, несмотря на то, что этот вид эффективной спортивной коммуникации заслуживает определённого внимания. Этим объясняется актуальность проводимого исследования в данной публикации.

Целью данного исследования являются сопоставление развернутых и свернутых пропозиций на баннерах футбольных фанатов и определение прагматического эффекта, порождаемого соотношением свернутых и развернутых пропозиций в данном типе текста. Предполагается определить, в чём заключается роль каждого вида пропозиций на баннерах и какие функции они приобретают в зависимости от их позиционирования.

Материалом исследования послужили немецкоязычные тексты на баннерах футбольных фанатов, в которых были выявлены свернутые и развернутые пропозиции. Источником текстов баннеров является спортивный журнал «11 Freunde», в нём после каждого тура публикуются изображения футбольных баннеров, под каждым из них пишется текст, объясняющий, чему посвящён текст баннера. Материал для исследования также был взят из журнала «Faszination-fankurve», публикующего статьи об использовании фанатами баннеров и объясняющего их значения и причины появления на стадионах.

Теоретическую базу данного исследования составляют работы, посвящённые изучению пропозиций [Фреге, 1952; Витгенштейн, 1953; Рассел, 1956; Вендлер, 1970; Арутюнова, 1976, 2019; Москальская, 1981] и характеристикам баннеров [Burkhardt, 2009; Антипов, 2013; Белютин 2019, 2023].

Определение термина пропозиция и его развитие

Пропозиция, согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, – «это семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций)» [1].

После определения термина «пропозиция» далее в словаре подробно описывается, что «термин «пропозиция» восходит к латинскому слову *propositio*, первоначально обозначавшему в логике суждение, а в лингвистике – предложение, т. е. некоторую целостную единицу. Объём понятия пропозиции был ограничен частью предложения, высказывания или речевого акта. Новое значение термин «пропозиция» начал приобретать в конце XIX–начале XX веков в работах по логическому анализу языка науки. Новая концепция пропозиции отвечала давней тенденции к расчленению предложения (или высказывания) на объективную семантическую константу, способную получать истинностное значение, и субъективную переменную, выражающую отношение значения предложения к действительности (модальность), оценку достоверности сообщаемого говорящим,

коммуникативную задачу высказывания и эмотивное отношение говорящего к сообщаемому. Коррелятом пропозиции, соответствующим перечисленным выше значениям, стало являться понятие пропозиционального отношения, или установки. Таким образом, в состав пропозиции теперь входят термы, способные к референции, и предикат, приобретающий модальные и временные характеристики. Семантико-синтаксическая структура пропозиции считается изоморфной структуре факта. Эта точка зрения сводит пропозицию к реляционной структуре, состоящей из предиката и актантов» [1].

В современной логике и лингвистике нередко можно встретить понятие пропозиции. В процессе рассмотрения роли данного понятия в логике У. Куайн писал, что «этот термин был отнесен к необходимой в логических операциях семантической константе, обозначая то общее, что существует между данным предложением и его переводами на другие языки или его внутриязыковыми перифразами. По мнению исследователя, нужда в пропозиции ощущалась столь остро потому, что речь шла о некоторой ключевой категории, по отношению к которой осмыслились другие логические понятия. Так, например, синонимия предложений обычно определяется через идентичность пропозиций» [2, с. 21].

Н. Д. Арутюнова отмечала, что «понятие пропозиции видоизменялось в общем русле эволюции логических воззрений в ряде логико-философских школ и в так называемой «философии анализа». Сдвиг в подходе ко многим категориям логики был отчасти следствием изменения общего взгляда на мир как объект исследования и логического осмысления: модель мира в виде совокупности предметов, сущего, т. е. статический аспект сущности мира, постепенно уступила место представлению о мире как о совокупности фактов. Интерес к «фактическому» аспекту мира, к существующему в нем многообразию «положения дел» естественно побудил логиков перейти от разработки семантических моделей имени (знака предмета) к изучению значения предложения (понимаемого как знак события). Другое следствие обращения логиков к «миру фактов» можно видеть в общей семантизации логического понятийного аппарата. Категории классической логики, как известно, определялись прежде всего по их отношению к типам и формам мышления. Под пропозицией, или логическим суждением, подразумевалась определенная форма мысли, утверждающая или отрицающая нечто о предметах действительности. Именно в этом значении термин «пропозиция» был воспринят лингвистами, отнесшими его к языковой форме выражения суждения – к повествовательному предложению, а затем и к любому предложению вообще. С формы (способа) мышления термин «пропозиция» был перенесен на весьма разнообразные формы языка» [2, с. 21–24].

В следующей своей цитате Арутюнова утверждает, что «понятие пропозиции постепенно “повернулось” от мышления к миру, от субъективного фактора к фактору объективному. Оно стало применяться уже не к форме мышления, а к его содержанию, к конкретной мысли, выражаемой в предложении, тому, что в нем обозначается. Получив «семантизирующий» импульс, пропозиция стала постепенно освобождаться от категорий субъективной модальности, передвигаясь тем самым в направлении от утверждения о событии, или положении дел, к обозначению самого события, от выражения того, что мы думаем о мире, к обозначению того, что происходит в мире. Определение пропозиции было теперь поставлено в прямую зависимость от семантических теорий предложения, которые строились по аналогии с семантическими моделями имени, или термина. По мере того, как в фокусе логических исследований оказывалось значение предложения, понятия и категории семантики, выработанные логиками применительно к имени, перемещались в сторону предложения» [2, с. 24].

Далее стоит рассмотреть номиналистические теории предложения. Г. Фреге первым упомянул эти теории в своих работах. Описывая номиналистические теории предложения, Фреге установил два компонента в семантической структуре имени: первым из них является смысл (Sinn), другими словами это то, как представляется определённый предмет. Вторым компонентом является денотация (Bedeutung), т. е. отношение имени к какому-либо предмету. Термин «денотация» также обозначается как референция. Г. Фреге применил данную модель к анализу значения целого предложения. Он полагал, что предложение, подобно имени, обладает как смысловой стороной, так и значением (включая денотативный и референциальный аспекты). При этом Фреге ограничивался рассмотрением утвердительных высказываний, связывая выражаемые ими мысли (Gedanke) с их смыслом. Фреге считал, что в каждом суждении присутствует переход от смысла к значению, т. е. перемещение от уровня мысли к уровню референции является завершённым. Этими исследованиями у Г. Фреге получилось обособить пропозицию от коммуникативной модальности. По словам Арутюновой, «идеи Г. Фреге в дальнейшем послужат стимулом к формированию современной концепции пропозиции» [2, с. 25].

В. Рассел, осознавая значимость понятия пропозиции для современной логики и необходимость его переосмысления, предложил рассматривать её как «содержание веры». Согласно его взглядам, пропозиция – это то, что составляет предмет нашего мышления, когда мы мыслим истинно или ложно. Она представляет собой структурно организованную единицу, отражающую определённый факт, синтаксически соотносимую с реальной ситуацией, способную выражать значение истины или лжи и взаимодействующую с глаголами, обозначающими пропозициональные отношения. Идеи Рассела существенно повлияли на формирование как признаков самой пропозиции, так и на спектр вопросов, традиционно с ней ассоциируемых [2].

Последующее развитие концепта пропозиции осуществлялось через уточнение её роли в общей семантической структуре предложения и через выявление взаимосвязей с другими её элементами. Разные исследователи акцентировали внимание, как правило, на определённой стороне данного явления. Истинностное значение рассматривалось как основная отличительная черта пропозиции во всех её версиях. Л. Линский одновременно подчёркивал, что среди логиков существует согласие в отношении употребления этого термина для обозначения того, что способно обладать истинностным значением – быть истинным или ложным [2]. Арутюнова заключает, что «пропозиция, таким образом, рассматривалась логиками как носитель независимой от субъекта истины» [2, с. 32].

Л. Витгенштейн сосредоточил своё внимание на логическом понимании пропозиции, рассматривая её в качестве семантической категории, способной обладать истинностным значением. В своих работах он подчёркивал, что «оно равнозначно указанию на то, что предикатами пропозиции могут быть слова: истина и ложь (истинно, ложно). Витгенштейн приводил следующий тезис: «То, что лёд легче воды, истина! То, что сейчас светит солнце, ложь». Витгенштейн подчеркнул, таким образом, что приведенная дефиниция базируется на сочетаемости пропозиции с определённым семантическим типом предикатов, а не на соответствии концепту истины. Пока термин «пропозиция» обозначал логическое суждение, т. е. категорию, отвечающую коммуникативной цели утверждения / отрицания, истина и ложь составляли единственные предикаты пропозиции-суждения. Позднее, по мере осознания множественности коммуникативных целей высказываний, в пропозиции стали видеть тот семантический инвариант, который остается незыблемым при изменении коммуникативной задачи и, может, поэтому

входить не только в утверждение, но и в вопрос, просьбу, приказание, предположение, обещание, пожелание и т. п.» [2, с. 32-33].

Далее выяснилось, что способность выражать истинностное значение не является единственным характерным свойством пропозиции, так как она может быть связана не с истиной и ложью, но и с более глубоким спектром значений. З. Вендлер считал, что «варьирующаяся внешняя форма предложения, скрывающая одну и ту же глубинную структуру и взятая в её семантическом аспекте, есть пропозиция. Пропозиция всегда предстает в сочетании с теми или другими коммуникативными “силами”, придающими ей речевую целенаправленность. Только в сочетании с определенными коммуникативными “силами” пропозиции могут оцениваться как истинные, уместные или реализуемые» [2, с. 33].

Н. Д. Арутюнова делает вывод, что «пропозицией стали называть семантическую структуру, способную входить в модальную рамку. Термин «пропозиция» был применен к значению той части любого предложения, той семантической структуры, которая способна соединяться с любым «модусом коммуникативной цели», т. е. с глаголами, выражающими целенаправленность речевого акта. Пропозицию достаточно определить как семантическую структуру, объединяющую денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит центральная позиция» [2, с. 34].

Прагматический фактор и субъективный аспект речи были включены в круг проблем оксфордской школы. Прагматический фактор включает в себя такие прагматические аспекты, как пропозициональные связи, их корреляцию с пропозицией, а также контекстуальные условия и цели общения. Арутюнова дополняет, что «в этих новых теориях «Мир» составляет уже не семантический субстрат пропозиции, а фактор, создающий ситуацию коммуникации и определяющий ее задачи. Иначе говоря, мир вошел в эти концепции через человека» [2, с. 39].

О. И. Москальская под пропозициями понимает соединение семантического предиката с одним или несколькими семантическими аргументами, в зависимости от значения предиката. Исследовательница также описывает термин «пропозиция» как семантическое содержание предложения. Иными словами, пропозиция во внешней структуре предложения имеет форму реализации субъект-предикат (подлежащее-сказуемое) или «субъект предикат-объект» (подлежащее-сказуемое-объект). Структура предложения «подлежащее-сказуемое» отражает его семантическую структуру, а именно соединение предиката и аргумента, которая лежит в основе высказывания. Исходя из этого пропозиция – субъектно-предикатная структура. Субъект (подлежащее) называет аргумент или один из аргументов, а именно тот, который служит отправной точкой высказывания. Этот аргумент выражается в форме именительного падежа. Предикат (сказуемое) называет семантическую особенность аргумента и является спрягаемой формой глагола. Предикат – это носитель категории предикативности. В зависимости от характера и сочетаемости (валентности) предиката за субъектом и предикатом следуют остальные члены предложения [3].

Сами пропозиции бывают свёрнутыми и развёрнутыми. Развёрнутые пропозиции соответствуют структуре субъект-предикат и представляют собой цепочки субъектно-предикатных структур. В структуру развёрнутой пропозиции обязательно входит подлежащее в любой возможной форме реализации и спрягаемая форма глагола-сказуемого за которыми следуют другие члены предложения. В то же время эти члены предложения могут представлять собой свёрнутые пропозиции. Под свёрнутыми пропозициями О. И. Москальская понимает усечение и сужение субъектно-предикатных структур. Автор объясняет, что «в основе свертывания лежит компрессия информации, т. е. включение в

предложение за счет свернутых пропозиций одной или нескольких предикативных линий, что влечет за собой осложнение синтаксической структуры предложения. О. И. Москальская различает такие виды свёрнутых пропозиций, как субстантивные, адъективные и глагольно-адъективные номинализации, предложно-именные обороты, обособленные причастные обороты, свободные аппозиции и парантезы [3]. Таким образом, развёрнутые пропозиции могут содержать в себе одну или несколько дополнительных предикативных линий, которые и возникают в составе сложных высказываний как свёрнутые пропозиции».

Определение термина баннер

В качестве материала данного исследования были выбраны тексты, представленные на баннерах немецких футбольных фанатов первой и второй Бундеслиги в сезоне 23/24, входящие в баннерный дискурс, под которым понимаются простые и визуальные тексты в адрес своей или противоположной команд, конкретных игроков, футбольных функционеров и фанатов противоположной команды. Баннерами являются объёмные или не очень большие полотнища, которые футбольные фанаты вывешивают на трибунах стадиона. В немецком языке помимо слова «баннер» также используется слово «транспарант» с тем же значением. И то, и другое рассматривается как один из видов кореографии, сокращённо «корео» – «Choreografie», «Choreo» – комплекс аудиовизуальных способов поддержки футбольной команды. С визуальной точки зрения она представляет собой уникальную картинку на крупных полотнах, которая растягивается по всей трибуне на спортивном мероприятии. Кореография обычно демонстрируется до начала игры непосредственно перед выходом команд на футбольное поле [4].

В России футбольные фанаты используют термин «кореография» довольно редко, предпочитая номинацию «полотна-растяжки». Баннеры и транспаранты – более популярные термины среди российских фанатов, однако их также называют «растяжки-текстовики».

Баннеры являются неотъемлемыми составляющими футбольного перформанса. Футбольный перформанс – театральное представление вне сцены без жестко заданных ролей его актёров-участников. По словам Н. С. Антипова, «организацией перформанса на трибунах занимаются специальные группы фанатов под названием «Ультрас». Это, как правило, официально зарегистрированная структура, которая объединяет от десяти до нескольких тысяч наиболее активных фанатов, занимающихся всевозможным информационным продвижением и поддержкой своей команды – промо-атрибутикой, популяризацией своего движения (средствами актуализации которых считаются граффити, стикеры, листовки и т. п.). Заимствованным из английского языка словом «перформанс» (performance) футбольные ультрас обозначают театрализованное представление, которое они готовят для демонстрации непосредственно во время матча» [5, с. 2].

По мнению А. Буркхардта, баннеры и транспаранты представляют собой специфическую разновидность визуальных знаков. Он подчёркивает их преимущества, включая широкую тематическую вариативность содержания и значительный потенциал к привлечению общественного внимания [6].

Тексты баннеров ранее исследовались Р. В. Белютиным с использованием концепции прагмасемантики. По словам Белютина «данный подход сформировался на пересечении семантики, как лингвистической дисциплины, и прагматики, ориентированной на изучение речевого взаимодействия. Преимущества прагмасемантической концепции заключаются в её более высокой степени интерпретации специфики изучения дискурса как многомерного феномена, характеризующегося такими свойствами, как интеракциональность,

интенциональность, социальная обусловленность и другими» [7]. Интеракционность представляет собой форму речевого взаимодействия, характеризующуюся активным участием коммуникантов, взаимной обусловленностью высказываний, их динамической природой, а также потенциальной конфликтностью, присущей продуктам речевой деятельности в процессе коммуникации [8]. Под интенциональностью подразумевается связь семантических функций языковых феноменов с коммуникативными целями говорящего [9].

В данной статье рассматриваются тексты баннеров на предмет выявления в них соотношения между свёрнутыми и развёрнутыми пропозициями с целью определения их прагматической интенции и эффекта, достигаемого с помощью названных синтаксических явлений. На наш взгляд, при контактном расположении свёрнутых и развёрнутых пропозиций в тексте одного баннера они дополняют друг друга и могут выступать средством апелляции как к одному, так и к многим адресатам.

Расположение свёрнутой пропозиции в начале и развёрнутой в конце

Рассмотрим примеры баннеров, состоящих из двух пропозиций, одна из которых свёрнута и содержится в первой части синтаксической структуры, а вторая – развёрнутая и поставлена в конец:

(1) *«In Gedenken an alle verstorbenen Bayer-Fans – dieser Titel gehört auch euch»*

«В память о всех ушедших из жизни фанатов Байера – этот трофей также принадлежит вам».

Данный баннер был представлен болельщиками Леверкузенского Байера в игре тридцать четвёртого тура против футбольного клуба Аугсбург. В тексте баннера речь идёт о тех болельщиках клуба, которые ушли из жизни, не застав первую победу Байера в Бундеслиге. В тексте данного баннера представлены две пропозиции – свёрнутая и развёрнутая. Первая выражена эллиптической абстракцией с номинализацией предикативной части с помощью образования абстрактного существительного от глагола. Свёрнутая пропозиция может быть восстановлена следующим образом: *«Aller verstorbenen Bayer-Fans wird gedacht»* – «Вспоминаются все ушедшие из жизни фанаты Байера». Компрессия позволяет кратко обозначить повод к представлению данного баннера на стадионе и раскрыть контекст ситуации. Следующая за ней развёрнутая пропозиция показывает посыл предыдущего предложения – ушедшие из жизни фанаты тоже причастны к победе клуба в чемпионате, так как на протяжении всей жизни поддерживали команду и ожидали этого события.

(2) *«Mit Glitzer, Konfetti und Torte ins neue Lebensjahr, Deine Fans lieben Dich, Martin»*

«С блёстками, конфетти и тортом в новый год жизни, твои фанаты любят тебя, Мартин».

Текст баннера (2) адресован частному инвестору футбольного клуба Ганновер 96 Мартину Кинду, которому незадолго до игры клуба исполнилось 80 лет и которого недолюбливают болельщики Ганновера. Активные фанаты клуба перед матчем кинули в лобовое стекло машины инвестора торт. В тексте баннера в свёрнутой пропозиции существительное «Torte» отсылает к акции, проведённой болельщиками. Свёрнутая пропозиция представлена в форме эллиптической конструкции, в которой отсутствуют субъект и предикат. В тексте свёрнутой пропозиции перечисляется то, что связано с праздником и на первый взгляд имеет позитивную коннотацию. Однако в слове «Torte» заложен скрытый подтекст – под ним подразумевается не подарок, а проведённая болельщиками накануне матча акция. Создаётся так называемый эффект обманутого

ожидания, когда фанаты перечисляют вещи, связанные с концептом «праздник», но в последнем из них содержится отрицательная коннотация. Развернуть эту пропозицию можно, восполнив субъект и предикат: *«Mit Glitzer, Konfetti und Torte kommst du ins neue Lebensjahr»* – «С блёстками, конфетти и тортом ты вступаешь в новый год своей жизни». Кроме того, к слову «Torte» можно было бы добавить определение «geworfen» и тем самым дополнить высказывание еще одной свёрнутой пропозицией в виде глагольно-адъективной номинализации – *«mit auf die Windschutzscheibe geworfene Torte»* – «с брошенным в лобовое стекло тортом».

В развёрнутой пропозиции глагол „lieben“ несет в себе ироничный подтекст. Благодаря тексту развёрнутой пропозиции раскрывается суть отношений между фанатами и инвестором, что передает прагматическое значение всего высказывания. Предикат „lieben“ повышает эмоциональное воздействие всего высказывания на причастных к акции и объясняет цель заявленного в свёрнутой пропозиции действия – показать оценку фигуры инвестора и отношение к нему фанатов в ироническом ключе.

(3) *«Triple Red? Bei dieser Lüge sehen wir schwarz»*

«Тройной красный? В этой лжи я вижу чёрный».

Баннер (3) актуализирует протест фанатов мюнхенской «Баварии» против её руководства в связи с объявлением в социальных сетях о новой домашней форме на сезон Бундеслиги 24/25, т. е. той, в которой футболисты должны были выступать на стадионе Баварии Альянц Арена. Текст баннера содержит ответ на слоган, под которым была представлена эта форма: *«Auf geht's Ihr Roten – die Magie von Triple-Red»* – «Вперёд, Красные – магия тройного красного». Недовольство фанатов вызвало то, что один из трёх красных тонов на футболках кажется на первый взгляд чёрным, о чём говорится в развёрнутой пропозиции *«Bei dieser Lüge sehen wir schwarz»*. Чёрный цвет напоминает болельщикам Баварии их давнего соперника – футбольный клуб Нюрнберг. Свёрнутая пропозиция в начале предложения является вопросительной эллиптической конструкцией в виде недоумённого переспроса, одного из структурно-прагматических типов недоумённого вопроса. Термин «недоумённый вопрос» впервые введён в языкознание для обозначения вопросительных высказываний с семантикой недоумения [10, с.18]. Согласно Л. П. Чахояну, переспрос представляет собой речевое действие, связанное с психической реакцией собеседника на предыдущее высказывание. Этот автор выделяет две коммуникативные разновидности переспроса: переспрос-уточнение и полный переспрос. Е. М. Кутянина, рассматривая виды переспроса на материале немецкого языка, выделяет переспрос-эллипсис, который, по её мнению, в значительной мере теряет вопросительность ради выражения эмоциональных реакций [11]. Данный переспрос является не только уточнением, но и переспросом-эллипсисом. Он выражает эмоциональные отношения к факту: обновление формы игроков и недоумение болельщиков. Развернуть данную свёрнутую пропозицию можно было бы следующим образом *«Meinen Sie wirklich Triple-Red?»* – «Вы действительно имеете ввиду тройной красный?» Контекст ситуации в свёрнутой пропозиции понятен уже при наличии только композита – «Triple-Red», но причину негативной реакции фанатов невозможно определить с помощью одной свёрнутой пропозиции. Текст развёрнутой пропозиции раскрывает причину недовольства болельщиков и помогает выразить оценку: фанаты обвиняют руководство в отходе от традиций клуба при его попытке обновить форму команды.

(4) *Nur der eine Wunsch Jahr für Jahr ... Eines Tages wird er wahr*

Лишь это одно желание из года в год... Однажды оно сбудется.

В тексте данного баннера речь идёт о желании болельщиков леверкузенского Байера первой победы их клуба в чемпионате Германии. Понять это помогают

фоновые знания и изображённый по середине баннера персонаж из книг и фильмов Гринч, обхватывающий трофей Бундеслиги, на котором изображён логотип леверкузенского Байера. Появление этого персонажа связано с тем, что баннер был показан накануне Рождества. Свёрнутая пропозиция «Nur der eine Wunsch Jahr für Jahr» – «*Лишь это одно желание из года в год*» является эллиптической конструкцией и выражает то, что каждый год фанаты клуба мечтают о главном футбольном трофее Германии. В пропозиции опущен предикат, который можно было бы восполнить следующим образом: «Nur der eine Wunsch bleibt unerfüllt/wiederholt sich/verfolgt mich/ist da Jahr für Jahr» – «*Лишь одно желание остаётся неисполненным/повторяется/преследует меня/ присутствует год за годом*». Отсутствие предиката и многоточие усиливают эмоциональную окраску высказывания и создают эффект недосказанности и ощущение долгого ожидания, а сжатая форма усиливает выразительность и делает текст лаконичным. Развёрнутая пропозиция «Eines Tages wird er wahr» – «*Однажды оно сбудется*» прерывает созданный в свёрнутой пропозиции эффект ожидания и даёт свой ответ на то, о чём говорится в свёрнутой пропозиции. Тем самым создаётся контраст между двумя предложениями, где свёрнутая пропозиция вводит тему высказывания, а развёрнутая дополняет её и усиливает экспрессию всего высказывания.

Таким образом при позиции свёрнутой пропозиции в начале синтаксической структуры контекст и тема высказывания понятны даже при компрессионном использовании языковых средств. Развёрнутая пропозиция во второй части синтаксической структуры дополняет актуализированную в начале текста тему: через развёрнутую пропозицию может быть выражена оценка ситуации, назван посыл или причина действия. Обе пропозиции также могут контрастировать друг с другом, где развёрнутая пропозиция усиливает экспрессию всего высказывания. Эллиптические конструкции и номинализации в текстах со свёрнутыми пропозициями объясняются стремлением к элиминации избыточных элементов, что способствует экспрессивности и большей выразительности высказываний.

Расположение развёрнутой пропозиции в начале и свёрнутой в конце

Теперь рассмотрим примеры текстов баннеров, в которых развёрнутая пропозиция предшествует свёрнутой:

(5) «*Identifikation und Loyalität sind das, wofür dein Name steht. Danke, Marco*»

«*Идентификация и верность это то, что значит твоё имя. Спасибо, Марко*».

Текст данного баннера адресован игроку клуба Боруссии Дортмунд Марко Ройсу. Баннер был показан фанатами дортмундской Боруссии во время матча последнего тура Бундеслиги Боруссия Дортмунд – Дармштадт 98. На этой игре болельщики прощались с известным футболистом Марко Ройсом. Он стал легендой клуба из-за своей преданности, поскольку играл в Дортмунде 12 лет. Для него это был последний выход на поле за клуб. У многих фанатов имя Марко Ройс ассоциируется с дортмундской Боруссией и преданностью к этой команде. Вышесказанное подтверждают существительные «*Identifikation*» и «*Loyalität*» в развёрнутой пропозиции.

Свёрнутая пропозиция в тексте данного баннера выражена эллипсисом «*Danke, Marco*», отсылающим к высказываниям, типичным для разговорной речи. Свёрнутую пропозицию можно было бы развернуть следующим образом: «*Wir danken dir, Marco*» – «*Мы благодарим тебя, Марко*». Притяжательное местоимение «*dein*» и существительное «*Name*» в первом предложении указывает на то, что далее последует обозначение конкретного лица, которому уже дана лестная характеристика, однако адресат не называется. Сочетание развернутой и свёрнутой пропозиций эксплицирует посыл текста: полный текст баннера – это

выражение благодарности, а из фонда пресуппозиций выводится смысл того, что текст баннера является также прощанием. Таким образом, в развёрнутой пропозиции выражена характеристика, в свёрнутой – благодарность.

(6) *«Deine Geschichten werden auf ewig weiterhallen - Für immer Freunde - Für immer Kiste - Für immer Ultras»*

«Твои истории будут звучать вечно – На веки друзья – На веки Кистэ – На веки ультрас».

Текст баннера (5) посвящён одному из членов ультрас клуба Санкт-Паули по прозвищу «Kiste», который ушёл из жизни накануне матча футбольного клуба Санкт Паули против футбольного клуба Карлсруэ и чью память решили почтить болельщики клуба Вердер Бремен. Текст содержит одну развёрнутую пропозицию и три свёрнутых, также баннер снабжён фотографией болельщика. В трёх свёрнутых пропозициях использован приём анафорического повтора, служащего в стилистике, в частности, средством создания ритма высказывания, что делает его эмотивно заряженным. Три свёрнутые пропозиции также представляют собой эллиптические конструкции. Развернуть эти пропозиции можно было бы следующим образом: *«Wir sind für immer Freunde – Kiste lebt für immer – Wir sind für immer Ultras»* - *«Мы навсегда друзья – Кисте живёт вечно – Мы навсегда Ультрас»*. Как и в предыдущем примере, в тексте развёрнутой пропозиции притяжательное местоимение *«deine»* отсылает к конкретному лицу и называет одно из его качеств. Тема высказывания очевидна, это – выражение соболезнования, хотя и здесь не ясно, о ком идёт речь. Тот, к кому обращён текст, называется только в свёрнутой пропозиции. Более того, речь идёт не только о выражении соболезнования, акцент сделан на дружеских отношениях между фанатами разных клубов. Три свёрнутые пропозиции усиливают прагматический эффект всего высказывания – происходит выделение важной информации посредством анафорического повтора и дополнений, тем самым повышается выразительность высказываний и их экспрессивность. Цель всего высказывания – почтить память фаната с намерением никогда не забывать о нём.

(7) *«Deine Chronik reicht von der Landesliga bis zur Meisterschaft – Ein Hoch auf 120 Jahren Fürther Fussballmacht»*

«Твоя хроника простирается от любительской лиги до чемпионства – Тост за 120-летие футбольной власти Фюрта».

В тексте баннера (7) болельщики поздравляют свой футбольный клуб Гройтер Фюрт с днём рождения. Текст содержит развёрнутую пропозицию в начале и свёрнутую в конце. В первой речь идёт о том, что в первые годы своего существования клуб прошёл путь от любительской лиги до чемпионства в высшей лиге Германии. В развёрнутой синтаксической конструкции, также как и в двух предыдущих примерах, используется притяжательное местоимение *«deine»*, которое указывает на степень доверительных отношений между клубом и его фанатами. Однако текст развёрнутой пропозиции не раскрывает полноты контекста речевой ситуации – поздравление команды с днём рождения, в нём только даётся характеристика команды. Собственно цель высказывания содержится в свёрнутой пропозиции в виде эллиптической конструкции, где фанаты поздравляют клуб со сто двадцатилетием. Эллипсис придаёт высказыванию экспрессивную окраску через переход в разговорный регистр речи. Развернуть свёрнутую пропозицию можно было бы следующим образом: *«Wir bringen ein Hoch auf 120 Jahren Fürther Fussballmacht aus»* – *«Мы поднимаем тост за 120-летие футбольной власти Фюрта»*.

(8) *«Euer größtes Gut hat euch gefehlt, mit Kampf zurück auf unseren Weg»*

«Вам недоставало самого ценного, с боем назад на наш путь».

В тексте этого баннера болельщики клуба «Боруссия» (Менхенгладбах) выражают критику своей команды в связи с неудовлетворительными результатами в чемпионате и призывают игроков, тренеров и руководство клуба принять меры, чтобы начать снова побеждать. Развёрнутая пропозиция формулирует проблему, а свёрнутая пропозиция усиливает эмоциональное воздействие всего высказывания и предлагает действие для решения проблемы, заданной в развёрнутой пропозиции. Между двумя предложениями создаётся контраст по схеме «проблема – решение». Контекст ситуации можно понять только с помощью фоновых знаний – ни одна из пропозиций не раскрывает его полностью. В тексте этого баннера, также как и в примере (4), обе пропозиции контрастируют друг с другом и пропозиция, находящаяся в конце, усиливает экспрессию всего высказывания. В эллипсисе существительное «Kampf» является субстантивной номинализацией. Развернуть свёрнутую пропозицию можно посредством преобразования субстантивной части в предикативную: «Wir kämpfen auf unseren Weg durch» – «Мы пробьёмся обратно на наш путь».

Таким образом, при позиции развёрнутой пропозиции в начале синтаксической структуры по большей части даётся описание ситуации или адресата, вводится определённая тема, часто наблюдается использование местоимений, указывающих на референта, но в рассмотренных примерах сам референт не называется, контекст ситуации остаётся не всегда или не полностью раскрытым. Свёрнутая пропозиция восполняет недосказанность развёрнутой пропозиции, раскрывает её тему, может её дополнять, позволяет понять, какова цель всей сентенции, при этом форма делает её краткой и выразительной. При таком расположении пропозиций, так же как и в первом виде, они могут контрастировать друг с другом, а пропозиция, расположенная в конце, как правило, усиливает экспрессию всего высказывания. Эллиптические конструкции в свёрнутых пропозициях придают высказыванию черты непринуждённости, окрашивая его стилистически как разговорную речь.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что при контактном расположении свёрнутых и развёрнутых пропозиций имеет значение их позиция в тексте. Свёрнутые пропозиции в начале текста являются достаточными для определения контекста ситуации и достижения экспрессивности и выразительности высказывания, однако требуют после себя развёрнутую пропозицию для достижения определённого прагматического эффекта. При позиции развёрнутых пропозиций в начале высказывания даётся представление о теме высказывания и указание на референта, тогда как следующие за ними свёрнутые пропозиции определяют цель всего высказывания и его прагматический эффект. Свёрнутые и развёрнутые пропозиции могут создавать семантический контраст во всём высказывании, и конечная пропозиция, как правило, усиливает экспрессию баннера независимо от ее типа. Из этого следует, что пропозиция, сформулированная в конечной позиции, важна для усиления эффекта высказывания в целом. Средства компрессии, используемые в свёрнутых пропозициях, способствуют краткости, что в свою очередь усиливает экспрессивность и выразительность высказываний. Таким образом, прагматический эффект достигается только при взаимодействии двух видов пропозиций. В рассматриваемом типе текста закономерностей в расположении пропозиций не выявлено, так как мы считаем, что принципиального влияния на прагматический эффект эта позиция не оказывает.

Л и т е р а т у р а

1. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Большая российская энциклопедия; 2002:709.
2. Арутюнова Н.Д. *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*. Москва: Едиториал УРСС; 2019:384.
3. Москальская О.И. *Грамматика текста*. Москва: Высшая школа; 1981:183.
4. Patric Seibel: *Lebende Bilder – Zur Choreographie des Fußballs*. In: SWR2. 2019.
5. Антипов Н.С. *Футбольный перформанс как вид современного искусства*. Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2013. URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013009350> (дата обращения: 25.05.2025).
6. Белютин Р.В. Прагмасемантика высказываний футбольных фанатов в баннерной коммуникации (на материале немецкого языка). *Известия Смоленского государственного университета*. 2023;62(2):84-94.
7. Белютин Р.В. *Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса*. Смоленск: Изд-во СмолГУ. 2019:336.
8. Шкапенко Т.М. Интеракционально-прагматические функции междометий: на материале заимствованных англо-американских интеръективов в современном русском языке: Диссер. ... д. филол. н.: Калининград: 2017:377.
9. Бондарко А.В. О стратификации семантики. *Общее языкознание и теория грамматики*: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. Санкт-Петербург; 1998:51-63.
10. Блох М.Я. Коммуникативные типы предложения в аспекте актуального членения. *Иностранные языки в школе*. 1976;(5):14-23.
11. Воробьева Е.Н. Структурно-коммуникативные типы недоуменного переспроса. *Язык и культура*. 2015;30(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-kommunikativnye-tipy-nedoumennogo-perespresa> (дата обращения: 25.05.2025).

References

1. Llinguistics encyclopedic dictionary. Moscow: Great Russian encyclopedia; 2002:709 (in Russian).
2. Arutyunova ND. *Sentence and its meaning: logical and semantic problems*. Moscow: Editorial URSS; 2019:384 (in Russian).
3. Moskal'skaya OI. *Grammar of the text*. Moscow: Vysshaya Shkola; 1981:183 (in Russian).
4. Patric Seibel: *Lebende Bilder – Zur Choreographie des Fußballs*. In: SWR2. 2019 (in German).
5. Antipov NS. *Football performance as a type of contemporary art*. In: Proceedings of the 5th International Student Scientific Conference “Student Scientific Forum”. 2013. Available at: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013009350> [Accessed 25 May 2025] (in Russian).
6. Belyutin RV. Pragmasemantics of football fan statements in banner communication (Based on the material of the German Language). *Izvestia of Smolensk State University*. 2023;62(2):84-94 (in Russian).
7. Belyutin RV. *Pragmasemantic and linguomental projections of German sports discourse*. Smolensk: Publishing House of Smolensk State University; 2019:336 (in Russian).
8. Shkapenko TM. Interactional-pragmatic functions of interjections: based on the borrowed Anglo-American interjectives in modern Russian language: Doctoral dissertation (Philology). Kaliningrad: 2017:377 (in Russian).
9. Bondarko AV. On the stratification of semantics. In: General linguistics and grammar theory: Proceedings of the conference in honor of S. D. Katsnelson's 90th birthday. St. Petersburg: 1998:51-63 (in Russian).
10. Blokh MYa. Communicative sentences types in relation to functional sentence perspective. *Foreign Languages in School*. 1976;(5):14-23 (in Russian).

11. Vorobyova EN. Structural-communicative types of the puzzled echo-question. *Language and Culture*. 2015;30(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-kommunikativnye-tipy-nedoumennogo-peresprosa> [Accessed 25 May 2025] (in Russian).

Сведения об авторе

СОЛОВЬЁВ Александр Геннадьевич – аспирант, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», ногинский филиал, г. Ногинск, Российская Федерация, ORCID: 0009-0007-8767-9173, e-mail: sanyasanchezz@mail.ru

About the author

Alexander G. SOLOVYOV – Postgraduate Student, Moscow State Pedagogical University, Noginsk branch, Noginsk, Russian Federation, ORCID: 0009-0007-8767-9173, e-mail: sanyasanchezz@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 28.04.25

Принята к публикации / Accepted 03.06.25

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-184-191>

Оригинальная научная статья

«Труды и дни Свистонова» Константина Вагинова: два автора и два их нарратива

Л. А. Ухтомская

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

✉ 9october@list.ru

Аннотация

В статье анализируется повествовательная структура романа «Труды и дни Свистонова» в аспекте сопоставления двух нарративов – авторского и персонажного. Целью исследования выступает демонстрация специфики их взаимозависимости и взаимообусловленности. Актуальность работы обусловлена общефилологическим интересом к литературе русского авангарда, развитие которого было пресечено установлением партийного контроля над литературой и спецификой композиции «романа в романе», не предоставляющего образцов самостоятельно письма одного из авторов. Перспективность настоящего исследования обусловлена синонимичностью культурной ситуации 1920-х и 2020-х годов в аспекте проблемы перегруженности литературы знаками культуры иных эпох, приводящей парадоксальным образом к отчуждению от прошлого. К. Вагинов насыщает свистоновский текст элементами собственного повествования, но последнее при этом включает в себя элементы, отобранные Свистоновым для его романа. Оба нарратива испытывают значительное влияние культурных кодов прошлого. В этой связи делается вывод о том, что внешний вымышленный текст наращивается за счет другого, внутреннего вымышленного текста, а литература сводится к распознаванию собственных и чужих цитат. На уровне повествовательной структуры выявляются черты рекурсивности или литературной аутофагии, коррелирующие с идеей танатоцентричности творчества, отсылки к которой представлены в «Трудах и днях Свистонова» и ранее были описаны другими интерпретаторами романа. К числу конкретных задач относятся выявление творческих методов обоих нарраторов и философских взглядов К. Вагинова на природу творчества и культуру как совокупность знаков, выражающих общечеловеческий опыт, изучение визуального кода романа и онтологического статуса вымышленного и действительного миров.

Ключевые слова: Константин Вагинов, «Труды и дни Свистонова», нарратология, коллекции и коллажи, параллельные повествовательные структуры, литературная аутофагия, самопародия, имитация, гетерогенный текст, фазы текстопорождения, границы реальности и фикциональности

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Ухтомская Л. А. «Труды и дни Свистонова» Константина Вагинова: два автора и два их нарратива. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 184–191. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-184-191

Original article

“The Works and Days of Svistonov” by Konstantin Vaginov: two authors and their two narratives

Lydia A. Ukhtomskaya

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

✉ 9october@list.ru

Abstract

The article analyzes the narrative structure of Konstantin Vaginov's novel, “The Works and Days of Svistonov” (1928-1929), focusing on a comparison of the authorial and character-based narratives. The study aims to demonstrate the specific nature of their interdependence and mutual conditionality. The work's relevance stems from the general philological interest in Russian avant-garde literature, the development of which was curtailed by the imposition of party control over literature, as well as from the unique composition of the “novel within a novel”, which obscures independent authorial voices. The perspectivity of this research is conditioned by the synchronicity between the cultural situations of the 1920s and the 2020s, specifically concerning the problem of literature's overload with cultural signs from eras, which paradoxically leads to alienation from the past. Vaginov imbues Svistonov's text with elements of his own narrative, while the latter incorporates elements selected by Svistonov for his own novel. Both narratives are significantly influenced by cultural codes of the past. Consequently, it is concluded that the external fictional text is built upon another, internal fictional text, and literature is reduced to the recognition of self- and other-quotations. At the level of narrative structure, the study identifies features of recursiveness, or literary autophagy, correlating with the idea of the thanatocentricity of creativity, references to which are present in “The Works and Days of Svistonov” and have been previously described by the other interpreters of the novel. Specific objectives include identifying the creative methods of both narrators, Vaginov's philosophical views on the nature of creativity and culture as an aggregate of signs expressing universal human experience, examining the visual code of the novel, and analyzing the ontological status of fictional and real world.

Keywords: Konstantin Vaginov, “The Works and days of Svistonov”, narratology, collections and collages, parallel narrative structures, literary autophagy, self-parody, imitation, heterogeneous text, phases of literary creation, border between reality and fictionality

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Ukhtomskaya L. A. “The Works and Days of Svistonov” by Konstantin Vaginov: two authors and their two narratives. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 184–191. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-184-191

Введение

Константин Вагинов – поэт-обэриут, участник круга Михаила Бахтина – пишет в 1928–1929 годах роман «Труды и дни Свистонова», проблематизирующий соотношение между реальностью и фикциональностью. Предлагаемый анализ становится возможным благодаря параллельному со-бытию двух нарративных структур – вагиновского текста и текста, создаваемого персонажем, – Свистоновым. Методологической основой настоящего исследования послужили работы крупных отечественных и зарубежных нарратологов: М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана,

В. Шмида, Ж. Женетта, касающихся вопросов повествовательной организации текста, соотношения фигур автора и персонажа. Кроме того, привлекался массив исследований, посвященных полиглотизму художественного текста. Среди авторов работ о текстуальной неоднородности выделим Н. Е. Меднис, С. Н. Зенкина, Р. Лахманн. Историко-литературной базой послужили научные труды следующих исследователей метапрозаических текстов и непосредственно творчества К. К. Вагинова: Е. О. Козюра, О. В. Шиндина, В. Б. Зусева-Озкан, Д. М. Бреслер.

События романа «Труды и дни Свистонова» консолидируются вокруг замысла Андрея Николаевича Свистонова и его воплощения в некоем романе, по окончании которого все его герои и сам автор переходят в этот безымянный текст с неопределенным сюжетом. Однако говорить о «матрешечной» конструкции «Трудов и дней Свистонова» в данном случае было бы упрощением – связь двух нарративов устроена сложнее.

Жизненные реалии и литература как стимуляция творчества

Введение в художественный текст подлинных документов, дневников, объявлений, невыдуманных рассказов, анекдотов – прием, в целом характерный для советской литературы 1920-х годов. Лидия Гинзбург называла подобного рода литературу промежуточной. В 2023 году была опубликована записная книжка Константина Вагинова «Семечки», в которой Константин Константинович фиксировал необработанный, нелинейный материал. Дмитрий Бреслер, причастный к ее изданию, отмечает, что Вагинов выступает здесь как социальный лингвист, исследующий маргинальные практики советского новояза и сохраняющий образцы прямой речи современного ему обывателя [1]. Приведем некоторые выдержки из «Семечек»: *«где остановился, там и женился»*, *«он смотрел на свою жизнь сквозь пальцы»*, *«неудачная блондинка»*. Эти и прочие забавные, броские, иногда вульгарные фразы или диалоги, подхваченные из эпического быта и «блатного» жаргона выдержаны в той же стилистической тональности, что и юмор «Трудов и дней Свистонова», на страницах которого можно найти *«заморочку гадостей, вонючие случаи»*, и фразы типа *«пожилой человек... за столом замяукал – этим он выразил желание попить чайку»*.

Так же, как и Свистонов, по мысли которого чтение *«расталкивает»* авторское воображение, Вагинов отталкивается от действительного мира, создавая мир вымышленный. В «Трудах и днях Свистонова» читаем о том, что кипы зарисовок, вырезок, выписок, ловких фраз, целых разговоров, эскизы города, жанровые сценки – *«все это росло и вступало в связь в комнате Свистонова»* [2, с. 232]. Сказанную кем-то фразу о Софийском соборе Свистонов ловит и прячет для одного из собственных героев, перекладывает в карман сады, по которым прогуливается, идет на кладбище читать надгробные надписи с целью поиска подходящих фамилий и мимоходом записывает разговор знакомого фельетониста со священником – из таких «краж» состоит буквально весь текст «Трудов и дней Свистонова». Жена помогает ему отбирать и сортировать газетные заметки – клеит их на отдельные листы, иногда перечитывает вслух. Сам Свистонов постоянно находится в состоянии охоты за будущими персонажами: люди *«делились на необходимых для его романа и ненужных»* [2, с. 224]. В Эрмитаж Свистонов прицельно идет разглядывать изображения сцен охоты, при этом он сам *«охотится»* за сценами охоты – здесь отчетливо начинает звучать мотив подобия. Эрмитажная живопись таким образом перекодирует на язык зрительных образов его собственный литературный метод. Свистоновская охота (в другом месте – *«работа»*) завершается присвоением места, вещи или человека и помещением внутрь романа. Все описываемое вымышленным автором буквально перекачивается из трехмерной реальности в двухмерное пространство текста.

Книги других авторов так же *питательны* для Свистонова, они при этом могут быть самыми разнообразными («кулинарные книги, лечебники... посвященные ... танцам, карточным играм» [2, с.154]), он ходит к букинистам, исследует много *[книг]* в нежных свиных и телячьих переплетах. Здесь отчетливо утверждается гастрономический код: чужие тексты предстают как колбасное изделие в оболочке переплета. В другом фрагменте один из героев, Психачев, «как тесто, подымается в нем» [2, с. 211]. Свистонов дробит мир реальный и мир культуры, переваривает и склеивает вещи и слова по коллажному принципу. По своей сути коллаж представляет собой двухфазный процесс: сначала происходит отбор и коллекционирование подходящего материала, после чего извлеченный из естественной среды, он комбинируется и соплагается особым образом, в соответствии с эстетической программой автора. Тема коллекционирования не раз связывалась с произведениями К. Вагинова в отечественной филологической науке [3]. К примеру, Свистонов просит друга прислать *конфетные обертки*, записки, дневники родственников и знакомых. Заметим, что одним из объектов коллекционирования для Константина Вагинова, который, вероятно, и скрывается за фигурой адресата просьбы, были как раз конфетные фантики. Свистонов, разумеется, тоже переживает страсть к коллекционированию, он *директор кунсткамеры*, бальзамирующий эпоху. Представляется важным тот факт, что свистоновское коллекционирование парадоксально бессистемно: отбор объектов не предполагает выстраивания изолированного самостоятельного мира. При перемещении объектов в новое контекстное окружение их ценность, вопреки целям специального отбора, утрачивается, а сами они исчезают, о чем свидетельствует образование пустот там, где Свистонов осуществил присвоение.

Свистоновская практика коллекционирования распространяется не только на объекты предметного и смыслового мира, а также на собственных друзей и знакомых; каждого Свистонов заботливо помещает в свой роман и тут же теряет к нему интерес, переходя к следующему персонажу [4]. Разнородность присваивания и отсутствие собственно творческих эманаций позволяют говорить о беспомощности автора, который не столько управляет материалом, сколько управляем им.

Покровительство Вагинова Свистонову

Считается установленным, что вставная новелла «Романист-экспериментатор» в составе «Трудов и дней Свистонова» была напечатана в выпуске газеты «Биржевые ведомости» за 21 июня 1913 года [5]. Вагинов использует реальные газетные заметки или сконструированные по их подобию реалистические муляжи, которые, попадая в контекст художественного вымысла, обретают новые значения и функции; теми же заметками, *отходами большой культуры* [6], пользуется Свистонов при создании собственного текста. Разумеется, что и Вагинов играет с читателем на нескольких уровнях: название его романа отсылает одновременно и к Гесиоду, и к выходившему в 1912–1916 годах символистскому изданию «Труды и дни».

При описании жилища Свистонова Вагинов с большой точностью воспроизводит свой дом. Отдельные реалии собственной жизни Вагинов также переадресует Свистонову и таким образом питает собой собственный текст – полагаем допустимым говорить здесь о литературной аутофагии. Герою достались флорентийское блюдо с тритонами, отказ от электричества, геммы и камеи, дешевые обои, венецианский стул и другие особенности вагиновского быта. Свистонов поступает ровно так же: *возьмет предмет, стоящий у него на столе, или факт из своей биографии и привяжет к кому-нибудь*. Знакомые, которым он читает роман, без особого труда опознают цитаты из его и своих жизней. Свистонов

при этом поступает как романист ушедшей культуры – идет по дороге, неся зеркало, отражаясь в котором, то есть узнавая себя в символической реальности, персонажи переживают лакановскую *stade du miroir* – травматичное самоотчуждение. Отсюда зловещая природа литературного творчества, тяготеющая к истреблению, а не бессмертию, провозглашенному еще античными классиками.

Специалисты по русскому авангарду находили реальных прототипов вагиновских героев, беседа Психачева и Свистонова о мистике и пакте с духами – пародия на беседы Гурджиева и Успенского, литературный вечер в Доме печати – пародия на поэтический вечер обэриутов «Три левых часа», состоявшийся 24 января 1928 года. То, что делают многочисленные исследователи романа «Труды и дни Свистонова», отыскивая параллельные эпизоды из жизни Вагинова, пародирует действия сплетников и сплетниц, слушающих свистоновский роман, из которого они узнают информацию о своих знакомых или находят авторитетное ей подтверждение. Вагинов Свистонову дает возможность подсмотреть свою реальность и «делиться» с ним персонажами. В главе одиннадцатой Свистонов компилирует «Весеннюю песнь меланхолика» Карамзина, собственный черновик о токовских старичках и детскую книжку «Звездочка» за 1842 год. Заметим, что в сокращенном виде повесть «Труды и дни Свистонова» была напечатана в журнале «Звезда» за 1929 (№5).

В меньшем масштабе Свистонов будто проходит по пути своего создателя, периодически захватывая реалии его личной и литературной жизни, снова поддерживая рекурсивность, или самоподобие повествования.

Визуальный код романа

В «Трудах и днях Свистонова» отмечается нетипичное использование паратекстуальных элементов, таких как сноски, отступы, шрифты, и интертекстуальных, то есть явных и скрытых цитат.

Примечательно графическое оформление текста: Вагиновым часто используется курсив для обозначения:

- фрагментов из романа Свистонова,
- некоторых вырезанных им заметок из газет,
- имитирующих авторское слово сносок внизу страниц,
- отдельных цитат из поэтических произведений других авторов.

Кроме этого, встречается расположение текста на листе в виде двух столбцов: в левом столбце наглядно предстает оригинальный источник, в правом – результат его переноса. Визуализированы листы с приклеенными на них газетными вырезками: каждый текст обведен в свою рамку, отличную от всех других, для каждого использован особый шрифт и кегль, симитирована типографская разнородность фрагментов и наглядно воплощен принцип коллажности, сопутствующий творческому методу Свистонова. В свою очередь, метод этот предполагает черновую зарисовку, пре-подготовку в виде визуализации. Подробно эти этапы расписаны в первой главе: жена прочитывает Свистонову текст газетной вырезки о «татуированном», помещенной в специально переплетенный сафьяном томик, романист просит у нее карандаш и краски и воспроизводит персонажа, названного *появляющимся героем*, на бумаге. В седьмой главе Свистонов также *работает над фигурами* (не характерами – Л.У.), нуждаясь в *резких линиях*, «*многих героев ... пришлось слить в один образ... и других... оставить как общий фон, как толпу, где мелькают – то голова, то плечо, то спина*». Формальную «очерниленность» герои, попавшие в свистоновский роман, воспринимают как очернительство.

Фактура романа «Труды и дни Свистонова» позволяет говорить о нем как о гетерогенном тексте, устанавливающем дистанцию между вербальными и

зрительными элементами. Тот факт, что письмо подобно изъятию, отсутствию, вполне укладывается в общую логику ленинградского авангарда, отсюда и выход к поликодовости, эксперименты с иконографическими знаками, попытки найти опору в пустоте.

Сближение двух нарративов, но не совпадение

И Вагинов, и Свистонов активно пользуются знаками мировой культуры. В одних случаях это жесткие десигнаторы: Байрон, братья Гонкуры, Ясная Поляна, Лаврецкий, Катон, Орфей, смердяковская гнусность, душа Дон Жуана, Ауэрбахов кабачок и другие. В других они представлены имплицитно, в смысловой оболочке: человек, который *газету гложет и ищет, нет ли еще какого-нибудь занимательного убийства* похож на Достоевского; *район, где встретились театр, «Молокосоюз» и аптека* напоминает антураж блоковских «Плясок смерти». Усиление интертекстуального напряжения происходит в числе прочего за счет принадлежности названных литераторов к числу сотворцов петербургского текста, к числу которых обычно относят и К. К. Вагинова. Культура воспроизводится за счет самопоглощения и самопереработки и выглядит неким безотходным производством. В романах Вагинова и Свистонова присутствуют многочисленные общие герои: второстепенные (Куку, Психачев), третьестепенные (несколько десятков имен), которые в процессе чтения / письма переходят из вагиновского текста в свистоновский, то есть также перекачиваются подобно всему прочему. При этом роман «Труды и дни Свистонова» поглощает свистоновские заметки и свою телесность конструирует в том числе за их счет. Константин Вагинов, оставляя следы в виде комментариев к романным эпизодам, прерывает свою вненаходимость и соучаствует как посторонний, но способный к со-творению голос. Автор и его герой способны обмениваться знаками, существовать в одном поле и варьировать свои статусы – в этом Ирина Сандомирская видит опрокинутую логику бахтинского карнавала [6].

Вагинов описывает Свистонова и закрывает его внутри нарратива. Какого именно? Последнее предложение «Трудов и дней Свистонова» гласит: *Свистонов целиком перешел в свое произведение*. Люди видятся Свистонову цитатами из прочитанных книг, и, вероятно, что *необходимые* для романа, – это те самые нераспознанные Свистоновым цитаты. В финале романист различает исключительно собственные цитаты. И за отсутствием любого другого инородного материала следует вынужденная остановка повествования. Дисгармония вносится в мир с течением времени, вещи разрушаются, как отмечает Евгений Козюра, распад – главная тема раннего Вагинова [7]. Разреженность предметного мира эквивалента молчанию как итогу авторской деятельности. Марк Липовецкий обращает внимание на то, что культуры, цитатами которой являются персонажи «Трудов и дней Свистонова», больше нет. Андрей Свистонов осознает отсутствие фундамента и симулятивность послеоктябрьской жизни [8], отчего противопоставлен остальным героям, с одной стороны, и Константину Вагинову – с другой. О. Буренина полагает, что изобразить значит уничтожить, и, прибегая к античной параллели, уподобляет любого автора Харону [9]. К контексте сказанного обнажается двусмысленность глагола «переправить» – перевезти за обол или переделать, избавить от огрехов. Свистонов провожает людей в текстовую реальность и исправляет их, так как чувствует «*пародийность мира по отношению к какой-то норме*» [2, с. 225]. Однако претензии автора на контроль над текстом оказываются иллюзорными, а сам Свистонов – уязвимым.

Творческий процесс по Вагинову есть переработка существующего, но эта переработка финитная. До определенного момента автор выполняет работу

по сбору и переводу в текст элементов реальности, однако вместе с тем свершается процесс перехода автора в фикциональную реальность, после чего писательство становится невозможным.

Заключение

Подведем некоторые итоги: вымышленный Вагиновым Свистонов заимствует у него вещные реалии, персонажей и ситуации, при этом вагиновский роман конструируется за счет включения фрагментов свистоновского текста. Отсюда представляется возможным сделать вывод о том, что нарративы не могут существовать один без другого: роман «Труды и дни Свистопова» совпадает с частью самого себя.

Элементы самоподобия части (свистоновского романа) и целого («Труды и дни Свистопова») обнаруживаются в следующих аспектах:

- 1) общности некоторых содержательных реалий,
- 2) коллажировании как принципе текстопорождения: сам рассказ о Свистопове подобен тому, как Свистонов генерирует собственный текст,
- 3) сходном устройстве обоих текстов, включающем серийность эпизодов, кумулятивность сюжета, отсутствие кульминации, бессобытийность,
- 4) одновременной остановке повествования.

При общих внешних границах эти нарративы далеки от слияния: Свистонов употребляет материал, которым до него воспользовался Вагинов, и творит новое из праха, останков, анимируя их. Не случайно о нем говорится, что Свистонов любит *мертвеньких*, здесь просвечивает ирония Константина Вагинова. В жанровом смысле Вагинов пишет роман о художнике, магистральная линия свистоновского же романа не считается. Две повествовательные структуры взаимосвязаны и взаимозависимы, что доказывается блокировкой вагиновского письма после поглощения персонажа миром его произведения.

Л и т е р а т у р а

1. Бреслер Д.М. Проза К. К. Вагинова: прагматические аспекты художественного высказывания в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов: Автореф. Дис. ... к. филол. н.: Санкт-Петербург, 2015:21.
2. Вагинов К.К. Полное собрание сочинений в прозе. Санкт-Петербург: Академический проект; 1999:590.
3. Каминская Ю.В. Коллекции, таксономии, картотеки: поэтика «систематизирующего» метаписьма в русской литературе 1920–1970-х гг.: Дис. ... к. филол. н.: Красноярск, 2023.
4. Павлов Е. Умерщвляющее письмо: Ленинградское барокко Константина Вагинова. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/149_nlo_1_2018/article/19427/ (дата обращения 14.04.2025).
5. Долинин А. Вырезки и выписки как элемент художественного текста: Набоков – Вагинов – Тынянов. Nabokov Online Journal. 2018;XII:1-24.
6. Сандомирская И.И. Блокада в слове: очерки критической теории и биополитики языка. Москва: Новое литературное обозрение. 2013:432.
7. Козюра Е.О. Культура, текст и автор в творчестве Константина Вагинова: Дис. ... к. филол. н.: Воронеж, 2005:208.
8. Липовецкий М.Н. Паралогии: трансформация (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. Москва: Новое литературное обозрение; 2008:840.
9. Буренина О.Д. Литература – «остров мертвых» (Набоков и Вагинов). URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/burenina-literatura-ostrov-mertvyh.htm> (дата обращения 05.05.2025).

References

1. Bresler DM. The prose of K.K. Vaginov: Pragmatic aspects of artistic utterance in the context of the literary process of the 1920s–1930s. Summary of dissertation for the degree of Candidate of Philological sciences. Saint Petersburg: 2015:21 (in Russian).
2. Vaginov KK. Complete prose works. Saint Petersburg: Academic project; 1999:590 (in Russian).
3. Kaminskaya YuV. Collections, taxonomies, card indexes: poetics of “systematizing” metawriting in Russian literature of the 1920s–1970s. Dissertation for the Degree of Candidate Philological Sciences. Krasnoyarsk: 2023 (in Russian).
4. Pavlov E. The killing letter: Konstantin Vaginov’s Leningrad baroque. Available at: www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/149_nlo_1_2018/article/19427/ [Accessed 14 April 2025] (in Russian).
5. Dolinin A. Cutting and excerpts as an element of artistic text: Nabokov – Vaginov – Tynyanov. *Nabokov Online Journal*. 2018;XII:1-24 (in Russian).
6. Sandomirskaya II. Blockade in word: essays on critical theory and biopolitics of language. Moscow: New Literary Observer; 2013:432 (in Russian).
7. Kozyura EO. Culture, text, and author in the works of Konstantin Vaginov. Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. Voronezh: 2005:208 (in Russian).
8. Lipovetsky MN. Paralogies: transformation of (Post)modernist discourse in Russian culture of the 1920s–2000s. Moscow: New Literary Observer; 2008:840 (in Russian).
9. Burenina OD. Literature – “Island of the dead” (Nabokov and Vaginov). Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/burenina-literatura-ostrov-mertvyh.htm> [Accessed 5 May 2025] (in Russian).

Информация об авторе

УХТОМСКАЯ Лидия Александровна – аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: 0009-0007-8900-3900, e-mail: 9october@list.ru

About the author

Lydia A. UKHTOMSKAYA – Postgraduate Student, Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: 0009-0007-8900-3900, e-mail: 9october@list.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 08.05.25
Принята к публикации / Accepted 30.05.25

УДК 821.512.141

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-192-206>

Оригинальная научная статья

SWOT-анализ антропологического образа башкира в художественной литературе

А. О. Хужахметов

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

✉ khuzha@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению в художественной литературе антропологического аспекта образа одного из народов, населяющих в Российской Федерации – башкир. В литературоведческом исследовании используется методика SWOT-анализа. Понятие SWOT, аббревиатура – силы, слабости, возможности и угрозы (strengths, weaknesses, opportunities, threats). Благодаря тому, что SWOT-анализ в общем виде не содержит формализованных и экономических категорий, то его можно применять к любым отраслям науки, в самых различных областях деятельности. Этот метод нашел свое применение и в общественно-гуманитарных науках, в частности, в литературоведении. Так как позволяет создать объективную картину литературно-антропологических образов башкир, созданных как башкирскими, так и русскими писателями, поэтами и драматургами. Сильные стороны/ Strengths. Здесь мы рассмотрим литературно-антропологические образы башкир, созданные писателями и отражающие сильные стороны героев. Это то, на что указывают как на достойную модель поведения. Слабые стороны/ Weaknesses. Литературно-антропологические образы башкир, созданные писателями и отражающие слабые стороны героев. Слабые стороны литературных образов – это те факторы, которые в своих произведениях авторы указывают на недостатки и которые могут тормозить развитие. Слабости – это узкие места, наличие которых в литературном произведении осознается, и которые, при необходимости, смогли бы сами устранить. Но они присутствуют для контраста, чтобы оттенить сильные стороны положительных героев. Возможности/ Opportunities. Возможности – это получившие отражение в русской литературе образы башкир, которые отражают положительные качества в образах башкир и играют большую роль в создании имиджа нации. Угрозы/ Threats. Это негативные образы башкир в русской литературе, которые наносят большой урон имиджу нации и в то же время предупредить их башкиры сами непосредственно не могут. Цель исследования – представить литературно-антропологический образ башкира в широкой временной и пространственной перспективе.

Ключевые слова: художественная литература, антропология, образ башкира, слабые стороны, сильные стороны, возможности, угрозы, философия, мораль, дидактика, перспективы

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Хужахметов А. О. SWOT-анализ антропологического образа башкира в художественной литературе. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 192–206. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-192-206

Original article

SWOT analysis of the anthropological image of the Bashkir in fiction

Ainur O. Khuzhakhmetov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

✉ khuzha@mail.ru

Abstract

The article explores the anthropological dimension of the image of the Bashkir people, one of the ethnic groups inhabiting the Russian Federation, as presented in literary works. The study employs SWOT analysis, a methodology traditionally used in business and now adapted for literary analysis. SWOT, an abbreviation for Strengths, Weaknesses, Opportunities, and Threats, is applied here to provide a structured framework for examining the literary-anthropological portrayals of the Bashkir people created by both Bashkir and Russian writers, poets, and playwrights. The absence of formalized economic categories in the general SWOT framework allows its application across various disciplines, including the humanities, making it well-suited to constructing an objective view of these literary images. **Strengths:** This section examines literary-anthropological images of the Bashkir people that reflect the strong aspects of the characters, highlighting models of behavior deemed worthy of emulation. **Weaknesses:** This section analyzed literary-anthropological images of the Bashkir people that reflect the weaker aspects of the characters. These weaknesses, as portrayed by the authors, represent shortcomings and limitations that may hinder development. These are vulnerabilities consciously included in the literary works to create contrast and accentuate the strengths of the positive image of the nation. **Opportunities:** This section explores images of the Bashkir people that reflected in Russian literature, which highlight positive qualities and play a significant role in creating a positive image of the nation. **Threats:** This section addresses negative images of the Bashkir people in Russian literature, which significantly damage the image of the nation and are beyond the direct control of the Bashkir people themselves to prevent. The aim of the study is to present a literary-anthropological image of the Bashkir people in a broad temporal and spatial perspective.

Keywords: fiction, anthropology, image of the Bashkir, weaknesses, strengths, opportunities, threats, philosophy, morality, didactics, perspectives

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Khuzhakhmetov A. O. SWOT analysis of the anthropological image of the Bashkir in fiction. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 192–206. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-192-206

Введение

Литературная антропология как относительно новый междисциплинарный подход к исследованию литературы сосредотачивается на выявлении и анализе антропологического аспекта в художественных произведениях. Это направление, получившее значительное развитие в XX в., предполагает углубленное изучение образа человека, представленного в литературе, через призму множества

взаимосвязанных факторов. Особый интерес представляет мысль советского литературоведа Ю. А. Андреева, высказанная еще в 60-е годы XX века. Он считал, что истинная литературная ценность заключается в способности автора проникнуть в самую суть человеческой природы, учитывая при этом сложные взаимосвязи между социальным контекстом и личностью, между национальной культурой и индивидом [1].

Сам термин «литературная антропология» появился на рубеже XX и XXI вв. В. В. Савельева выделяет три равнозначные составляющие этого понятия: образ персонажа в литературном произведении, личность автора и восприятие произведения читателем [1]. Немецкий ученый Вольфганг Изер подчеркивал, что роль читателя и его восприятие являются ключевыми для развития литературы и ее взаимодействия с культурой [1]. Выделяемые Т. Е. Автуховичем два подхода (литературная антропология и антропология литературы) действительно отражают важные аспекты взаимодействия между литературой и человеческим опытом [1].

Подход, предлагаемый такими исследователями, как Т. В. Федосеева, М. В. Горемыкина, С. В. Козлов и В. В. Башкеева, демонстрирует, насколько плодотворным может быть синтез различных научных дисциплин [2]. В рамках антропологического литературоведения исследователи анализируют авторскую стратегию конструирования персонажа, рассматривая его как продукт взаимодействия социокультурного контекста и индивидуальной психики [1].

Образ башкира в антропологическом аспекте

В башкирском литературоведении образ башкира с антропологической точки зрения остается недостаточно исследованной проблемой, требующей пристального внимания научного сообщества.

На сегодняшний день башкирская литературная антропология в основном концентрировала внимание на исследовании биографий и произведений конкретных исторических фигур.

Существует значительный объем как художественных, так и научных работ, посвященных известным башкирским представителям, в частности, С. Юлаеву, Ш. Бабичу и другим. В советскую эпоху наследие просветителей стало объектом тщательного анализа со стороны Г. Вильданова, С. Мирасова, Д. Юлтыя, Г. Амантая. Современные башкирские ученые-литературоведы и фольклористы, в числе которых А. Вильданов, Г. Кунафин [3], А. Харисов [4], Г. Хусаинов [5], Р. Шакуров [6], Ф. Надршина [7] и др., значительно способствовали изучению и популяризации творчества просветителей. Значительный вклад в исследование их наследия внесли также философы Д. Валеев [8], Д. Азаматов [9], Ф. Байшев [10] и другие, которые провели социально-философский анализ жизни и творчества этих выдающихся фигур.

Для комплексного изучения литературно-антропологического образа башкира в художественной литературе мы планируем применить методику SWOT-анализа (табл. 1, 2).

Таблица 1

SWOT-анализ литературных образов из башкирской литературы

Table 1

SWOT analysis of literary images in Bashkir literature

Сильные стороны/ Strenghts	Слабые стороны/ Weaknesses
Образ ученого	Образ косного человека
Образ поэта	
Образ национального героя (Салават Юлаев, Кинзя Арсланов).	Образ верноподданного башкира
Образ просвещенного человека	Образ человека «на дне»
Образ солдата	
Образ благородного муллы	Образ ишана-рабовладельца
Образ революционного героя	Образ антиреволюционера-солдата
Образ героя гражданской войны	Образ «Бесовой служительницы»
Образ большевика-революционера, труженика	Образ бунтаря-индивидуалиста
Образ женщины–матери, жены	Образ несчастной женщины
Образ благородного опекуна	Образ подлеца-опекуна
Образ героя Великой Отечественной войны	Образ предателя
Образ трезвого человека	Образ маргинала
Образ шакирда	
Образ ребенка в башкирской литературе	Образ необразованного населения

Таблица 2

SWOT-анализ литературных образов из русской литературы

Table 2

SWOT analysis of literary images in Russian literature

Возможности/ Opportunities	Угрозы/ Threats
Образ национального героя Салавата Юлаева	Образ бунтаря
Образ защитника Отечества, воина-борца с фашизмом	Образ дикого воина
Образ ученого-нефтяника	Образ темного народа
Образ щедрого хозяина	
Образ смышленного человека	Образ несмышленного, темного народа
Образ башкирской русалки	Образ Мяскай абей
Образ добрых родителей	
Образ курайсы, сэсэна, сказителя	
Образ красивой девушки	
Образ советского человека-интернационалиста	
Образ странника	
Образ советской башкирской молодежи	

Сильные стороны

Образ ученого в башкирской поэзии представляет собой недостаточно изученную тему в литературоведении. Он присутствует в произведениях, формируя авторское смысловое поле и определяя семантическую специфику повествования.

Башкирские просветители первыми создали в литературе образ ученого, пропагандируя науку. На раннем этапе, в произведениях М. Акмуллы («Дружба», «Башкиры мои, надо учиться», «Пробуждение») и М. Уметбаева («Завещание и назидание», «Благоденствие», «Плачущий ребенок»), это был образ скромного, честного человека, преданного знаниям и дружбе. В поздних работах М. Уметбаева («Жалоба», «Юмранский род», «У двери», «Ремень и Лыко»), образ ученого углубляется, превращаясь в образ выдающегося мыслителя-гуманиста, что отражает растущую роль башкирской поэзии в жизни общества.

Эта тенденция прослеживается в прозе, например, в романе Р. Камала, мы видим образ ученого-медика («Дело мединститута»). Роман поднимает актуальную проблему подготовки национальных кадров в области здравоохранения. Образ ученого основан на биографии З. А. Иксанова, первого ректора мединститута, доктора медицинских наук и профессора.

В башкирской литературе *образ поэта* формируется через призму его личных переживаний и осмысления мира, воплощенных в художественном тексте. Важно помнить, что лирический герой не является точной копией самого автора. Этот образ многолик и может включать в себя различные социальные и духовные роли, такие как поэт, религиозный деятель, ученый, угнетенный, товарищ, странник, нищий, сирота или верующий, дивана, бенде и др. В своих стихотворениях-обращениях, мактубах, М. Акмулла предстает не просто наблюдателем, а активным участником описываемых событий.

В произведениях, посвященных Салавату Юлаеву, Кинзе Арсланову и другим национальным героям, ярко проявляется влияние богатого фольклорного наследия: героических сказаний, исторических песен, кубаиров и лирической поэзии. Сохранению памяти о Салавате Юлаеве много сил отдал поэт-просветитель М. Уметбаев. А вдохновленный народным почитанием Ш. Бабич создал знаменитое стихотворение, запечатлевшее бессмертный образ башкирского героя.

Образ Салавата Юлаева присутствует также в работах Г. Хусаинова и И. Каримова, которые исследуют его военное искусство и поворотный момент в жизни, повлиявший на всю его судьбу. В своем очерке И. Каримов обращает внимание на фольклорный подход к описанию национального героя: «Ростом бай был невысок, два аршина и четыре вершка, по нынешнему – около 160 см, но очень силен, уже с четырнадцати лет побеждал в борьбе многих известных батыров и выходил победителем... Вот таким был Салават». Автор фокусируется на одном, но ключевом эпизоде жизни Салавата, который кардинально изменил его судьбу [11].

Роман Г. Ибрагимова «Кинзя» – одно из первых масштабных произведений, которое подробно и всесторонне описывает Крестьянскую войну и ее ключевых фигур, в частности, Кинзю Арсланова. А. Харисов акцентирует внимание на творческом наследии героя, Г. Хусаинов – на его взаимоотношениях с Кинзи Арслановым в контексте военных событий, Г. Шафиков, опираясь на исторические данные и современную ситуацию, выражает как личное, так и народное отношение к герою.

Образ просвещенного человека в произведениях других авторов того периода – это герой-просветитель, гуманист. Писатели и поэты, такие как М. Гафури, Д. Юлтый, С. Якшигулов и многие другие, видели путь к улучшению жизни народа в просвещении. Они призывали народ к знаниям, критиковали отсталость и консерватизм, пропагандировали прогрессивные идеи. В поэмах «Сибирская

железная дорога» и «Молодая жизнь» М. Гафури, а также в стихотворениях «Знание», «В старых медресе», «Продвижение» Д. Юлтыя, произведениях С. Якшигулова и прозе ряда авторов, таких как Р. Фахретдинов, А. Тангатаров, А. Тагиров, А. Исанбердин, З. Уммати, Ф. Туйкин, З. Хади и другие, мы встречаем сходные типы лирических героев.

Образ солдата в башкирской литературе – часто мифологизированный, встречается в произведениях, посвященных вечным темам. В отличие от классических народных легенд о богатырях, литература начала XX века, представленная работами Г. Муминова и Н. Абунасинова, например, «Дорогами войны» и «Баит солдата, находящегося на войне», фокусируется на солдате, лишенном ярко выраженных национальных черт, и ставит в центр внимания рядового участника боевых действий. При этом, следуя традиции жанра, баиты подробно описывают героя: его возраст, место рождения, время и место действия, а также количество участников событий.

В прозаических произведениях башкирских поэтов-просветителей находит отражение *образ благородного муллы*, который предстает как образованный человек, пропагандирующий научный прогресс. Важное значение придается его высоким нравственно-этическим качествам. Примером служит герой повести З. Хади «Счастливая девушка» – Габбас, проповеди которого вдохновили сельчан на улучшение своей жизни [12].

Революция в России породила новый тип героя – *образ революционного героя* за социальную справедливость. Поэты, среди которых особо выделялся М. Гафури, в своих работах, например, в «Богатом человеке» и «Я вышел на базар», поднимали актуальные национальные проблемы, неразрывно связывая их с острыми социальными противоречиями. Эпоха нового революционного подъема и Первой мировой войны стала временем расцвета критического реализма. Поэзия Ш. Бабича, Д. Юлтыя и М. Гафури, представленная стихотворениями «Одна минута», «Проживи короткую жизнь в борьбе», «Сумка», «Шинель», «Брату, без вести пропавшему на войне» и «Где я?», становится голосом угнетенных.

Образ большевика-революционера, труженика. В башкирской литературе периода 1920–1930-х годов, унаследовав лучшие черты предшествующей эпохи, центральное место занимает образ большевика, революционера, рабочего и простого труженика. В поэмах Г. Саляма («Жизнь») и Д. Юлтыя («Майсара») впервые появляются герои-преобразователи, наделенные героическими и романтическими чертами. Под влиянием творчества М. Горького, башкирская литература идеализирует революционеров. Комсомольцы, такие как Юмагул (Б. Бикбай), Фатхи («Побежденный омут» И. Насыри) и Каюм («Урняк» А. Тагирова), часто изображаются как преданные коммунистическим идеалам фанатики, что говорит о неоднозначном и противоречивом взгляде на революционеров в литературе того периода.

Тема *женщины–матери, жены* занимает важное место в башкирской литературе, и ее образы часто наделяются глубоким символизмом и значением. Башкирские писатели выделяют в женщинах ум, спокойствие, выдержку, верность и ответственность. Эти качества, сопоставляемые с образами героинь из старинных дастанов, делают женских персонажей особенно важными и благородными.

Женщины в башкирской литературе часто представлены как активные участники общественной жизни, их судьбы тесно связаны с социальными и политическими изменениями. Примеры, такие как Айсылу из драмы С. Мифтахова «Сакмар» и Айбика из одноименной повести Х. Давлетшиной, показывают, как новые социальные условия влияют на жизнь женщин, открывая перед ними возможности для самореализации и борьбы за свои права.

Современные произведения, такие как роман М. Муллакаева «Нэнэй», продолжают развивать тему женской силы и сострадания. Главная героиня Хаятапа становится символом башкирской женщины, чья доброта и забота помогают ей преодолевать трудности и сохранять человечность даже в условиях военных конфликтов.

Создание образа благородного опекуна в башкирской литературе связано с традициями патриархального общества, где забота о сиротах была важной частью общинной жизни. Такой подход отражает глубокие культурные корни и этические нормы, характерные для башкирского народа. Образ Гарифа из романа Г. Хайри «Боролош» демонстрирует высокие моральные качества, такие как сила духа, милосердие и доброта. Воспитание приёмного сына наравне с собственными детьми подчеркивает идею равенства и справедливости, что делает этот образ особенно значимым.

Образ защитника Отечества. Литература времен Великой Отечественной войны прославляет героизм и самоотверженность советских солдат, подчеркивая их любовь к Родине и братство народов. Такие как «Башкиры пошли на войну», К. Даяна, а также «Слово Башкортостана», «Я ухажу на фронт, товарищи!», «Ответное письмо башкирскому народу», поэмы «Улмесбай», «Поэма о герое» М. Карима и стихотворение Р. Нигмати «Убей, сын мой, фашиста!», призывают к сплоченности и борьбе с врагом. Образ жизнерадостного и неунывающего Улмесбая из поэмы М. Карима перекликается с образом Василия Теркина, созданным А. Твардовским.

Образ трезвого человека, редкий в дореволюционной литературе, отражает традиционные взгляды башкир на здоровый образ жизни. Это свидетельствует о глубоких культурных и религиозных корнях народа.

Образ шакирда, молодого человека, получающего религиозное образование, символизирует чистоту души и стремление к знаниям, что вызывает симпатию у читателей. Обычно шакирдом становился юноша лет пятнадцати-шестнадцати, привлекательный внешне, с приятными чертами лица и хорошими манерами. Именно такой образ, благодаря своему характеру и душевной чистоте, вызывает у читателей чувство симпатии («Асма, или Проступок и наказание» Р. Фахретдинова).

Образ ребёнка в башкирской литературе претерпевает изменения: от дидактического и назидательного подхода до более индивидуального и личностного восприятия. Это отражает развитие взглядов на воспитание и образование детей в обществе. З. Хади выступает за то, чтобы с детства обучать детей практическим навыкам, таким как шитье, торговля и строительство, а также уделять внимание развитию творческих способностей в литературе и искусстве. То в советской литературе мы видим галерею детских образов. Особенно виртуозно представленных в творчестве М. Карима «Таганок», «Радость нашего дома», «Долгое-долгое детство» и др.

Слабые стороны

Образ косного человека. Этот негативный образ характеризует ограниченных людей, не желающих прислушиваться к мнению знающих людей и делают далеко идущие выводы из шарлатанских высказываний. Например: «Благочинный Валит чай с сахаром не пьет, он где-то слышал, что его вырабатывают из костей трупов. Попробовав как-то жечь сахар, он пришел к выводу, что в нем кровь, следовательно, вещь нечестивая» (З. Хади «Несчастливая девушка»).

Образ «верноподданного» башкира характеризует ту часть башкирского населения, которое не было на стороне Салавата Юлаева и Емельяна Пугачева. Далеко не однозначный образ и встречается только в нескольких произведениях. В повести А. Инана «За Родину» он предстает как Аксакал родового подразделе-

ния – аймака, которое пряталось от бунтовщиков. Но когда он случайно встречается лицом к лицу с разношерстными пугачевскими вербовщиками он решает ценой своей жизни спасти свой катайский аймак от участия в смуте. Когда переводчик – башкир просит старика вывести отряд к соплеменникам, он отказывается их сопровождать и, повторяя подвиг Ивана Сусанина, уводит врагов по ложной дороге.

Образ человека «на дне». Герои башкирской литературы начала XX века перекликаются с персонажами пьесы М. Горького «На дне», где автор: «...облек в драматическую форму, по-новому разработал свою давнюю тему: обличение капиталистического общества посредством показа бесчеловечных условий самых «низов» общества, жертв буржуазного порядка» [13, с. 1031]. Герои этих произведений, такие как персонажи А. Тангатарова и повести А. Тагирова «Мазлумалар» («Угнетенные женщины»), а также Анна из пьесы М. Горького, часто характеризуются бездействием и неспособностью активно влиять на свою судьбу.

Образ ишана-рабовладельца этот образ священнослужителя, который использует полученное право на наставничество своих последователей – мюридов в целях своего обогащения. Парней из бедных семей заставляет работать в своем хозяйстве в обмен на сомнительные знания. В повести З. Хади «Новые обитатели пещеры» ишан радушно принимает новых учеников, скрывая от них свои подлинные мотивы.

Образ антиреволюционера-солдата представлен в военно-историческом романе Д. Юлтыя «Кан» / «Кровь». Вчерашние крестьяне, участники Первой мировой войны они плохо понимали капиталистическую суть происходящего, также не понимали революционной агитации. В основе произведения лежат образы солдат – Булата, Новикова, Индрила, Байгужи и Буранбая, образующих нерушимый боевой коллектив. При этом солдаты-башкиры и эстонец представлены именами, в то время как русские персонажи охарактеризованы лишь фамилиями.

Образ бунтаря-индивидуалиста возникает на сломе старого патриархального уклада жизни и переходе на новый советский.

В повести И. Насыри «Побеждённый омут» образ Шарафи отражает сложную проблему нравственного выбора крестьянина-середняка, находящегося в состоянии внутреннего конфликта, борьбы между традиционными устоями и стремлением к личному развитию [14].

Образ несчастной женщины, девушки собирательный образ, в котором показана тяжелое и несправное положение башкирских женщин. «Жители этой деревни считали, что женщина рождена работать, как ишак или лошадь. Не нашлось никого, кто объяснил бы им, что женщина так же, как мужчина, достойна уважения» (З. Хади. «Счастливая девушка»). В образе несчастной девушки – гетероцентричность системы образов, особенно популярен образ девушки, причиной гибели которой являются члены того же общества. Таков образ Галимы из произведения М. Гафури «Черноликие».

В романе Р. Фахретдинова «Асма, или Проступок и наказание» появляется отталкивающий персонаж – Хамида, которую можно назвать образ «бесовой служительницей». Она занимается тем, что продает осиротевших девочек. Так, Асма попадает в руки Зайнуш, беспринципной женщины, которая заставляет сирот, подобных Асме, просить милостыню. Впоследствии, Зайнуш меняет имя Асмы на Зайнап и продает ее владелице борделя.

Образ подлеца-опекуна – это антипод образа благородного опекуна, который вместо заботы и воспитания сироты продает их в рабство, обрекая на тяжелую жизнь. Так, родной дядя Лутфулла за деньги продает осиротевшую племянницу Марьям горцам на Кавказ (М. Гафури «Голодный год, или Проданная девушка»).

Образы маргиналов включают в себя собирательный образ «новых горожан» – вчерашних крестьян, которые пытаются найти себе место под солнцем и

переезжают в город. В условиях города они пополняют ряды городской бедноты, так как не обладают необходимыми знаниями и навыками для квалифицированной работы. Городская жизнь способствует разобщению людей, приводя к атомизации общества. Каждый человек становится обособленным, сосредоточенным исключительно на собственных интересах и выживании. В рассказе М. Гафури «Джамия» героиня, работая на спичечной фабрике, получает лишь временное облегчение от голода, но при этом медленно умирает из-за невыносимых условий труда. Эта работа лишь ненадолго отодвигает её трагическую судьбу. Несмотря на попытки новоиспеченных горожан объединиться и выжить вопреки тяжелым обстоятельствам, они в конечном итоге терпят поражение [15].

Образ необразованного населения складывается из описаний в дореволюционных прозаических произведениях. Этому способствовал недостаточный уровень образования у мусульманского населения. «Несмотря на то, что там много мулл и имеется большое медресе с мударисами и ишанами, население очень темное, безграмотное: расписываться умеют лишь несколько человек, а остальные ставят метки (гусиные или заячьи лапки) и счет ведут по пальцам или зарубками на палках». (З. Хади «Зиганша хазрат»).

Возможности

Русская и советская литература активно разрабатывала образ Салавата Юлаева, представляя его как харизматичного лидера, вдохновляющего на борьбу за национальную независимость. Роман С. П. Злобина «Салават Юлаев» (1929) ярко демонстрирует это, подчеркивая его призывы к свободе и любви к родному краю. Образ Салавата Юлаева был не просто героизирован, но и мифологизирован, чтобы показать его не только как храброго воина, но и как духовного наставника своего народа. В произведении Н. П. Задорнова «Могусюмка и Гурьяныч» находит своё отображение народная любовь к Салавату Юлаеву, выраженная в исполнении песни, посвящённой ему.

Образ воина – освободителя, защитника Отечества. В военной литературе образ башкирского воина превратился в олицетворение храбрости, отваги, воинской чести и любви к Родине. Такие литературные герои, как Александр Матросов, описанный П. Журбой, Даян Мурзин из повести Г. Гофмана «Чёрный генерал», и Хакимьян Ахметгалин, запечатленный в документальной повести А. Бакалова и Д. Тимофеева «Высота бессмертных», служат примером героизма и вызывают глубокое уважение к истории башкирского народа. В период Великой Отечественной войны особенно значимыми стали героические образы, которые акцентировали вклад башкирского народа в общую победу. И. Г. Эренбург в своей статье 1942 г. в газете «Красная звезда» писал о них: «Ненависть к врагу точит сердце. Есть одно лекарство: убить немца. Башкиры мирный и добрый народ, но башкиры любят свободу» [16, с. 195].

Образ ученого-нефтяника олицетворяет советского человека, который добился успеха в добыче нефти, известной как «черное золото». Во второй половине XX века башкирская нефтяная тема привлекла внимание многих писателей. И.В. Сотников в своих произведениях исследовал эту тему: в романе «Люблю тебя, жизнь» автор фокусируется на карьерном пути нефтяника Загидуллы Сюняева, а в «Время не останавливается» представляет широкую панораму жизни нефтяников, охватывая как их профессиональную деятельность, так и личные драмы и отношения. В. И. Герасимов в «В краю разбухших легенд» воссоздает историю зарождения нефтяной промышленности в северной Башкирии, рисуя колоритный портрет многонационального рабочего коллектива.

Образ щедрого хозяина – один из характерных образов и заключается он в традиции одаривания подарками своих гостей по случаю свадьбы, обряда

имянаречения, гонцу доброй вести, вещи понравившейся гостю. Свидетельствует о расположении хозяина и желании понравится гостю. Сын Льва Толстого Илья делился воспоминаниями: «Мы ходили в степи смотреть башкирские табуны. Папа похвалил одну буланую лошадь, а когда мы собирались ехать домой, то эта лошадь оказалась привязанной около нашей оглобли» [17].

Образ смышленного человека характеризуется сочетанием сметливого ума, чувства юмора и находчивостью. В своих мемуарах «Воспоминания о графе Толстом» автор рассказывает об отношениях известного писателя с башкирами, которые находят отражение в образе его неизменного компаньона по шашкам – Хаджимурата: «На Каралыке Льва Николаевича больше всех развлекал шутник, худощавый, вертлявый и зажиточный башкирец Хаджимурат, а русские его звали Михаилом Ивановичем. Он удивительно играл в шашки и обладал несомненным юмором» [18]. Или у современного писателя В. Пелевина «Мы сели за стол. Башкир с подозрительной ловкостью открыл шампанское и разлил его по бокалам» [19, с. 82].

Образ башкирской русалки – персонаж, укоренившийся в русской литературе, берет свои истоки в башкирском фольклоре. Отголоски этих народных сказаний можно услышать в сказе Бажова «Золотой волос», где охотник Айлып встречает у реки дивной красоты девушку с ослепительной золотой косой, длиной в десять саженей. Данный образ отсылает к мотивам древнего эпоса «Заятуляк и Хыухылу», в котором герой Заятуляк, будучи пленённым красотой игры солнечного света на поверхности озера, наблюдает за водяной девушкой с шелковистыми волосами необычайной длины, которая расчёсывает их золотым гребнем. В. И. Даль, известный не только как лексикограф, но и как писатель, в 1843 г. представил свою интерпретацию этого фольклорного мотива в произведении «Башкирская русалка».

Образ добрых родителей отображает психологическую дихотомию добрый/злой родитель. Подчеркивает такую ментальную особенность башкирского народа как неприятие физического насилия над детьми. Дабы не сломать их самоуважение, дух, восприятие себя как равноправного члена общества. Например, в воспоминаниях Саши Черного, известных также и произведениями для детей, есть такой взгляд: «Я не понимаю, отчего люди не умеют жить! Исторические причины, экономические причины, – очень хорошо. Но не только в них дело. Отчего бьют детей? Каталог общих мест показывает: от некультурности и тяготы жизни. Так-с. Отчего же у башкир не бьют? Та же некультурность, та же тягота. Не бьют же – сам видел» [20, с. 51].

Образ красивой девушки отображает уникальную особенность и красоту башкирских женщин как представительниц центра Евразии. В башкирском фольклоре описание внешности героинь часто носит метафорический характер, прибегая к сравнениям с природными явлениями и объектами. В. С. Виткович иллюстрирует это следующим примером: «Ай из курносой девчонки превратилась в девочку такой красоты, что не постигнуть уму. Будто подменили её. Брови её уподобились вороновым крылам, очи стали как прозрачнейшие озера, щеки – как цветники роз. И вся она видом своим могла теперь опечалить любую красавицу» [21, с. 268].

Образ курайсы, сэсэна и сказителя является широко распространенным мотивом в русской прозе и поэзии. В произведениях русских писателей, в частности в рассказе А. Г. Туркина, заметно, с каким уважением к кураистам относились люди: «Аллаяра сажали на самое почетное место на нарах, угощали чаем и маханом» [22, с. 25-26].

В романе «Амеля» Н. А. Крашенинников с большим уважением относится к мастерству кураистов, через их искусство раскрывая как светлые, так и мрачные стороны жизни башкирского народа, полные горя и лишений. В рассказе «Песня курайсы» печальная и трогательная мелодия, льющаяся из курая в руках безымянного музыканта, наполнена глубокой тоской и ощущением безысходности.

Песня «О Перовском походе», звучащая из-под его пальцев, превращается в плач народа, скорбящего о страшных потерях в том злополучном походе.

Стихотворение П. Куликова «Песня старого курайсы» наглядно демонстрирует эту мысль. В начале произведения седовласый воин, опытный в сражениях, исполняет древнюю песню о Салавате-батыре. Однако, «печальная мелодия обрывается, словно струна, / И певец прощается с проклятым прошлым».

Образ советского человека-интернационалиста является собирательным и характерен для всей советской литературы. После окончания войны восстановление страны и развитие экономики стали общей задачей для всех. Идея дружбы народов оставалась важной частью советской идеологии, что отражалось в литературе и искусстве, где воспевалась солидарность и единство различных этнических групп, как, например, в цитируемом стихотворении, прославляющем башкирский народ. В качестве иллюстрации можно привести рассказ С. Никитина «Запах сена», повествующий о чувствах, возникших между русским юношей и башкирской девушкой.

В рассказе «Огни» автор показывает зарождение искренних чувств между людьми на фоне их повседневной работы. Через восприятие помощника комбайнера мы видим любовь начальника агрегата Асхата Мурзина к повару Венере. В романе В. М. Перчаткина «Возвращение любви», посвященном непростым взаимоотношениям жителей села, показано, что истинное счастье герои обретают не только в работе, но и в тесной эмоциональной близости с родными и друзьями [23, с. 23-25].

В литературных произведениях образ странника часто ассоциируется с метаморфозой героя, происходящей в процессе путешествия, странствий или выполнения определённой миссии, например, искупления вины перед отцом. Этот мотив *reintegratio* и трансформации находит отражение в романе А. Кожевникова «По Великой летной тропе», где судьбы персонажей – Бурнуса, Юшки и Ивашки – переплетаются именно в пути.

Образ советской башкирской молодежи поднял А. Фадеев в письмах к А. М. Горькому. Он поднимает вопрос о перспективах развития башкирской молодёжи, выражая при этом уверенность в её светлом будущем: «... нет никаких сомнений, что молодежь эта той породы, которая будет сама великолепно добывать и плавить руду, читать прекрасные книги на башкирском языке и писать пьесы...» [24]. «Но столетиями угнетаемый башкирский народ спасла от гибели Великая Октябрьская Революция!» [25]. В произведении Н. А. Крашенинникова «Новая земля», созданном в поздний период 1930-х годов, автор освещает трансформации, коснувшиеся Башкортостана: «Это – уже Башкирия, сказочная страна, в которой я не был 25 лет. «Старый охотник», сорок лет назад зарисовавший Башкирию голода и разорения, Башкирию «колонизаторов», «хазретов», курая и калыма, вновь вступил в пределы Башкирии, но уже не «угасающей», а возрождающейся, зацветающей ярким светом свободы и культуры».

В своём исследовании, озаглавленном «Человек – покоритель природы» и увидевшем свет в 1959 году, Ф. И. Панферов обратил внимание на следующее: «Сыновья бедноты стали знатными буровыми мастерами, а их дети – инженерами, переняв у родителей устремление, настойчивость, искусство вскрывать и покорять законы природы. Это они, наше знатное послеоктябрьское поколение, подняли целинные земли...».

Угрозы

Образ бунтаря создается через детали внешности, особенности речи и авторскую позицию. Например, А.С. Пушкин в «Капитанской дочке» использует

эти приемы, чтобы изобразить башкира-бунтаря: «Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся... Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем».

Образ темного народа характеризуется следующим образом: «Земли там не обойдешь и в год: все башкирская. А народ несмышленный, как бараны. Можно почти даром взять»;

«Бабы кумыс болтают и сыр делают, а мужики только и знают — кумыс и чай пьют, баранину едят да на дудках играют. Гладкие все, веселые, все лето празднуют. Народ совсем темный, и по-русски не знают, а ласковый» [Л. Толстой «Много ли человеку земли нужно»].

Образ дикого воина. «Башкир не отреагировал на мои слова; его взгляд был безразличным. Я попытался обойти его, но он отступил, поднял винтовку и приставил штык к моему горлу. Я развернулся и пошел назад. Признаюсь, в его манерах было нечто такое, что действительно меня испугало. Когда он направил на меня штык, он держал винтовку, как копье, словно не осознавая, что из нее можно выстрелить, и от этого жеста исходила такая дикая степная сила, что мой браунинг в кармане показался мне просто детской игрушкой» [В. Пелевин. Чапаев и Пустота].

Образ Мяскай абей. В произведениях Беляева также присутствуют подобные образы, что подтверждается следующей цитатой: «Батыр... увидел вдали кибитку, покрытую белыми, как снег, кошмами. Мяскай сидела на красной сафьяновой подушке, расстеленной на персидском ковре. На ней было белое платье; в руках она держала четки и, перебирая их, произносила таинственные слова. Затем она позвала своего пса Чулдук-куша» [26, с. 301-302]. В поэме «Слово о земле Ай» Хултан-гол, сын Мяскай, демонстрирует безмерную преданность матери, сравнимую с преданностью собаки. Этот же сюжет послужил источником вдохновения для Б. И. Карамзина, который, используя мотивы башкирского фольклора, создал ряд сказок [27, с. 22-44].

Заключение

Таким образом, в статье были рассмотрены следующие элементы по SWOT-анализу образов в башкирской художественной литературе:

а) сильные стороны. Образы ученого, поэта, просвещенного человека, солдата, благородного муллы, революционного героя, большевика-революционера, труженика, женщины-матери, жены, благородного опекуна, героя Великой Отечественной войны, людей труда, трезвого человека, шакирда, ребенка в башкирской литературе.

б) слабые стороны. Образы косного человека, верноподданного башкира, человека «на дне», ишана-рабовладельца, антиреволюционера-солдата, бунтаря-индивидуалиста, несчастной женщины, девушки, необразованного населения, подлеца-опекуна, маргиналов, «бесовой служительницы».

в) возможности. Образы национального героя Салавата Юлаева, воина — освободителя, защитника Отечества, ученого-нефтяника, нефтяника, щедрого хозяина, башкирской русалки, смышленного человека, добрых родителей, красивой девушки, курайсы, сэсна, сказителя, советского человека-интернационалиста, путешественника, советской башкирской молодежи.

г) угрозы. Образы бунтаря, темного народа, Мяскай абейя дикого воина.

В противовес сильным создаются слабые стороны отрицательных героев, которые также имеют массовый характер и призваны оттенить лучшие качества положительных героев. Угрозы показывают нелицеприятные образы башкир.

Предложенный анализ позволяет получить ясное представление о том, как изображаются башкиры с точки зрения литературы и антропологии в башкирской и русской литературе. Он дает возможность оперативно оценить, насколько позитивен и устойчив этот образ: достаточно ли внутренних ресурсов для защиты от негативного внешнего влияния и не мешают ли недостатки использовать имеющиеся возможности для улучшения имиджа.

Л и т е р а т у р а

1. Федосеева Т.В. О литературной антропологии и антропоцентризме современного литературоведения. *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. 2016;52(3):72-82.
2. Хужахметов А.О., Ахмадиев Р.Б., Хужахметова Г.Н. Вопросы изучения антропологии башкир в литературе. *Вестник Башкирского университета*. 2018;23(4):1235-1239.
3. Вильданов А.Х. Кунафин Г.С. *Башкирские просветители-демократы XIX века*. Москва: 1981:108-119.
4. Харисов А.И. *Литературное наследие башкирского народа (XVIII-XIX вв.)*. Уфа: Китап; 2007:341.
5. Хусаинов Г.Б. *Духовный мир башкирского народа*. Уфа: Китап; 2003:480 (на баш. яз.).
6. Шакуров Р.З. *Истоки духовности: Исследования. Публицистика*. Уфа: Гилем; 2009:520.
7. Надршина Ф.А. *Духовные сокровища*. Уфа; 1992:78.
8. Валеев Д.Ж. *История башкирской философской и общественно-политической мысли: Основные тенденции развития*. Уфа: Китап; 2001:348.
9. Азаматов Д.М. *Социальная антропология. Проблемы развития человеческой телесности: Проблемы развития человеческой телесности: учебное пособие*. Уфа: РИО БашГУ; 2006:128.
10. Баишев Ф.Н. *Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова*. Уфа: Китап; 1996:175.
11. Юнусова Ф.Б. Образ национального героя Салавата Юлаева в башкирских очерках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2015;48(6):Ч. II:205–208.
12. Сибгатов Ф.Ш. Концепция героя в повести Закира Хадья «Счастливая девушка». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2017;67(1)Ч.2:43-45.
13. Мустафина Р.Д. Проблема героя в башкирской литературе первой половины XX в. (общелитературные и национальные черты характера). *Вестник Башкирского университета*. 2010;15(3(1)):1031-1033.
14. Гареева Г.Н. Художественные формы отражения «новой» реальности в прозе Имая Насыри. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019;12(11):75-78.
15. Гафури М. *Бедняки*. Уфа: Баш. кн. изд-во;1953:386 (На баш. яз.).
16. Кривошлыкова М.В. Формирование стереотипов восприятия Башкирии и башкир в советской литературе. *Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия* Екатеринбург: Издательство: Гуманитарный университет; 2015:192-196.
17. Рахимкулов М., Сафуанов С. «Башкиры меня знают и очень уважают...». К 175-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. *Бельские просторы*. 2003;(8). URL: <https://belsk.ruspole.info/node/4659> (датаобращения 25.01.2025).
18. Берс С.А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/v-vospominaniyah-sovremennikov/bers-vospominaniya-o-grafe-tolstom.htm?ysclid=mbe462568u111584679> (дата обращения 18.12.2024)
19. Пелевин В.О. *Чапаяев и Пустота*. Москва: ВАГРИУС; 1996:399.
20. Черный С. *Избранная проза*. Москва: Эксмо; 2005:608.
21. Виткович В.С. Слово о земле Ай. *Башкирия в русской литературе: в 5 т. Т. 3*. Уфа; 1965:580.

22. Туркин А.Г. *Повесть и рассказы*. Уфа; 1988:234.
23. Кульсарина И.Г. Башкортостан в русской прозе второй половины XX века. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2016; 65(11)Ч.2:23-25.
24. Фадеев А.А. *Письма 1916-1956*. Москва: Советский писатель; 1973:808.
25. Нагаев Г.Д. Туймаза. Очерки. *Башкирия в русской литературе*. Уфа: Китап. 2001; 5:613.
26. Куз-Курпяч. Башкирское народное творчество: эпос. Уфа; 1987:301-302.
27. Карамзин Б.И. *Легенды и сказки: по мотивам башкирских сказок*. Ростов на Дону; 1946:72.

References

1. Fedoseeva TV. On literary anthropology and anthropocentrism of modern literary criticism. *Bulletin of Ryazan State University named after S.A. Yesenin*. 2016; 52(3):72-82 (in Russian).
2. Khuzhakhmetov AO, Akhmadiev RB, Khuzhakhmetova GN. Issues of studying Bashkir anthropology in literature. *Vestnik of Bashkir University*. 2018; 23(4):1235-1239 (in Russian).
3. Vildanov AKh, Kunafin GS. *Bashkir enlightenment democrats of the 19th century*. Moscow: 1981:108-119 (in Russian).
4. Kharisov AI. *Literary heritage of the Bashkir people (18th-19th centuries)*. Ufa: Kitap; 2007:341 (in Russian).
5. Khusainov GB. *The spiritual world of the Bashkir people*. Ufa: Kitap; 2003:480 (in Bashkir).
6. Shakurov RZ. *Origins of spirituality: Research. Journalism*. Ufa: Gilem; 2009:520 (in Russian).
7. Nadrshina FA. *Spiritual treasures*. Ufa: 1992:78 (in Russian).
8. Valeev DZh. *History of Bashkir philosophical and socio-political thought: main trends of development*. Ufa: Kitap; 2001:348 (in Russian).
9. Azamatov DM. *Social anthropology*. Problems of the development of human physicality: Problems of the development of human physicality: a textbook. Ufa: Bashkir State University; 2006:128 (in Russian).
10. Baishev FN. *Socio-political and moral-ethical views of Riza Fakhretdinov*. Ufa: Bashkir publishing house "Kitap"; 1996:175 (in Russian).
11. Yunusova FB. The image of the national hero Salavat Yulaev in Bashkir essays. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. Tambov: Gramota; 2015; 6(48):205-208 (in Russian).
12. Sibagatov FSh. The conception of character in the story Zakir Khady "Happy Girl". *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. Tambov: 2017; 1(67):43-45 (in Russian).
13. Mustafina RD. The problem of the hero in Bashkir literature of the first half of the 20th century (general literary and national character traits). *Vestnik of Bashkir University*. 2010; 15(3(1)):1031-1033 (in Russian).
14. Gareeva GN. Artistic forms to represent "new" reality in the prose by Imai Nasyri. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2019; 12(11):75-78 (in Russian).
15. Gafuri M. "The poor" Gafuri M. Essays. Vol. 2. Ufa: Bashkir Book Publishing House; 1953:386 (in Bashkir).
16. Krivoshlykova MV. Formation of stereotypes of perception of Bashkiria and Bashkirs in Soviet literature. *Soviet sociocultural project: historical chance or global anti-utopia*. Ekaterinburg: Publishing House of Humanitarian University; 2015:192-196 (in Russian).
17. Rakhimkulov M, Safuanov S. "The Bashkirs know me and respect me very much...". To the 175th anniversary of the birth L. N. Tolstoy. *Belsky prostory*. 2003; (8). Available at: <https://belsk.ruspole.info/node/4659> [Accessed 25 January 2025] (in Russian).
18. Bers SA. Memoirs of Count L. N. Tolstoy. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/v-vospominaniyah-sovremennikov/bers-vospominaniya-o-grafe-tolstom.htm?ysclid=mbe462568u111584679> [Accessed 18 December 2024] (in Russian).
19. Pelevin VO. *Chapaev and the Void*. Moscow: Publishing House "VAGRIUS"; 1996:399 (in Russian).
20. Cherny S. *Selected prose*. Moscow: Publishing House "Eksmo"; 2005:608 (in Russian).

21. Vitkovich VS. Word about the land of Ai. *Bashkiria in Russian literature*: in 5 volumes. Vol. 3. Ufa: 1965:580 (in Russian).
22. Turkin AG. *Novella and short stories*. Ufa: 1988:234 (in Russian).
23. Kulsarina IG. Bashkortostan in Russian prose of the second half of the 20th century. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. Tambov: Gramota; 2016;65(11)P.2:23-25 (in Russian).
24. Fadeev AA. Letter of 1916–1956. Moscow: Soviet Writer; 1973:808 (in Russian).
25. Nagaev GD. Tuimaza. Essays. *Bashkiria in Russian literature*. Ufa: Publishing House “Kitap”; 2001:5:613 (in Russian).
26. Kuz-Kurpyach. Bashkir folk art: epic. Ufa: 1987:301-302 (in Russian).
27. Karamzin BI. *Legends and fairy tales*: based on Bashkir fairy tales. Rostov-on-Don: 1946:72 (in Russian).

Сведения об авторе

ХУЖАХМЕТОВ Айнур Оскарович – к. филол. н., доц. каф. журналистики факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: khuzha@mail.ru

About the author

Ainur O. KHUZHAKHMETOV – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Journalism Department, Faculty of Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-4906-3291, e-mail: khuzha@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 11.03.25

Принята к публикации / Accepted 20.05.25

УДК 81'272;32.019.51

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-207-219>

Оригинальная научная статья

Манипулятивные тактики и языковые средства их реализации в политическом пропагандистском медиадискурсе Дональда Трампа

Н. А. Шмигельская

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

✉ nad.shmigelskaya@icloud.com

Аннотация

В настоящей статье рассматривается влияние манипулятивных тактик и языковых средств на сознание массовой аудитории в политическом пропагандистском медиадискурсе президента США Дональда Трампа. Текущая геополитическая ситуация в мире ведет к изменениям не только в жизни и интересах общества и целых государств, но и в политической коммуникации. Именно поэтому коммуникационные механизмы политического пропагандистского медиадискурса вызывают особый интерес исследователей, поскольку они несут манипулятивный характер и направлены на изменение поведения реципиента и восприятия им действительности. Анализ речи американского лидера способствует выявлению заранее спланированных им тактик в сочетании с конкретными языковыми средствами, которые позволяют ему достигать поставленных целей. Дональд Трамп в своем выступлении наиболее часто использует тактики самопрезентации, оскорбления, побуждения, перепрограммирования, прогнозирования, обвинения и «перевода стрелок». Реплики политического актора насыщены лексическими повторами, языковыми единицами с негативной коннотацией, а также различными стилистическими приемами, такими как синтаксический параллелизм и риторические вопросы. Агрессивная манера речи усиливает воздействующий потенциал высказываний и пропагандистскую риторику самого оратора. Изучение влияния манипулятивных тактик на массовую аудиторию в политическом пропагандистском медиадискурсе помогает распознать их в процессе самой коммуникации, лучше понять принципы их функционирования, а также определить степень их влияния на адресата. Этот материал может быть особенно полезным для применения в лингвистике, политологии, дипломатии, межкультурной коммуникации и других сферах, где важным является умение эффективно сформировать взаимодействие между адресантом и адресатом.

Ключевые слова: манипулятивные тактики, стратегии манипулирования, манипуляция, речевая манипуляция, медиадискурс, политическая пропаганда, политический пропагандистский медиадискурс, языковые средства, политический дискурс, СМИ

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Шмигельская Н. А. Манипулятивные тактики и языковые средства их реализации в политическом пропагандистском медиадискурсе Дональда Трампа. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 207–219. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-207-219

Original article

Manipulative tactics and linguistic means in political propaganda media discourse of Donald Trump

Nadezhda A. Shmigelskaya

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ nad.shmigelskaya@icloud.com

Abstract

The article examines the influence of manipulative tactics and linguistic means on mass conscious in political propaganda media discourse of the US president, Donald Trump. Current geopolitical situation in the world is causing changes not only in the society and entire states, but also in political communication as well. That's why communication mechanisms of political propaganda media discourse are of particular interest to researchers, since they are manipulative in nature and aim to change the recipient's behaviour and his perception of reality. Analysing the American leader's speech can help us understand his premeditated tactics in combination with particular linguistic means that allow him to achieve his goals. Donald Trump mostly uses the tactics of self-presentation, insult, inducement, reprogramming and "shooting the messenger". His phrases are full of lexical repetitions, language units with negative connotations, as well as different stylistic techniques such as syntactic parallelism and rhetorical questions. Aggressive speech strengthens the influencing potential of his statements and propaganda rhetoric of the speaker himself. Thus, the study of the influence of manipulative tactics on mass audience allows to find them in the moment of communication and better understand the principles of their functioning. Moreover, it can help to determine the degree of their influence on the addressee. This material can be useful in linguistics, politics, diplomacy, intercultural communication and other fields where the ability to form an effective interaction between the addresser and the addressee is quite important.

Keywords: manipulative tactics, manipulative strategies, manipulation, speech manipulation, media discourse, political propaganda, political propaganda media discourse, linguistic means, political discourse, mass media

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Shmigelskaya N. A. Manipulative tactics and linguistic means in political propaganda media discourse of Donald Trump. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 207–219. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-207-219

Введение

Политическая коммуникация является неотъемлемой частью деятельности политиков, а их публичные выступления все больше привлекают внимание современного общества, поскольку именно они показывают приоритеты акторов в различных сферах деятельности как внутри страны, так и на международной арене.

Публичные выступления политических деятелей представляют вид манипулятивного воздействия, позволяющий им влиять на мнение своих граждан и мирового сообщества в целом. В этом представителям политической элиты помогают средства массовой информации – с их помощью актор может создавать и транслировать, к примеру, неточные данные и ложную информацию для оказания целенаправленного воздействия на эмоции, сознание, подсознание и поведение аудитории.

Целью данной статьи является выявление манипулятивных тактик и языковых средств их реализации в речи американского президента в англоязычном политическом пропагандистском медиадискурсе, определение частотности их применения, а также установление степени их влияния на адресата. Актуальность и новизна исследования обусловлены увеличением интереса к политической коммуникации из-за постоянно меняющейся геополитической повестки, а также отсутствием описания манипулятивного потенциала речи 47-го президента США Дональда Трампа в ходе брифинга по авиакатастрофе около Вашингтона.

Обзор литературы

В последние годы исследования политического медиадискурса приобрели важное значение у специалистов таких областей, как лингвистика, политология, социология, психология и пр. из-за возникновения большого количества конфликтов и изменения мировых общественно-политических отношений.

Т. Г. Добросклонская определяет данный тип дискурс в широком смысле как совокупность продуктов речевой деятельности в политической коммуникации, «актуализированных в средствах массовой информации, во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [1, с. 110].

Лингвист и эксперт в области дискурсологии Т. ван Дейк рассматривает политический медиадискурс с позиции критического дискурс-анализа, который связан с репрезентацией власти и анализом того, как те или иные политические институты влияют на язык и коммуникацию в целом [2].

Иными словами, основным критерием политического медиадискурса является представление информации актором в соответствии с его убеждениями с целью формирования у реципиента того или иного мнения и поведения, необходимых для адресанта.

Использование языка в таком случае направлено не только на информирование, а в первую очередь на воздействие и убеждение адресата. По мнению В. А. Масловой, умелое задействование языка «активно формирует нужное власти общественное мнение» и является главным средством завоевания и удержания господства [3, с. 45]. В таком случае политический язык – это такой ресурс, который применяется в манипулятивных целях [4].

В зависимости от целей той или иной страны политиками выбираются определенные средства и подходы для их полного достижения, а также для презентации государства с конкретной стороны.

Как известно, исследование функционирования языка в политическом дискурсе основано на двух вопросах – на том, какие языковые средства использует актор во время коммуникации, и как они воздействуют на массовое сознание [3].

Следовательно, речь политика должна быть выстроена таким образом, чтобы она затрагивала необходимую линию в сознании аудитории, именно поэтому акторы часто пользуются теми или иными символами, образами и идеями, знакомыми массовому разуму.

По большей части политическим ораторам приходится воздействовать на эмоции и какие-либо моральные установки реципиента. Политик должен обладать доверием аудитории, иначе адресанту придется перенаправить установки адресата в необходимое русло.

Мы приходим к выводу, что анализ политического медиадискурса позволяет распознать, каким образом осуществляется речевое воздействие на общественное сознание, а также какие лингвистические средства и манипулятивные тактики использует политический актор для достижения своих целей [5].

Политическим медиатекстам свойственно многообразие тех или иных лингвистических средств с эмоциональной оценкой. Авторы подобных текстов

влиять на адресата, «высказывая субъективное мнение о происходящих политических событиях, их участниках для их популяризации или дискредитации» в глазах аудитории [5, с. 122].

Таким образом, главной чертой политического медиадискурса является манипулирование, то есть скрытое воздействие на сознание людей с целью принудить их к действию вопреки своим интересам.

В условиях информационно-психологических конфликтов политические акторы расставляют приоритеты в пользу пропагандистского влияния на мышление человека. Реализация такого воздействия предполагает эффективное применение манипулятивных лингвистических средств.

В нашем исследовании мы бы хотели подчеркнуть, что помимо манипулятивного воздействия на аудиторию авторы политических медиатекстов делают упор на пропаганду тех или иных идей и ценностей.

В таком случае в медиaprостранстве необходимо выделить сегмент политического пропагандистского медиадискурса, под которым следует понимать систематическое производство медиатекстов, направленное на внедрение в сознание масс однозначных представлений о каких-либо идеологических компонентах и базовых общественно-политических принципах [6].

Тогда СМИ так или иначе представляют усиливающий канал интересов политика, поскольку их монополизм в общественной жизни реализует пропагандистский эффект на мнение людей [7].

Целесообразным будет рассмотреть выступление Дональда Трампа с позиции такого вида дискурса, поскольку важнейшим аспектом характеристики политического пропагандистского медиадискурса является анализ различных языковых приемов и методов, а также манипулятивных стратегий и тактик [8]. На наш взгляд, манера общения и поведения нынешнего американского президента набирает огромную популярность среди исследователей, так как его речь характеризуется высоким уровнем манипулятивности и агрессии.

Материалы и методы

Материалом для данной работы послужил брифинг президента США Дональда Трампа, посвященного авиакатастрофе вблизи Вашингтона 29 января 2025 года. В статье использованы следующие методы: описательный, прагматический, метод лингвистического наблюдения, дискурс-анализ и метод частичной выборки.

Результаты

Существует предубеждение, что политик, особенно глава государства, является представителем социолингвистической элиты – от него общество ожидает услышать свободную, выразительную и стандартизированную речь [9]. Однако в современном мире все реже встречаются политические акторы, обладающие умением выражаться не только в соответствии с положенными языковыми нормами, но и в соответствии с дипломатическим этикетом. Президент Трамп является ярким примером противоположного – его дискурсивные особенности стали предметом активного общественного обсуждения.

Детально изучив коммуникативное поведение новоизбранного президента США Дональда Трампа, с уверенностью можно сказать, что его высказываниям свойственна провокационная направленность с целью дестабилизации оппонента, эффективность которой достигается путем заранее спланированных тактик речевого и поведенческого воздействия.

Фоностилистические особенности его риторики – использование дополнительных интонационных средств, с помощью которых выделяются необходимые ему языковые элементы – усиливают функциональность контроля над реципиентом.

В ходе анализа брифинга американского президента для обозначения манипулятивных тактик мы обратились к классификациям ученых Н. Б. Руженцевой [10] и О. Л. Михалевой [11] в силу их систематизации и обширности.

Высказывания Дональда Трампа в большинстве своем характеризуются *патриотичной направленностью*: он всегда применяет эмоционально-окрашенную лексику, тем самым показывая свою преданность американскому народу.

Освещая такое печальное событие, как авиакатастрофа, в результате которой погибли 67 человек, американский лидер начинает свой брифинг, во-первых, с минуты молчания, а, во-вторых, определяет данное происшествие как общенациональную трагедию.

(1) *I speak to you this morning in an hour of anguish for our nation.*

Пример (1) наглядно показывает, как реализуется *стратегия театральности* – когда актер старается произвести определенное впечатление на адресата [11]. Ей также свойственна высокая эмоциональная вовлеченность. Зачастую данная стратегия осуществляется через конкретные тактики.

В примере (1) Трамп использует *тактику побуждения* [11], то есть он призывает слушателей к какому-либо действию с помощью перформативного высказывания (*I speak to you*), выражающего прямое обращение к адресату. Этот прием заставляет аудиторию почувствовать искренность его высказываний. Такая тактика в самом начале речи позволяет ему запустить процесс манипулирования реципиентом, чтобы в дальнейшем у него уже не осталось сомнений в достоверности той информации, которую он получает.

Уточним, что манипулятивный потенциал речи американских политиков включает понятия, связанные с *единством и свободой*. Высказывания Дональда Трампа не являются исключением:

(2) *In moments like this the differences between Americans fade to nothing compared to the bonds of affection and loyalty that unite us all both as Americans and even as nations.*

Здесь актер с помощью *эмоционально-окрашенной лексики* (*the bonds of affection, loyalty*) демонстрирует то, какими чертами обладает американский народ, и именно эти качества спланивают его (*unite*).

Президент США, да и политики в целом, в ходе своих выступлений часто употребляют те или иные средства для формирования патриотического настроения.

В вышеприведенном примере (пр. 2) лексические единицы (*Americans, nations*) в сочетании с уже упомянутыми экспрессивными понятиями усиливают эффект идеологического воздействия.

(3) *This was a dark and excruciating night in our nation's capital and our nation's history and a tragedy of terrible proportions. As one nation, we grieve for every precious soul, that has been taken from us so suddenly. We are a country, really, we are in mourning.*

В (3) росту патриотизма способствуют именные словосочетания (*our nation's capital, our nation's history*) с лексемой *nation*, используемой в качестве лексического повтора и создающей еще больший манипулятивный эффект, закрепляя в сознании аудитории идею единства нации.

Патриотическая лексика в сочетании с местоимениями *we-our-us* вместо *I-my-me* показывает полную принадлежность лидера государства своему народу.

Единение народа усиливают также и слова с *негативной окраской* (*dark, excruciating, tragedy, terrible, mourning*), которые вызывают определенные эмоции у аудитории и создают мрачную картину произошедшего.

Уточним, что в американском политическом дискурсе акторы часто делают акцент в своих выступлениях и на семейные ценности, что также способствует национальному единению:

(4) *We are **one family** and today we are all heartbroken. We are all searching for answers.*

В случае (4) президент апеллирует к семье (we are one family), понимая, что семейные узы – это самое важное в жизни каждого человека.

В политическом медиадискурсе Трампа значительную часть занимает тема веры в Бога, которая представлена следующими лексическими элементами: God, solace, bless, etc.

(5) *Together we take solace in the knowledge their journey ended not in the cold waters of the Potomac, but in the warmth embrace of a loving **God**.*

(6) *I just want to say **God bless** everyone in this room.*

В этих высказываниях (5), (6) набор лексических компонентов религиозной направленности (God, God bless) воздействует на подсознание слушающего, поскольку отражает еще и национальный девиз США (In God we trust).

Употребление подобной лексики в сочетании с экспрессивными языковыми единицами (solace, embrace, loving) вызывает у адресата дополнительные эмоции, а также чувство сожаления.

Следовательно, благодаря применению эмоционально-экспрессивных лексических единиц, а также апелляции к традиционным западным ценностям, политику удастся представить себя в выгодном положении и внушить доверие аудитории, показывая ей, что он разделяет горе и надежды своего народа.

Речам Трампа свойственно применение *превосходных форм прилагательных* как с положительной, так и с отрицательной коннотацией [12].

Он часто использует словосочетание the best people и иные синонимичные ему выражения. Данная особенность свидетельствует о возвышении себя и своих последователей.

Иными словами, оратор переходит к *тактике самопрезентации* или оппозиции «свои» – «чужие», являющейся одной из ключевых в политическом медиадискурсе. Благодаря данной антитезе актер выставляет свои положительные черты и осуждает или представляет в негативной коннотации характеристики своего оппонента.

(7) *I changed the Obama standards from very mediocre at best to **extraordinary**. You remember that. Only the highest aptitude. They have to be **the highest** intellect and psychologically **superior** people were allowed to qualify for air traffic controllers. That was not so prior to getting there.*

Здесь мы можем наблюдать, как он использует превосходную степень (the highest, extraordinary, superior), показывая, что только при его власти на государственных должностях задействованы высокоинтеллектуальные сотрудники, как и он сам.

В приведенном примере Трамп уверяет адресата в том, что вина за эту авиакатастрофу лежит на администрации предыдущего руководителя США – Барака Обамы, так как именно при нем в Федеральном управлении гражданской авиации (FAA) была введена политика многообразия, инклюзивности и равенства (DEI), из-за которой на должности авиадиспетчеров могли наниматься люди с психическими расстройствами и интеллектуальной недостаточностью.

Президент отмечает, что при прошлой администрации в ведомстве превалировали в лучшем случае посредственные стандарты (very mediocre at best) при найме работников.

(8) *I put safety first. Obama, Biden and the Democrats put policy first, and they put politics at a level that nobody has ever seen because this was the lowest level. Their policy was horrible and their politics was even worse.*

В данном случае (8) оппозиция «свои» – «чужие» создана, путем сравнения своих действий и действий оппонентов – Трамп доказывает свою правоту и

невинность перед американским народом (I put safety first. Obama, Biden and the Democrats put policy first...).

Использование *сравнительной* (worse) и *превосходной степеней* (the lowest) *прилагательных с отрицательной коннотацией* позволяют актору усилить манипулятивный эффект при реализации стратегии самопрезентации, так как прием противопоставления, создаваемый лексическими средствами, «формирует отрицательное восприятие политики предыдущей администрации и позитивное отношение к новой» [12, с. 379].

Если обратиться к примеру (5), мы можем заметить, что президент также использует *прием противопоставления* (not in the cold waters..., but in the warmth embrace), причем как на лексическом, так и на синтаксическом уровне, что «повышает эмоциональный тонус речи при помощи смены интонационного рисунка, актуализируя внимание аудитории» [13, с. 42].

Оппозиция «свой» – «чужие» в риторике Трампа выделяется и интонационно: когда политик упоминает действия предыдущих лидеров с помощью *лексики с негативной коннотацией*, то в его голосе отчетливо слышится раздражение.

(9) *And then when I left office and Biden took over, he changed them back to lower than ever before.*

Здесь (9) Трамп делает ударение на фамилии своего оппонента (Biden), в его голосе отчетливо улавливается раздражение. Восходящий тон с последующей паузой использован во фразе *he changed*, затем интонационные ударения были проставлены на словах *back* и *lower* – то есть актер интонационно подчеркивает негативные лексические элементы.

Следует отметить, что в речи американского лидера прослеживается исполнение *стратегии дискредитации*, которая достигается актором с помощью *инвективной, даже ненормативной лексики*, в сочетании с тропами, к примеру, метафорами.

В приведенном отрывке (10) Трамп использует *тактику оскорбления* [11] – он агрессивно высказывается в адрес бывшего министра транспорта и мэра города Саут-Бенд в штате Индиана Пита Буттиджича:

(10) *The FAA, which is overseen by secretary Pete Buttigieg, a real winner. The guy's a real winner. Do you know how badly everything is run since he has run this department of transportation? He is a disaster. He was a disaster as a mayor, he ran his city into the ground, and he is a disaster now. He's just got a good line of bullshit.*

Сначала Трамп показывает свое пренебрежение к оппоненту, саркастично называя его «настоящим победителем» (a real winner). Недоброжелательное и предвзятое отношения президента к экс-министру прослеживается благодаря употреблению разговорного слова «парень» (guy).

С помощью метафоричного выражения (run into the ground) он указывает на беспечность Буттиджича, заявляя, что тот «испоганил / пустил под откос» город, который тогда находился под его руководством.

Переход к прямым оскорблениям с помощью инвективной лексики (he is a disaster) добавляет агрессивности дискурсу политика. Ненормативное слово (bullshit) в конце фразы позволяет усилить уровень воздействия на аудиторию, привлекая ее внимание к негативным характеристикам оппонентов и вызывая у нее такие же ощущения, как и у говорящего. Так, Трамп еще и обличает Буттиджича во лжи (He's just got a good line of bullshit), а реципиент даже и не сомневается в истинности его доводов.

Для эффективного манипулирования политический актер использует те или иные *риторические средства*. Наиболее частым и эффективным таким приемом, употребляемым Трампом в своих высказываниях, является *лексический повтор*,

так как многократное повторение одной и той же идеи в большей вероятности останется в памяти аудитории.

(11) *We all saw the same thing. We have seen it many times. I've had the honour of hearing tapes. Tapes are scary, very scary tapes.*

В данном примере (11) повтор слов (*tapes, scary*) подчеркивает их значимость, поскольку с их помощью Дональд Трамп объясняет слушателям, почему, по его мнению, в катастрофе виноват вертолет – он слышал записи переговоров диспетчера и пилотов, а это доказывает его правоту.

(12) *So, all of this is going to be studied, but it just seems to me from a couple of words that I like to use ... the words common sense, some really bad things **happened**, and some things **happened** that shouldn't have **happened**.*

В этом примере президент опять прибегает к лексическому повтору (*happened*), что усиливает воздействие на адресата, так как в его сознании сохраняется факт случившегося события.

В ходе исследования мы заметили, что во время использования оратором лексического повтора в его речи с точки зрения просодических характеристик чаще всего фиксировался восходящий тон.

Повтор в риторике Трампа прослеживается не только с лексической стороны, но и на уровне синтаксиса.

(13) ***You could have** slowed down the helicopter substantially. **You could have** stopped the helicopter. **You could have** gone up, **you could have** gone down. **You could have** gone straight up, straight down. **You could have** turned, **you could have** done a million different maneuvers. For some reason, it just kept going, and then made a slight turn at the very end. And it was by that time, it was too late.*

В примере (13) Дональд Трамп активно использует синтаксический параллелизм в сопровождении анафоры (*you could have*), прямо говоря, что можно было бы предпринять хоть какие-нибудь действия для того, чтобы избежать этого столкновения. Такая комбинация риторических средств позволяет увеличить степень воздействия речи на реципиента, заставляя его задуматься над тем, что виноват в данной ситуации именно тот, кто находился на борту военного вертолета. Более того, синтаксический параллелизм в сочетании с анафорой добавляет экспрессивности высказывания.

Кроме того, речам Трампа свойственно использование *риторических вопросов*.

Вернемся к предыдущему высказыванию (10): риторический вопрос (*Do you know how badly everything is run since he has run this department of transportation?*) дает возможность оратору еще больше завлечь аудиторию, а также усилить эмоциональный тон речи.

Далее нам бы хотелось рассмотреть то, как президент США Дональд Трамп отвечает на вопросы журналистов после своего монолога, и как в таком случае реализуется его манипулятивный потенциал.

На вопрос корреспондента о том, когда будут известны имена погибших, Дональд Трамп переходит на прямые оскорбления.

(14) *The names of the people? You mean the names of the people on the plane? You think that is going to make a difference? They are a group of people that have lost their lives. If you want a list of the names we can give you that. We will be giving that very soon in coordination with American Airlines. We are in coordination very strongly, obviously, with our military, but I think that is not a very smart question. I'm surprised coming from you.*

Отметим, что в данном эпизоде (14) используется тактика «перевода стрелок» (*передергивание*), суть которой заключается в высказывании одной позиции при ее последующем переводе в противоположную сторону.

В данном эпизоде замечен так называемый коммуникативный саботаж, когда актер отвечает вопросом на вопрос, что позволяет ему выиграть время для обдумывания ответа [14].

С помощью риторического вопроса (*you think that is going to make a difference?*) актер осуществляет психоэмоциональное давление на оппонента. В конце высказывания с помощью лексики с отрицательной коннотацией оратор упрекает журналиста в глупости заданного им вопроса (*that is not a very smart question*), а также в том, что он не ожидал от него такого (*I'm surprised coming from you*).

Трамп таким образом вытесняет из сознания читателя список имен погибших, «переводя стрелки» на неприемлемость и некорректность данного вопроса. Иными словами, уклонившись от прямого ответа он все также продолжает показывать себя с лучшей стороны, уверяя всех, что в настоящий момент он работает над решением данной проблемы.

Рассмотрим ответ американского лидера на вопрос журналиста о политике многообразия, инклюзивности и равенства (DEI), которой Трамп посвятил значительную часть своего выступления, а именно: почему президент считает, что именно из-за этой политики произошла катастрофа, хотя еще не было проведено каких-либо расследований.

(15) *Because I have common sense, okay? And unfortunately a lot of people don't.*

Его ответ начинается с оскорбления в адрес людей с умственной отсталостью, при этом себя он выставляет как человека здравомыслящего (*I have common sense*).

(16) *But they didn't build the systems properly. They spent a lot of money renovating a system, spending much more money than they would have spent if they brought a new system for air traffic controllers, meaning the computerised systems.*

Здесь (16) президент использует *тактику обвинения* [11], направленную на администрацию Байдена, которую он обозначил местоимением *they*. Трамп упрекает 46-го президента США в пустой трате бюджетных средств. Лексический повтор (*money*), а также его интонационное подчеркивание заставляет адресата согласиться с его точкой зрения и встать на его сторону.

Последний вопрос брифинга звучал следующим образом: стоит ли гражданам теперь бояться летать?

(17) *No, not at all. I would not hesitate to fly. This is something that it has been many years, that something like this has happened, and the collision is just something that we don't expect ever to happen again.*

Данная фраза (17) определяется нами, как *тактика перепрограммирования* [10] – то есть политический актер пытается вытеснить из сознания аудитории факт произошедшего инцидента.

Благодаря лексическому повтору неопределенного местоимения (*something*) актер избегает прямых определений, чтобы не напоминать реципиенту о случившемся и не вызвать у него противоположную реакцию.

Благодаря *тактике прогнозирования* [10] с применением усиливающего наречия *ever* Трамп уверяет слушателей в том, что подобного больше никогда не произойдет.

(18) *"Flying is very safe. We have the safest flying anywhere in the world and we will keep it that way".*

Заключительная фраза (18) является типичным примером американского политического дискурса. Позиционированием превосходства Соединенных Штатов на мировой арене во всех сферах деятельности удастся осуществить политику, благодаря употреблению языковых средств в превосходной степени с положительной коннотацией (*the safest, very safe*). Такой прием помогает ему усилить воздействующий эффект на аудиторию и скрыть от нее действительность.

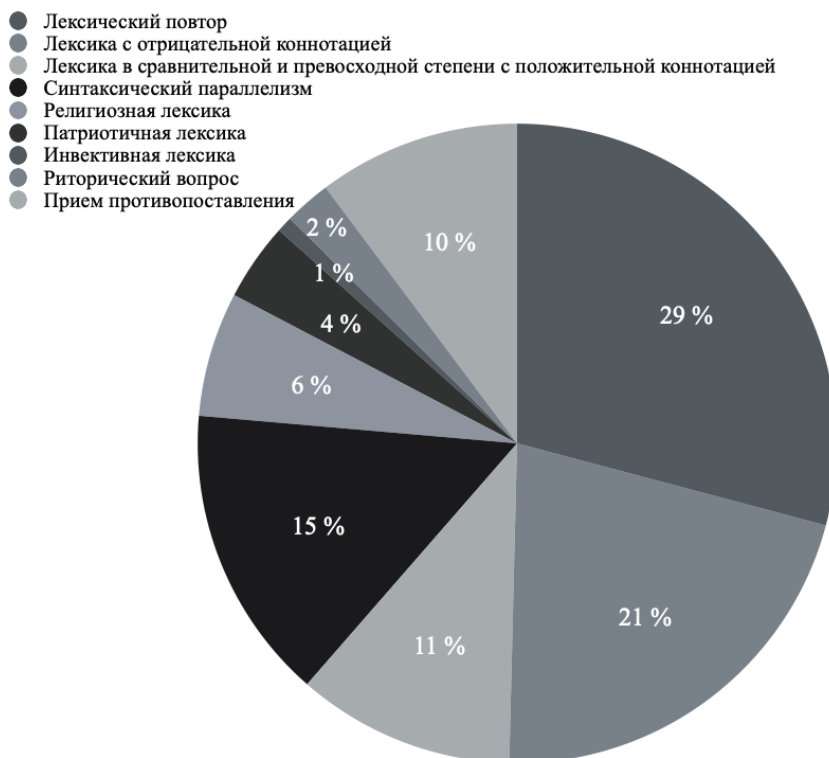

Рис. Частотное распределение языковых средств
для реализации тактик манипулирования

Fig. Frequency distribution of linguistic means to implement manipulative tactics

Таким образом, во время общения с журналистами манипулятивный потенциал речи президента отчетливо заметен. Применение рассмотренных выше лингвистических средств позволило ему уйти от прямых ответов на вопросы, но при этом аудитория этого даже не осознала.

В табл. представлено количественное распределение манипулятивных тактик, которые президент Соединенных Штатов Дональд Трамп использовал в ходе брифинга. Как показывает таблица, наиболее частотной является тактика самопрезентации или оппозиция «свой» – «чужие». Она создает положительный имидж адресанта и выставляет оппонента с отрицательной стороны. Для осуществления влияния на аудиторию и реализации пропагандистских намерений эта тактика наиболее востребована в политическом дискурсе.

Распределение лингвистических средств при реализации манипулятивных тактик политиком представлено на рис. Из данной диаграммы можно заключить, что лексический повтор и лексика с отрицательной коннотацией преобладают при осуществлении манипуляции, занимая на двоих половину диаграммы. Примечательно, что инвективная лексика в ходе данного брифинга использовалась Трампом меньше остальных средств, хотя президент известен своими броскими высказываниями на публике. Мы считаем, что глава Белого дома вел себя более сдержано в связи с трагическими для страны обстоятельствами.

Таблица

Количественные показатели тактик манипулирования в речи Дональда Трампа

Table

Quantitative measures of manipulative tactics in Donald Trump's speech

Название тактики	Количество употреблений
Тактика самопрезентации	18
Тактика обвинения	8
Тактика прогнозирования	7
Тактика побуждения	6
Тактика оскорбления	2
Тактика «перевода стрелок»	1
Тактика перепрограммирования	1

Заключение

В результате проведенного анализа можно заключить, что коммуникативный стиль Дональда Трампа носит манипулятивный характер. Ему свойственен агрессивный стиль повествования с заметной динамичностью и отрывистостью, его высказывания логично выстроены и структурированы, в них присутствует эмоционально-оценочная лексика.

Как и любой другой политический деятель, Трамп выражает необходимые ему убеждения, интересы и задачи. Несмотря на освещение такого трагического события, как авиакатастрофа, президент не забывает о предыдущих американских лидерах и указывает на их причастность к инциденту.

Риторика Дональда Трампа в политическом пропагандистском медиадискурсе основана на коммуникативных стратегиях, которые реализуются с помощью конкретных тактик.

В его речи мы выделили следующие: тактику самопрезентации или оппозицию «свой» – «чужие», оскорбления, театральности, «перевода стрелок», побуждения, перепрограммирования и прогнозирования. Употребление этих речевых тактик обеспечивает эмоциональную зависимость реципиента от оратора, в том числе и путем изменения восприятия действительности.

Благодаря манипулятивным вербальным и невербальным методам политик преадает своему выступлению больше экспрессии и оценки, а также осуществляет пропаганду в общественно-политическом пространстве.

Оратор активно прибегает к лексическим повторам, языковым средствам с негативной коннотацией, а также такому стилистическому приему, как синтаксический параллелизм – все это оказывает огромное воздействие на адресата. Кроме того, неформальная и инвективная лексика, а также агрессивный потенциал риторики Трампа в целом отличают его от других политических деятелей и придают его речи еще больший воздействующий потенциал.

Л и т е р а т у р а

1. Добросклонская Т.Г. Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований. *Язык и социальная динамика*. 2014;14(1):106-115.
2. Dijk TA. van. Critical Discourse Analysis. *The Handbook of Discourse Analysis*. Chichester: Wiley Blackwell; 2015:466-485. <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch22>
3. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? *Политическая лингвистика*. 2008;1(24):43-47.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д. филол. наук. Волгоград: 2000:440.
5. Пономаренко Е.Б., Желтухина М.Р. Инвективная лексика в политическом медиадискурсе: англоязычные и русскоязычные эмоциональные проявления политиков. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019;3:120-130. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-120-130>
6. Малышева Е.Г., Роголева О.С. Русский политический пропагандистский медиадискурс: определение понятия, структура и границы, характеристика субъектов. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2023;12(3):544-561. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12\(3\).544-561](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(3).544-561)
7. Blommaert J. Political discourse in post-digital societies. *Tilburg Papers in Culture Studies*. 2019;236:10. URL: <https://research.tilburguniversity.edu/en/publications/political-discourse-in-post-digital-societies> (дата обращения: 31.01.2025).
8. Звада О.В. Манипулятивные особенности политического дискурса в англоязычных СМИ. *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*. 2018;1(1):23-30.
9. Blommaert J. Sociolinguistic restratification in the online-offline nexus: Trump's viral errors. *Tilburg Papers in Culture Studies*. 2019;(234):20. URL: <https://repository.tilburguniversity.edu/server/api/core/bitstreams/95c96dd5-8305-4803-8a21-540ced8a6f7a/content> (дата обращения: 13.03.2025).
10. Руженцева Н.Б. *Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2004:294.
11. Михалева О.Л. *Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия*. Москва: ЛИБРОКОМ; 2009:256.
12. Опарина Е.О., Раренко М.Б. *Дональд Трамп: Речевой портрет политика. Феномен Трампа*. Москва: РАН ИНИОН; 2020:367-384.
13. Бакина Н.М. Коммуникативное поведение американских политиков. *Вестник КалмГУ*. 2023;2(58):38-43.
14. Ярчук Е. Э. Коммуникативный саботаж и речевая манипуляция в медиадискурсе России и США. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2020;1(36):303-311.

References

1. Dobrosklonskaya TG. Political media discourse in the context of discursive research. *Language and social dynamics*. 2014;14(1):106-115 (in Russian).
2. Van Dijk TA. *Critical Discourse Analysis*. The Handbook of Discourse Analysis. Chichester: Wiley Blackwell; 2015:466-485 (in English). DOI: 10.1002/9781118584194.ch22
3. Maslova VA. Political discourse: language games or games in words? *Political linguistics*. 2008;1(24):43-47 (in Russian).
4. Sheigal EI. *Semiotics of political discourse*. Doctoral dissertation (Philology). Volgograd: 2000:440 (in Russian).
5. Ponomarenko EB, Zheltukhina MR. Invective language in political media discourse: English-language and Russian-language emotional manifestations of politicians. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2019;(3):120-130 (in Russian). DOI: 10.29025/2079-6021-2019-3-120-130

6. Malysheva EG, Rogaleva OS. Russian Political Propaganda Media Discourse: Definition of the Concept, Structure and Boundaries, Characteristics of Subjects. *Theoretical and practical issues of journalism*. 2023;12(3):544-561 (in Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(3).544-561
7. Blommaert J. Political discourse in post-digital societies. *Tilburg Papers in Culture Studies*. 2019;(236):10. Available at: <https://research.tilburguniversity.edu/en/publications/political-discourse-in-post-digital-societies> [Accessed 31 January 2025] (in English).
8. Zvada OV. Manipulative features of political discourse in anglophone media. *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*. 2018;1(1):23-30 (in Russian).
9. Blommaert J. Sociolinguistic restratification in the online-offline nexus: Trump's viral errors. *Tilburg Papers in Culture Studies*. 2019;(234):20. Available at: <https://repository.tilburguniversity.edu/server/api/core/bitstreams/95c96dd5-8305-4803-8a21-540ced8a6f7a/content> [Accessed 13 March 2025] (in English).
10. Ruzhentseva NB. *Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse*: Monograph. Ekaterinburg: 2004:294 (in Russian).
11. Mikhaleva OL. *Political discourse: The specificity of manipulative influence*. Moscow: 2009:256 (in Russian).
12. Oparina EO, Rarenko MB. *Donald Trump: the language portrait of a politician. Trump's phenomenon*: monograph. Moscow: 2020:367-384 (in Russian).
13. Bakina NM. Communicative behavior of American politicians. *Vestnik of Kalmyk University*. 2023;2(58):38-43 (in Russian).
14. Yarenchuk EEH. Communicative sabotage and speech manipulation in Russian and American media discourses. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2020;1(36):303-311 (in Russian).

Сведения об авторе

ШМИГЕЛЬСКАЯ Надежда Александровна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация, ORCID: 0009-0003-2839-7062, e-mail: nad.shmigelskaya@icloud.com

About the author

Nadezhda A. SHMIGELSKAYA – External Doctoral Candidate of Philological Sciences, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, ORCID: 0009-0003-2839-7062, e-mail: nad.shmigelskaya@icloud.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 30.04.25

Принята к публикации / Accepted 20.05.25

УДК 81'373;811.512.212

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-220-231>

Оригинальная научная статья

Лингвокультурные особенности русских и эвенкийских гидронимов Южной Якутии

Л. А. Яковлева ✉, А. М. Евтухова

Технический институт (филиал)

Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
г. Нерюнгри, Российская Федерация

✉ yakovlyubov@rambler.ru

Аннотация

Настоящее исследование посвящено изучению русских и эвенкийских гидронимов Южной Якутии в лингвокультурологическом аспекте. Гидронимия как русского, так и эвенкийского происхождения представляет собой ценный источник информации об особенностях национальной картины мира, поскольку лингвокультурный подход позволяет выявить взаимосвязь между языком, культурой, историей и мировоззрением соответствующих этносов. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью комплексного рассмотрения этнографической, культурной и мировоззренческой специфики русского и эвенкийского топонимического пространства Южной Якутии. Целью исследования является этнолингвистическое описание гидронимии Южной Якутии с фокусом на сопоставительный анализ русских и эвенкийских названий водных объектов, направленное на выявление лингвокультурологических особенностей, отражающих этническую идентичность. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: анализ этимологии названий рек, ручьев и озер; выявление специфических черт, определяющих классификацию гидронимов в рамках рассматриваемых языковых и культурных традиций. В процессе исследования применялись следующие методы: **этнолингвистический подход** для выявления взаимосвязей между языковыми формами гидронимов и культурными, историческими, религиозными представлениями соответствующих этносов, сопоставительный и количественный (измерительный) методы. Проанализированные характеристики топонимов помогли выделить факторы, которые объединяют и отличают их в сопоставлении с другим народом, поскольку призма восприятия окружающего мира и воздействия на него человека у каждого из них дифференциальна. Для этого также было рассмотрено и классифицировано понятие пространства, помогающее в более глубинном понимании номинации названий. Полученные результаты основных принципов выделения топонимических групп свидетельствуют о том, что водные объекты занимают центральное место в жизни каждого народа.

Ключевые слова: гидронимы Южной Якутии, эвенкийские гидронимы, русские гидронимы, национальная картина мира, лингвокультурологический аспект, этнографическая специфика, культурная специфика, мировоззренческая специфика, языковые традиции, культурные традиции, топонимия, семантика

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Яковлева Л. А., Евтухова А. М. Лингвокультурные особенности русских и эвенкийских гидронимов Южной Якутии. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 220–231. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-220-231

Original article

Linguocultural characteristics of Russian and Evenki hydronyms in South Yakutia

Lyubov A. Yakovleva ✉, **Alina M. Evtukhova**

Neryungri Technical Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Neryungri, Russian Federation
✉ yakovlyubov@rambler.ru

Abstract

This study investigates Russian and Evenki hydronyms of South Yakutia from a linguocultural perspective. Hydronymy of both Russian and Evenki origin serves as a valuable source of information regarding the unique of each group's national worldview, as the linguocultural approach enables the elucidation of interrelationships between language, culture, history, and the worldview of the respective ethnic groups. The relevance of this work stems from the necessity for a comprehensive examination of the ethnographic, cultural, and ideological specificities of the Russian and Evenki toponymic landscape of South Yakutia. The aim of the study is an ethnolinguistic description of the hydronymy of South Yakutia, focusing on a comparative analysis of Russian and Evenki names of bodies of water, with the goal of identifying linguocultural features that reflect ethnic identity. To achieve this aim, the following objectives were formulated: to analyze the etymology of names for rivers, streams, and lakes; and to identify specific characteristics that determine the classification of hydronyms within the considered linguistic and cultural traditions. The research employs the following methods: an ethnolinguistic approach to determine the interrelationships between the linguistic forms of hydronyms and the cultural, historical, and religious beliefs of the corresponding ethnic groups, as well as comparative and quantitative (measurement) methods. The analysis of toponym characteristics facilitated the identification of unifying and differentiating factors in comparison to other groups, acknowledging the differential prisms through which each group perceives and interacts with the surrounding world.

Keywords: hydronyms of South Yakutia, Evenki hydronyms, Russian hydronyms, national worldview, linguacultural perspective, ethnographic specificity, cultural specificity, worldview specificity, linguistic traditions, cultural traditions, toponymy, semantics

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Yakovleva L. A., Evtukhova A. M. Linguocultural characteristics of Russian and Evenki hydronyms in South Yakutia. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 220–231. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-220-231

Введение

Поскольку разнообразие этимологии гидронимов у народов Южной Якутии связано с набором убеждений, образом мышления и поведенческих стереотипов, актуальность изучения темы определяется рассмотрением эвенкийских и русских гидронимов во взаимосвязи языковых, культурных и мировоззренческих аспектов. Ввиду того, что гидронимы мыслятся как уникальное природное явление и наделяются исключительно своеобразными смыслами, названия, содержащие в себе национальный взгляд и мироощущение, воспринимаются как указатель

и ориентир, которые помогают осваиваться в местном ландшафте. В целом гидронимия Южной Якутии является одним из важных источников информации взаимодействия культур и языков, что дает основание на дальнейшие перспективы исследования в этой области.

Цель исследования заключается в этнолингвистическом анализе гидронимии Южной Якутии с акцентом на сравнительное изучение русских и эвенкийских наименований водных объектов, направленным на выявление лингвокультурных особенностей. Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи: исследование этимологического происхождения названий рек, ручьев и озер; определение характерных признаков, формирующих классификацию гидронимов в контексте рассматриваемых языковых и культурных традиций.

Изучение региональной топонимии представляет собой сложившееся направление в отечественной науке, о чем свидетельствуют труды таких видных исследователей, как А. В. Суперанская, А. К. Матвеев, В. А. Никонов, Г. М. Василевич. Топонимия Республики Саха (Якутия) также неоднократно становилась объектом внимания ученых, в числе которых следует отметить М. С. Иванова–Багдарына Сюлбэ, В. А. Кейметинова, А. Н. Варламова, Т. Е. Андрееву, Т. М. Никаеву и др. Топонимы Южной Якутии были исследованы Е. В. Меркель, Л. А. Яковлевой, Л. Д. Ядреевой.

В контексте теоретического осмысления топонимических исследований особое значение имеет диссертация Е. Л. Березович «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте» [1], в которой автор разрабатывает концептуальные основы этнолингвистического подхода к изучению топонимии, исследует отражение географического пространства, религиозных представлений и фольклорных мотивов в русской топонимической системе.

В статье Р. Г. Жамсарановой «Этнокультурология, этнонимика, языковые контакты и языковое планирование» [2] даурские топонимы рассматриваются как ценные ономастические артефакты, содержащие этнокультурную информацию, связанную, в частности, с наименованиями городищ, что позволяет реконструировать элементы исторического и культурного ландшафта.

Фундаментальной основой для изучения этнолингвистических аспектов топонимии народов Севера является монография Г. М. Василевич «Эвенки: историко-этнографические очерки» [3], в которой, помимо анализа культуры и хозяйства эвенков, рассматриваются вопросы их территориального расселения и этногенеза, что имеет прямое отношение к пониманию формирования топонимического пространства.

Исследование А. Н. Варламова и Ю. А. Варламовой «Эвенкийские гидронимы верховьев р. Алдан» [4] сосредоточено на семантическом и словообразовательном анализе гидронимов, а также затрагивает дискуссионные вопросы топонимии Восточной Сибири и проблему пространственной ориентации эвенков.

Теоретической базой стала работа «Гидронимы русского и эвенкийского происхождения в топонимике Амурской области» Н. В. Ивановой (Куриковой) [5]. В гидронимах русского происхождения ею было выделено 7 групп, в которых нашли отражение названия животных, растений, соседство с другим объектом, природные характеристики, метафоризация, деятельность человека, место деятельности. Предложенная классификация была дополнена группами, этимология которых связана с историческим контекстом, антропотопонимами и топонимами, в основе которых лежит трансонимизация.

Н. В. Ивановой в гидронимах эвенкийского происхождения были выделены группы, отражающие: связь с деятельностью человека, актуальные для человека формы жизнедеятельности животных, соседство с горным объектом, расположение объекта в пространстве, указание на растения, на названия животных, особенности

водоема, размер. К классификации, используемой в работе, на основе объединения нескольких групп нами была добавлена группа, указывающая на географические особенности и группы по производимому впечатлению, цвету воды, сходству по форме, а также группы гидронимов, возникших в результате трансонимизации.

В качестве материала для анализа были использованы данные научно-учебной лаборатории по региональной топонимике Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри, сведения о происхождении названий географических объектов, собранные авторами статьи из научных и научно-популярных источников, а также материалы «Базы данных топонимов Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия)» [6].

Согласно мнению В. В. Филипповой, «характерные черты духовной жизни каждой этнической общности сложились в конкретных природных условиях» [7, стр. 20]. На основании приведенных данных заметно преобладающее число гидронимов, относящихся к эвенкийским названиям, что объясняется исторически. Большую часть времени территорию Южной Якутии населяли народы тунгусо-маньчжурской языковой семьи, что оказало влияние на топонимическую систему.

В ходе исследования было проанализировано 123 гидронима, из которых 53 (43,1%) имеют русское происхождение и 70 (56,9%) – эвенкийского. В эвенкийской гидронимии преобладают наименования крупных рек (68) и озер (2), в то время как русская гидронимия исследуемого региона представлена преимущественно наименованиями ручьев (44) и небольших озер (9). Данная диспропорция обусловлена исторически сложившимся характером освоения территории. Кочевой образ жизни эвенков предполагал тесную взаимосвязь с крупными речными системами, служившими основными транспортными путями и источниками ресурсов. Заселение русскими Южной Якутии началось значительно позже, в XVII веке, в условиях уже сформировавшегося топонимического ландшафта. Следовательно, русские поселенцы, как правило, сталкивались с необходимостью номинировать преимущественно мелкие водные объекты, такие как ручьи, небольшие озера и протоки.

Топонимическая картина мира эвенков

Анализ гидронимов эвенкийского происхождения позволил выделить 13 семантических групп. Наиболее многочисленными из них являются следующие: названия, отражающие географические особенности расположения водных объектов (21,5%), фитотопонимы (18,6%), названия, возникшие в результате метафорического переноса (14,4%), зоотопонимы (10%), названия, отражающие особенности водного объекта (7,1%) и течения рек (7,1%).

Менее распространенные группы, отражающие такие признаки, как форма, размер, указание на деятельность, цвет воды и другие, хотя и представлены небольшим количеством наименований, свидетельствуют о разнообразии факторов, влияющих на номинацию гидронимов (рис. 1).

Глубокая связь эвенков с окружающей средой находит отражение в их традиционных верованиях и мировоззрении, основанном на признании определяющей роли природных сил во всех аспектах жизнедеятельности.

Вследствие кочевого образа жизни в таежной зоне, эвенкийский этнос аккумулировал обширные знания о местности и выработал адаптационные механизмы, позволяющие успешно функционировать в различных условиях, что в свою очередь обусловило необходимость запоминания множества географических объектов и их уникальных характеристик. Так, значительная часть гидронимов отражает своеобразие их географического расположения,

Рис. 1. Классификация топонимов эвенкийского происхождения

Fig. 1. Classification of Evenki-origin toponyms

обусловленное различными факторами окружающей среды, включая наличие гор, соседних рек и озер: река Наминнга – от эвенк. *намнга* ‘ровное место на хребте’ [8, с. 90], река Налды – от эвенк. *налдын* ‘приток, столкновение’ [8, с. 89], река Номина – ‘ровное место’. Эвенкам было важно выделять подобного рода места, поскольку широкие, хорошо продуваемые сухие места благоприятны для стоянок.

Расположение эвенкийских стоянок было обусловлено близостью к рекам, которые покрывались наледью и обеспечивали водой людей и животных (например, река Амнукачи – ‘река с наледью, наледная, с прозрачным льдом’, река Амнуннали – от эвенк. *амнунна* ‘наледь, прозрачный’ [8, с. 12].

Олень, являясь ключевым и сакральным животным в культуре эвенков, обусловил выбор мест стоянок и кочевок вблизи водоемов, берега которых богаты растительностью, служащей кормовой базой для оленей: река Кавали (от эвенк. *кава* ‘папоротник’), река Наокандя (эвенк. *оңко* ‘ягель’), река Сектолачи – от эвенк. *секта* ‘ива, ивовый прут, тальник’ [8, с. 111]. Эти и другие растения, произрастающие по берегам упомянутых рек, играли важную роль в обеспечении оленей кормом.

Зоотопонимы, связанные с охотой и рыболовством, отражают значимые аспекты жизни эвенков. На реке Нади водятся самки соболя (эвенк. *нади* ‘самка соболя’), реках Рогочи и Огорочи (эвенк. *хорокй* – ‘тетерев, глухарь’) – глухари, река Беркакит (эвенк. *бэркэн* – ‘лук-самострел’) – это место, где на животных охотятся самострелами, а река Олонгоро (эвенк. *олло* ‘рыба’ [8, с. 105]) и ручей Нирунга (эвенк. *нирү* ‘хариус’) богаты рыбой.

Необходимо отметить значительную роль метафорического переноса в процессе формирования гидронимии. Использование метафор обусловлено эмоциональным восприятием мира эвенками (река Иенгра – от эвенк. *ие* ‘рог’ [8, с. 54], река Кабакта – ‘марь’) и религиозными представлениями, связанными с шаманизмом (река Самокит – от эвенк. *саманйл-ми* ‘шаманить’ [8, с. 111], река Унгтугучи – от эвенк. *унгтуты-ми* ‘бить в бубен, шаманить’ [8, с. 144]. Эвенкийские представления о шаманизме формируют мировоззрение, в котором каждое природное явление или объект может обладать духом или священной силой [9].

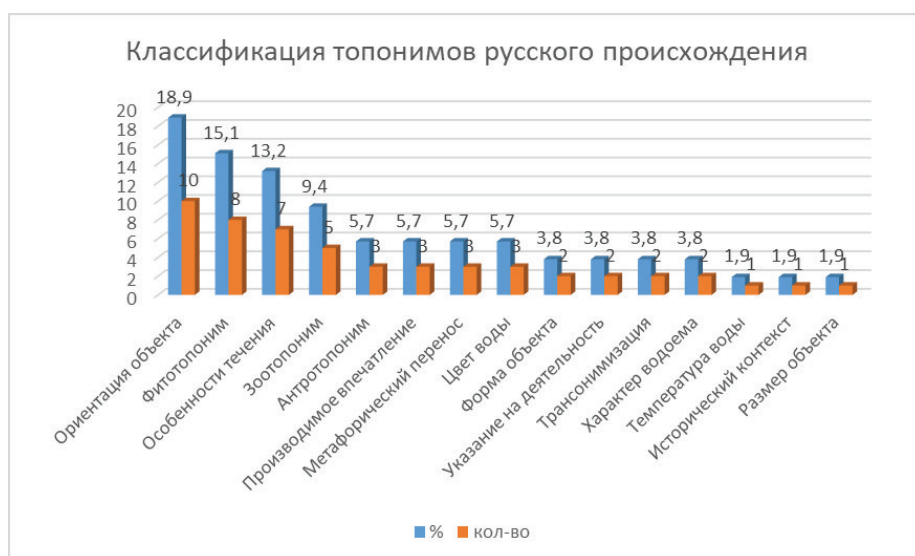

Рис. 2. Классификация топонимов русского происхождения
Fig. 2. Classification of Russian-origin toponyms

Таким образом, эвенкийская топонимическая картина мира неразрывно связана с образом жизни, природным окружением и мифологией этноса. Принципы наименования, зафиксированные в топонимах, отражают утилитарную значимость природных объектов для кочевого населения. Особое внимание заслуживает связь топонимии с духовными представлениями эвенков: топонимы не только помогают ориентироваться в пространстве, но и являются важным элементом культурной идентичности.

Русская топонимическая картина мира

В гидронимии русского происхождения было выделено 15 семантических групп. Самыми многочисленными из них являются названия, отражающие географические особенности (18,9%), фитотопонимы (15,1%), топонимы, характеризующие особенности речного течения (13,2%), зоотопонимы (9,4%).

Остальные группы представлены меньшим количеством наименований (от 1,9% до 5,7%), включая антропотопонимы, названия, в основе которых лежит метафорический перенос, отражающий цвет и форму объекта, а также указывающий на исторический контекст и температуру воды (рис. 2). Таким образом, гидронимия русского происхождения исследуемого региона характеризуется разнообразием источников наименований, при этом доминирующую роль играют факторы, отражающие тесную связь топонимов с природной средой и ее восприятием носителями языка.

В русских гидронимах преобладает отражение географического расположения водных объектов (Алданские озера, ручей Пограничный, ключ Шахтинский) и особенностей течения (ручей Бурный, ручей Извилистый, ручей Прямой). Фито- и зоотопонимы также занимают важное место, что связано с традиционными занятиями – охотой (ручей Рябчиковый, озеро Гусиное) и собирательством трав и ягод, используемых в пищу и в лечебных целях (ручей Ягодный, ручей Черемуховый, ручей Зверобой).

В русской топонимии отражается и эмоциональная составляющая, проявляющаяся в метафорических названиях (река Половинка, ручей Пропущен-

ный) и характеристиках, передающих субъективное впечатление от внешнего вида и свойств воды (озеро Надежда, ручей Солнечный, река Мутная). Подобно эвенкам, русские также могли длительное время проживать на определенных территориях, обустривая быт и занимаясь хозяйством, что находит отражение в таких топонимах, как ручей Пастбищный и ручей Перевальный.

Отличительной чертой можно назвать наличие антропотопонимов – гидронимов, в основе происхождения которых лежат антропонимы (ручей Скабельцинский, ручей Староста, река Капрал), и гидронима, название которого обусловлено историческим контекстом: ручей Советский.

Итак, русская топонимическая картина мира в Якутии – это отражение исторического освоения территории, практического использования природных ресурсов и культурного взаимодействия с коренными народами. Она характеризуется описанием природных особенностей и сохранением памяти о людях и событиях.

Русские и эвенкийские гидронимы: сравнительный анализ

Сравнительный анализ топонимов различных языковых групп позволил сформулировать следующие выводы. Гидронимы, образованные в соответствии с ориентацией водного объекта, и фитотопонимы занимают значимые позиции в обеих группах (около 19–21% и 15–19% соответственно, рис. 3). Данный факт свидетельствует о широком использовании как в русской, так и в эвенкийской гидронимии пространственных ориентиров и наименований растений для обозначения объектов. Высокая доля названий, отражающих географические особенности, в эвенкийской топонимии (21,5%) свидетельствует, на наш взгляд, о традиционной ориентации эвенков в природе, где точная локализация объектов относительно сторон света или других ориентиров имеет первостепенное значение.

В русской топонимии суммарная доля названий, отражающих особенности течения (13,2%) и характер водоема (3,8%), выше, чем в эвенкийской (7,1% и 7,1%). Это, на наш взгляд, может быть объяснено тем, что русские топонимы более детально описывают гидрологические характеристики, что, вероятно, связано с традициями картографирования и освоения земель. В эвенкийской топонимии внимание к характеру водоема сохраняется на достаточно высоком уровне (7,1%), однако особенности течения акцентированы в меньшей степени (7,1%).

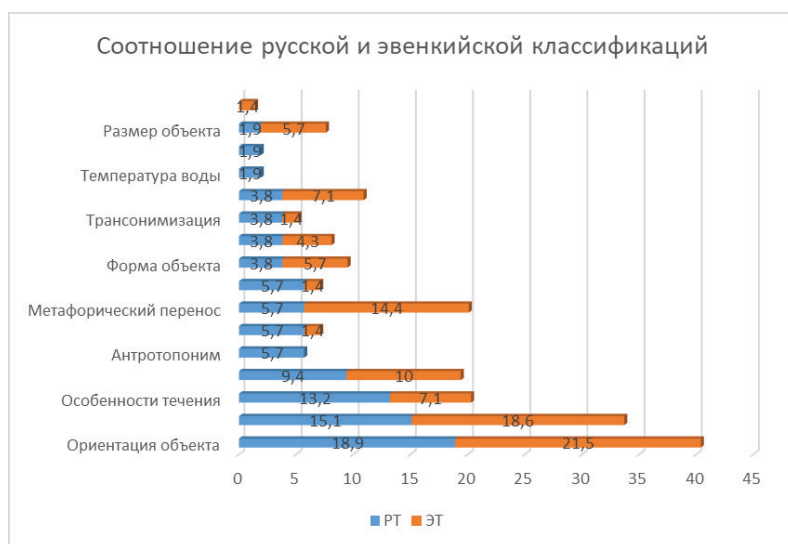

Рис. 3. Сопоставление русских и эвенкийских групп

Fig. 3. Comparison of Russian and Evenki groups

Процент зоотопонимов (названий, связанные с животными) примерно сопоставим в обеих топонимических системах (9,4% и 10%).

Антропотопонимы встречаются только в русской топонимии (5,7%). Это, на наш взгляд, отражает различия в культурных подходах: в русской топонимии активнее фиксируются имена и деяния людей (геологов, первопроходцев, в частности), в то время как эвенкийские топонимы ориентированы преимущественно на отражение природных особенностей и традиций.

Гидронимы, в основе названий которых лежит метафорический перенос, значительно преобладают в эвенкийской топонимии (14,4%) по сравнению с русской (5,7%). Мы считаем, что это свидетельствует о богатстве образных номинаций в эвенкийской традиции, где природные объекты описываются посредством символики и ассоциаций.

Такие факторы номинации, как производимое впечатление, цвет воды, а также случаи трансонимизации, более широко представлены в русской топонимии (5,7%, 5,7%, 3,8% соответственно), чем в эвенкийской (1,4%, 1,4%, 1,4%). Это может указывать на то, что в русских топонимах чаще используются визуальные и эмоциональные характеристики объекта. Более высокая частота трансонимизации (переноса названия с одного географического объекта на другой) в русской топонимии может отражать процессы адаптации топонимов к русскому языку.

Категории, связанные с размером и формой объекта, а также указывающие на деятельность человека в эвенкийской топонимии представлены выше или на сопоставимом уровне. Более высокий процент названий, отражающих размер объекта (5,7% в эвенкийской топонимии против 1,9% в русской) и форму объекта (5,7% в эвенкийской топонимии против 3,8% в русской) позволяют предположить, что эвенкийские названия более детально описывают физические характеристики объектов. Близкие показатели по категории «указание на деятельность» (4,3% в эвенкийской топонимии и 3,8% в русской), свидетельствует о роли человеческой деятельности в топонимической традиции обеих культур.

Параметры, отражающие температуру воды и исторический контекст, представлены только в русской топонимии (1,9%). Это может свидетельствовать о более научном и документальном подходе к описанию окружающей среды, характерном для русских топонимов.

Группа гидронимов, отражающая жизнедеятельность животных, встречается только в эвенкийской топонимии (1,4%), что подчеркивает значимость природных процессов и животного мира в эвенкийской культуре.

Проведенный анализ показывает, что эвенкийская топонимическая картина мира богата образными и метафорическими названиями, отражающими тесную связь с природой, ее элементами и животным миром. Преобладание названий, отражающих географические особенности и детализацию физических характеристик объектов, подтверждают, что традиционный охотничий и кочевой образ жизни, требующий глубокого знания местности, оказал существенное влияние на формирование эвенкийской топонимической системы.

Русские топонимы, напротив, в большей степени ориентированы на фиксацию конкретных признаков, таких как гидрологические особенности, антропогенные факторы, исторический контекст. Это соответствует оседлому образу жизни и хозяйственно-экономическому освоению территории, акцентирующему картографирование и учет ресурсов (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ аспектов номинации

Table 1

Comparative analysis of nomination aspects

Аспект	Русские топонимы	Эвенкийские топонимы
Акцент на природные ориентиры	Высокий	Очень высокий
Использование метафор	Низкий	высокий
Указание на людей	присутствует	отсутствует
Детализация гидрологии	Более выражена	Менее выражена
Эмоциональные характеристики	Менее выражены	Менее выражены
Исторический подход	Присутствует	отсутствует
Внимание к животному миру	минимальное	присутствует

Важно отметить, что национально-культурная картина мира описываемых народов находит отражение не только в прямых характеристиках, но и в этнических стереотипах, проявляющихся в наименованиях исследуемых водных объектов. Так, в эвенкийской традиции русские ассоциируются с постоянной работой, прагматичностью и патриотизмом [10], что может находить отражение в четких и семантически простых названиях рек и озер. В свою очередь, русские при характеристике эвенков акцентировали внимание на реалиях, связанных с пищевыми ресурсами и хозяйственной деятельностью (олени, рыба, мясо, оленина), а также на основных видах деятельности (оленоводство, рыболовство, охота) [10]. Подчеркивалось, что эвенки кочуют, ездят на оленях, живут в юртах, поют и танцуют [10]. Эти стереотипные представления проявляются в зоотопонимах, фитотопонимах, гидронимах с метафорическим переносом, указанием на деятельность человека или жизнедеятельность животных.

По мнению Е. Л. Березович, пространство можно осмыслить в разных аспектах: 1) как протяженность, по которой человек ориентируется для определения местоположения отдельных пространственных объектов; 2) как окружающую человека земную поверхность; 3) как среду, с которой человек взаимодействует и в роли субъекта, и в роли объекта; 4) как реальность, наполненную иррациональными явлениями; 5) как место исторических событий [1].

Поскольку гидронимия основана на привязке к конкретной местности, то такое условное разделение пространства прослеживается и в наименовании рассматриваемых топонимов. Так, например, для ориентации по отдельным объектам можно отнести выделенные ранее группы: «по географическим особенностям», «зоотопонимы», «фитотопонимы»; при взаимодействии человека с природной средой: «антропотопонимы», «указание на деятельность» и по «характеристике формы жизнедеятельности животных»; как «виртуальная реальность»: «метафорический перенос»; место, связанное с историческими событиями: «указание на исторический контекст» (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение аспектов пространства группам топонимов

Table 2

Correlation of spatial aspects to toponym groups

Аспекты пространства	Группы гидронимов
По отдельным объектам	Географические особенности Зоотопонимы Фитотопонимы
Взаимодействие человека с природной средой	Антропотопонимы Указание на деятельность Жизнедеятельность животных
Виртуальная реальность	Метафорический перенос
Исторические события	Исторический контекст
Водное пространство	Особенности течения Температура воды Характер водоема Цвет воды Размер объекта Сходство по форме
Эмотивное пространство	Производимое впечатление

Помимо этого, нами было выделено водное пространство, в котором человек осваивается благодаря отличительным особенностям конкретного водного объекта. К нему мы отнесли группы: «по особенностям течения», «по температуре воды», «по характеру водоема», «по цвету воды», «по размеру» и «на основе сходства по форме». Также было отмечено наличие эмотивного пространства, в основу которого легли человеческие эмоции: «по производимому впечатлению» (табл. 2).

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены лингвокультурные особенности русских и эвенкийских гидронимов Южной Якутии.

Принципы номинации эвенкийских гидронимов прежде всего связаны с их практическим назначением. Так, основополагающим фактором являлся поиск подходящего места для кочевания, характеризующегося обилием пищевых ресурсов. Реки и растительность становились основным источником пропитания как для человека, так и для оленя, что отражается в значительной представленности зоотопонимов и фитотопонимов. Для русского населения не было характерно длительное пребывание на одном месте, а перемещения в большинстве случаев осуществлялись в теплое время года. Исходя из этого, можно предположить, что русские наименования часто отражали непосредственное наблюдение и характеристики объектов (ручей Ягодный, озеро Гусиное, ручей Южный). Важно отметить, что упрощенный характер номинации и картографирования топонимов отражал образ жизни русского населения, для которого многоуровневое, детальное описание местности было не столь необходимо, как практическое обозначение ориентиров.

Несмотря на различие в восприятии и принципах номинации, можно отметить и общие черты в русской и эвенкийской гидронимии исследуемого региона.

К ним относятся наиболее доступные и распространенные способы наименования – по географическим особенностям и по характеристикам реки. Зачастую такие названия даются с объективной точки зрения, без привнесения субъективных оценок или дополнительных коннотаций. В рамках исследования было проанализировано пять типов пространства и предложены дополнительные типы (водное и эмотивное пространства).

В целом совокупность географических названий отражает сложный исторический процесс, протекавший на протяжении всего периода расселения народов. Гидронимы представляют собой один из ключевых подходов к пониманию культуры этносов, поскольку объекты природного происхождения имеют для них значительную культурную ценность.

Л и т е р а т у р а

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореферат дис. ... к. филол. н.: Екатеринбург; 1998:461. URL <https://www.dissercat.com/content/russkaya-toponimiya-v-etnolingvisticheskom-aspekte> (дата обращения: 19.05.2025).
2. Жамсаранова Р.Г. Этнокультурология, этнонимика, языковые контакты и языковое планирование. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2024;490(8):238-247. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-238-247.
3. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение; 1969:302.
4. Варламов А.Н., Варламова Ю.А. Эвенкийские гидронимы верховьев р. Алдан. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2022;90(4):67-77.
5. Иванова (Курикова) Н.В. Гидронимы русского и эвенкийского происхождения в топонимике Амурской области. *Слово: фольклорно-диалектологический альманах*; 2005;(2):55-59.
6. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2013621070 Российская Федерация. База данных топонимов Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия): № 2013620797.
7. Филиппова В.В. История расселения коренных малочисленных народов Севера Якутии во второй половине XX века: Автореф. дис. ... к. и. н.: Якутск; 2004:24.
8. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей; 1940:208.
9. Меркель Е.В., Ядреева Л.Д., Яковлева Л.А. Топонимы Южной Якутии как зеркало культурной картины мира эвенков. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017; 74(8-1):109-111.
10. Никаева Т.М. Этнокультурная специфика образа себя и образа другого в языковом сознании русских, якутов, эвенков и эвенов: Автореф. дис. ... к. филол. н.: Москва; 2013:24.

R e f e r e n c e s

1. Berezovich EL. Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Ekaterinburg: 1998:461. Available at: <https://www.dissercat.com/content/russkaya-toponimiya-v-etnolingvisticheskom-aspekte> [Accessed 19 May 2025] (in Russian).
2. Zhamsaranova RG. Ethnoculturology, ethnonymy, language contacts and language planning. *Vestnik of Chelyabinsk State University*. 2024;8(490):238-247. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-238-247 (in Russian).
3. The Evenki: historical and ethnographic essays: (18th – early 20th centuries). Leningrad: Publishing House “Nauka”, Leningrad branch; 1969:302 (in Russian).
4. Varlamov AN, Varlamova YuA. Evenki hydronyms of the upper reaches of the Aldan River. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2022;90(4):67-77 (in Russian).
5. Ivanova (Kurikova) NV. Hydronyms of Russian and Evenki origin in the toponymy of the Amur Region. *Slovo: folklore and dialectological almanac*. 2005;(2):55-59 (in Russian).

6. Certificate of State Registration of Database No. 2013621070 Russian Federation. Database of toponyms of the Neryungri region of the Republic of Sakha (Yakutia): No. 2013620797.

7. Filippova VV. History of settlement of indigenous small-numbered peoples of the North of Yakutia in the second half of the 20th century. Summary of Candidate's dissertation (History). Yakutsk: 2004:24 (in Russian).

8. Evenki-Russian (Tungus-Russian) dictionary. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries; 1940:208 (in Russian).

9. Merkel EV, Yadreeva LD, Yakovleva LA. Toponyms of Southern Yakutia as a mirror of the Evenkis' cultural worldview. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2017;74(8-1):109-111 (in Russian).

10. Nikaeva TM. Ethnocultural specificity of the image of self and the image of the other in the linguistic consciousness of Russians, Yakuts, Evenki and Evens. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Moscow: 2013:24 (in Russian).

Сведения об авторах

ЯКОВЛЕВА Любовь Анатольевна – к. филол. н., доцент Технического института (филиала), ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-5526-9611, SPIN: 2477-0405, e-mail: yakovlyubov@rambler.ru

ЕВТУХОВА Алина Максимовна – студент Технического института (филиала), ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри, Российская Федерация, e-mail: evtuhovaalina3@gmail.com

About the authors

Lyubov A. YAKOVLEVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Neryungri Technical Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0001-5526-9611, SPIN: 2477-0405, Neryungri, Russian Federation, e-mail: yakovlyubov@rambler.ru

Alina M. EVTUKHOVA – Student, Neryungri Technical Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Neryungri, Russian Federation, e-mail: evtuhovaalina3@gmail.com

Вклад авторов

Яковлева Л.А. – разработка концепции, методология, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, руководство исследованием

Евтухова А.М. – проведение статистического анализа, ресурсное обеспечение исследования, проведение исследования, создание черновика рукописи

Authors' contribution

Lyubov A. Yakovleva – conceptualization, methodology, validation, investigation, data curation, supervision

Alina M. Evtukhova – formal analysis, resources, investigation, writing - original draft

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 27.05.25

Принята к публикации / Accepted 24.06.25

Русистика в СВФУ: вехи пути. К 80-летию С. М. Петровой

Г. Е. Жондорова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ zhondorova@mail.ru

Русистика в Северо-Восточном федеральном университете получила мощный импульс для развития в связи с научной, педагогической, просветительской деятельностью профессора Светланы Максимовны Петровой, стоящей у истоков развития этой науки в СВФУ, разрабатывающей ее основы, создававшей и создающей первые программы и учебники, при этом остающейся полной сил, энергии, аккумулирующей новое и современное. К моменту открытия этого направления подготовки в СВФУ Светлана Максимовна уже имела неоспоримый авторитет, влияние в профессиональном сообществе русистов Российской Федерации и за рубежом, являлась известным ученым, имеющим около двухсот работ по различным теоретическим и практическим аспектам методики преподавания русской литературы, в том числе и в русле новых инновационных и научно-мировоззренческих подходов к методике преподавания русского языка как иностранного.

Светлана Максимовна Петрова, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, работает в университете с 1970 г. С 2012 г. С. М. Петрова возглавила новую кафедру РКИ. Она является победителем конкурса Министерства науки и высшего образования по Федеральной целевой программе «Русский язык, 2016–2020. Лингводидактический онлайн-ресурс «Русистика на Северо-Востоке России и в странах АТР: 2017–2020 (2017)», конкурса Минобрнауки РФ (и др.) «Активная информационная политика и продвижение ресурсов русского языка и образования на русском языке в средствах массовой информации, в том числе в сети интернет (2018)», гранта ректора СВФУ «Приоритет 2030» (2024), создателем «Азиатско-Тихоокеанской онлайн-школы русистики: стратегии и технологии» (2018) и международного русско-китайского клуба русистов «Алмаз» (2020).

Безусловной заслугой Светланы Максимовны является то, что в самое короткое время ей удалось создать целую школу русистики в СВФУ, заложив прочные основы для продвижения русского языка как иностранного, русской культуры, образовательных программ на русском языке, русского мира в мировом, преимущественно азиатском, образовательном пространстве. Профессор С. М. Петрова является участником и организатором многих форумов. В частности, благодаря ее инициативе в апреле 2018 г. в г. Харбине (КНР) состоялся I Международный форум «Русистика в России и Китае: инновационные практики», в июне 2019 г. в г. Якутске — II Международный форум «Русистика в России и Китае: инновационные практики». С. М. Петрова много сделала и делает для популяризации и продвижения русского языка за рубежом. Она является инициатором и организатором проведения целого ряда международных конференций, объединяющих русистов как России, так и всего мира.

Беспрецедентного профессионального успеха Светлана Максимовна Петрова достигла в процессе реализации флагманской инициативы СВФУ — проекта «Русский мир Азии», в основу которого легли результаты ее многолетнего исследования тенденций развития русистики и межвузовского международного сотрудничества в странах Азии. Так, в июне 2022 г. в Якутске состоялась I Международная научно-практическая конференция «Русский мир Азии», посвященная 100-летию со дня образования Якутской АССР; в апреле 2023 г. в г. Душанбе (Таджикистан) прошла II Международная научно-практическая конференция «Русский мир Азии», посвященная Году русского языка в странах СНГ; в ноябре 2024 г. в г. Ханой (Вьетнам) — III Международная научно-практическая конференция «Русский мир Азии», четвертая пройдет в октябре 2025 г. в Харбине (КНР). Прежде всего данная инициатива направлена на укрепление позиций русского мира в азиатских странах через популяризацию русистики, методики преподавания РКИ, русского языка и культуры России. За четыре года своего существования проект СВФУ «Русский мир Азии» охватил 1079 участников из 11 азиатских стран ближнего и дальнего зарубежья, таких как Таджикистан, Вьетнам, КНР, Киргизия, Узбекистан, Казахстан, Монголия, Корея, Япония и другие. Стратегический проект СВФУ «Русский мир Азии» показал, что способен значительно повысить эффективность решаемых задач в области межвузовского продвижения русского языка и образовательных программ на русском, повысить квалификацию преподавателей РКИ, мотивацию к изучению русского языка, увеличить количество иностранных студентов в СВФУ, а также количество желающих изучать русский язык и культуру России в азиатских странах.

Светлана Максимовна — автор концепции семиотического подхода к обучению русскому языку как иностранному учащихся с целью формирования их коммуникативной компетенции и более последовательной реализации основных принципов научности и системности в преподавании РКИ, ее авторская методика графико-символического анализа художественного текста включает в себя использование основных положений семиотики, мнемотехники, эргономики. Теоретические основы функционально-семантической концепции к обучению РКИ были представлены С. М. Петровой в ее книгах, учебных пособиях, статьях, таких как «Семиотический дискурс невербальных знаков в анализе художественного произведения как современная образовательная технология» (2008), «Графико-символический анализ художественного произведения как авторская методика в системе профессиональной подготовки учителя-словесника» (2010), «Графико-символическое пространство художественного текста в системе обучения русскому языку иностранцев» (2017), «Роль инновационной технологии анализа художественного произведения в системе изучения русского языка как иностранного» (2012). В научный оборот С. М. Петровой введены понятия графико-

символического анализа текста, графико-символического рисунка произведения, понимаемые как образ и семиотическая запись содержания произведения, которое может быть интерпретировано как комплексный знак семиотической системы, который можно разложить на отдельные компоненты.

В течение восьми лет была ученым секретарем Диссертационного совета по педагогическим наукам Д 212.306.02 в Якутском государственном университете имени М. К. Аммосова. В настоящее время является членом редакционного совета по педагогике в Иркутской лингвистической академии (Иркутск), членом рабочей группы Ассоциации ведущих университетов по выработке предложений по распространению наиболее эффективного опыта по поддержке, развитию и популяризации русского языка, а также выработке ежегодного плана мероприятий по поддержке русского языка в университетах и регионах в целом (Распоряжение Ассоциации ведущих университетов № 29 от 31.07.2015, Санкт-Петербург, СПбГУ), членом редколлегии журнала «Наука Красноярья», заместителем главного редактора журнала «Вестник СВФУ» (главный редактор серии «Педагогика. Философия. Психология»), членом редколлегии журнала «Педагогический имидж» (Иркутск), членом редколлегии журнала «Мир русского слова» РОПРЯЛ (Санкт-Петербург), членом экспертного совета журнала, входящего в перечень ВАК «Педагогика. Вопросы теории и практики» (с 2024), членом правления РОПРЯЛ.

Она является научным руководителем 5 проектов, из них 4 проекта Министерства науки и высшего образования РФ и Министерства просвещения РФ стали победителями конкурсов по русскому языку.

За многолетний плодотворный труд профессор С. М. Петрова удостоена различных наград: «Заслуженный работник образования Республики Саха (Якутия)» (1995), «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2005), «Заслуженный работник высшей школы», «Отличник образования РС (Я)» (2011), «Академик Петровской академии наук и искусств» (2005), лауреат российской общенациональной премии «Профессор года» по ДВФО в номинации «Педагогические науки» (2024), почетный профессор Хэйлунцзянского Восточного университета. Награждена знаками отличия МО РС (Я) «Учитель учителей» (2000), «Учитель XXI века» (2005), знаком Правительства РС (Я) «Гражданская доблесть» (2005), удостоена Пушкинской медали «Радетель просвещения» (2000), награждена Почетной грамотой постоянного комитета по науке, образованию, культуре, средствам массовой информации и делам общественных организаций Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я) за вклад в развитие науки Республики Саха (Якутия) (2019), Юбилейным знаком Республики Саха (Якутия) «100 лет Якутской АССР» (2022). Награждена медалью А. С. Пушкина МАПРЯЛ (2023). Имя профессора С. М. Петровой внесено в Педагогическую энциклопедию РС (Я), в мировую энциклопедию «Выдающиеся люди XX века» (номинация «Образование»), Кембридж, Англия (1999).

Уважаемая Светлана Максимовна, желаем Вам благополучия, неиссякаемых жизненных сил и энергии, здоровья, благодарных учеников, успехов и удачи во всех делах и начинаниях на благо России!

Сведения об авторе

ЖОНДОРОВА Галина Егоровна – к. п. н., декан ФЛФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: zhondorova@mail.ru

About the author

Galina E. ZHONDOROVA – Cand. Sci. (Pedagogy), Dean of the Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: zhondorova@mail.ru

Russian Studies at NEFU: Milestones of the Path. To the 80th anniversary of Svetlana M. Petrova

Galina E. Zhondorova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ zhondorova@mail.ru

Russian Studies at North-Eastern Federal University (NEFU) has experienced significant impetus for its development owing to the scholarly, pedagogical, and outreach activities of Professor Svetlana Maximovna Petrova. Professor Svetlana Petrova stands at the genesis of this discipline at NEFU, developing its foundational principles, creating initial curricula and textbooks, while remaining vigorous, energetic, and receptive to novel and contemporary advancements. By the time of the establishment of this academic program at NEFU, Svetlana Maximovna had already established an unquestionable reputation and influence within the professional community of Russian linguists both in the Russian Federation and internationally. She was a renowned scholar with approximately two hundred publications addressing diverse theoretical and practical aspects of Russian literature teaching methodologies, including those within innovative and worldview-oriented approaches to teaching Russian as a foreign language (RFL). Dr. Petrova, Professor and Head of the Department of Russian as a Foreign Language, has been affiliated with the university since 1970. In 2012, Professor Svetlana Petrova assumed leadership of the newly established RFL department. She is a laureate of the Ministry of Education and Science Federal Target Program competition “Russian Language, 2016-2020”, specifically for the online linguodidactic resource “Russian Studies in North-Eastern Russia and the Asia-Pacific Region: 2017-2020” (2017); the Ministry of Education and Science of the Russian Federation competition “Active Information Policy and Promotion of Russian Language Resources and Education in Russian in Mass Media, including the Internet” 2018 (2018); NEFU Rector’s Grant “Priority 2030” (2024); and is the creator of the “Asia-Pacific Online School of Russian Studies: Strategies and Technologies” (2018) and the international Russian-Chinese Club of Russian Linguists “Almaz” (2020).

A key achievement of Svetlana Maximovna lies in her rapid establishment of a robust school of Russian Studies at NEFU. This has laid a solid foundation for promoting Russian as a Foreign Language (RFL), Russian culture, NEFU educational programs in Russian, and the Russian world within the global, particularly Asian, educational landscape. Professor Petrova has actively participated in and organized numerous academic forums. Notably, her initiative led to the inaugural International Forum “Russian Studies in Russia and China: Innovative Practices” in Harbin, China, in April 2018, and the second forum of the same name in Yakutsk in June 2019. Svetlana Petrova has made, and continues to make, significant contributions to the popularization and promotion of the Russian language abroad. She has initiated and organized a range of international conferences that unite scholars of Russian language and culture from Russia and across the globe.

Svetlana Maximovna Petrova achieved unprecedented professional success in implementing NEFU’s flagship initiative, the “Russian World of Asia” project. This project was founded upon the results of her extensive, long-term research into developmental trends in Russian Studies and inter-university international collaboration within Asian countries. This initiative culminated in the first international research-to-practice conference, “The Russian World of Asia”, held in Yakutsk in June 2022,

commemorating the 100th anniversary of the Yakut ASSR. This was followed by the second conference of the same name in Dushanbe (Tajikistan) in April 2023, dedicated to the Year of the Russian Language in CIS countries. The third conference took place in Hanoi, Vietnam, in November 2024, and the fourth is scheduled for Harbin, China, in October 2025. Primarily, this initiative aims to strengthen the position of the Russian world in Asian countries by promoting Russian Studies, methodologies for teaching Russian as a Foreign Language (RFL), and Russian language and culture. Over its four years of existence, the NEFU “Russian World of Asia” project has engaged 1079 participants from 11 Asian countries, both near and far, including Tajikistan, Vietnam, China, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Kazakhstan, Mongolia, Korea, and Japan. The NEFU’s strategic project “Russian World of Asia” has demonstrated its capacity to significantly enhance the effectiveness of inter-university initiatives for promoting the Russian language and educational programs in Russian, to elevate the qualifications of RFL instructors, to increase motivation for learning Russian, to attract a greater number of international students to NEFU, and to amplify the interest studying Russian language and culture within Asian countries.

Svetlana Maximovna is the author of the semiotic approach to teaching Russian as a Foreign Language (RFL), designed to foster learners’ communicative competence and more consistently implement the core principles of scientific rigor and systematicity in RFL instruction. Her original methodology for graphico-symbolic analysis of literary texts integrates key tenets of semiotics, mnemonics, and ergonomics. The theoretical foundations of this functional-semantic concept for RFL instruction are detailed in Petrova’s books, textbooks, and articles, including “Semiotic discourse of nonverbal signs in the analysis of literary works as a modern educational technology” (2008), “Graphico-symbolic analysis of literary works as an original methodology in the professional training of language and literature teachers” (2010), “Graphico-symbolic space of literary text in the system of teaching Russian to foreigners” (2017), and “The role of innovative technology of literary work analysis in the system of studying Russian as a foreign language” (2012). Svetlana Petrova has introduced the concepts of graphico-symbolic text analysis and graphic-symbolic representation of a work into the scholarly discourse. These are understood as a visual representation semiotic encoding of a work’s content, and can be interpreted as a complex sign within a semiotic system, which can be deconstructed into individual components.

For eight years, she served as the Academic Secretary of the Dissertation Council for Pedagogical Sciences 212.306.02 at M.K. Ammosov Yakutsk State University. Currently, she holds the following positions: member of the editorial board for pedagogy at the Irkutsk Linguistic Academy, Irkutsk; member of the working group of the Association of Leading Universities, tasked with developing proposals for disseminating the most effective practices in supporting, developing, and popularizing the Russian language, as well as formulating an annual plan of activities to support the Russian language in universities and regions (Order of the Association of Leading Universities, No. 29, July 31, 2015, St. Petersburg, St. Petersburg State University); member of the editorial board of the journal “Science of Krasnoyarsk”; Deputy Editor-in-Chief of the journal “Vestnik of NEFU” (Editor-in-Chief of the Series “Pedagogy. Philosophy. Psychology”); member of the editorial board of the journal “Pedagogical Image” (Irkutsk); member of the editorial board of the journal “The World of the Russian Word” of the Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature (St. Petersburg); member of the expert council of the Higher Attestation Commission (VAK)-listed journal “Pedagogy. Issues of Theory and Practice” (since 2024); member of the Board of the Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature.

Throughout her distinguished career, Professor Petrova has received numerous awards and honors in recognition of her significant contributions. These include: Honored Worker of Education of the Republic of Sakha (Yakutia) (1995); Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (2005); Honored Worker of Higher Education; Excellent Worker of Education of the Republic of Sakha (Yakutia) (2011); Academician of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts (2005); Laureate of the Russian National Award “Professor of the Year” in the Far Eastern Federal District in the category “Pedagogical Sciences” (2024); Honorary Professor of Heilongjiang International University. She has been awarded the medals of distinction of the Ministry of Education of the Republic of Sakha (Yakutia): “Teacher of Teachers” (2000), “Teacher of the 21st Century” (2005); the medal of the Government of the Sakha Republic (Yakutia) “Civic Valor” (2005); the Pushkin Medal “Zealot of Enlightenment” (2000); a Certificate of Honor from the Standing Committee on Science, Education, Culture, Mass Media and Public Organizations of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) for her contribution to the development of science in the Republic of Sakha (Yakutia) (2019); the Jubilee Sign of the Republic of Sakha (Yakutia) “100 Years of the Yakut ASSR” (2022); and the A.S. Pushkin Medal of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (2023). Professor Petrova's name has been included in the Pedagogical Encyclopedia of the Republic of Sakha (Yakutia) and in the global encyclopedia “Outstanding People of the 20th Century” (nomination “Education”), Cambridge, England (1999).

Dear Svetlana Maximovna, we wish you well, continued energy and good health, appreciative students, and success in all your future endeavors for the good of Russia!

**Сообщение о Всероссийской научно-
практической конференции
«Актуальные проблемы лексической
и грамматической семантики», посвященной 75-летию
со дня рождения доктора филологических наук
Николая Николаевича Ефремова**

Н. А. Сивцева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Российская Федерация
✉ sivna2025@mail.ru

3 апреля 2025 г. в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лексической и грамматической семантики», приуроченная к 75-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Саха (Якутия), заслуженного ветерана Сибирского отделения РАН, главного научного сотрудника отдела якутского языка ИГиПМНС СО РАН, доктора филологических наук Николая Николаевича Ефремова.

Н. Н. Ефремов – автор идеи о единой базовой атрибутивной модели в якутском и тюркских языках, которая позволяет осветить в целостном виде систему языка. В своих трудах на базе концептов о моноцентрическом характере системы якутского языка, полипредикативного синтаксиса и функциональной эквивалентности описывает систему, структуру и семантику якутских грамматических форм и конструкций, применяет и развивает методику структурно-семантического моделирования языковых единиц разного уровня на материале тюркских языков. В его научных работах система сложного предложения представлена как множество, состоящее из синонимических (квазисинонимических), синтетических (ядерных) и аналитических (периферийных) конструкций, что обусловлено принципом экономного использования грамматических средств в синтаксической структуре якутского языка. Н. Н. Ефремов является автором более 300 научных и научно-популярных публикаций, соавтор фундаментальных коллективных трудов «Грамматика современного якутского литературного языка» (Новосибирск, 1995), «Россия и Якутия: сквозь призму истории» (Якутск, 2007), «Функционально-семантические категории в якутском языке: каузальность, эвиденциальность, итеративность» (Новосибирск, 2013), «Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база» (Якутск, 2017) и др., учебных пособий «Курс якутской грамматики» (Якутск, 2004), «Изучающим якутский язык» (Якутск, 1990). В 1992–2008 гг., читая по подготовленным фундаментальным трудам и изданиям лекции, преподавал, по совместительству работал в должности доцента, профессора в Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова (бывш. Якутском государственном университете им. М.К. Аммосова). Под его руководством защищено четыре кандидатские диссертации. В настоящее время является членом Государственных экзаменационных комиссий и Государственных аттестационных комиссий Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Он председатель диссертационного совета по защите диссертаций на соискание

ученой степени кандидата и ученой степени доктора наук по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки), созданного на базе ФГБУН Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук». Член диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальности 24.2.396.03 по педагогическим наукам, созданного на базе ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», эксперт Российской академии наук, член Учебно-методического совета Министерства науки и образования Республики Саха (Якутия).

Чествование юбиляра проведено под руководством директора ИГиПМНС СО РАН, д. и. н. Сарданы Ильиничны Бояковой. Николая Николаевича Ефремова со знаменательным событием жизни поздравили Р. Р. Жиркова, к. филол. н., руководитель Управления по вопросам развития языков при Администрации Главы Республики Саха (Якутия), В. А. Захарова, к. э. н., заместитель министра образования и науки Республики Саха (Якутия), Т. Н. Жирков, заместитель генерального директора Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», А. Н. Никитин, глава муниципального образования «Бетюнский наслег» Амгинского района Республики Саха (Якутия), игумен Спасского мужского монастыря отец Иоанн (Калугин), Н. В. Малышева, д. филол. н., директор Департамента науки и инноваций Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Г. Г. Торотоев, к. филол. н., директор Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова и др.

В ходе работы конференции прошла презентация материалов о жизни и научной деятельности д. филол. н. Н. Н. Ефремова. Научной библиотекой Института организована выставка «Труды доктора филологических наук Николая Николаевича Ефремова», экспозиция фотоматериалов из личного архива юбиляра. Участникам мероприятия было представлено издание, подготовленное к знаменательному событию – «Ефремов Николай Николаевич: биобиблиографический указатель» (Якутск, 2025). Указатель, предназначенный для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется вопросами тюркологии и якутского языкознания, содержит сведения о трудовой деятельности, наградах д. филол. н. Н. Н. Ефремова, включает более 400 библиографических записей на монографии, словари, статьи и т. д. на русском, якутском и других языках.

Конференция собрала 120 участников из разных городов России и зарубежья: Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Абакана, Воронежа, Кызыла, Омска, Уфы, Улан-Удэ, Читы, Якутска, Астаны и Мюнхена. Проблематика мероприятия определена кругом фундаментальных и прикладных проблем, связанных с изучением лексической и грамматической семантики на материале языков народов Российской Федерации. Среди выступающих были как ведущие специалисты в области грамматики и лексики, так и молодые ученые и аспиранты.

В формате пленарного заседания, проведенного под руководством заместителя директора ИГиПМНС СО РАН, к. филол. н. Н. А. Сивцевой, изложено о трудовой биографии и деятельности доктора филологических наук Н. Н. Ефремова как крупного ученого тюрколога-якутоведа (к. филол. н. Ф. Н. Дьячковский, д. филол. н. А. А. Петров), рассмотрены вопросы теории грамматического строя якутского языка в его научных трудах (д. филол. н. Н. И. Данилова), раскрыты принципы организации полипредикативных конструкций в уральских языках Сибири (д. филол. н. Н. Б. Кошкарёва), определительных полипредикативных

конструкций в алтайском языке (д. филол. н. Е. К. Скрибник, к. филол. н. А. А. Озонова), представлено о Новосибирской синтаксической школе и современных направлениях якутского языкознания (д. филол. н. Н. Н. Ефремов), значении якутского синтаксиса как отправной точки исследования сложного предложения тюркских языков Сибири (д. филол. н. Л. А. Шамина).

Работа секционных собраний конференции прошла в смешанном формате (очно и дистанционно) по 8 тематическим направлениям.

На секции «Актуальные проблемы синтаксиса тюркских языков» (рук. д. филол. н. Н. Б. Кошкарева) обсуждались следующие вопросы: вклад Н. Н. Ефремова в тюркологию, в изучение сложного предложения в якутском языке, системная симметрия якутских речевых звуков, грамматические особенности причастных форм, некоторые вопросы обсуждения об аффиксах принадлежности, современное состояние хакасского языка (синтаксический и ритмомелодический аспекты), особенности музыкального синтаксиса в олонхо, би- и многокомпонентные конструкции с императивной формой на *=БА=ЗЫн*, нестандартные уступительные предложения в якутском языке, сложноподчиненное предложение усложненной структуры с последовательным подчинением, именные конструкции при выражении вертикального уровня в якутском языке, синтаксический анализатор якутского текста.

В центре проблематики секции «Системные отношения в языке: структура и семантика» (рук. д. филол. н. Н. И. Данилова) были консонантные настройки одульского языка по соматическим данным, экспрессивная глагольная лексика в хакасском языке, физическое пространство глаголов бытия в хакасском языке, грамматическое значение антонимов в якутском языке, изучение наречий в хакасском языке, эмотивные глаголы в языке лесных юкагиров, актуальные вопросы исследования форм настоящего времени в хакасском языке, средства выражения категории эвиденциальности в якутской народной песне, семантические модели в цветообозначениях якутского языка, а также периферийные средства категории бытийности в якутском языке, фразеологизмы как периферийные средства качества, имперфект как средство выражения итеративной неоднократности в якутском языке.

На секции «Вопросы лексики и семантики в языках народов Российской Федерации» (рук. к. филол. н. Л. М. Готовцева) рассматривались такие вопросы, как семантика топонимической лексики в аспекте «топонимической мимикрии», лексемы с семантикой богатырь в тюркских языках, семантические синонимы в эвенкийском языке, компьютерная лексика в современном башкирском языке: проблемы терминообразования, арабо-персидская лексика в хакасском языке: состав и освоение, лексика движения по реке в языке лесных юкагиров, интегративные лексемы наименований традиционных блюд в тюркских языках, лексика материальной культуры в якутской топонимии, названия зимних месяцев в хакасском языке и его диалектах, контрарные антонимы в эвенкийском языке, этимология якутской лексемы *уо-мийэ* 'личинка муравьиного льва; душа-кут крупного рогатого скота', этимология и семантика верования *Ийэхсит*, монгольские заимствования в языке олонхо: ландшафтная и природно-атмосферная лексика, кузнечно-бытовая лексика в якутском языке.

На секции «Практика создания словарей: опыт и инновации» (рук. к. филол. н. Е. Н. Афанасьева) обсуждались следующие вопросы: лексикографическая деятельность Н. Н. Ефремова, лексикографический аспект выражения эмоции «досада» в бурятском и монгольском языках, семантическая структура слова в монгольском языке на примере проекта «Монгольско-русско-якутский словарь», перевод пословиц в указанном проекте, передача форм глагола в словарях

якутского языка, особенности лексикографического описания синонимических рядов в словарях синонимов, единичные лексемы в словаре языка олонхо, лексика свадебного обряда в «Большом толковом словаре якутского языка», семантика христианской лексики якутского языка в словарях различных типов в диахронии, якутские оронимы в «Словаре топонимной лексики Республики Саха (Якутия)», якутско-монгольские параллели звукоподражательной лексики.

Выступления на секции «Особенности интерпретации фольклорного и художественного текста» (рук. к. филол. н. Ж. В. Охлопкова) были посвящены системному подходу в лингвистической интерпретации художественного текста в работах Н. Н. Ефремова, обращению в шаманских алгысах (песнопениях), лингвистике и поэтике в исследованиях фольклорной традиции, лингвистическим особенностям эвенкского архаического эпоса «Өмчэни», художественному тексту как историческому источнику (время позднего социализма в якутской литературе), основным ойконимам исторических песен Северо-Востока Якутии, эпическим приемам создания образа исполина в башкирском народном эпосе «Алпамыша и Барсынхылу», особенностям имен женских персонажей в олонхо, функции повторения в якутской драме, выразительным средствам в эвенком нимкане «Мэһрэк», становлению эвенской литературы Якутии в 1930-х гг., проблеме фольклоризма ранней русской поэзии Якутии, взаимодействию ритмической и лексической значимости в аспекте проблемы целостности стихотворного текста, структурно-семантическим особенностям эпического зачина в вариантах олонхо о Нюргунах.

Внимание участников секции «Вопросы перевода и сравнительно-сопоставительного изучения языков» (рук. к. филол. н. Ю. М. Борисова) было сосредоточено на отражении эпического стиля в переводе на материале якутской литературы и фольклора на русском языке, Якутскому переводческому комитету как межкультурной коммуникации в середине XIX в. – 1917 г., особенностях передачи лексемы «исцеление» в переводах Библии на якутский язык, неизвестному документу по переводу труда О. Н. Бетлингга «О языке якутов» на русский язык, экспрессивно-стилистическим аспектам перевода национальной литературы через язык-посредник, этнолингвистическому описанию наименований ягодных растений в якутском языке и в языках Южной Сибири, структурно-семантическому анализу анатомической терминологии якутского и турецкого языков, соматизмах в географической лексике якутского, хакасского и алтайского языков, переводе топонимов Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия) с якутского языка на русский язык, концепте *табыллы* 'удача' во фразеологических единицах якутского и казахского языков, переводе имен собственных олонхо на русский язык, имени числительном в алтайском и якутском языках.

Тематика секции «Текст как объект междисциплинарных исследований» (рук. к. и. н. Н. К. Данилова) предполагала обсуждение вопросов, посвященных терминам и понятиям, сотворению якутского текста в Петербурге (язык, культура, вера), смыслам и образам советской Якутии в визуальном тексте почтовой открытки, семантике и образу ритуальной безрукавки «*таналай-сон*», вербализации образно-символических признаков концепта «*гроза*» в эвенской языковой картине мира, телесной семантике в языковой картине мира на примере северных якутов, лингвистическому аспекту колыбельной песни и алгыса в семиосфере культуры саха, соматизмам, несущим энциклопедические знания, и отражению народно-поэтической философии якутов в тексте олонхо, включенном в труд О. Н. Бетлингга «О языке якутов».

На секции «Язык, сознание, этнос в социолингвистических и психолингвистических исследованиях» (рук. к. филол. н. Н. Е. Захарова) рассматривались следующие вопросы: о родном языке в проекте нового Федерального закона «О языках народов Российской Федерации», экспериментальное исследование города как объекта восприятия его жителей, психолингвистический подход к описанию значения слова, концептуализация пространства в языковом сознании эвенков-билингвов, психолингвистический анализ гендерных стереотипов в поговорках и запретах малочисленных народов, нормы допустимости моральных поступков в ситуации «близкие/незнакомые» на основе оценки якутских фразеологизмов, макаронизм и переключение кода в устной речи билингвов на материале приленских районов Республики Саха (Якутия), функционирование разговорного языка в сагайском диалекте хакасского языка, русский язык в якутской устной речи, лексические лакуны в родной речи детей саха в условиях языкового сдвига, культурные ценности в образе мира якутов-билингвов, сравнительный анализ образа родины в языковом сознании населения Якутии и Чукотки, востребованность родного языка в оценке респондентов (по материалам социолингвистических исследований).

В рамках работы конференции проведен научный семинар профессора, заведующей сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН, д. филол. н. Н. Б. Кошкаревой на тему «Сказка о кукушке в контексте урало-алтайских фольклорных традиций», вызвавший неподдельный интерес и живой отклик у участников и слушателей мероприятия.

В результате конференции приняты рекомендации по исследованию современных проблем лексической и грамматической семантики на материале языков народов Российской Федерации. Тексты докладов по отбору оргкомитета будут опубликованы в журнале «Северо-Восточный гуманитарный вестник» (ВАК). По материалам конференции планируется издание сборника научных статей с размещением в БД РИНЦ.

Об авторе

СИВЦЕВА Наталия Александровна – к. филол. н., заместитель директора, ФГБУН Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, ORCID: 0000-0001-5569-022X, Author ID: 530470, SPIN-код: 6218-1988, e-mail: sivna2025@mail.ru

About the author

Natalia A. SIVTSEVA – Cand. Sci. (Philology), Deputy Director, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, ORCID: 0000-0001-5569-022X, Author ID: 530470, SPIN-code: 6218-1988, e-mail: sivna2025@mail.ru

A review of the All-Russian scientific and practical conference “Current problems of lexical and grammatical semantics” dedicated to the 75th anniversary of the birth of Doctor of Philological Sciences Nikolay Nikolaevich Efremov

Natalia A. Sivtseva

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

✉ sivna2025@mail.ru

On April 3, 2025, the All-Russian scientific and practical conference “Current problems of lexical and grammatical semantics” was held at the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The conference was dedicated to the 75th anniversary of Nikolay Nikolaevich Efremov, Doctor of Philological Sciences, Honored Scientist of the Sakha Republic (Yakutia), Honored Veteran of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, and Chief Researcher at the Yakut Language Department, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS.

Nikolay Efremov is the author of the idea of a unified basic attribute model in the Yakut and Turkic languages, a framework that provides a holistic perspective on the linguistic system. Grounded in the concepts of the monocentric nature of the Yakut language system, polypredicative syntax, and functional equivalence, his scholarly works delineate the system, structure, and semantics of Yakut grammatical forms and constructions. He further implements and refines a methodology for the structural-semantic modeling of linguistic units across various levels, drawing on data from Turkic languages. In his research, the complex sentence system is presented as a set consisting of synonymous (quasi-synonymous), synthetic (core), and analytical (peripheral) constructions. This is attributed to the principle of economical use of grammatical resources within the syntactic structure of the Yakut language.

Nikolay Efremov is the author of over 300 scholarly and popular science publications and a co-author of seminal collective works, including “Grammar of the modern Yakut literary language” (Novosibirsk, 1995), “Russia and Yakutia: through the prism of history” (Yakutsk, 2007), “Functional-semantic categories in the Yakut language: causality, evidentiality, iterativity” (Novosibirsk, 2013), and “Functional-semantic categories in the Yakut language: grammatical and lexical basis” (Yakutsk, 2017), among others. He has also authored textbooks such as “A course in Yakut grammar” (Yakutsk, 2004) and “For students of the Yakut language” (Yakutsk, 1990). From 1992 to 2008, while lecturing on these fundamental works and publications, he simultaneously held positions as Associate Professor and Professor at M.K. Ammosov North-Eastern Federal university (formerly M.K. Ammosov Yakut State University). Under his supervision, four candidate dissertations were successfully defended. He currently serves as a member of the State Examination Commissions and State Attestation Commissions at the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. Furthermore, he chairs the Dissertation Council responsible for the defense of dissertations leading to the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees in specialty 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (Philological Sciences), established at the Federal Research Center “Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. He is also a member of the Dissertation Council for the defense of dissertations leading

to the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees in the specialty 24.2.396.03 in Pedagogical Sciences, established at the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M.K. Ammosov North-Eastern Federal University”. Additionally, he serves as an expert for the Russian Academy of Sciences and a member of the Educational and Methodological Council of the Ministry of Science and Education of the Sakha Republic (Yakutia).

The celebrating in honour of the jubilee was conducted under the leadership of the Director of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, Sardana Ilyinichna Boyakova, Doctor of Historical Sciences. Numerous individuals extended their congratulations to Nikolay Nikolaevich Efremov on this significant milestone, including: Rimma Romanovna Zhirkova, Candidate of Philological Sciences and Head of the Department for Language Development under the Administration of the Head of the Sakha Republic (Yakutia); Victoria Alexandrovna Zakharova, Candidate of Economic Sciences and Deputy Minister of Education of the Sakha Republic (Yakutia); Timur Nikolaevich Zhirkov, Deputy Director General of the Federal Research Center “Yakutsk Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”; Alexey Nikolaevich Nikitin, Head of the Municipality “Betyunsky Settlement” of the Amginsky district of the Sakha Republic (Yakutia); Father John (Kalugin), Abbot of the Spassky Men’s Monastery; Ninel Vasilievna Malysheva, Doctor of Philological Sciences and Director of the Department of Science and Innovation of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University; and Gavril Grigorievich Torotoev, Candidate of Philological Sciences and Director of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, among others.

A highlight of the conference was the presentation of materials about the life and academic career of Nikolay Efremov, Doctor of Philological Sciences. The Scientific Library of the Institute was organized an exhibition, “Works of Doctor of Philological Sciences Nikolay Nikolaevich Efremov”, showcasing photographs and other documents from his personal archive. Conference attendees received a copy of “Efremov Nikolay Nikolaevich: a biobibliographic index” (Yakutsk, 2025), a resource compiled in honour of the occasion. This index, designed for researches, faculty, graduate students, undergraduates, and anyone interested in Turkic and Yakut linguistic studies, provides information on Nikolay N. Efremov’s career and distinctions and contains over 400 bibliographic citations for monographs, dictionaries, articles, and other publications in Russian, Yakut, and other languages.

The conference convened 120 participants from diverse locations within Russia and abroad, including Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk, Abakan, Voronezh, Kyzyl, Omsk, Ufa, Ulan-Ude, Chita, Yakutsk, as well as Astana and Munich. The thematic focus at the event was encompassed a range of fundamental and applied issues related to the study of lexical and grammatical semantics based on the materials of the languages of the peoples of the Russian Federation. Among the speakers were leading specialists in the fields of grammar and vocabulary, as well as young scientists and postgraduate students.

During the plenary session, held by Natalia Aleksandrovna Sivtseva, Candidate of Philological Sciences and Deputy Director of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, presentations addressed the following topics: the professional biography and scholarly contribution of Nikolay N. Efremov, Doctor of Philological Sciences, as a prominent scholar in Turkic-Yakut studies (Fedor Nikolaevich Dyachkovsky, Candidate of Philological Sciences; Aleksander Aleksandrovich Petrov, Doctor of Philological Sciences); theoretical aspects of the grammatical structure of the Yakut language in Efremov’s scientific works (Nadezhda Ivanovna Danilova, Doctor of Philological Sciences); the principles of organization of polypredicative constructions in

the Uralic languages of Siberia (Natalya Borisovna Koshkareva, Doctor of Philological Sciences); defining polypredicative constructions in the Altai language (Elena Konstantinovna Skribnik, Doctor of Philological Sciences; Ayana Alekseevna Ozonova, Candidate of Philological Sciences); an overview of the Novosibirsk syntactic school and modern directions in Yakut linguistics (Nikolay Nikolaevich Efremov, Doctor of Philological Sciences); and the significance of Yakut syntax as a foundational framework for investigating complex sentences in the Turkic languages of Siberia (Lyudmila Alekseevna Shamina, Doctor of Philological Sciences) are presented.

The conference's section meetings were held in a mixed format (in-person and online participation) in 8 thematic areas.

The section on "The actual problems in the syntax of Turkic languages" (headed by N.B. Koshkareva, Doctor of Philological Sciences) featured discussions on the following issues: N.N. Efremov's contributions to Turkology, particularly in the study of a complex sentences in the Yakut language; the systemic symmetry of Yakut speech sounds; grammatical features of participial forms; selected issues pertaining to possessive affixes; the current state of the Khakass language (syntactic and rhythm-melodic aspects); features of musical syntax in Olonkho epic poetry; bi- and multi-component constructions with imperative forms in =BA=3BIH ; non-standard concessive clauses in the Yakut language; complex sentences of a complicated structure with sequential subordination; nominal constructions expressing vertical levels in the Yakut language; and syntactic analyzers for Yakut texts.

The section on "The systemic relations in language: structure and semantics" (headed by N.I. Danilova, Doctor of Philological Sciences) focused on the following topics: consonant configurations of the Odul language based on somatic data; expressive verbal lexicon in the Khakass language; the physical space associated with verbs of being in the Khakass language; the grammatical significance of antonyms in the Yakut language; adverbial studies in the Khakass language; emotive verbs in the Forest Yukaghir language; current research questions concerning present tense forms in the Khakass language; devices for expressing evidentiality in Yakut folk songs; semantic models in Yakut color terminology; and peripheral means of expressing the category of being in the Yakut language, phraseological units as peripheral markers of quality, and the imperfective aspect as a means of conveying iterative action in the Yakut language.

The section on "Issues of vocabulary and semantics in the languages of the peoples of the Russian Federation" (headed by L.M. Gotovtseva, Candidate of Philological Sciences) considered topics such as: the semantics of toponymics vocabulary in the context of "toponymic mimicry"; lexemes denoting "bogatyř" (hero) in Turkic languages; semantic synonyms in the Evenki language; computer-related vocabulary in the contemporary Bashkir language, with a focus on terminology formation; Arabic-Persian vocabulary in the Khakass language, examining its composition and assimilation; vocabulary related to riverine movement in the Forest Yukaghir language; integrative lexemes for traditional dish names in Turkic languages; vocabulary of material culture in Yakut toponymy; names for winter months in the Khakass language and its dialects; contrary antonyms in the Evenki language; the etymology of the Yakut lexeme *uo-miye* 'antlion larva; soul-kut of cattle'; the etymology and semantics of the *Iyehsit* belief; Mongolian loanwords in the Olonkho language, including landscape and atmospheric vocabulary; and blacksmithing and everyday-life vocabulary in the Yakut language.

The section dedicated to "The practice of dictionary creation: experience and innovation" (headed by E.N. Afanasyeva, Candidate of Philological Sciences) encompassed the following topics: lexicographic contributions of Nikolay N. Efremov; the lexicographical aspect of the emotion "annoyance" in the Buryat and Mongolian languages; the semantic structure of words in the Mongolian, exemplified by the "Mongolian-Russian-Yakut

Dictionary” project; translation of proverbs within that project; representation of verb forms in Yakut dictionaries; features of lexicographic descriptions of synonymous sets in synonym dictionaries; unique lexemes in Olonkho language dictionaries; vocabulary related to wedding ceremonies in the “Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language”; semantics of Christian vocabulary in the Yakut language dictionaries of various types in across time; Yakut oronyms featured in the “Dictionary of toponymic vocabulary of the Sakha Republic (Yakutia)”; and Yakut-Mongolian parallels in onomatopoeic vocabulary.

The presentations in the section “Aspects of interpreting folklore and literary texts” (headed by Zh.V. Okhlopkova, Candidate of Philological Sciences) focused on: a systematic approach to the linguistic interpretation of literary texts in the works of Nikolay N. Efremov; addressing practices in shamanic *algys* (chants); the intersection of linguistics and poetics in folklore studies; linguistic features of the Evenki archaic epic “Omcheni”; literary texts as historical sources (the period of late socialism in Yakut literature); key oikonyms in historical songs from Northeastern Yakutia; epic techniques for creating the image of a giant in the Bashkir folk epic “Alpamysha and Barsynkhyly”; characteristics of the female character names in Olonkho epics; the function of repetition in Yakut drama; expressive devices in the Eveni *nimkan* “Mengrek”; the formation of Evenki literature in Yakutia during the 1930s; the problem of folklorism in early Russian poetry of Yakutia; the interplay of rhythmic and lexical significance in relation to the integrity of poetic texts; and structural-semantic features of epic introductions in variations of the Olonkho epic about Nyurguns.

The section on “Translation and comparative-contrastive languages studies” (headed by Yu.M. Borisova, Candidate of Philological Sciences) focused on: the reflection of the epic style in translation, using Yakut literature and folklore translated into Russian as a case study; the Yakut Translation Committee as intercultural communication in the mid-19th century to 1917; challenges in conveying the lexeme “healing” in translations of the Bible into the Yakut language; a newly discovered document pertaining to the translation of O.N. Betlingk “About the Yakut language” into Russian; expressive and stylistic aspects in translating national literature through an intermediary language; an ethnolinguistic analysis of berry plant names in Yakut and other languages of Southern Siberia; a structural-semantic analysis of anatomical terminology in Yakut and Turkish; somatisms in geographical vocabulary across Yakut, Khakass, and Altai; the translation of toponyms from the Megino-Kangalassky ulus of the Sakha Republic (Yakutia) from Yakut language into Russian; the concept of *tabylly* ‘luck’ in Yakut and Kazakh phraseology; the translation of proper names in Olonkho epics into Russian; and numerals in the Altai and Yakut languages.

The section on “Text as an object of interdisciplinary research” (headed by N.K. Danilova, Candidate of Historical Sciences) provided a forum for the discussion on topics including: terms and concepts related to the creation of Yakut texts in St. Petersburg (language, culture, and faith); the meanings and representations of Soviet Yakutia in the visual text of a postcard; the semantics and imagery of the ritual sleeveless jacket known as “tanalai-son”; the verbalization of figurative and symbolic attributes of the concept “thunderstorm” in the Even language worldview; embodied semantics in the linguistic picture of the world using the example of the Northern Yakut; the linguistic aspect of a lullabies and *algys* within the semiosphere of Sakha culture; somatisms conveying encyclopedic knowledge; and the reflection of Yakut folk poetic philosophy within the Olonkho epic as documented in O.N. Betlingk’s work “About the language of the Yakuts”.

The section on “Language, consciousness, and ethnos in sociolinguistic and psycholinguistic studies” (headed by N.E. Zakharova, Candidate of Philological Sciences) considered the following issues: the role of native languages in the proposed new Federal Law “On the languages of the peoples of the Russian Federation”; an experimental

study of the city as a perceptual object for its inhabitants; a psycholinguistic approach to word meaning description; conceptualization of space in the linguistic consciousness of bilingual Evenks; a psycholinguistic analysis of gender stereotypes in proverbs and prohibitions among of small-numbered peoples; norms of moral permissibility in “close/strangers” based on evaluation of Yakut phraseological units; macaronicism and code-switching in the spoken language of bilinguals in the Lena River districts of the Sakha Republic (Yakutia); the functioning of spoken language in the Sagai dialect of the Khakass language; the presence of Russian in Yakut oral discourse; lexical lacunae in the native language of Sakha children in the context of language shift; cultural values in the worldview of bilingual Yakuts; a comparative analysis of the homeland construct in the linguistic consciousness of population in Yakutia and Chukotka; and the perceived demand for native language in respondent evaluations, based on sociolinguistic research data.

A scientific seminar was held by Natalia Borisovna Koshkareva, Doctor of Philological Sciences, Professor and Head of the Sector of Languages of the Peoples of Siberia at the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, entitled “The Tale of the Cuckoo in the Context of Ural-Altai Folklore Traditions”, was held as part of the conference program, eliciting considerable interest and enthusiastic response among the participants and attendees of the event.

As an outcome of the conference, recommendations were formulated regarding future research on contemporary challenges in lexical and grammatical semantics, drawing on data from the language of the peoples of the Russian Federation. The texts of the reports selected by the organizing committee will be published in the journal *North-Eastern Humanitarian Vestnik*. Furthermore, it is planned to publish a collection of scientific articles based on the conference proceedings, with indexing in the Russian Index of Science Citation (RISC).

**ВЕСТНИК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

Том 22 № 3 2025

Редакторы

Н. В. Дмитриева, А. И. Олесова

Компьютерная верстка *В. А. Максимова*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.09.2025

Формат 70×108/16. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Печ. л. 21,9. Уч.-изд. л. 27,3

Тираж 150 экз. Заказ .

Дата выхода в свет 30.09.2025

Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58